

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ им. акад. З. М. БУНИЯТОВА

Академик

З. М. БУНИЯТОВ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ

ELM

*Печатается по постановлению
Президиума Академии наук
Азербайджана*

*Выражаем искреннюю благодарность
и признательность
Генеральному прокурору Азербайджана
господину **Эльдару Гасанову**
за деятельность
по увековечиванию памяти академика
ЗИИ БУНИЯТОВА*

Академик

З. М. БУНИЯТОВ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ

БАКУ—ЭЛМ
1999

Академик
З. М. БУНИЯТОВ

ГОСУДАРСТВО
ХОРЕЗМШАХОВ-
АНУШТЕГИНИДОВ
1097 - 1231 гг.

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ, БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
НАУЧНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА
ЗИИ МУСА ОГЛЫ БУНИЯТОВА

3
ТОМ

БАКУ—ЭЛМ
1999

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Агаева Э. Р., Асадов Ф. М., Бахшалиева Г. Б., Буниятов Дж. З.,
Велиханлы Н. М. (*председатель*), Курбанова З. Т. (*зам. председателя*),
Мамедов Х. М., Мустафаев Ш. М., Сулейманова С. А.,
Сулейманоглы Ф. С. (*отв. секретарь*)

Буниятов З. М. Избранные сочинения в трех томах, т. 3. - Баку: Элм,
1999 - 376 с.
ISBN 5—8066—1005—5

В третий том включены монография "Государство хорезмшахов-ануштегенидов (1097 - 1231), работы по истории и источниковедению Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, а также краткая библиография научных трудов акад. З. М. Буниятова.

Б 050302097 — 702 Грифное изд.
655(07) — 99

ОГЛАВЛЕНИЕ

Государство Хорезмшахов - ануштегинидов

От автора	8
<i>Глава 1.</i> Становление государства Хорезмшахов	10
<i>Глава 2.</i> Образование государства Хорезмшахов	25
Правление хорезмшаха Ил-Арслана	25
Борьба за престол Хорезмшахов	28
Возвышение государства Хорезмшахов	32
<i>Глава 3.</i> Расцвет государства Хорезмшахов	43
<i>Глава 4.</i> Военная организация государства Хорезмшахов	57
<i>Глава 5.</i> Основные государственные и дворцовые должности	60
<i>Глава 6.</i> Города и селения в государстве Хорезмшахов	65
<i>Глава 7.</i> Монетный чекан и денежное обращение в государстве Хорезмшахов в XII – начале XIII в.	69
<i>Глава 8.</i> Очерк культурной жизни в государстве Хорезмшахов	75
<i>Глава 9.</i> Разгром и гибель государства Хорезмшахов	81
<i>Глава 10.</i> Судьба хорезмийцев, покинувших родину	97
Примечания	120
Генеалогия Хорезмшахов	142
Генеалогия Сельджукидов	142
Династийные хронологические таблицы	143
Список сокращений	144
Работы по истории и источниковедению Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока	
Гарс ан Ни’ма ас-Саби и Камал ал-Дин ибн Фувати об истории Караханидов	146
Об одном чагатайском сочинении по истории Хорезма	151
К вопросу о происхождении Египетского мамлюкского султана Баркука	154
Суфийский тарикат Гюльшанийя	156
Попечительство мамлюкских султанов Египта над суфийскими обителями	163
Сочинение ал-Маркизи по монетному делу и ценообразованию	166
Ремесленники – выходцы из Азербайджана, других областей Кавказа, России и Молдавии на службе в придворных мастерских османских султанов	169
Сочинения Азербайджанских персоязычных авторов в национальной библиотеки Египта	177
«Сефарет-наме» османских послов как источники по истории осmano- российских отношений	184
Аббас-Кули-ага Бакиханов. Гюлистан-и Ирам. От редактора	194
Сочинение Таки ад-Дина Ахмада ал-Макризи «Игасат ад-умма би-кашф ал- гумма» как источник социально-экономической истории мамлюкского Египта	198
Абул-л-Касим Халаф ибн Аббас аз-Захрави. Трактат о хирургии и инструментах	200

*Удостоена Государственной премии
Азербайджанской ССР в области нау-
ки и техники за 1980 г.*

**ГОСУДАРСТВО
ХОРЕЗМШАХОВ-
АНУШТЕГИНИДОВ
1097 — 1231 гг.**

ОТ АВТОРА*

Исторические судьбы Хорезма нередко привлекали внимание исследователей-историков. Здесь, в нижнем течении Амурдарьи и на прилегающих территориях, открыты и изучены очаги древних земледельческих культур. Уже в середине II тысячелетия до н. э. на этих землях существовала развитая ирригация, техника которой достигла еще более высокого уровня к середине I тысячелетия до н. э., и с этого времени Хорезм становится одним из важных экономических и культурных центров Средней Азии и всего Иранского мира. Династическая традиция хорезмийских владык, носивших титул *хорезмшахов*, восходит к первым векам нашей эры, а на территории области Кята сохраняется и после завоевания Хорезма арабами в 712 г.

В составе Халифата Хорезм сохранял значение старинного центра культуры: только преемственностью культурных традиций можно объяснить тот факт, что выходцами из Хорезма были выдающиеся ученые, в том числе Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми, Абу Райхан Мухаммад ал-Бируни. Немало известных литераторов и ученых носило *нисбу* ал-Хорезми, будучи сыновьями и внуками выходцев из Хорезма; этот факт свидетельствует о том, что здесь существовала культурная среда с разнообразными интересами. Наиболее ярко проявилось значение Хорезма как центра науки в конце X - начале XI в., когда здесь творили ал-Бируни и Ибн Сина. Но в 1017 г., после завоевания Хорезма Махмудом Газневи, значение Хорезма как центра одного из государственных образований Средней Азии было утрачено более чем на столетие: до 40-х годов XI в. Хорезм входил в состав владений Газневидов, а затем стал частью Сельджукского государства.

С этого времени мы начинаем исследование почти 140-летнего периода правления хорезмшахов из четвертой и, по выражению В. В. Бартольда, "самой блестящей" династии - Ануштегинидов (1097 - 1231).

Книга эта посвящена не истории Хорезма как исторической области, а возникновению, развитию гибели государства, центром которого был Хорезм и его столица Гургандж (Джурджания). Это государство, первоначально вассальное владение Сельджукской державы, не только смогло добиться независимости и самостоятельности, но и стало едва ли не самым могущественным в Средней Азии и Северном Иране и в последние десятилетия своего существования включало территории Мавераннахра, Хорасана, Мазандарана, Кермана, Персидского Ирака, Азербайджана, Сиджистана, Газны и других стран и областей.

В конце XII - начале XIII в. государство Хорезмшахов - наиболее обширное и могущественное государственное объединение на мусульманском Востоке.

Внимание специалистов и всех интересующихся историей это государство привлекало главным образом в связи с тем, что оно первым приняло на себя удары монгольского нашествия на Запад и, несмотря на то, что располагало военными силами, превосходившими по численности армии монголов, не смогло организовать оборону ни в пограничных областях державы, ни на основной ее территории. Тем не менее население ряда городов Средней Азии (в том числе столицы хорезмшахов Гурганджа) и многие военные отряды оказали яростное сопротивление завоевателям и нанесли им немалый урон. Последний хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны своей борьбой с монголами заслужил славу самого упорного и деятельного противника завоевателей.

Изучению истории государства хорезмшахов посвящено несколько работ исследователей, авторов пособий и обобщающих работ по истории народов Средней Азии. Наиболее подробно изложены события, связанные с возвышением хорезмшахов и дальнейшей судьбой их державы, в книге В. В. Бартольда "Туркестан в эпоху монгольского нашествия" и в популярной работе С. П. Толстова "По следам древнехорезмийской цивилизации", а любители художественно-исторической литературы обычно знакомятся с историей борьбы народов Средней Азии с монгольскими завоевателями по замечательному историческому роману В. Яна "Чингиз-хан". Однако со времени написания классической для своего времени работы В. В. Бартольда прошло более восьми десятилетий, и за это время фонд источников по истории интересующего нас периода пополнился. Хотя В. В. Бартольд пользовался главными источниками по истории государства Хорезмшахов - сочинениями Ибн ал-Асира, ан-Насави, Джувейни, Рашид ад-Дина, документами официального характера, часть которых он впервые ввел в обиход науки, а также некоторыми сочинениями поздних авторов (Мирхонда и др.), - ему не были доступны сочинения арабских и персидских авторов, изданные или обнаруженные в рукописях после выхода в свет его книги (в част-

---

* Книга издана главной редакцией восточной литературы издательства "Наука" (М., 1986. - 248 с.)

ности, и в наше время): труды Ибн ал-Фувати, Ибн ас-Са'и, Ибн ад-Дубайси, ал-Йазди, ан-Нишапури, ал-Хусайни и др. Кроме того, некоторые сочинения не были изучены В. В. Бартольдом, так как их содержание прямо не связано с объектом его исследования; впоследствии, однако, выяснилось, что "Словарь литераторов" Йакута ал-Хамави, биографии шафиитов (*Таба-кат* - "Разряды") ас-Субки, сочинения ас-Суйути содержат отдельные свидетельства, более или менее важные для восстановления истории государства Хорезмшахов. Работа С. П. Толстова, вышедшая в 1948 г., написана специалистом-археологом, и факты политической и социальной истории государства Хорезмшахов излагались им лишь в том объеме, в каком это требовалось для того, чтобы подчеркнуть важную историческую роль Хорезма (по выражению известного востоковеда В. Ф. Минорского, *ad maiorem Chorasmiae gloriam* - "для вящей славы Хорезма").

Из работ зарубежных исследователей следует отметить вышедшую в 1956 г. в Анкаре книгу турецкого историка Ибрахима Кафесоглу "История государства Хорезмшахов", в которой автор подробно освещает политическую и военную историю государства. В 1978 г. в Багдаде была опубликована кандидатская диссертация преподавателя Багдадского университета Нафи'а Тауфика ал-Убуда, в которой автор исследует вопросы образования государства, его связи с другими мусульманскими государствами, а также его военную и административную организацию. Вышло также несколько работ по истории государств - вассалов хорезмшахов. Среди них отметим работы профессора Стамбульского университета Эрдогана Мерчила по истории Салгуридов - атабеков Фарса и по истории государства атабеков Кермана.

Замысел написать общую работу по истории государства Хорезмшахов появился у автора книги, предлагаемой вниманию читателя, во время работы над монографией "Государство атабеков Азербайджана (1136 - 1225)". Оба государства существовали в один исторический период; их правители, особенно атабек Джахан-Пехлеван (1175 - 1186) и хорезмша Текиш (1172 - 1200), поддерживали дружественные отношения. Осуществлению замысла предшествовала большая источниковедческая работа: подготовка критического текста, перевод (с комментариями) сочинения личного секретаря (*муниши*) последнего хорезмшаха Шихаб ад-Дина Мухаммада ан-Насави «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны», комментированный перевод хроники Садр ад-Дина Али ал-Хусайни, внимательное исследование других письменных источников (особенно документов - указов хорезмшахов), в том числе изданных в последнее время, а также тех, которые пока доступны только в рукописях.

Сообщения рукописных источников часто не согласуются между собой, события имеют разные даты. В этой работе, предназначенной в первую очередь для широкого читателя, не имело смысла пересказывать разные версии источников и подробно обосновывать выбор одной из них.

Археологический и этнографический материал по изучаемому региону к работе не привлекался, ибо это не входило в задачу автора.

Автор благодарит профессоров В. М. Бейлиса и Е. А. Давидович за консультации и полезные советы.

З. М. Бунятов

Баку, 1982 - 1984 гг.

ГЛАВА I

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ХОРЕЗМШАХОВ

Ануш-Тегин - предок династии хорезмшахов, по имени которого ее иногда называют династией Ануштегинидов, был в юности тюркским рабом (мамлюком) в Гарчистане¹. О тюркском происхождении Ануш-Тегина и его принадлежности к огузскому роду Бекдили сообщают Рашид ад-Дин и Хафиз-и Аbru². Еще молодым человеком Ануш-Тегин был куплен одним из видных сельджукских эмиров - *исфахсаларом* Изз ад-Дином Онараром Билге-Тегиним (уб. в 1098 г.) и стал успешно продвигаться по служебной лестнице, оказался в свите султана и был назначен на должность хранителя султанских умывальных и банных принадлежностей (*таишдар*) султана Мелик-шаха I (1071 - 1092)³.

Вскоре Ануш-Тегин становится доверенным лицом султана, так как должность *таишдара* считалась одним из самых важных придворных чинов. Все расходы, связанные с этой должностью, оплачивались за счет налоговых поступлений с области Хорезм, поэтому Ануш-Тегин был назначен на должность *мутасаррифа* Хорезма и получил титул *шихны* Хорезма⁴. Однако всей полнотой власти в Хорезме Ануш-Тегин не обладал, поскольку наместником (*вали*) Хорезма в этот период был мамлюк сына Мелик-шаха I - будущего великого султана Санджара - Экинчи ибн Кочкар, который после смерти Мелик-шаха I в течение ряда лет играл важную роль в политических событиях в Средней Азии.

В правление султана Бёркийарука (1094 - 1104) власть в большей части восточных областей империи Сельджуков находилась в руках хорасанского эмира Дадбека Хабаши ибн Ал-тун-Таша, который, воспользовавшись междоусобной борьбой среди представителей династии Сельджукидов, отложился в 1097 г. от центральной власти⁵. В том же году умер Ануш-Тегин, и эмир Дадбек Хабаши вместо смещенного Экинчи ибн Кочкара назначил вали Хорезма сына Ануш-Тегина - Кутб ад-Дина Мухаммада⁶, который одновременно стал *мукта'* Хорезма и получил *лакаб* хорезмшаха⁷. Именно с Кутб ад-Дина Мухаммада начинается история государства хорезмшахов-Ануштегинидов.

Когда в 1110 г. султан Бёркийарук и его брат Санджар подавили выступление эмира Дадбека Хабаши и расправились с ним самим⁸, Санджар, полностью овладев Хорасаном, утвердил Кутб ад-Дина Мухаммада в правах владетеля Хорезма.

Еще при жизни отца Кутб ад-Дин Мухаммед получил хорошее образование в столице Хорасана Мерве, изучив *адаб* и религиозные науки. Став правителем Хорезма, он проявил себя как способный администратор, покровитель ученых и религиозных деятелей. "Он был всесторонне одаренным человеком. Его любили люди науки и религии, и он был близок к ним. Он был справедлив к подданным, которые любили его и возвеличивали его имя"⁹.

Кутб ад-Дин Мухаммед приложил немало усилий для укрепления своих позиций в Хорезме. Он верой и правдой служил султану Санджару, который доверял хорезмшаху и относился к нему с симпатией, оберегая от нападков своих придворных¹⁰. Однажды, когда Кутб ад-Дин Мухаммад отсутствовал в Хорезме, сын бывшего наместника Тогрул-Тегин Мухаммад ибн Экинчи вторгся в Хорезм во главе кочевых тюркских племен. Кутб ад-Дин обратился было за помощью к Санджару, но еще до того, как Санджар собрал свои силы, Кутб ад-Дин сам изгнал врага из области, что еще больше возвысило хорезмшаха в глазах султана¹¹.

Хорезмшах Кутб ад-Дин Мухаммад сыграл свою роль и в междоусобной борьбе за верховную власть в роде Сельджукидов. Так, в сражении у города Саве 2 джумада I 513 г.х. (11 августа 1119 г.) между войсками султана Санджара и его племянника султана Махмуда ибн Мухаммада (1118 - 1131), которое закончилось разгромом последнего, активное участие на стороне Санджара принимал и хорезмшах Кутб ад-Дин Мухаммад¹².

В другом случае, когда Санджар, носивший после 1118 г. титул Великого султана, готовился выступить против самаркандского правителя караханида Мухаммада Арслан-хана (1102 - 1130), на которого приносило жалобы население Мавераннахра, хан просил хорезмшаха выступить посредником в этом деле и отговорить Санджара от похода. Миссия хорезмшаха удалась, и это свидетельствует о его авторитете и могуществе.

Об этом же говорит и титулатура, сопровождающая его имя в памятниках этого времени: *Падишах Кутб ад-Дунйа ва-д-Дин Абу-л-Фатх Му'ин Амир ал-Му'минин* ("Падишах, Полюс сего мира и веры, Отец победы, Помощник Эмира верующих", т.е. халифа). Последний *лакаб* - свиде-

тельство прямых связей Кутб ад-Дина с правительством Халифата, которые, вероятно, осуществлялись, минуя Санджара¹³.

Хорезмшах Кутб ад-Дин Мухаммад правил Хорезмом в течение 30 лет и был до самой смерти (522/1127 - 28 г.) верноподданным султана Санджара, ежегодно отвозил в султанскую Казну подати со своих владений (он делал это сам или поручал сыну Атсызу). Этим фактом он подчеркивал признание верховенства Санджара. И когда Кутб ад-Дин Мухаммад умер, то Санджар, не колеблясь, своим указом утвердил на престоле Хорезмшахов его сына ал-Малика Абу Музаффар Ала ад-Дина Джалал ад-Дина Атсыза¹⁴. Когда Атсыз стал хорезмшахом, ему было 29 лет. Он, как и его отец, воспитывался и получил образование в столице Санджара Мерве. Кроме обычного для мусульманского правителя того времени покровительства исламу и ученым-богословам он был известен как ценитель искусств и наук, писал касиды и рубай на персидском языке, знал много стихов наизусть¹⁵. Среди населения Хорезма Атсыз считался справедливым и заботливым правителем¹⁶, и, как отмечает источник, его любили подданные, "которые в его правление были в полной безопасности и жили в царстве всеобщей справедливости"¹⁷.

Атсыз отличался храбростью и был счастлив в сражениях; он одержал на службе у Санджара много побед¹⁸, чем заслужил особое благоволение своего сюзерена. Доверие и привязанность Великого султана к своему верному вассалу еще больше возросли после того, как Атсыз спас Санджару жизнь.

Это произошло в 524/1130 г., когда Санджар отправился с войском в Мавераннахр для подавления выступления восставшего вассала - владетеля Самарканда Арслан-хана Мухаммада ибн Сулеймана¹⁹. Когда Санджар достиг Бухары, во время охоты его гулямы и слуги устроили заговор и хотели его убить. Атсыз на охоту не поехал и, проснувшись ночью, вскочил на коня и поспешил на выручку Санджару, который был окружен заговорщиками и оказался в отчаянном положении. Атсыз набросился на заговорщиков и спас Санджара. Когда Великий султан спросил у Атсыза, каким образом он узнал о заговоре, Атсыз ответил: "Я увидел во сне, что с султаном случилось несчастье на охоте, и я тут же поспешил сюда!"²⁰.

Атсыз постоянно сопутствовал Санджару в его походах. Султан назначил хорезмшаха командующим левым крылом своей армии во время войны с другим своим племянником Мас'удом ибн Мухаммадом Тапаром (1133 - 1152). Сражение между Санджаром и Мас'удом произошло 8 раджаба 526 г.х. (26 мая 1132 г.) в местности Дай-Мардж, близ Хамадана и закончилось победой Санджара²¹.

Именно в это время, в правление халифа ал-Мустаршида (1118 - 1135), связи между правительством Халифата и хорезмшахами стали более тесными. Халиф ал-Мустаршид, начавший борьбу против Сельджукидов с целью восстановить политическую власть аббасидских халифов, обратил внимание на независимо ведущего свои дела хорезмшаха Атсыза, разглядел в нем возможного союзника в борьбе против Сельджукидов и, чтобы закрепить на будущее этот союз, отправил в 528/1133 г. хорезмшаху почетные одежды²².

Весьма вероятно, что передача почетных одежд хорезмшаху явилась демонстрацией одобрения халифом борьбы Атсыза с султаном Санджаром. К этому времени авторитет Атсыза еще более возрос, и его престиж при дворе Великого султана стал настолько велик, что малики и эмиры, завидуя ему, начали плести интриги вокруг хорезмшаха и замыслили покончить с ним²³. Да и сам Атсыз почувствовал, что отношение Санджара к нему изменилось. Особенно это стало заметно во время похода Санджара против восставшего газневида Бахрам-шаха [зу-л-ка'да 529 г.х. (июль - август 1135 г.) - 530 г.х. (июль 1136 г.)].

Когда двор Санджара прибыл в Балх, хорезмшах Атсыз, который по поручению султана был *кутвалом* (комендантом) города и снабжал армию продовольствием и фуражом, попросил Санджара отпустить его домой, в Хорезм. Санджар разрешил ему уехать, а когда Атсыз покинул Балх, Санджар сказал своим приближенным, что больше никогда не увидит его. Тогда приближенные спросили Санджара: "Если Его Величество так уверен в этом, почему он содействовал его возвращению в Хорезм?". И Санджар ответил: "Служба, которую он нам оказывал, налагает на нас огромные обязательства в отношении его: вредить ему было бы противно нашим желаниям быть великодушным и мягкосердечным"²⁴.

Десять лет (1128 - 1138) хорезмшах Атсыз верой и правдой служил своему сюзерену - великому сельджукскому султану Санджару, не помышляя ни о войне с ним, ни о выступлении против него. Однако на протяжении этих десяти лет Атсыз укреплял свой тыл и собирался с силами. Наконец он счел свои силы достаточными, чтобы отстаивать независимость от султана. Когда он известил своих придворных и эмиров о том, что "отказывается служить Санджару (*имтана'а алай-хи*)", его люди согласились с его намерением, и хорезмшах стал действовать²⁵.

Как и другие вассалы Санджара, хорезмшах Атсыз, будучи владыкой Хорезма, земель, пограничных с "неверными" кочевыми тюрками, был обязан постоянно совершать набеги на них и подчинять их, но только с согласия или по приказу сюзерена. Самостоятельные шаги в данном случае не допускались. Однако хорезмшах нарушил этот приказ и захватил земли подвластных Сельджукидам тюрок по нижнему течению Сырдарьи, включая город Дженд, и продвинулся на север, присоединив к своим владениям Мангышлак²⁶. Это было, по существу, первое независимое действие Атсыза по отношению к его сюзерену Санджару.

Когда султан Санджар узнал о своеволии хорезмшаха Атсыза, он решил проучить непослушного владыку и в мухарраме 533 г. х. (октябрь 1138 г.) двинул свои войска на Хорезм²⁷. Санджар считал, по-видимому, что оставить без внимания действия Атсыза значило бы выказать слабость по отношению к нему и дать повод другим вассалам - соседним с Хорезмом Караханидам и Газневидам - для независимых действий.

В сражении у стен крепости Хазарасп Атсыз был разбит, ибо "у него не было сил, чтобы одолеть султана, и он не выдержал и бежал. Было перебито множество его воинов (10 тыс.), и среди убитых был сын хорезмшаха Атлык. Отец глубоко скорбел о его смерти и очень страдал²⁸.

Одержав победу над Атсызом, Санджар согласно обычаю разослал всем маликам сельджукских владений победную грамоту (фатх-наме), в которой излагал причины, побудившие его предпринять карательный поход против строптивного хорезм-шаха. В числе обвинений, выдвинутых Санджаром против Атсыза, было то, что он "не счел нужным испросить у султана соизволения и пролил кровь мусульман в Дженде и Мангышлаке, жители которых являются верными защитниками земли ислама и постоянно сражаются с неверными (*куффар*)"²⁹.

Выдвигая эти обвинения против хорезмшаха Атсыза, султан Санджар в данном случае противоречил самому себе: ведь в своем послании, отправленном в 526/1132 г. в Багдад на имя Ануширвана ибн Халида, везира халифа ал-Мустаршида, он писал, что именно эти походы Атсыза и завоевание им Дженда и Мангышлака явились походами во славу ислама и его распространения. Как видим, султан Санджар одни и те же действия расценивал по-разному в зависимости от той политической выгоды, которую могла ему принести эта оценка³⁰.

Далее в победной грамоте против хорезмшаха выдвигались обвинения в том, что он заточил, а затем казнил одного высокопоставленного чиновника, представлявшего центральную власть в Хорезме, арестовал всех его (Санджара) должностных лиц (*вукала-и хасс ва маруфан-и хазрат*) и конфисковал их имущество; что он перекрыл для путников дороги, ведущие в Хорасан; что подати, взимаемые за переправу через Джейхун и другие реки, он пересылал в султанскую казну частями (*параканда*); что чиновники Хорезма, находящиеся при этих переправах, грабили имущество переправлявшихся через реки мусульман и подданных и что при этом имели место посягательства на гаремы, и т.д.³¹.

Захватив Хорезм, султан Санджар передал его в качестве *икта'* своему племяннику Сулейман-шаху, назначив ему везира, атабека и хаджиба, и определил принципы его управления Хорезмом³². Однако Сулейман-шаху так и не пришлось укрепиться в дарованном ему владении. Как только Санджар в феврале 1139 г. возвратился в Мерв, хорезмшах Атсыз вернулся в Хорезм и, поддержанный его жителями, изгнал Сулейман-шаха и восстановил здесь свою власть³³.

Однако Атсыз боялся, что султан Санджар, разгневанный его действиями, снова пошлет войска в Хорезм, и решил упредить султана, изъявив ему покорность. Атсыз добился, что Санджар поверил ему и простил изгнание Сулейман-шаха из Хорезма.

Примирение хорезмшаха с Санджаром свидетельствует о политической дальновидности Атсыза. Он добился передышки, необходимой ему для восстановления своих сил. И действительно, через некоторое время хорезмшах возобновил набеги на соседние земли. Первый выпад он сделал в Джурджана и в 1139 г. захватил округ Кабуд-Джама, взяв в плен его *испахбада* Ала ад-Даулу Али ибн Шахрийара.

Испახбад был освобожден из плена только после того, как его сын Шах-Гази Рустам лично прибыл к хорезмшаху и упросил его отпустить отца. С этого времени *испахбады* округа Кабуд-Джама становятся вассалами хорезмшахов³⁴.

Не прошло и нескольких месяцев, как Атсыз начал новый поход во владения Санджара. В 534/1139 г. хорезмшах напал на Бухару, овладел ею, казнил *вали* Санджара в этом городе (эмира Занги ибн Али) и разрушил цитадель и стены города. Цитадель оставалась в руинах в течение двух лет³⁵.

Этот поход и захват Бухары были предприняты хорезмшахом Атсызом, надо полагать, в отместку за поход Санджара на Хорезм и убийство Атлыка. По-видимому, так расценил их и Санджар: никаких карательных мер против хорезмшаха султан на сей раз не предпринял. Можно предположить, что такая пассивность Санджара по отношению к строптивому вассалу объясняет-

ся и тем, что в Мавераннахре появилась новая грозная сила в лице кара-хитаев (*ал-хита*), которые начали в это время планомерное продвижение из Синьцзяна на запад и северо-запад. Со своей стороны, хорезмшах в тревоге за свои владения решил вернуться к повиновению султану Санджару и послал ему в шаввале 535 г.х. (май 1141 г.) верноподданническую грамоту (*савганд-наме*), в которой давал султану заверения в том, что не выступит против него. Содержание *савганднаме* таково:

"Говорит всевышний Аллах, а он самый правдивый из говорящих: "И исполняйте верно договоры: ведь о договоре спросят"* и "верно выполняйте договор с Аллахом, когда его заключили, и не нарушайте клятв после их заключения: вы сделали Аллаха поручителем за вас"**. Что касается меня, Атсыза, сына Мухаммада, то я взываю к могущественному и великому Аллаху за помощью и прибегаю к его милости. Как я верен этому своему обету господу, таким же образом я считаю себя обязанным повиноваться владыке мира (*худавад-и алам*) султану ислама. Господь одобряет действия каждого, кто идет по-праведному пути. И я, Атсыз, сын хорезмшаха Мухаммада, дал обещание могущественному и великому Аллаху и его посланнику Мухаммеду, да благословит его Аллах и да приветствует, в том, что, пока я существую, я буду покорен владыке вселенной Санджару ибн Мелик-шаху, да продлит Аллах его жизнь, и буду повиноваться его приказам. Никогда я не окажу ему неповиновения. Я никогда не буду другом никому из тюрок или таджиков, друзей или врагов, женщин или мужчин, неверных (*куффар*) или мусульман, желающих государству вреда, [не буду другом] его противнику. Я не буду покровительствовать им, а значит, я не буду противником его государства. Я буду другом его друзей и врагом его врагов. Если кто-либо из его противников напишет что-либо против государства и сообщит ложную весть или же тайно станет готовить заговор, то я сообщу об этом Высокому авторитету (ра'й-и а'ла). В меру своих возможностей и сил я буду стараться всей душой и сердцем, чтобы все, кто замышляет против государства зло, были бы повержены, а я оказал бы в этом деле посильную службу. Я не буду поддаваться никаким хитростям и уловкам и не буду ни в чем сомневаться. После поклонения и подчинения создателю вселенной и людей великому Аллаху я считаю своим неременным долгом исполнять приказы счастливого падишаха. В то же время я буду верен всему, о чем говорилось в этой грамоте. Именем могущественного и великого, милостивого и милосердного, величайшего, не имеющего себе сотоварища, все постигающего, все сокрушающего, вечного Аллаха я заверяю о своей верности всему, о чем говорится в этой грамоте. Клянусь Аллахом, клянусь Аллахом, клянусь Аллахом!

Я клянусь именем господя, создателя семи небес и земли, и беру в свидетели господя, что я никогда не буду выступать против султана. Если я совершу что-либо, противное тому, о чем говорится в этой грамоте, то пусть меня постигнет гнев Аллаха и я лишусь его покровительства. Если я окажу какое-либо противодействие султану, то в наказание я десять раз совершу хаджж в Мекку пешком и десять лет буду поститься, все свое имущество и достояние раздам бедным в Мекке и Медине. Если я нарушу хотя бы одну из своих клятв, тогда пусть меня постигнет гнев Аллаха. Если я окажусь нерадивым рабом великого султана, тогда пусть я буду проклят великим и могущественным Аллахом, его посланником и всеми пророками.

Эта грамота составлена по моему собственному желанию и доброй воле в середине шаввала 535 года (май 1141 г.)³⁶.

Однако, отправляя султану Санджару эту грамоту, хорезм-шах Атсыз понимал, что Санджар не проявляет твердости и не оказывает серьезного противодействия его выступлениям. Атсыз уверовал в свою безнаказанность и еще смелее стал на путь самостоятельной и независимой политики. И чтобы окончательно убедиться в правильности избранного пути, он в том же, 1141 г. направляет своего человека в Багдад с посланием халифу ал-Муктафи (1136 - 1160).

В послании Атсыз изъяснял халифу полную покорность, сообщал о священной войне (*джихад*) своего отца Мухаммада ибн Ануш-Тегина с Сельджукидами и о том, как султан Санджар подстрекал его самого против Халифата. Атсыз просил халифа "обнародовать указ об утверждении его владыкой вилайета Хорезм от восточных его границ до западных земель, которые он присоединит к Хорезму, и стран и областей, которые к нему присоединятся"³⁷.

Через некоторое время хорезмшах Атсыз получил из Багдада почетные одежды, подарки и указ о признании его полновластным владыкой его земель с титулом *султана*, и с этого, 1141 г. Атсыз стал чеканить золотые монеты со своим именем³⁸.

Халиф ал-Муктафи сделал этот шаг в надежде обрести в лице хорезмшаха Атсыза союзника в борьбе с Сельджукидами и в отместку за убийство своих предшественников, халифов ал-

* Коран XVII, 34/36

** Коран XVII, 91/98

Мустаршида (1118 - 1135) и ар-Рашида (1135 - 1136), ибо виновниками их гибели считались Сельджукиды, и, прежде всего султан Санджар³⁹.

Отправляя султану Санджару клятву верности, Атсыз вовсе не думал соблюдать вассальную покорность. Будучи дальновидным политиком, он прекрасно разобрался в сложившейся в Средней Азии обстановке и предугадывал, что сможет скоро избавиться от повиновения Санджару и получить полную свободу действий. Его расчет оказался верным, так как в Средней Азии у султана Санджара появились сильные враги, сперва в лице кара-хитаев⁴⁰, а затем и огузов. Ибн ал-Асир прямо указывает, что "хорезмшах обратился с посланием к хитаям, [которые находились] в Мавераннахре, прельщая их страной [Санджара] и подстрекая их напасть на государство султана"⁴¹.

Первая стычка с кара-хитаями произошла в 522/1128 г., когда они вторглись в Кашгар с востока. Это их выступление было отбито вассалом Санджара кашгарским ханом Ахмадом ибн ал-Хасаном⁴². Но, закрепившись на соседних с Мавераннахром землях, подчинив киргизов и уйгуров и усилившись, кара-хитаяи осмелели и в 531/1137 г. вторглись в Мавераннахр. Выступивший против них самаркандский хан Махмуд ибн Арслан-шах был разбит ими у Ходженда и бежал в Самарканд. После этого, пишет историк, "на народ обрушилась беда, усилились страх и печаль и люди стали ожидать несчастья"⁴³.

Самаркандский хан обратился за помощью к султану Санджару, который тотчас же начал готовиться к войне с кара-хитаями и особенно с карлуками, которые собственно и были виновниками вторжения кара-хитаев в Мавераннахр. Будучи вассалами самаркандского хана, они восстали против него и запросили у кара-хитаев военной помощи. Для кара-хитаев это было достаточным предлогом для вторжения.

Заручившись клятвой хорезмшаха Атсыза, султан Санджар был спокоен за свой левый фланг и в течение шести месяцев готовился к войне. К участию в ней были привлечены почти все вассалы Санджара: владетели Сиджистана, Гура, Газны и Мазандарана, и таким образом у Санджара собралась, по свидетельству источника, стотысячная армия⁴⁴.

В зу-л-хидже 535 г.х. (июль 1141 г.) Санджар выступил с войсками в Мавераннахр. В первую очередь он решил наказать карлуков, на которых жаловался самаркандский хан, однако карлуки ушли под покровительство кара-хитайского *гюр-хана*⁴⁵ Елюй Та-ши (1124 - 1143)⁴⁶.

Гюр-хан обратился к Санджару с письмом, в котором просил не трогать карлуков, не преследовать их и простить им их вину. В ответ разгневанный Санджар в резкой форме потребовал от *гюр-хана* принятия им ислама. В случае отказа, угрожал Санджар, кара-хитайскому правителю придется встретиться с войсками султана - и он упомянул о количестве своих войск, их обученности и различном вооружении. Санджар даже написал, что "его воины стрелой рассекают волос на две части"⁴⁷. Несмотря на возражения везира Насир ад-Дина Тахира (внука знаменитого Низам ал-Мулка), письмо *гюр-хану* было отправлено.

Прочитав письмо, *гюр-хан* велел обрить послу бороду и, дав ему иголку, приказал проткнуть ею волосок из его бороды. Посол не смог этого сделать, и *гюр-хан* сказал: "Как же могут другие рассечь волосок стрелой, если ты не в состоянии даже проткнуть его иглой?"⁴⁸

По сообщению китайских источников, у *гюр-хана* также было стотысячное войско, состоявшее из тюрок, китайцев и хитаяи⁴⁹. Сражение между противниками произошло близ Самарканда, в пустыне Катаван, 5 сафара 536 г.х. (9 сентября 1141 г.) Яростнее всех против Санджара бились карлуки. Армия Санджара была разбита наголову, а ему самому удалось бежать только с шестью всадниками. Лишь в одном ущелье Даргам полегло 10 тыс. воинов Санджара⁵⁰.

Разгром армии Великого султана нанес сокрушительный удар престижу Сельджукидов на Востоке⁵¹, и хорезмшах Атсыз не замедлил воспользоваться этим для расширения своих владений. Буквально через месяц после поражения Санджара хорезмшах вторгся в Хорасан и в начале раби I 536 г.х. (начало октября 1141 г.) захватил Сарахс, не встретив никакого сопротивления. От имени жителей города хорезмшаха приветствовал имам Абу Мухаммад аз-Зийади, и Атсыз оказал ему почести⁵². 17 раби I 536 г.х. (21 октября 1141 г.) "хорезмшах Ала ад-Дин Атсыз ибн Мухаммад ибн Ануш-Тегин воспользовался тем, что [Санджар] был занят, и вступил в Мерв, [захватив] его силой и уничтожив знатных из [числа] его жителей. Он воссел на трон султана Санджара, опечатал *тугрой* сундуки с драгоценностями из султанской казны и перевез их [к себе]"⁵³. Так пишет об этом событии Садр ад-Дин ал-Хусайни. Его сообщение можно дополнить подробностями из других источников.

Когда Атсыз подошел с войсками к Мерву, к нему из города вышел имам Ахмад ал-Бахарзи, и хорезмшах, расположившийся лагерем вне города, согласился даровать жителям Мерва безопасность (*аман*) при условии, что они будут выполнять его требования и не будут чинить препятствий его чиновникам, которые отправятся в город. Однако когда хорезмшах потребовал в

качестве заложников некоторых знатных лиц Мерва, в том числе известного ханафитского факиха Абу-л-Фадла ал-Кермани⁵⁴, жители города (*'амма* - "простонародье") восстали, убили нескольких людей хорезмшаха, а оставшихся выдворили из Мерва и заперли ворота, отказавшись подчиниться Атсызу. Тогда разгневанный хорезмшах силой ворвался в город и учинил в нем страшный разгром. Среди казненных им видных людей Мерва были шафиитский факих Ибрахим ал-Марвази, ученый-энциклопедист Али ибн Мухаммад ибн Арслан, возглавивший восстание жителей Мерва шариф Али ибн Исхак ал-Мусави и др. В Хорезм им были увезены упомянутый выше Абу-л-Фадл ал-Кермани, Абу Мансур ал-Аббади, кади ал-Хусайн ибн Мухаммад ал-Арсабанди, философ Абу Мухаммад ал-Хараки и другие ученые⁵⁵. Увод ученых в Хорезм свидетельствовал о стремлении хорезмшаха Атсыза возвысить престиж своей столицы как центра науки.

Захватив Мерв, в шаввале того же года (май 1142 г.) Атсыз двинул войска на Нишапур. Здесь его встретили религиозные деятели города и просили хорезмшаха быть милостивым к жителям Нишапура и не производить таких опустошений, какие имели место в Мерве. Хорезмшах дал свое согласие и из селения Аб-и Барйек обратился к нишапурцам со следующим посланием:

"Проникающие всюду прекрасные рассказы о нас еще не достигли той степени, чтобы не быть доступными пониманию и воображению какого-либо создания, когда я направил стопы искренности к престолу владыки и принес на рукоятке [меча] своей доблести и благоволения бразды правления миром и защиты всех людей. Благодаря небесному вращению и божественному предопределению каждый день в нашей судьбе приносит благоденствия. В благодарность за это мы стараемся светом своей справедливости устранить мрак насилия на земле и предоставить место миру в тени своей беспредельной благосклонности. Это мы убрали с дорог вечности наживу [для] правителей, и уничтожили врагов, и сделали наши пиры и сражения источником щедрости и чудес для народа. Одни пользуются нашей лаской, другие пребывают в страхе и стонут. Сегодня же все люди на страницах нашей удачи читают письма счастливого небесного предзнаменования и видят в наших действиях и поступках проявление небесных тайн и указаний. А если кто-то со мной не согласен, то следует подумать над обманчивой судьбой и непостоянством дела падишаха мира Санджара. Пока его сердце было с нами едино, зная его счастливого государства было водружено на самой высшей сфере. Когда же согласие сменилось раздором и он под влиянием женоподобных трусливых советчиков отвернул от нас свое лицо и пустил по ветру и на волю случая наши старинные права и имущество, то небесный свод обрушился, и мы не знаем, к чему теперь его раскаяние, ибо не было у него защитника и друга его государству, подобного мне. Превосходство и могущество наше - не то, что остается в тайне от людей.

Сегодня наши знамена благополучно достигли Аб-и Барйека, а оттуда направятся в окрестности Нишапура. Там знают, что случается повсюду в Хорасане с теми, кто не выступает с изъявлением покорности и повиновения. Наше мнение о жителях, шейхах, знати и всем народе Нишапура положительно. Если они хотят остаться в своих жилищах, не подвергать разрушению свой город и быть повелителями государства, то они должны приложить к этому усилие. Мы направили ходжу ра'иса, чтобы он сообщил об этом повелении и отправил к нам шейхов и знать для заключения соглашения. И в тот же час, когда вы прочтете это мое повеление, вы должны огласить мое имя в *хутбе* и приступить к чекану монет с моим именем, если же найдутся те, кто, подобно другим ханам, будет бунтовать, то "мы придем к ним с войсками, против которых им не устоять, и выведем их оттуда униженными, и будут они ничтожны"^{56*}.

По тексту этого послания получается, что султан Санджар потерпел поражение потому, что пренебрегал поддержкой хорезмшаха, а когда эта поддержка существовала, дела в его империи шли хорошо. Как бы то ни было, хорезмшах Атсыз почувствовал, что поражение Санджара в битве с кара-хитами в пустыне Катаван было началом конца сельджукского господства в Средней Азии и Хорасане. Поэтому Атсыз, совершая поход на Мерв, Нишапур и другие города Хорасана, вел себя как завоеватель и настаивал на выполнении всех формальных требований, связанных с признанием его полновластным владыкой - султаном. Захватив Нишапур, Атсыз потребовал прекратить упоминание имени султана Санджара в *хутбе*, заменив его своим.

Погромов в Нишапуре Атсыз не совершал, однако приказал конфисковать имущество у людей Санджара, а оно оказалось немалым. В пятницу 2 зу-л-ка'да 536 г. х. (29 мая 1142 г.) Атсыз заставил огласить в Нишапуре *хутбу* со своим именем. Однако когда хатибы провозгласили *хутбу*, население воспротивилось этому и набросилось на них. Взрыв негодования жителей едва не привел к восстанию, но люди осторожные (*зу-р-ра'й ва-л-'акл* - "обладатели мудрости и разума") обратили внимание жителей города на возможные печальные последствия, и смута утихла.

---

* Коран XVI, 91/93.

Хутба с именем хорезмшаха Атсыза оглашалась в Нишапуре до мухаррама 537 г. х. (июль 1142 г.), т. е. всего около двух месяцев, после чего в ней было восстановлено имя султана Санджара⁵⁷.

Из Нишапура Атсыз отрядил войско под командованием своего брата Йинал-Тегина, которое разграбило Бейхак, Фарйумаз и другие города и их округа⁵⁸.

Султан Санджар, возвратившийся после неудачного сражения с кара-хитами в свою столицу Мерв, не мог предпринять против хорезмшаха никаких мер, ибо кара-хиты все еще находились в Мавераннахре и соседних землях, и хорезмшах очень умело воспользовался этим обстоятельством.

После рейда по Хорасану Атсыз возвратился в Хорезм и, памятуя о близости кара-хитаев, заключил с ними соглашение, обязавшись выплачивать им ежегодно 30 тыс. золотых динаров хараджа, которые он вносил деньгами или скотом⁵⁹.

Как видно из материала источников, хорезмшах Атсыз полностью вышел из повиновения Санджару⁶⁰. Придворный поэт и *муниши* хорезмшаха Рашид ад-Дин Ватват сочинил по поводу рейда хорезмшаха касиду, которая начиналась словами:

**Малик Атсыз занял трон царства,
и счастье Сельджука и его рода закончилось⁶¹.**

После разгрома войск Санджара в пустыне Катаван *гюр-хан* захватил почти весь Мавераннахр. Заключив с Атсызом соглашение, *гюр-хан* передал захваченную кара-хитами Бухару во власть племяннику Атсыза Атма-Тегину ибн Байабани. *Гюр-хан* "поручил его [попечению] ходжи имама Тадж ал-Ислама Ахмада ибн Абд ал-Азиза, который был имамом Бухары из рода Бурхан⁶², с тем чтобы все что ни совершит [Атма-Тегин], он делал бы по его (имама) указанию, и без его соизволения не начинал бы никакого дела, и в его отсутствие не делал бы ни шага"⁶³.

Однако племянник хорезмшаха вскоре начал своевольничать в Бухаре и грабить имущество ее жителей. Жители пожаловались *гюр-хану*, но тот ограничился увещеваниями в адрес Атма-Тегина: "Да будет известно Атма-Тегину, что, хотя между нами и дальше расстояние, одобрение и неудовольствие наши подле него. Пусть то, что делает Атма-Тегин, делается по приказу [имама] Ахмада, а Ахмад приказывает то, что приказал [пророк] Мухаммад"⁶⁴. Но, как видно, дело дальше уговоров не пошло, так как союз *гюр-хана* с Атсызом против султана Санджара был для кара-хитского владыки важнее, чем действия наместника в Бухаре.

Султан Санджар, конечно же, не простил хорезмшаху дерзкого похода в его владения и захвата его казны и строил планы мести. Возвратившись в Мерв, "он раздал своим гази три миллиона динаров сверх дарованных [им] почетных одежд и [наградных] выплат (*таширифат*) и, собрав войска, двинулся против хорезмшаха"⁶⁵.

В 538/1143 - 44 г. султан Санджар выступил во второй поход против хорезмшаха Атсыза. Войска Санджара осадили столицу хорезмшаха Гургандж, который был очень сильно укреплен. Атсыз не решался выйти из крепости: он знал, что у него не было достаточных сил для противодействия Санджару. Однако попытки войск Санджара одолеть осажденный хорезмшах также были безуспешны, несмотря на то, что отдельным отрядам султанских войск удавалось прорываться в город. Нападающие были отбиты, но на дальнейшее сопротивление Атсыз был не способен, и Санджар мог его одолеть, если бы приложил усилие.

Атсыз решил упредить действия врага и, богато одарив султанских эмиров, избежал разгрома, так как придворные уговорили Санджара прервать осаду, тем более что Атсыз попросил у султана прощения и *амана*. Султан удовлетворился обращением хорезмшаха и согласился на примирение с ним⁶⁶. "После этого хорезмшах Ала ад-Дин Атсыз возвратил [Санджару] захваченные сундуки с драгоценностями и печатью Санджара. [Затем] хорезмшах выехал на коне и остановился напротив султана Санджара на правом берегу Джейхуна, сошел с коня, как только увидел Санджара, поцеловал землю и принял [его] условия"⁶⁷.

Но как только Санджар вернулся в Мерв, он понял, что хорезмшах вовсе не собирается сидеть сложа руки: все его действия говорили о том, что покорность в его планы не входила. Поэтому Санджар отправил в Хорезм своего посланца - видного поэта того времени Адиба Сабир, чтобы тот постоянно держал султана в курсе всех событий, происходивших в столице хорезмшаха.

Однажды Адиб Сабир узнал, что Атсыз отправил в Мерв двух исмаилитов с целью убийства Санджара, и тут же сообщил об этом султану. Оба исмаилитских *фида'и* были схвачены в Мерве и казнены. Когда Атсыз узнал, что в провале его замысла виновен Адиб Сабир, он приказал схватить его, связать и утопить в Амударье⁶⁸.

Султан Санджар направил хорезмшаху угрожающее письмо, однако Атсыз дал ему ставший знаменитым ответ:

Если конь владыки быстр, как ветер, то мой гнедой тоже не хромает. Ты придешь сюда, а я пойду туда! Ведь вселенная не тесна для ее владыки!⁶⁹

И в сентябре 1145 г. хорезмшах Атсыз направил своего коня именно "туда", куда он собирался давно: он вновь устремился на завоевание Дженда и других земель по берегам Сырдарьи. Совершив стремительный марш из Гурганджа через пустыню, хорезмшах осадил Дженд и почти без кровопролития захватил крепость. По случаю победы над "неверными" и захвата Дженда Атсыз разослал победную грамоту (*фатх-наме*):

"Умножение благосклонности и милости преславного и всевышнего Аллаха в устройстве порядков государства и укреплении [положения] сановников страны превосходит то, что может изложить *калам* и представить воображение. Одно из прекрасных творений и щедрых даров всемогущего творца в отношении нас заключается в том, что при [решении] каждого из важных вопросов религии и управления, дел государства и народа и при принятии благословенных решений нам объявляется о счастливой помощи, о готовящихся победах, [что будут одержаны] близкими и друзьями, и совершается это для того, чтобы начало действия было благополучным, а конец - прославленным.

Дженд является важной областью мира и великой границей ислама: освобождение его преславный и всевышний господь сделал для вас доступным и накинуд на него аркан повиновения и послушания нам. Важное дело, которое возникло в это время для нашего государства с другой стороны и на которое было в должной мере затрачено наше усердие, заключалось в том, что группа бунтовщиков без конца вмешивалась в дела этой области и, недостойно преградив путь знанию и справедливости, хозяйничала там, - они полагали, что насилие будет узаконено, а их желания осуществляться. [Так продолжалось до тех пор], пока милостивое благоволение и наставление нас преславным и всевышним Аллахом [на путь истины] не привело в начале раби II 540 года (октябрь 1145 г.) к нашему выступлению из Хорезма - центра величия и местопребывания нашего счастья - и не внесло в наши достойные мысли намерение отправиться в область Дженд.

Сопутствуемые благополучной судьбой и счастливой звездой, мы изволили двинуться. Государство [наше] сильно, победа ожидалась великая, судьба повиновалась нам. Пустыню Дженда, известную как один из страшных и грозных путей, мы, с помощью Аллаха и при поддержке небес, пересекли за одну неделю и 8-го числа этого месяца (27 октября) остановились на берегу моря, в известном местечке, которое именуют Дженаг-дара, в 20 фарсах (120 - 140 км) от Дженда.

Как только вьючные животные победоносного войска - да дарует ему Аллах победу! - немного отдохнули, мы в течение одной ночи пришли к Дженду и в пятницу утром, 9-го числа (28 октября), достигли ворот Дженда. Мы начали сражение, объявили о победе и водрузили знамена государства; само бегство того беспечного невежды и непокорного мятежника, который называл себя ханом, было результатом прихода нашей благословенной свиты. Тотчас мы послали вслед за ним отряд из приближенных, дабы те схватили его и изрубили его злую и порочную сущность. Все остальные эмиры, военачальники и почитаемые люди поспешили выказать покорность нашему порогу и повиновение дворцу и получили сполна свою долю от милости и щедрости нашей. Как это принято согласно нашей избранной натуре и достойным обычаям, мы не стали их наказывать и укрыли подолом пощады их промахи и ошибки. Область Дженда вместе с отдаленными окрестностями перешла к нам и была освобождена, и нам не пришлось вынимать меч из ножен и проливать кровь в сражении. Имя наше стало упоминаться там в *хутбе*, и *лакабы* наши украсились.

Когда такое счастье оказало нам помощь и выпала такая удача, которую не видел ни один из владык вселенной, нам захотелось, чтобы кади, имамы, ра'исы, сановники, знать и земледельцы, являющиеся подданными нашего государства, как можно скорее получили пользу от этой радости и чтобы весть об этой большой победе дошла до них.

Это победное послание (*фатх-наме*) было составлено в пятницу, [в день] одержания победы, и радостная весть была отправлена с эмиром Асад ал-Мулком Ахрибеком - да поможет ему Аллах! - надежным лицом в нашей свите. Когда он доедет и привезет победное послание, к нему должны быть проявлены радушие и доверие.

Эта радостная весть должна быть оглашена повсюду; с получением этого благословенного победного послания должны быть устроены соответствующие церемонии и прием. Вслед за этим посланием и окончательным захватом области Дженд, когда сюда будет назначен надежный и доверенный человек с добрым нравом, из числа помощников нашего государства, и управление этой областью будет поручено ему, мы отправимся в столицу государства, в местопребывание нашего счастья, дабы все жили спокойно и считали Хорезм и Дженд одним государством, и до прибытия наших знамен постоянно слали гонцов и письма, и, благословляя наше государство, посылали ему помощь, ибо все эти дары и счастье - плоды их благоденствия. И мир!"⁷⁰.

Такой поступок вассала в отношении своего сюзерена, конечно же, явился причиной новой карательной экспедиции, ибо это был явный удар по престижу Великого султана. В джумада II 542 г. х. (ноябрь 1147 г.) Санджар выступил в третий поход против хорезмшаха Атсыза⁷¹.

На сей раз хорезмшах решил укрыться в крепости Хазарасп⁷². Султанские войска осадили крепость и начали ее обстрел из катапульт. Осада Хазараспа продолжалась два месяца, и только после этого Санджару удалось ее взять⁷³. Придворный поэт Санджара Аухад ад-Дин Мухаммад ибн Али Анвари (ум. в 1168 г.), принимавший участие в осаде Хазараспа, написал в это время следующие стихи:

О шах (Санджар)! Все империи мира - твои!
С помощью фортуны и счастья мир - твое приобретение.
Возьми сегодня одной атакой Хазарасп -
и завтра Хорезм и сотни тысяч коней (хазар асп) будут твоими!

Привязав стихи к стреле, он пустил ее к осажденным. А Рашид ад-Дин Ватват, находившийся в осажденном Хазараспе, написал такой ответ:

О шах (Атсыз)! Если твоим врагом будет сам герой Рустам,
то и он не сможет взять ни одного осла из тысяч твоих коней
(хазар асп) -

и отправил стихи со стрелой в лагерь Санджара⁷⁴. Санджар долго искал Ватвата, но тот явился к нему, когда гнев султана прошел, и Санджар простил ему его вольность.

Захватив Хазарасп, султан Санджар подошел с войсками к столице Атсыза Гурганджу. Видя, что у него не осталось сил для оказания какого-либо сопротивления Санджару, хорезмшах снова стал искать пути для примирения с ним. Посредником для заключения мира с Санджаром был послан аскет по имени Аху-Пуш ("одетый в оленью шкуру"), который был принят Санджаром с почестями. Аху-Пуш добился от Санджара милости к жителям Гурганджа. Кроме Аху-Пуша хорезмшах отправил к султану еще группу послов с ценными дарами и через них запросил у Санджара аман. И султан Санджар в третий раз помиловал хорезмшаха⁷⁵.

Согласно договоренности, хорезмшах Атсыз должен был изъявить покорность султану Санджару и облобызать прах у его ног.

12 мухаррама 542 г. х. (2 июня 1148 г.) Атсыз явился "служить" султану Санджару и, не сходя с коня, ограничился тем, что приветствовал Санджара. Вдобавок к этому первым место свидания покинул Атсыз. И хотя султан Санджар был разгневан этим дерзким шагом Атсыза, он вынужден был унять свое негодование, так как сам только что помиловал его и не мог изменить решения. Не выразив недовольства, султан Санджар возвратился в Мерв⁷⁶.

В связи с перемирием хорезмшах Атсыз для смягчения гнева Санджара отправляет ему покаянное письмо следующего содержания:

"Жизнь высочайшего властелина, повелителя людей, султана Востока и Запада, правителя всей земли - да продлится на тысячу лет! Мир [да устроится] по его желанию, небо [да будет] ему служить, судьба и государства [да покорятся ему]! Желание низайшего из рабов - облобызать землю перед порогом властелина. Его владычество и высочайшее положение - да продлит их Аллах, - которые являются *кыблой* для правителей суши и моря, *Ка'бой* для султанов Востока и Запада, достигли такого предела, что воображение не способно представить их, а *калам* бессилён описать! Уповаю на совершеннейшую щедрость всемогущего и всевышнего Аллаха, чтобы как можно скорее он оказал милость и удостоил низайшего из рабов чести облобызать землю перед тем порогом и [даровал] счастье пребывать в том дворце с ним и его милостью.

Низайший из рабов непрестанно, и днем и ночью, нежными речами благодарит за милость. Распространение благосклонности Высочайшего меджлиса [Санджара] убедило его в том, что благодарность - причина увеличения даров и продолжения почестей, а неблагодарность создает необходимости уничтожения благоденствия и передачи власти. В то время, когда прибыли доверенные лица Его Величества и привезли высочайшее повеление, украшенное печатью благороднейшего [из людей], низайший из рабов [словно] после смерти обрел жизнь после исчезновения следов [былых] отношений, воспоминаний и уничтожения обычаев, возродился вновь и установил [теперь уже] вечный и утвержденный порядок.

После того как люди увидели и услышали о справедливости повелителя вселенной - да умножит Аллах его силы! - по отношению к низайшему из рабов, [они] услышали и увидели сияние его милости и по этой причине благословили могущественное государство - да упрочит Аллах его

порядки! - и молили всевышнего Аллаха о продолжительности [его существования]. Пока будет жить низжайший из рабов, он после сегодняшнего дня не станет следовать ничему другому, кроме как служению и покорности высочайшему меджлису, и не набросит на плечи ничего, кроме плаща преданности. Он завещает это своим потомкам и наследникам и распространит этот обычай среди них"⁷⁷.

Но Санджар прекрасно разбирался в сложившейся обстановке в Средней Азии и Хорасане, и поведение хорезмшаха вовсе не казалось ему вызывающим. Еще свежи были отголоски битвы в пустыне Катаван, да и кара-хитаи были недалеко, к тому же хорезмшах продолжал выплачивать им ежегодную дань. Поэтому Санджар, зная, что строптивого хорезмшаха не унять, решил больше не испытывать судьбу и не давать хорезмшаху повода для нового выступления против него. Возвратившись в Мерв, он отправляет с послами почетные одежды и подарки хорезмшаху. В свою очередь, Атсыз оказал почет послам Санджара и, щедро одарив их, отправил назад, в Мерв"⁷⁸.

Так на политической арене появилось и укрепилось новое сильное государство - государство Хорезмшахов, с которым стал считаться даже такой могущественный владыка, каким был султан Санджар. Однако Санджару все же удалось отвлечь внимание хорезмшаха от Хорасана, и Атсыз после этого "неоднократно совершал походы против неверных и одерживал над ними победы"⁷⁹.

В мухарраме 547 г. х. (апрель 1152 г.) хорезмшах Атсыз совершает третье завоевание "главнейшей местности мира и величайшей пограничной окраины ислама" (*уммахат-и бук'а-и дунйа ва му'аззамат-и сугур-и ислам*) - Дженда, который был отобран у него во время вторжения кара-хитаев. Здесь наместником кара-хитаев был Камал ад-Дин ибн Арслан-хан Махмуд, с которым Атсыз поддерживал, до поры до времени, дружественные отношения.

Для того чтобы прибрать к рукам Дженд и его окрестности, хорезмшах пошел на хитрость. Он предложил Камал ад-Дину совершить совместный поход на столицу "неверных" кыпчаков город Сыгнак. Камал ад-Дин согласился, но, когда у стен Дженда появилась хорошо оснащенная армия хорезмшаха, Камал ад-Дин понял истинную цель похода и вместе со своим войском бежал из Дженда. Атсыз отправил вслед за ним своих приближенных, которые заверили Камал ад-Дина, что ему ничто не угрожает, и уговорили его вернуться. Когда же Камал ад-Дин возвратился в Дженд, его тут же схватили и заковали в цепи. Атсыз быстро очистил Дженд от людей Камал ад-Дина и назначил сюда *вали* своего старшего сына Абу-л-Фатха Ил-Арслана"⁸⁰.

Никакой реакции или протеста по поводу захвата Дженда и ареста Камал ад-Дина со стороны султана Санджара не последовало, и он не изменил своего отношения к хорезмшаху, хотя все действия последнего были направлены против владычества Сельджукидов на Востоке.

Другой удар по престижу султана Санджара был нанесен Гуридами, которые в том же, 1152 г. разгромили войска Санджара под командованием эмира Кумача и захватили Балх"⁸¹. После этого набравшее силы государство Гуридов, которое считалось вассалом Санджара, захватило почти всю территорию другого государства - Газневидов, также зависимого от Санджара"⁸². Глава государства Гуридов Ала ад-Дин ал-Хусайни (ум. в 1161 г.) вскоре после захвата Газны в 545/1150 - 51 г. объявил о своей независимости, перестал посылать в казну султана Санджара ежегодную дань, присвоил себе *унван* султана и стал демонстрировать свое пренебрежение к Санджару"⁸³.

Все эти обстоятельства, а также измена сельджукидского наместника в Герате Али Четри, передавшего город под власть Гуридов, заставили султана Санджара выступить в поход. 17 раби I 547 г. х. (24 июня 1152 г.) у местечка Марабад, к востоку от Герата, войска Ала ад-Дина ал-Хусайна были разбиты Санджаром, а сам Ала ад-Дин попал в плен, но был отпущен с большими почестями"⁸⁴. В сражении было перебито более 30 тыс. гурцев и их союзников огузов. Кроме того, на сторону Санджара перешло 6 тыс. огузов, что собственно и решило исход сражения в пользу Санджара."⁸⁵ Султан Санджар возвратил Ала ад-Дину ал-Хусайну все трофеи и, кроме того, по словам историка, передал ему свою казну, большое количество скота и сказал следующее: "Ала ад-Дин! Ты заменяешь мне брата! Бери все это имущество"⁸⁶ и возвращайся в Гур. С помощью Аллаха возьми в подчинение и этих огузов, и если мы будем победителями, то ты возврати все это мне, когда это у тебя потребуют. Но если все окажется наоборот, то есть если я буду побежден, мое владычество придет к концу и нити порядка в моей империи порвутся, тогда эти сокровища и стада пусть лучше останутся у тебя, чем достанутся Огузам"⁸⁷.

Третьим противником султана Санджара в последние десятилетия его долгого правления оказался еще один его вассал правитель Сиджистана Тадж ад-Дин Абу-л-Фадл Наср (правил в 1087 - 1163 гг.), человек необыкновенной храбрости, любимец Санджара, постоянный сподвижник султана во всех его походах (в сражении в пустыне Катаван он спас султану жизнь)"⁸⁸.

Когда Санджар отправился в поход против Гуридов, он настоятельно просил Тадж ад-Дина помочь ему войсками Сиджистана и долго ждал их прибытия. Однако Тадж ад-Дин, несмотря на

самые лестные посулы и уговоры, не только не отвечал на его письма, но, сказавшись больным, на помощь султану не явился и не оказал ему никакого содействия в его походе против Гуридов.

Наконец, четвертым и самым опасным противником султана Санджара стало образовавшееся на северо-восточной границе его владений государство кара-хитаев. Только страх перед силой кара-хитаев, против которых Санджар выступать уже не решался, не позволил Санджару, как уже было сказано, разгромить хорезмшаха Атсыза⁸⁹.

Султан Санджар, некогда бывший грозой всех соседей и вассалов, немедленно угрожавший им при малейшем намеке на неповиновение и беспощадно каравший непокорных или восставших против него правителей, превратился в пассивного наблюдателя за событиями, складывавшимися отнюдь не в его пользу. Бывшие его покорные вассалы один за другим отпадали от державы, становясь ее открытыми врагами. Как правильно отметил Ибн ал-Ибри, "поскольку природа султанов замешана на жестокости, а характер их слеплен из беспечности и лености, то нет у них милосердия, ведь у них на службе сила, и обманывать их опасно, а быть с ними искренними пагубно"⁹⁰.

Врагами султана Санджара и господства Сельджукидов вообще стали не только карахиты, но и хорезмшах Атсыз, и набиравшие силу огузские племена. Немалую роль в ослаблении султанской власти сыграли дворцовые интриги, в которые были втянуты везиры, атабеки и жены султана. Как пишет историк, "слуги (*ал-хашам*) великого султана Му'изз ад-Дина Санджара стали проявлять алчность и враждебность друг к другу. Все они стали требовать у султана места, [занятого] другим, для себя и завидовали друг другу"⁹¹.

Причину ослабления государства Санджара историк Имад ад-Дин ал-Исфахани видит в следующем: "Когда увеличился срок и продлилась субстанция его жизни, эмиры взяли власть над султаном и стали посягать на его могущество. Малый стал презирать права великого, а великий из-за продвижения малого отодвинулся назад. К почитаемым стали относиться пренебрежительно, а к легкомысленным - почтительно, сильных стали устранять, ставя на их место слабых. Между эмирами усилилась зависть и появилась ненависть, исчезли помощь друг другу и взаимное доверие. Вельможами государства этого времени были Сункур ал-Азизи, Му'аййид ибн Юрюн-Куш Хирива, Кызыл и им подобные, а самыми старшими стали Кумач и Али Четри. Мнения каждой из групп противоречили друг другу. Каждый из них оседлал свои собственные помыслы и вцепился зубами в [то, что причиняло] ему вред"⁹².

Последний, сокрушительный удар империи султана Санджара нанесла знаменитая "огузская смута", начало которой относится к 548/1153 г. Огузские племена стали переселяться на территории, подвластные Сельджукидам, еще при султানে Мелик-шахе⁹³. При султানে Санджаре огузы кочевали по землям Хорасана⁹⁴. Поселившиеся в округе Балха огузы (туркмены) вели полукочевой образ жизни, поставляя ежегодно на султанскую кухню 24 тыс. голов овец⁹⁵ за право пользоваться пастбищами округа. *Мукта'* Балха был *эмпр-сипахсалар* Имад ад-Дин Кумач.

Причиной недовольства огузских эмиров стали оскорбления, нанесенные сборщиком податей (*мухассил*), за что он и был убит огузами⁹⁶. Этим случаем воспользовался эмир Кумач и уговорил султана Санджара назначить его шихной округа Балха, за что обещал взыскивать с огузов 30 тыс. голов овец. Когда Кумач потребовал у огузов выплаты цены крови убитого *мухассила* (*рас-ми джинайат*), их предводители отказались и заявили, что они являются подданными султана (*хасс ра'ий-йат*) и никому другому не подчиняются. Тогда Кумач во главе 10 тыс. всадников попытался изгнать огузов из округа, но был разбит и бежал в Мерв, где находился Санджар⁹⁷.

Эмиру Кумачу и его сторонникам удалось уговорить Санджара выступить против огузов. Последние, испугавшись мощи султанских войск (100 тыс. всадников)*, предложили султану в виде откупа 50 тыс. лошадей и верблюдов, 200 тыс. динаров, 200 тыс. голов овец и годовой харадж. Султан хотел принять эти условия, но эмиры помешали соглашению.

Когда султанская армия подошла к пастбищам огузов, они вновь обратились к султану, увеличив размеры откупа, однако Санджар, опять-таки под давлением эмиров, отказал им в просьбе. В сражении, происшедшем в мухарраме 548 г. х. (апрель 1153 г.), войска Санджара были разгромлены, а Кумач и ряд других эмиров погибли⁹⁸.

Захватив Санджара в плен, огузы продолжали относиться к нему как к султану, но государство Санджара перестало существовать.⁹⁹

Среди бывших вассалов Санджара - Караханидов, Гуридов, Бавандидов Табаристана, Саффаринов Систана и хорезмшахов - последние после разгрома и пленения султана оказались самыми активными, хотя и не были самыми сильными из них. Хорезмшах Атсыз в этой ситуации стремился захватить власть во всей империи Санджара. Полагая, что армия Санджара перестала суще-

* Приводимые в источниках цифры сомнительны и отражают лишь общую картину.

ствовать, Атсыз двинул свои войска вверх по течению Амударьи с намерением захватить стратегически важную крепость Амуйе (Амуйе). Однако хитрость хорезмшаха не удалась, так как комендант (*кутвал*) крепости, управлявший ею от имени Санджара, отказался сдать ее Атсызу, хотя тот и стал считать себя после пленения Санджара покровителем всех подвластных султану земель и владений¹⁰⁰. После отказа коменданта Амуйе сдать крепость хорезмшах обратился к находившемуся в плену султану Санджару с просьбой отдать ему эту крепость. Умудренный опытом старый султан дал Атсызу такой ответ: "Я готов отдать тебе не только Амуйе, но и другие места, но с условием, что ты отправишь свои войска под командованием твоего сына Ил-Арслана для нашего вызволения"¹⁰¹.

И хотя вопрос о помощи Санджару войсками обсуждался продолжительное время и стороны обменивались послами, Атсыз уклонился от оказания помощи и, решив продолжать походы против кыпчаков, вернул войска в Хорезм¹⁰². Однако для демонстрации своих сил он послал часть войск под командованием своего брата Йинал-Тегина в сторону Бейхака. Эти войска с конца декабря 1153 г. по май 1154 г. осаждали Бей-хак и так разграбили его окрестности, что в течение двух лет после этого там свирепствовал голод¹⁰³.

Имея в виду свою основную цель - ниспровержение владычества Сельджукидов, хорезмшах Атсыз понимал, что господство огузов и захват ими почти всех земель Хорасана представляет угрозу не только для него, но и для других, соседних с ним государств¹⁰⁴. И хорезмшах обращается с письмами к владетелю (падишаху) Гура Ала ад-Дину ал-Хусайну¹⁰⁵ и малику Мазандарана Абу-л-Фатху Рустаму (Шах-Гази)¹⁰⁶, призывая их приложить старания к тому, чтобы покончить с неразберихой и анархией в Хорасане, вновь восстановить порядок и объединиться, чтобы спасти султана Санджара и его страну от "дурного вмешательства и порочного правления" (*ma'appy-zam-i батил ва тахаккумат-и фасид*) притеснителей - огузов. Конечно же, хорезмшах Атсыз замыслил создание антиогузского объединения под своим руководством! Однако в это время на престол Восточной Сельджукской империи был возведен племянник Санджара караханид Рукн ад-Дин Махмуд-хан, и хорезмшах Атсыз, оценив обстановку, тут же отправляет ему письмо с поздравлениями по случаю восшествия на престол и с заверениями в том, что он готов оказать новому султану всяческую помощь, оставаясь, как и прежде, "верноподданным" Сельджукидов¹⁰⁷.

Махмуд-хан отправил в Хорезм своих послов с просьбой, чтобы Атсыз "во имя погашения огня огузов" оказал ему военную помощь. Оставив в Хорезме вместо себя своего сына Хитаихана, Атсыз вместе со старшим сыном Ил-Арсланом в сафаре 551 г.х. (апрель 1156 г.) двинулся во главе мощного войска в Хорасан и в раби II (конец мая 1156 г.) остановился близ Шахристаны¹⁰⁸.

Теперь настало время осуществить задуманный хорезмшахом союз с владетелями Сиджистана, Гура и Мазандарана против огузов. Атсыз снова обращается к ним с письмами, привлекая их внимание к обстановке в Хорасане, призывая к объединению, и настоятельно приглашает их прибыть со своими войсками к нему. Так, в послании владетелю Сиджистана Тадж ад-Дину Абу-л-Фадлу хорезмшах писал¹⁰⁹:

"Это письмо написано малику Нимруза Тадж ад-Дину Абу-л-Фадлу Насру ибн Халафу с призывом его на помощь султану величайшему... Перед этим из вилайета Хорезм [нами] было отправлено приветствие, посланы доверенные лица и сообщено о выступлении нашем в направлении Хорасана, где можно отплатить за добро и исполнить предписанное... В конце сафара [551 года], когда мы достигли Шахристаны, прибыли гонцы Благородного собрания (Тадж ад-Дина)... и было получено превосходное послание, украшенное тонкостями внимания и искренней дружбы... Все, что Благородное собрание написало и изложило о положении дел и обстоятельствах бедствий, которые имели место и распространились в Хорасане, о захвате [огузами] власти насильем, возвышении порока, распространении смут, усилении несчастий, кровопролитий, об убийстве ученых, разрушении медресе и мечетей и мученичестве великих и уважаемых [людей], - все это так, даже более; уничтожение этого зла и исполнение этого великого дела необходимо для всех людей ислама.

В настоящее время во всех краях Востока и Запада нет властителя более превосходного... чем Благородное собрание; те милости и отличия, которые оно имело от властелина мира (Санджара), известны обитателям мира и одобряются всеми. Сверх того, эти известные заслуги и одобряемые достоинства, которые есть у Благородного собрания, признают и считают помощью могущественной державы. На основании этих доводов отражение этого бедствия и прекращение этого несчастья являются наиважнейшей необходимейшей обязанностью Благородного собрания... Это племя (огузы), люди неповиновения и сборище вражды, [по-прежнему] находится на своих местах... Пока они не будут уничтожены, дела мира не придут в порядок и состояние обитателей мира не станет здоровым.

Этот друг (Атсыз) ради этого пришел в Хорасан, принялся за уничтожение этого насилия и достиг Шахристаны. Невозможно описать, какие милости оказывает нам Высокое собрание величайшего хакана [Махмуд-хана] и какую радость он выказывает из-за прибытия этого друга. В эти несколько дней он (Махмуд-хан) несколько раз посылал гонцов и доверенных лиц и выказывал свою любовь и чистые намерения. С разных сторон собираются подданные блистающего величества и искренне преданные могущественной державе и устанавливают порядок дела. Однако все будет задержано до тех пор, пока не придет Благородное собрание, так как это затруднительное и важное дело не осуществится без поддержки и руководства Благородного собрания и [без него] не получится успокоения для мусульман.

В великолепном письме [еще] было, что если этот друг (Атсыз) выступит, то он (Махмуд-хан) также присоединится. Теперь этот друг прибыл в Хорасан и занялся делом. Надежда на одобряемые достоинства и похвальные свойства Благородного собрания состоит в том, что он выступит... Благодаря его распорядительности и благоразумию основы этой смуты будут поколеблены, зло этого насилия уйдет из мира..."¹¹⁰.

Письмо аналогичного содержания было отправлено хорезмшахом и владетелю Мазандарана малику Рустаму¹¹¹.

Но в рамадане 551 г.х. (октябрь 1156 г.) из огузского плена бежал султан Санджар, и это обстоятельство заставило хорезм-шаха Атсыза спешно перестраивать свою тактику. Он сразу же направил Санджару письмо, в котором поздравлял султана с освобождением из плена, подтверждал ему свою преданность и, объявив о своей готовности служить ему, сообщал, что может выступить со своими войсками куда понадобится - возвратиться ли в Хорезм, или остаться в Хорасане, - пусть только султан прикажет¹¹². Одновременно хорезмшах разослал письма соседним правителям, призывая их сохранять единство в борьбе против огузов¹¹³.

Бегство султана Санджара из плена оказалось для огузов неожиданным и заставило их прекратить грабительские набеги и разорение городов и селений Хорасана. Кажется, в этом не последнюю роль сыграли предостерегающие письма хорезм-шаха Атсыза, которые он посылал огузским предводителям. Одно из этих писем Атсыза адресовано эмиру огузов Насир ад-Дину Абу Шуджа Тути-беку - главе огузских племен Уч-Ок. Содержание письма хорезмшаха, именуемого В. В. Бартольдом "образцом восточной дипломатии"¹¹⁴, таково:

"Это письмо написано богохранимой стороне, эмиру славному, великому военачальнику Насир ад-Дину Абу Шуджа Тути-беку.

Обитатели мира знают об одобряемых заслугах, которые имеют богохранимая сторона и ее славные предки, и об их признаваемых правах на покровительство и содействие этой стороны (хорезмшахов)*. Никогда пыль забвения не сядет на страницы [записей] об этом, и изображение этого никогда не сотрется с листа памяти. Также каждый раз, когда какое-либо племя из подчиненных богохранимой стороне и других поколений войска огузов испытывало какое-нибудь бедствие в местностях Хорасана и Мавераннахра, они вследствие уверенности их в заботе и милости этой стороны приходили в вилайет Хорезм. Ни в отношении увеличения их численности и средств пропитания, ни даже, по мере возможности, в отношении предоставления [им земель] вилайета с этой стороны они не получали отказа, и то, что было возможным из великих милостей и особых знаков почета, было осуществлено.

В продолжение всего этого времени между обеими сторонами не произошло никакого действия, от которого возникли бы отвращение или перемена [в отношениях]. Напротив, с каждым днем с той стороны были все яснее проявления дружбы, а с этой стороны все полнее знаки заботы...

Цель написания этих слов и изложения этих предпосылок состоит в следующем: ...властелин мира (Санджар) теперь находится в столичном городе Термезе, все явились к его двору и опоясались поясом искренней преданности и покорности. Эта сторона (хорезмшах) также пришла в Хорасан. Рабы могущественной державы, которые были рассеяны по краям областей, [теперь] собрались, владетель Нимруза и владетель Гура придут с бесчисленным войском и присоединятся к этому делу.

Теперь следует, чтобы богохранимая сторона сообщила, каковы намерения войска огузов и что они будут делать. Если они, по обыкновению, каждый день будут переходить в другой город, это им не удастся, так как дела, которые им удались, и тот захват Хорасана, который они совершили, произошли из-за святости нахождения среди них властелина мира.

Итак, для войска огузов будет правильным протянуть руку к извинению, идти по пути просьбы о прощении и изъявить покорность могущественной державе. А Высокое собрание ве-

* Огузы пользовались пастбищами Хорезма.

ликого хакана Махмуд-хана, Благородное собрание владыки Нимруза, Благородное собрание владыки Гура и эта сторона (хорезмшах) совместно окажут заступничество и будут просить властелина мира, чтобы он простил их вины и пожаловал им место для кочевий (*йуртгях*) и жалование (*нанпара*), чтобы они провели остаток жизни в безопасности и довольстве и воздержании от гордости... Пусть богохранимая сторона подумает и признает слова этой стороны бескорыстными и посчитает пользой для веры и жизни для себя и всего войска огузов принятие этих наставлений..."¹¹⁵.

Трудно сказать, мог ли Атсыз привести в исполнение угрозу в адрес огузов. Во время пребывания в Хабушане он был разбит параличом, и 9 джумада III 551 г.х. (30 июля 1156 г.) хорезмшах Гази Ала ад-Дин Баха ад-Дин Абу-л-Музаффар Ху-сам Амир ал-Му'минин Атсыз скончался в возрасте 61 года¹¹⁶.

По оценке авторов хроник XIII - XIV вв., хорезмшах Атсыз "являлся одним из столпов государства Сельджуков"¹¹⁷, был справедлив к своим подданным, не посягал на их добро, заботился о них, и "подданные всегда были с ним в трудные дни и в мирное время"¹¹⁸. Из 29 лет правления Хорезмом Атсыз 16 лет управлял почти независимо, постоянно и упорно отстаивая это свое положение в борьбе с Сельджукидами. Как пишет В. В. Бартольд, хорезмшах Атсыз, "будучи вассалом сельджукского султана", тем не менее по справедливости является основателем хорезмийской династии. Подчинив себе соседних с Хорезмом кочевников и усилив свои войска отрядами наемных тюрок, Атсыз "положил начало сильному и фактически независимому государству"¹¹⁹. Однако полной независимости Атсызу завоевать все же не удалось: он продолжал платить харадж карахитаям.

Примерно через девять месяцев после смерти хорезмшаха Атсыза 26 раби I 552 г. х. (9 мая 1157 г.) умер великий сельджукский султан Санджар. Со смертью Санджара прекратилось номинальное господство Сельджукидов в Мавераннахре¹²⁰.

Созданное хорезмшахом Атсызом государственное образование стало еще больше усиливаться и расширяться в правление его преемников. Основой политики Атсыза и его ближайшей задачей было укрепление своего господства в Хорезме. Целью его преемников стало расширение земель государства и укрепление его авторитета на международной арене.

В течение всего своего длительного правления Атсыз стремился к упрочению отношений с Халифатом. Его стремление иметь в борьбе с Санджаром поддержку Багдада ярко видно из дошедших до нас пяти его посланий халифу ал-Муктафи (1136 - 1160), составленных его *каттибом ал-инша* Рашид ад-Дином Ватватом. Эти послания являются юридическими документами, свидетельствующими о признании Халифатом государства Хорезмшахов. Атсыз так обращается к халифу: "Господин наш и повелитель, Эмир верующих, имам мусульман и наместник Господа обоих миров ал-Муктафи ли-амриллах (*саййидуна ва маулана Амир ал-Му'минин ва имам ал-мусли-мин ва халифат рабб ал-'аламин ал-Муктафи ли-амриллах*)"¹²¹.

В одном из своих посланий хорезмшах Атсыз обращает внимание халифа ал-Муктафи на значение его государства, "которое находится в стадии своего зарождения", и просит покровительства халифа в деле защиты Хорасана и Хорезма от пришельцев - огузов¹²². Атсыз стремится заручиться поддержкой халифа против общего врага - Сельджукидов и обвиняет их в подстрекательстве исмаилитов к убийству халифов ал-Мустаршида и ар-Рашида¹²³. Атсыз не скрывал своего намерения использовать враждебное отношение халифа к Сельджукидам вообще и к султану Санджару в частности. Он писал: "Что хорошего можно ожидать с его стороны и что он может сделать такого, чтобы дружить или сблизиться с ним?"¹²⁴. В конце послания хорезмшах излагает свое желание об обнаружении халифом указа о юридическом признании его государства и добавляет: "Этот указ должен быть скреплен благороднейшей высочайшей подписью (*тауки*), чтобы она вызывала злость у надменных завистников, чтобы благодать этого указа пресекла вожделения врага на земли раба Аллаха (Атсыза), чтобы с его помощью были выкорчеваны корни его (врага) зла и порочности, чтобы раб этот и его союзники пребывали в гордости во веки веков и были вечными должниками во имя продления дней Эмира верующих и имама мусульман, да вознесет Аллах через этот указ его заповеди и да умножит он его величие!"¹²⁵.

Затем хорезмшах Атсыз отправил халифу ал-Муктафи второе послание, содержащее заверения в его верности халифу: в послании Атсыз сообщает халифу, что в Хорезме начали читать *хутбу* с именем халифа: "И не осталось в Хорезме ни одного из его имамов, его улемов и его хативов, кто не призывал бы следовать по святой стезе"¹²⁶.

В третьем послании халифу ал-Муктафи хорезмшах снова уверяет его в своей преданности и просит принять его извинения за то, что он не может лично прибыть ко двору халифа для изъявления своей покорности, ибо занят войной с "неверными" (*куффар*). Атсыз уверяет халифа, что он

"самый верный из его рабов со святыми намерениями и самый искренний из его верных правителей"¹²⁷.

В таком же духе составлено и четвертое послание хорезмшаха халифу¹²⁸. В пятом послании халифу ал-Муктафи хорезмшах сообщает о своем негодовании по поводу того, что султан Мухаммад ибн Махмуд (1153 - 54 г.), ставший после смерти султана Санджара главой сельджукской династии, вышел из повиновения халифу, о том, что он, Атсыз, возненавидел султана Мухаммеда за его возмутительное пренебрежение именем халифа, и снова заверяет ал-Муктафи в своей преданности и покорности¹²⁹.

ГЛАВА 2

ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА ХОРЕЗМШАХОВ

Правление хорезмшаха Ил-Арслана

Приход Ил-Арслана к власти в Хорезме сопровождался междоусобной борьбой. Для укрепления своей реальной власти Ил-Арслан в первую очередь избавился от возможных соперников. Как только умер его отец хорезмшах Атсыз, Ил-Арслан, заручившись присягой верности, данной ему эмирами и войсками, тотчас же отправился из Хорасана в Хорезм, где в его отсутствие произошли важные политические события.

Прибыв в Гургандж, Ил-Арслан отправил в заточение своего младшего брата Сулейманшаха и казнил его атабека Огул-бека и тех представителей знати, которые пытались посадить на трон хорезмшахов Сулейманшаха¹. Затем он казнил своего дядю Йусуфа и ослепил брата, который через три дня умер (по другой версии, покончил жизнь самоубийством)².

3 раджаба 551 г.х. (22 августа 1156 г.) Ил-Арслан взошел на престол хорезмшахов, и первым же его распоряжением были увеличены жалование войск и размеры наделов *икта*³.

Ил-Арслан был озабочен не только возможной узурпацией престола кем-либо из соперников. Второй причиной, заставившей Ил-Арслана покинуть Хорасан, был захват Дженда и Мангышлака "неверными" кочевыми тюрками, которые воспользовались смертью Атсыза и междоусобицей в Хорезме³. Отвоевав Дженд и Мангышлак, Ил-Арслан, продолжая политику своего отца, снова стал вмешиваться в дела Хорасана. Для этого он в первую очередь отправил послание султану Санджару с выражением покорности и верности ему, и Санджар в рамадане 551 г. х. (октябрь 1156 г.) прислал ему указ (*маншур*) о признании его хорезмшахом, а также почетные одежды⁴. Занявший после смерти Санджара султанский престол его наследник Махмуд-хан, в свою очередь, через своих послов также поздравил Ил-Арслана с восшествием на престол хорезмшахов и выразил соболезнование по поводу смерти его отца⁵.

В это время, как заметил В. В. Бартольд, в переписке хорезмшаха с Сельджукидами произошли существенные изменения: вместо прежнего *бенде* ("раб"), которое употреблялось Атсызом, Ил-Арслан стал называть себя *мухлис* ("искренний друг")⁶.

Хорезмшах внимательно следил за развитием событий не только в Хорасане, но и во всех подвластных Сельджукидам странах Среднего Востока. Как известно, султан Санджар не имел наследника, и поэтому Сельджукиды, стоявшие во главе Иракского султаната (в тот момент - султан Гийас ад-Дин Мухаммад ибн Махмуд) и признававшие за Санджаром авторитет верховного султана, игнорировали власть его племянника Махмуд-хана. Кроме того, наиболее видные эмиры Санджара, имевшие под командованием крупные воинские контингенты, также не считали Махмуд-хана владыкой; этому способствовал и халиф ал-Муктафи, который после смерти Санджара приказал прекратить упоминание его имени в *хутбе* в Багдаде.

Соперничество за власть в роде Сельджука умело подогревалось халифом, да и сам он после смерти Санджара перестал считаться с сельджукскими принцами, подстрекая их к междоусобной борьбе. Когда Гийас ад-Дин Мухаммад потребовал, чтобы в Багдаде его имя провозглашалось в *хутбе*, халиф отказал ему в этом⁷ и повелел читать в *хутбе* имя его дяди Сулейманшаха. Халиф принял Сулейманшаха в Багдаде, облачил его в султанские одежды и передал под его командование трехтысячный отряд конницы для войны с другими претендентами на первенство среди Сельджукидов⁸.

Халиф ал-Муктафи отправил послов к хорезмшаху Ил-Арслану, чтобы узнать его ближайшие намерения и выяснить его готовность к вторжению в Хорасан. В ответном письме хорезмшах пытался обратить внимание халифа на беспорядки, возникшие после смерти султана Санджара в мусульманском мире, и упомянул, что эти беспорядки способен прекратить только Гийас ад-Дин Мухаммад, с которым халифу надобно не враждовать, а объединиться⁹.

В 1159 г. Гийас ад-Дин Мухаммад умер, и в конце 1160 г. в Иракском султанате провозглашается *хутба* с именем султана Арслан-шаха (1161 - 1176), однако вершителями судеб султаната надолго становятся атабеки Шамс ад-Дин Илдениз и его сыновья Джахан-Пехлеван и Кызыл-Арслан¹⁰. К новому иракскому султану Арслан-шаху хорезмшах Ил-Арслан на всякий случай также обращается с почтительным письмом¹¹.

В Хорасане, где султаном после Санджара был его племянник Махмуд-хан, царили анархия и произвол нескольких эмиров Санджара. Среди этих эмиров наиболее сильными и влия-

тельными были Айбек, Сункур ал-Азизи, Ай-Тегин и особенно Му'аййид Аи-Аба¹². Огузы, занимавшие земли Восточного Хорасана, все еще были серьезной военной силой, которая оказывала влияние на политическую жизнь в регионе. Хорезмшах Ил-Арслан, располагавший сильной армией, пользовался среди всех перечисленных группировок несомненным авторитетом. В междоусобной борьбе за первенство в Хорасане эти эмиры поочередно прибегали к покровительству хорезмшаха¹³. Так, во владениях Айбека - Джурджане и Дихистане - *хутба* начиналась с упоминания имени хорезмшаха, что означало признание его сюзеренитета¹⁴.

Наиболее влиятельным и сильным среди этих эмиров оказался Му'аййид Аи-Аба, который захватил Нишапур и, ослепив в 557/1162 г. прибегнувших к его защите султана Махмуд-хана и его сына Джалал ад-Дина, запретил упоминать в *хутбе* их имена и приказал читать ее с именем халифа ал-Му-станджида (1160 - 1170) и своим именем¹⁵. К своим владениям Аи-Аба вскоре присоединил Туе, Абивард, Шахристану, Бистам и Дамган¹⁶. В 558/1163 г. Аи-Аба овладел Кумисом и его округом¹⁷. В это время "султан Арслан-шах ибн Тогрул послал ему дорогую почетную одежду, знамена с почетными значками и ценные подарки, повелел ему заботиться о приведении в порядок того, что было расстроено в Хорасане, управлять им всем и провозглашать *хутбу* с именем султана. Му'аййид Аи-Аба облачился в эту почетную одежду и установил *хутбу* с именем султана в стране, которая была, однако, в его руках. Причиной этого было то, что в государстве Арслан-шаха правил атабек Шамс ад-Дин Илдениз, у Арслан-шаха было только звание [султана], а между Илденизом и Му'аййидом была дружба.

Когда Му'аййид подчинился султану Арслан-шаху, *хутба* с именем султана стала оглашаться в его стране: в Кумисе, Нишапуре, Тусе, во всех округах Нишапура и от [округов] Насы до Табаса Канглы¹⁸.

Как только хорезмшах узнал об этом, он в том же, 1163 г. решил начать борьбу против непомерно усилившегося Му'аййида Аи-Аба и подчинить себе его владения. Во главе большой армии он двинулся на Нишапур и осадил его. Однако осада города оказалась безуспешной, и стороны заключили перемирие, после чего Ил-Арслан возвратился в Хорезм¹⁹. Воспользовавшись этим, Му'аййид Аи-Аба пытался расширить свои владения за счет городов Хорасана, которые находились в руках огузов. В начале 560 г. х. войска Му'аййида осадили Насу. Осада длилась до джумада I (март 1165 г.). Но хорезмшах решительно пресек эту попытку, так как Наса граничила с его владениями. Однако не успели его войска подойти к Насе, как Му'аййид Аи-Аба снял осаду и возвратился в Нишапур. Хорезмшах двинулся вслед за ним к Нишапуру, но, увидев готовность войск Му'аййида к сражению, повернул назад, к Насе, которой с 553/1158 г. владел в качестве *икта*' эмир Умар ибн Хамза ан-Насави²⁰. Умар ибн Хамза подчинился Ил-Арслану, и с этого времени в Насе стала оглашаться *хутба* с именем хорезмшаха²¹.

После этого войска хорезмшаха заняли Дихистан. Эмир Айбек нашел убежище у Му'аййида Аи-Аба, а Дихистан вошел в число владений хорезмшахов, и им стал управлять наместник (*вали*), назначенный из Хорезма²².

Принятие Му'аййидом Аи-Аба вассальной зависимости от Иракского султаната насторожило хорезмшаха, тем более что Му'аййид, чувствуя за собой поддержку фактического главы султаната атабека Илдениза, вел себя в Хорасане как независимый владетель. Ил-Арслан видел в этом угрозу, и, когда иракский султан Арслан-шах и атабек Илдениз послали Му'аййиду почетные одежды, знамена и дары и утвердили и его наместником Иракского султаната на востоке²³, хорезмшах Ил-Арслан снова двинул свои войска против Аи-Аба.

Опасаясь последствий, связанных с вторжением хорезмшаха в подвластные ему земли, Му'аййид Аи-Аба прибыл в 562/1166 г. из Нишапура в Хамадан, в резиденцию атабека Илдениза, и сообщил ему, что хорезмшах Ил-Арслан решил отнять у него Нишапур. Он предупредил Илдениза, что хорезмшах не удовлетворится этим и, если захватит Нишапур, бросит войска на запад, во владения султана Арслан-шаха. Аи-Аба сказал атабеку: "Если вы не выступите, чтобы остановить его и преградить путь его замыслам, то перед вами [из земли] забьет такой источник, которого вам не засыпать, и разольется такое море, прилив которого вам не сдержать"²⁴.

Атабек Илдениз отправил из Рея посла к хорезмшаху со следующим посланием: "Поистине, этот Му'аййид Аи-Аба - мамлюк султана, а Хорасан - страна султана, владение его отцов и дедов. Точно так же Хорезм, где пребываешь ты, - его владение! Если ты двинешься на Нишапур, то моим ответом будут только поход против тебя и война между нами. Ты не задумываешься о самом себе!"²⁵.

Как передает источник, послание Илдениза "вызвало гнев хорезмшаха Ил-Арслана, и он вознегодовал до такой степени, что собрался и в 562 году выступил к Нишапуру и остановился там"²⁶.

Атабек Илдениз также выступил с войсками и подошел к Бистаму. Здесь произошло первое сражение войск хорезмшаха с войсками Иракского султаната. Ни одна из сторон не одержала победы, однако хорезмшах Ил-Арслан отправил часть своих войск из Бистама для захвата принадлежавших Му'аййиду городов Бейхака и Сабзавара. В мае 1167 г. эти города были взяты хорезмшахом, а в июне того же года, вынудив Аи-Аба бежать, хорезмшах взял Нишапур, где была провозглашена *хутба* с именем Тадж ад-Дунья ва-д-Дина Малика ал-турк ва-л-аджам Ил-Арслана²⁷.

Видя, что войска Иракского султаната не одержали побед в сражениях с хорезмшахом, Му'аййид Аи-Аба решил смириться перед Ил-Арсланом. Он отправил к хорезмшаху своего посла кади Фахр ад-Дина ал-Куфи, который передал Ил-Арслану следующее послание: "Ты уже понес много расходов и награждал очень щедро, и тебе негоже вернуться в Хорезм, не выполнив задуманного. Но теперь, когда ты вернулся, я - твой мамлюк и дал себе слово подчиняться тебе. Я буду упоминать твое имя в *хутбе* и буду чеканить монеты - динары и дирхемы - от твоего имени. Я буду управлять в стране согласно твоему повелению и запрету"²⁸.

Источник сообщает, что хорезмшах Ил-Арслан очень обрадовался обращению Аи-Аба и сразу же заключил с ним перемирие. Он одарил Фахр ад-Дина почетными одеждами и богатыми дарами и отправил его вместе со своим послом в Нишапур с подношениями для Аи-Аба, в числе которых были "породистые кони с золотой и серебряной сбруей, покрывала и множество различных ценных предметов из редкостей, имевшихся в его сокровищнице"²⁹.

Атабеку Илденизу, узнавшему о том, что его вассал Аи-Аба признал свою зависимость от хорезмшаха, ничего не оставалось, как уйти с войсками из Бистама в Рей³⁰.

Захватом Нишапура определился окончательный разрыв хорезмшахов с Сельджукидами, и с этой поры начинается постепенное вмешательство хорезмшахов во внутренние дела Персидского Ирака. Местные владетели этого региона, которые боролись за свою независимость с Сельджукидами и атабеками, считали хорезмшаха Ил-Арслана своим союзником в этой борьбе. Одним из таких противников султана Арслан-шаха и атабека Илдениза был владетель Рея Инанч, который считался их вассалом и должен был ежегодно выплачивать дань в казну Сельджукидов. Однажды, когда атабек Илдениз послал своих людей за данью, Инанч отказался платить³¹. Атабек решил проучить непокорного вассала и направил против него войска. Узнав об этом, Инанч покинул Рей и ушел в Вистам, откуда "написал хорезмшаху Ил-Арслану, что он ищет у него защиты и просит позволения войти в число его гулямов. Он дал ему понять, что если получит от Ил-Арслана помощь войсками, то, захватив Ирак [Персидский], включит его в состав владений хорезмшаха и здесь будет осуществляться его власть и будут исполняться его повеления. Хорезмшах дал ему благоприятный ответ в самых любезных выражениях. Он поручил *вали* Дихистана (в случае, если Инанч прибудет туда) вручить ему 30 тысяч динаров, чтобы возместить нанесенный ему ущерб, и предоставить ему убежище. Он приказал, чтобы Инанч оставался в Дихистане до тех пор, пока дела его не придут в порядок"³².

В это время атабек Илдениз получил письмо, в котором верные ему люди сообщали, что Инанч вошел в сговор с хорезмшахом и решил передать Рей и его округ во владение Ил-Арслана. Хорезмшах отрядил на помощь Инанчу большую армию, надеясь после присоединения Рея к своим владениям продвинуться дальше на запад. Он назначил командующим этой армией карлукского эмира Шамс ал-Мулка ибн Хусайна Айар-бека и приказал ему выступить в Ирак.

О продвижении этих войск сообщили атабеку Илденизу, и он выступил со своими военными силами навстречу. Войска хорезмшаха прошли Рей и достигли города Саве, где в 563/1167 г. встретились с армией под командованием султана Арслан-шаха и сына Илдениза Джахан-Пехлевана. Несмотря на ожесточенное сопротивление, иракские войска не устояли перед хорезмийцами и отошли. Инанч осадил крепость Табрак, но она устояла; армия Хорезма устремилась дальше на запад.

Вторгшись в Азербайджан, хорезмийцы захватили города Абхар, Занджан и Казвин, учинив здесь разгром и опустошение. Из Казвина они увели две тысячи породистых верблюдов и возвратились в Хорезм, оставив Инанча в его владениях³³. В следующем, 564/1168 г. атабеку Илденизу удалось подкупить везира Инанча - Са'д ад-Дина ал-Ашалла, и везир с помощью трех гулямов убил Инанча. Везир перешел на сторону Илдениза, а гулямы, не получив от него обещанного вознаграждения, отправились к хорезмшаху Ил-Арслану. Однако Ил-Арслан приказал схватить их и казнить за то, что они убили своего господина³⁴.

Потерпев неудачу в попытке захватить земли Иракского султаната, хорезмшах снова вмешался в события, происходившие в Мавераннахре.

Как уже было сказано, в сражении в пустыне Катаван большую роль сыграли карлуки. Владевшие Мавераннахром карахитаи не могли забыть, как карлуки в 551/1156 г. убили в сражении близ Бухары владетеля Самарканда караханида Тамгач-хана Ибрахима III и бросили его

труп в пустыне³⁵. Новый караханидский правитель Самарканда под эгидой кара-хитаев Джалал ад-Дин Али Чагры-хан в 553/1158 г. разбил карлуков, и их глава Лачин-бек бежал в Хорезм, надеясь на покровительство Ил-Арслана. И действительно, хорезмшах, поставивший перед собой цель освободиться от господства кара-хитаев, которым он продолжал выплачивать дань³⁶, радушно принял бежавших карлуков. Он видел в них силу, которая должна была содействовать ему в борьбе с кара-хитаями.

В джумада II 553 г. х. (июль 1158 г.) хорезмшах во главе большой армии вторгся в Мавераннахр. Узнав об этом, владетель Самарканда Джалал ад-Дин Али спешно укрепил город и обратился за помощью к кочевникам-туркменам, жившим на землях между Кара-Колом и Джендом, а также к своим союзникам кара-хитаем.

В сражении на обоих берегах реки Согд (Зеравшан) войска кара-хитаев под командованием Илиг-Туркмана не смогли противостоять войскам Хорезма. Опасность полного разгрома заставила Илиг-Туркмана просить о перемирии, и оно было заключено с помощью имамов и улемов Самарканда. На основании этого соглашения хорезмшах вернул карлуков на прежние места поселения и возвратился в Хорезм³⁷.

Необходимо отметить, что, когда хорезмшах шел на Самарканд, он следовал мимо Бухары. Источник сообщает: "Хорезмшах, успокоив жителей Бухары обещаниями, отправился оттуда в Самарканд"³⁸.

В 559/1163 г. кара-хитаи вновь предпринимают ряд мер против "заносчивых и непокорных карлуков"³⁹. По сообщению Ибн ал-Асира, кара-хитайский хан приказал своему вассалу - караханидскому правителю Самарканда Кылыч-Тамгач-хану "выселить карлуков из округов Бухары и Самарканда в Кашгар, чтобы они перестали носить оружие и занимались земледелием и другими делами"⁴⁰. Однако карлуки отказались выполнить приказ и направились в Бухару. Кылыч-Тамгач-хан обратился к ра'ису Бухары Мухаммаду ибн Умару с письмом, в котором просил его содействовать изгнанию карлуков. После этого он выступил с войсками сам, настиг карлуков, множество их перебил, а оставшихся изгнал из пределов Бухары⁴¹. Часть карлуков во главе с Шамс ад-Дином ибн Хусайном Айяр-беком нашла убежище у хорезмшаха.

В дальнейшем, преследуя карлуков, кара-хитаи несколько раз пытались расправиться с ними, но для этого им надо было вести боевые действия на территории, подвластной хорезмшаху Ил-Арслану. Наконец в 567/1171 г. кара-хитаи переправились через Амударью и бросили войска на Хорезм. Как только Ил-Арслан узнал об этом, он приказал открыть плотины и затопить подходы к столице. Хорезмшах отошел с войсками к Амулю, откуда выслал против кара-хитаев войска под командованием эмира Айяр-бека. Сам Ил-Арслан в это время был болен, остался в Амуре и не смог принять участия в сражении. Кара-хитаи разбили войска хорезмшаха, эмир Айяр-бек был взят в плен и увезен в Самарканд. Хорезмшах возвратился в Гургандж больным и 19 раджаба 567 г. х. (18 марта 1172 г.) умер⁴². Хорезмшах Ил-Арслан, так же как его отец Атсыз, вел переписку с халифом. Он так же просил халифа о юридическом признании его государства. А когда умер халиф ал-Муктафи, Ил-Арслан отправил новому халифу ал-Мустанджиду послание, в котором выражал от имени всех жителей Хорезма глубокую скорбь, сообщал, что в Хорезме по случаю смерти халифа был объявлен трехдневный траур, и просил извинения, что не смог прибыть в Багдад на похороны ал-Муктафи⁴³.

Борьба за престол хорезмшахов

Смерть хорезмшаха Ил-Арслана положила начало жестокой и длительной борьбе за обладание престолом между его сыновьями Ала ад-Дином Текишем и Султан-шахом Махмудом.

В момент смерти Ил-Арслана его старший сын Текиш находился в Дженде в качестве наместника (*вали*) хорезмшаха⁴⁴. Ил-Арслан назначил наследником престола своего младшего сына Султан-шаха, однако делами государства и войсками стала управлять мать Султан-шаха Теркенхатун⁴⁵.

Текиш был вызван из Дженда для присяги Султан-шаху, однако он отказался приехать в Гургандж и заявил посольным, что не признает Султан-шаха главой государства⁴⁶. Тогда Теркенхатун послала в Дженд войска, чтобы доставить Текиша в столицу силой. Узнав об этом, Текиш покинул Дженд и отправился к императрице кара-хитаев Чэн Тянь (1164 - 1177)⁴⁷, у которой попросил помощи против Султан-шаха и его матери, обещав взамен ежегодно выплачивать кара-хитаем дань.

Заручившись обещанием Текиша, кара-хитаи снарядили огромное войско под командованием Фумы, мужа императрицы⁴⁸, и направили его в Хорезм. Когда Текиш и войска Фумы при-

близились к Гурганджу, Султан-шах и его мать, не приняв сражения, бежали из Хорезма в Хорасан под защиту владетеля Нишапура Му'аййид [ад-Даула] Аи-Аба.

22 раби I 568 г.х. (11 декабря 1172 г.) Текиш без всякого сопротивления и при поддержке войск и народа официально занял престол хорезмшахов⁴⁹. Однако главные события жестокой борьбы за престол между братьями были еще впереди.

Мать Султан-шаха щедро одарила Аи-Аба и пообещала ему часть земель Хорезма за помощь войсками ей и сыну против Текиша. Она заверила Аи-Аба в том, что народ Хорезма и его войска стоят за Султан-шаха⁵⁰.

Му'аййид Аи-Аба решил использовать борьбу братьев в своих интересах: таким образом он освобождался от вассальной зависимости от хорезмшахов и обретал возможность расширить свои владения за счет Хорезма. Собрав войска, Му'аййид Аи-Аба вместе с Султан-шахом и его матерью двинулся на Хорезм.

В 20 фарсах от Гурганджа, у городка Супурли (Субурни), войска Аи-Аба встретились с армией Текиша. Вассал хорезмшахов *испахбад* Мазандарана Ардашир решил не искушать судьбу и, взвесив возможности соперников, сообщил Текишу о пути следования армии Аи-Аба. Текиш занял позиции у Супурли заранее. Воины Текиша стремительно атаковали противника, армия Му'аййида была разгромлена и бежала с поля битвы. Сам Аи-Аба попал в плен, его привели к хорезмшаху, и Текиш приказал разрубить его пополам. Разгром войск Аи-Аба произошел 9 зу-л-хиджжа 569 г.х. (11 июля 1174 г.)⁵¹.

Теркен-хатун и Султан-шах бежали в город Дихистан (близ восточного берега Каспия), но Текиш подверг город осаде и взял его. Султан-шаху удалось бежать, а Теркен-хатун была взята в плен и казнена. Султан-шах укрылся в Нишапуре, где после смерти Му'аййида Аи-Аба правителем стал его сын Тоган-шах Абу Бакр (1174 - 1185). Хорезмшах после всего этого возвратился в Гургандж⁵².

Так как войска Хорасана были частично разгромлены в Хорезме, а частично рассеяны, Тоган-шах не мог поддержать Султан-шаха, и тот, поняв это, отправился за помощью к султанам Гура Гийас ад-Дину и Шихаб ад-Дину, которые приняли его с почестями⁵³. Хотя Гийас ад-Дин ал-Гури вел борьбу за верховную власть в Хорасане и мог воспользоваться прибытием Султан-шаха и сам вмешаться во внутренние дела Хорезма, он решил осуществить свои цели за счет изменения обстановки в Мавераннахре: в это время назрел конфликт между Текишем и кара-хитаями.

Когда положение Текиша в Хорезме упрочилось, кара-хитаи, оказавшие ему помощь в борьбе за престол, сочли, что он будет их покорным вассалом, и стали посылать в Хорезм чиновников различных рангов для сбора дани. Эти посланцы вели себя в Хорезме непомерно нагло, самоуверенно и властно. И когда послы кара-хитаев стали игнорировать хорезмшаха как владыку, терпению Текиша пришел конец, и его "обуял гнев за государство и религию"⁵⁴. Он сам приказал прибывшего к нему послом вельможу, родственника кара-хитайских владык, требовавшего немедленной выплаты денег, и приказал своим сановникам, чтобы каждый из них убил по одному кара-хитаю⁵⁵. Естественно, вслед за этими событиями последовал разрыв отношений между хорезмшахом и кара-хитаями. Этим моментом и воспользовался Султан-шах, а Гийас ад-Дин ал-Гури снабдил его всем необходимым.

Прибыв в Баласагун, Султан-шах объявил кара-хитаям, что его ждут в Хорезме, что народ и войска Хорезма на его стороне, и обратился к императрице за помощью для борьбы с братом⁵⁶. Снова в Хорезм были направлены кара-хитайские войска во главе с тем же Фумой, но теперь они шли с Султан-шахом против Текиша. Хорезмшах принял меры для отражения кара-хитаев. В первую очередь он открыл шлюзы на Амударье, и вода затопила все дороги и подходы к Гурганджу, который к тому же был сильно укреплен.

Фума понял, что наступление на хорезмшаха приведет только к гибели его войск, что население Хорезма вовсе не ждет Султан-шаха, как уверял кара-хитаев этот претендент на престол. Поэтому Фума приказал своим войскам уйти из Хорезма⁵⁷. Султан-шах, видя, что захват престола в Хорезме - дело безнадежное, попросил у Фумы часть его войск, чтобы с их помощью завоевать какие-либо земли и города в Хорасане. Получив от Фумы несколько тысяч кара-хитайских воинов⁵⁸, Султан-шах повернул на юг и напал на Сарахс, который находился в руках огузов. Захватив в 576/1180 г. Сарахс, Султан-шах направился к Мерву, овладел им и сделал его своей резиденцией. После этого он вернул кара-хитайские войска на их родину. Через некоторое время Султан-шах захватил Тус, Зам, Насу и Абивард⁵⁹.

В борьбе за земли Хорасана главным противником Султан-шаха был в это время упомянутый выше правитель Нишапура и других земель Хорасана Тоган-шах Абу Бакр. В сражении между ними 26 зу-л-хиджжа 576 г. х. (13 мая 1181 г.) войска Тоган-шаха были разгромлены, и в руки Султан-шаха попало все его имущество и казна. Как пишет историк: "Звезда счастья Султан-шаха

после заката снова взошла, так как он в отличие от Тоган-шаха был человеком войны и брани, а не любителем цимбал и лютни"⁶⁰.

Султан-шах в течение нескольких лет донимал Тоган-шаха постоянными набегами и в конце концов подорвал его власть в Хорасане и привлек на свою сторону большую часть его эмиров. Тоган-шах обращался за помощью к хорезмшаху Текишу и владетелю Гура Гийас ад-Дину, но не получил ее, так как эти владыки предпочитали ожидать развязки событий.

12 мухаррама 581 г. х. (15 апреля 1185 г.) Тоган-шах умер, и нишапурский престол занял его сын Санджар-шах (1185 - 1198). Однако фактическим главой владений был не он, а его атабек Менгли-Тегин⁶¹. Атабек этот был правителем жестоким и властным. Его вымогательства, поборы с населения, притеснения эмиров и казнь некоторых из них привели к тому, что многие эмиры перешли со своими войсками на службу к Султан-шаху⁶².

Как только до хорезмшаха Текиша дошли слухи об усилении Султан-шаха и о том, что Менгли-Тегин пренебрег вассальными обязательствами по отношению к Хорезму, Текиш, разумеется, решил вмешаться в эти события. Но едва он выступил с войсками в Хорасан, Султан-шах решил еще раз попытаться захватить Хорезм, однако в пути узнал, что Текиш повернул войска к его столице Мерву. Поэтому, оставив своих воинов в Амуде, Султан-шах с небольшим отрядом прорвался через расположение войск Текиша и укрепился в Мерве.

Текиш тут же повернул от Мерва и повел армию на Нишапур и в раби I 582 г. х. (май 1186 г.) осадил города⁶³. После двухмесячной осады Менгли-Тегин и Санджар-шах подчинились Текишу и были вынуждены принять условия хорезмшаха о выплате дани. Для составления условий перемирия Текиш оставил в Нишапуре своих представителей: великого хаджиба Шихаб ад-Дина Мас'уда, *хансалара* (стольника) Сайф ад-Дина Мардан-Шира и *муниши* Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади. Но едва хорезмшах уехал из Нишапура, Менгли-Тегин схватил посланцев Текиша и отправил их к Султан-шаху⁶⁴. Мало того, Менгли-Тегин арестовал находившегося в Нишапуре видного религиозного деятеля Хорезма кади и шейх ал-ислама Бурхан ад-Дина Абд ал-Азиза ибн Фахр ад-Дина Абд ал-Азиза ал-Куфи и приказал казнить его⁶⁵.

Хорезмшах счел эти репрессии в отношении своих официальных лиц вызовом и 14 мухаррама 583 г. х. (27 марта 1187 г.) вновь осадил Нишапур и приказал обстрелять город из катапульт.

После 40-дневной осады атабек Менгли-Тегин, "доведенный до крайности, прибег к посредничеству имамов и сеййидов и, отправив их к Текишу, схватился рукой за полу милосердия"⁶⁶. Город был сдан, а Менгли-Тегин доставлен к Текишу, который 17 раби I 583 г. х. (27 мая 1187 г.) вошел с войсками в Нишапур и "расстелил ковер справедливости и сострадания, очистив город от мусора и терний ненависти и насилия"⁶⁷. Все, что конфисковал Менгли-Тегин, было возвращено владельцам. Самого Менгли-Тегина хорезмшах передал имамам, которые вынесли решение (*фетву*) о передаче его отцу казненного им Бурхан ад-Дина - кади Фахр ад-Дину, по желанию которого Менгли-Тегин был казнен⁶⁸.

Нишапур и его округ вошли в состав владений хорезмшаха Текиша. Он назначил *вали* Нишапура своего старшего сына Насир ад-Дина Мелик-шаха, который был до этого наместником в Дженде, и в сентябре 1187 г. возвратился в Гургандж. Хорезмшах увез в Гургандж и Санджар-шаха. Последний вскоре стал тайно отправлять деньги в Нишапур в надежде вернуться туда. Однако он был изобличен, ослеплен и оставался в Хорезме до самой смерти (1198 г.)⁶⁹.

Хотя значительная часть Хорасана и была присоединена к владениям хорезмшаха, в Мерве и его округах и в Сабзаваре хозяйничал Султан-шах, и, едва Текиш увел свои войска из Нишапура, Султан-шах тут же напал на город. В результате ожесточенных сражений ему удалось разрушить большую часть городских стен, однако сын Текиша Мелик-шах сумел отстоять город. К этому времени подспела помощь хорезмшаха, и Султан-шах, узнав о подходе армии Текиша, ушел в Мерв. Текиш повелел восстановить стены Нишапура, после чего отвел войска в Мазандаран⁷⁰.

Весной 1188 г. при посредничестве знатных людей и эмиров Хорасана между хорезмшахом Текишем и его братом Султан-шахом было заключено перемирие. Авторитет и сила Текиша стали настолько велики, что Султан-шах безговорочно принял все условия хорезмшаха. К тому же Султан-шах остался почти без войск, так как военные и политические успехи Текиша "привлекли к нему всех хорасанских эмиров, которые до сих пор не решались перейти на его сторону"⁷¹. Согласно перемирию, Султан-шаху Текишем были пожалованы Джам, Бахарз и Зир-Пул, взамен чего Султан-шах освободил находившихся у него под стражей трех сановников хорезмшаха.

Хорезмшах объявил себя полноправным государем, и 18 джумада I 585 г. х. (4 июля 1189 г.) в городе Радекане состоялась церемония восшествия хорезмшаха на султанский престол. В связи с этими событиями многие поэты посвятили Текишу панегирики. Поэт Имади Заузани обратился к Текишу с касидой, которая начиналась так:

Хвала господу, который доверял землю от востока до запада мечу владыки мира!
Великий военачальник, повелитель вселенной, завоеватель регалей царей, господин мира Текиш-хан, сын Ил-Арслана и внук Атсыза —
владык, отца и сына, со времен Адама.
Он одним усилием овладел престолом победоносной удачи,
так, как Солнце овладевает престолом бирюзового небосвода!⁷².

После многодневных пышных торжеств осенью 1189 г. Текиш возвратился в Гургандж⁷³. Однако "злобный по натуре и строптивый по характеру"⁷⁴ Султан-шах вовсе не имел намерения покоряться воле своего брата султана Текиша. Султан-шах все еще считал себя достаточно сильным и пытался привлечь к борьбе против Текиша в качестве союзников правителей Гура. Гуриды видели в возрастающей мощи и авторитете Текиша угрозу неприкосновенности своих владений, благоволили к Султан-шаху и шли ему на уступки ради того, чтобы иметь при себе сильного врага Текиша. Усиливая Султан-шаха, даже в ущерб своим владениям, Гуриды отвлекали внимание хорезмшаха от себя и своих земель. Но Султан-шах решил, что Гуриды боятся его, и потребовал передачи ему Герата, Бушенджа, Бадгиса и их округов. Султан Гийас ад-Дин ал-Гури уговорил было своего брата Шихаб ад-Дина подписать соглашение о передаче Султан-шаху упомянутых городов и земель. Однако в дело вмешались высший духовный авторитет в государстве Гуридов алид Маджд ад-Дин ал-Алави ал-Харави, а также племянник Гийас ад-Дина Алп-Гази.

Маджд ад-Дин сказал послу Султан-шаха: «О такой-то! Скажи Султан-шаху так: "Мир с тобой заключили от имени султана Гийас ад-Дина и от имени Шихаб ад-Дина. А я, ал-Алави, говорю тебе: "Противники твои - я и Алп-Гази, и между нами и тобой - меч!"». Затем, обратившись к Гийас ад-Дину, ал-Алави сказал: "Он (Султан-шах) - тот, которого вышвырнул собственный брат и прогнал одиноким в изгнание. Так почему же ты отдаешь ему то, что отобрали мы нашими мечами у огузов - тюрок и эмиров Санджара? Ведь если об этом нашем поступке услышит его брат (хорезмшах Текиш), он захочет отобрать и то, о чем идет речь, и Индию, и все, что в твоих руках!"⁷⁵.

Короче, посол Султан-шаха вернулся ни с чем, и Султан-шах решил действовать против Гуридов силой. Однако в сражении у Мерва в 586/1190 г. он был разбит. Большая часть его войск попала в плен, а сам он возвратился в Мерв только с 1600 воинами⁷⁶. Оставшись без войск, Султан-шах решил податься к кара-хитаям, однако хорезмшах Текиш, узнав о поражении брата, перекрыл ему пути на восток и одновременно отправил войска на юг и овладел крепостью Сарахс, которую тут же разрушил⁷⁷.

Преследуемый Текишем, Султан-шах перебрался к Гуридам, которые приняли его с распростертыми объятиями как почетного гостя. Хорезмшах отправил султану Гийас ад-Дину ал-Гури послание, в котором, напомнив о разрушениях, творимых Султан-шахом в стране, и о его выступлениях против Хорезма, потребовал выдачи Султан-шаха. Однако Гийас ад-Дин сказал послу Текиша следующее: «Передай Ала ад-Дину Текишу вот что: "Что касается твоих слов о том, что Султан-шах разрушил страну и хотел овладеть государством, то, клянусь жизнью, он - владыка и сын владыки и у него высокие помыслы, и если он домогается власти, то она ему причествует, и деятелен тот, кто управляет делами и кто достоин этого. Он искал у меня убежища, [и я не могу его выдать]. Необходимо, чтобы ты ушел из его страны и отдал ему его долю, которая ему досталась от отца, его имущество и средства, которые он получил от отца"». Далее Гийас ад-Дин добавил: "Я поклянусь вам обоим в любви и дружбе, а ты провозгласишь *хутбу* с моим именем в Хорезме и отдашь свою сестру в жены моему брату Шихаб ад-Дину"⁷⁸.

Хорезмшах, естественно, был возмущен подобным ответом Гийас ад-Дина ал-Гури и отправил ему гневное послание, угрожая войной. Гийас ад-Дин снарядил войска под командованием своего племянника Алп-Гази и владетеля Сиджистана Тадж ад-Дина Хасана, передал эти силы Султан-шаху и направил их на Хорезм. Текиш также выступил со своими войсками; узнав об их приближении, Султан-шах не решился вступить в сражение и отошел. Хорезмшах возвратился в Гургандж, где всю зиму занимался снаряжением войск, готовясь к отражению возможного вторжения Султан-шаха⁷⁹.

В 588/1192 г. хорезмшах Текиш начал военные действия в Ираке Персидском, и его войска дошли до Рея. Однако из-за плохих климатических условий часть его войск погибла, и он был вынужден возвратиться в Хорезм. В пути ему сообщили, что Султан-шах, воспользовавшись его отсутствием, вторгся в Хорезм и осадил Гургандж, но затем, получив сообщение о скором возвращении Текиша, снял осаду и ушел в Мерв⁸⁰.

Весной 589 г. х. (март - апрель 1193 г.) хорезмшах Текиш вновь выступил против Султан-шаха, решив, что пришло время покончить с его сопротивлением. Когда его войска достигли Аби-

варда, посредники снова попытались достигнуть мирного урегулирования споров между братьями. Переговоры затянулись, но измена коменданта (*мустахфиза*) крепости Сарахс Бадр ад-Дина Чакрыра и переход его на сторону хорезмшаха подвели черту под многолетней войной между братьями.

Едва Текиш узнал о переходе на его сторону коменданта Сарахса, он быстро подошел к крепости, и Чакрыр сдал ему ключи от нее вместе с казной Султан-шаха и всеми запасами. "Горечь этих сообщений и унижительность этих вестей превратили светлый день [Султан-шаха] во мрак". Он понял, что надежды на захват престола или на создание прочного самостоятельного владения окончательно рухнули. Сдача Сарахса нанесла ему непоправимый удар, и через два дня, в последний день месяца рамадана 589 г. х. (19 сентября 1193 г.), Джалал ад-Дин Султан-шах Махмуд умер⁸¹.

Так закончилась длившаяся двадцать лет борьба сыновей хорезмшаха Ил-Арслана. Смерть Султан-шаха положила конец опасениям Текиша за судьбу престола хорезмшахов и развязала ему руки для свершения его замыслов расширить свои владения. Под власть Текиша перешел весь Хорасан до линии Талакан - Мерверуд - Герат. В зу-л-хиджже 589 г. х. (декабрь 1193 г.) Мерв и его округ были переданы Текишем старшему сыну Насир ад-Дину Мелик-шаху, а вали Нишапура был назначен другой его сын - Кутб ад-Дин Мухаммад⁸².

Возвышение государства Хорезмшахов

589/1193 год явился началом постепенного возвышения и усиления государства Хорезмшахов. Укрепление государства в сложной политической обстановке на востоке мусульманского мира стало возможным благодаря четкой организации административного аппарата и армии. И очень скоро это государство превращается в самое могущественное среди государственных образований Средней Азии и Ирана.

В годы длительной борьбы со своим братом хорезмшах Текиш зорко следил за развитием политических событий в местностях, прилегавших к его владениям на востоке. Как уже отмечалось, разрыв отношений с кара-хитаями положил конец зависимости Хорезма от них. Более того, Текиш в борьбе с "неверными" кара-хитаями в дальнейшем не сталкивался с серьезными прямыми действиями с их стороны. Однако кара-хитайские правители подстрекали к вторжению с востока на земли хорезмшахов кочевые кыпчакские племена и в первую очередь на территорию Дженда и его округа.

Хорезмшах Текиш, еще будучи наследным принцем, был *вали* Дженда⁸³, а когда он занял престол государства, то сам назначил сюда вали "самого любимого своего сына" Насир ад-Дина Мелик-шаха. Глава *дивана ал-инша* хорезмшаха Текиша Баха ад-Дин Мухаммад ал-Багдади составил указ, в котором ярко описывается значение Дженда для государства Хорезмшахов. Отмечая, что Дженд "является важнейшей частью земель ислама и одной из крупных областей государства", что Дженд - "основа и начало нашего победоносного государства", хорезмшах придает Дженду такое же значение, как самому Хорезму⁸⁴. В указе отмечается особая роль жителей Дженда как защитников границ "исламского султаната" и предписывается держать на военной службе лучших и опытных воинов, которые могли бы отразить любую вылазку "неверных".

Однако значение Дженда состояло еще и в том, что он находился на главном торговом пути, проходившем с востока в Хорезм. Поэтому в указе предписывалось одинаково справедливо относиться ко всем купцам - дальним и близким, тюркам и иноземцам, не препятствовать торговым сделкам, обеспечивать безопасность на дорогах, защищать товары и жизнь купцов от различного рода посягательств и т. д.

Подобного рода указ издан был только для Дженда, ибо хорезмшахи уделяли особое внимание экономическому состоянию этой области и обеспечению ее людскими резервами. И больше всех других сделал для Дженда хорезмшах Текиш.

Другим важным форпостом на правобережье Сейхуна был Барджинлиг-кенд, и Текиш сделал все, чтобы присоединить его к своим владениям. Есть указ Текиша о назначении его сына Таж ад-Дина Али-шаха *вали* Барджинлиг-кенда⁸⁵. В указе говорится о том, что Барджинлиг-кенд и другой населенный пункт этого края Рибат Тоган присоединены к Хорезму, и предписывается засылка соглядатаев из этих местностей далеко на восток на случай каких-либо вылазок со стороны врагов.

Хорезмшах Текиш главной и наиболее почетной своей задачей провозглашал борьбу с "неверными" и обращение их в ислам. Эти его устремления ярко выражены в письме, датированном рамаданом 576 г. х. (январь 1181 г.) и адресованном правителю Гура. В письме говорится, что вой-

ска Хорезма дойдут до кыпчакских земель, граничащих с окраинами его государства, и что цель, поставленная перед ними, безусловно будет достигнута⁸⁶. В другом письме, датированном мухаррамом 577 г. х. (май 1181 г.), тому же правителю Гура говорится о совместном выступлении войск Хорезма и кыпчаков против кара-хитаев⁸⁷.

Из содержания этого письма видно, что бесчисленное множество кыпчаков во главе с вождем тюркских племен Уран⁸⁸ Алп-Карой прибыли к границам Дженда и выразили желание служить хорезмшаху. Алп-Кара направил в Гургандж своего старшего сына Кырана с отрядом "детей беков племени Угур" и дал знать хорезмшаху, что он готов выступить со всеми своими сородичами туда, куда тот прикажет.

Текиш достойно принял посланцев, наградил их почетными одеждами и подарками и вместе с десятью своими военачальниками отправил кыпчаков в Дженд, в распоряжение своего сына Насир ад-Дина Мелик-шаха. Хорезмшах приказал сыну снарядить находящееся под его командованием войско Дженда и вместе с воинами Алп-Кары начать завоевание земель "проклятых" кара-хитаев, полностью изгнать этих "неверных" с занятых ими земель или же уничтожить.

Одновременно в джумада II 577 г. х. (октябрь 1181 г.) хорезмшах Текиш отправляет письмо владетелю Ирака и Азербайджана атабеку Джахан-Пехлевану, в котором излагает эти же сведения и добавляет, что посланные против кара-хитаев войска достигли Тараза и что среди военачальников - Кыран, с которым Джахан-Пехлеван состоит в родственных отношениях⁸⁹.

В третьем письме Гийас ад-Дину ал-Гури в числе городов, пославших ему войска для осады крепости Сарахс, хорезмшах называет Канд (Шахр(и)кенд)⁹⁰ - возможно, этот город находился в подчинении хорезмшаха⁹¹.

Как видно, начиная с 1180 г. войска хорезмшаха вторгались не только в округ столицы кара-хитаев Баласагуна, но (совместно с войсками малика Сыгнака) проникали дальше, в глубь земель кара-хитаев⁹².

В это же время сам хорезмшах совершил поход в Мавераннахр и захватил Бухару 12 джумада II 578 г. х. (14 октября 1182 г.)⁹³. О ходе сражения за город рассказывает его победная грамота (*фатх-наме*)⁹⁴. Завоевание Бухары именуется в этой грамоте "великим джихадом" (*джихад-и а'зам*). В грамоте говорится, что войска Хорезма, "страшные, как огонь, и быстрые, как ветер, в одно мгновение" перешли Джейхун и вторглись в земли Бухары. В Бухаре стала читаться *хутба* и чеканиться монета с именем хорезмшаха Текиша⁹⁵, и хорезмшах огласил здесь два *фирмана*, в которых выражает благодарность одному из сеййидов, оказавшему содействие в захвате Бухары. Сеййид этот был назначен на место смещенного хатиба и муфтия Бухары Бадр ад-Дина, и ему хорезмшах поручил огласить в городе *хутбу*, в которой после имени халифа оглашалось имя Текиша.

Взятие Бухары оказалось для Текиша делом нелегким. Жители города отказывались сдать и даже стали издеваться над хорезмшахом. Они взяли одноглазую собаку (Текиш был слеп на один глаз), надели на нее кафтан и *калансуву* и, выставив ее на крепостной стене, стали кричать: "Вот ваш хорезмшах!". Затем они выстрелили ею из катапульты с криком: "Вот ваш султан!". Хорезмийцы отвечали им: "О воинство безбожия (*йа аджнад ал-куфр*)! Вы уже отреклись от ислама и продолжаете упорствовать в этом!". Но, когда Бухара была взята, хорезмшах оказался милостивым и не покарал жителей за их дерзость⁹⁶.

В период борьбы с Султан-шахом хорезмшах Текиш старался поддерживать хорошие отношения с правителями соседних государств. Официальные документы, включенные главой дивана ал-инша хорезмшаха Баха ад-Дином ал-Багдади в сборник *атт-Тавассул ила-н-тарассул*, дают возможность проследить ход дипломатической деятельности Текиша в этот период.

Основным соперником хорезмшаха в решении вопросов, связанных с Хорасаном, был владетель Гура султан Гийас ад-Дин ал-Гури. Однако во время борьбы с братом Текиш старался поддерживать с Гийас ад-Дином нормальные отношения, и каждый из соперников в своих письмах обращался к другому, называя его "братом" (*барадар*). Самое раннее письмо хорезмшаха Гийас ад-Дину датировано рамаданом 576 г. х. (январь 1181 г.). За месяц до этого Гийас ад-Дин отправил в Хорезм своего посла эмира Хумам ад-Дина, который успешно справился с возложенной на него миссией, и стороны договорились о мирных отношениях. В свою очередь, хорезмшах отправил ко двору Гийас ад-Дина вместе с Хумам ад-Дином своего посла *сеййида ал-умара ва-н-нувваб* Фахр ад-Дина⁹⁷.

Письмо, доставленное Фахр ад-Дином, касалось проблем, связанных с Султан-шахом, посягавшим на земли вассала хорезмшаха владетеля Нишапура Тоган-шаха. Для Текиша в соперничестве с его братом Султан-шахом было важно добиться нейтралитета Гийас ад-Дина ал-Гури, и хорезмшаху это удалось. После этого Текиш предупредил своего "самого дорогого брата" Султан-шаха, чтобы тот ни в коем случае не посягал на владения Тоган-шаха, которые были объявлены

землями *хасс* хорезмшаха, чтобы он вступил в дружественные отношения с Тоган-шахом и ничего не замыслил против него. То, что Гийас ад-Дин не противодействовал мерам Текиша, свидетельствует о взросшем авторитете последнего⁹⁸.

Однако такое положение в Хорасане не устраивало самого хорезмшаха, так как наличие постоянной угрозы со стороны Султан-шаха связывало руки Текишу, который стремился разрешить сложные задачи, связанные с захватом земель Хорасана.

Успокоив Гийас ад-Дина заверениями в дружбе, хорезм-шах разорвал перемирие с Султан-шахом и пошел походом на Сарахс. На сей раз в составе войск хорезмшаха были войска Дженда, Барджинлиг-кенда и Мангышлака, к которым в пути должны были примкнуть войска Джурджана, Дихистана, Абиварда, Насы и Нишапура.

О своем выступлении на Сарахс Текиш сообщал Гийас ад-Дину в письме, датированном муххаррамом 578 г. х. (май 1182 г.). Начав письмо с пожеланий мира для обоих государств, хорезмшах напоминает Гийас ад-Дину о существующем между ними соглашении и приглашает владетеля Гура к участию в походе на Сарахс, оговаривая, на случай невозможности выступления самого Гийас ад-Дина, отправку им войск пограничных областей. Повторив приглашение Гийас ад-Дину лично участвовать в этом походе, хорезмшах, ссылаясь на дружбу, просит не задерживать отправку этих войск⁹⁹.

Таким образом, военные силы хорезмшаха Текиша действовали сразу на двух направлениях: на правобережье Сырдарьи совместно с кыпчаками под командованием Кырана, сына Алп-Кары, и в Хорасане. После захвата Сарахса Текиш должен был начать прямое вмешательство в дела Мавераннахра.

Не получив на сей раз ожидаемой помощи, хорезмшах отложил на год осаду Сарахса. А в это время положение в Хорасане крайне осложнилось, и отряды различных группировок эмиров, а также и самого Султан-шаха стали вторгаться не только в земли самого Хорезма, но и во владения Гуридов. Поэтому Гийас ад-Дин сам перешел в наступление, и его войска вошли в области Сарахса и Хабарана. Гийас ад-Дин разгромил владетелей окрестных крепостей и, добившись в этих местах спокойствия, сообщил об этом хорезмшаху.

Текиш с подобной целью двинул было на Хорасан 10-тысячную передовую армию, но, получив от послов Гийас ад-Дина ал-Гури сообщение о том, что порядок в Хорасане восстановлен, отозвал армию назад, тем более что наступившая жестокая зима и отсутствие фуража нанесли бы этим войскам большой урон.

С наступлением весны хорезмшах стал готовиться к новому походу на Сарахс и снова обратился за помощью к Гийас ад-Дину ал-Гури¹⁰⁰.

Из письма хорезмшаха, датированного рамаданом 578 г. х. (январь 1183 г.), видно, что и на этот раз осада Сарахса не была предпринята и войска хорезмшаха не подходили к его округу¹⁰¹. Изменив свое намерение, хорезмшах повернул войска на Мавераннахр и, как уже было сказано, захватил Бухару: эту операцию Текиш считал для себя более выгодной. А Гийас ад-Дину он написал, что выполнил поставленные задачи и, подтвердив свой авторитет, возвратился в Хорезм, а не в Хорасан, так как кони его устали и наступила зима с холодными и непрерывными дождями.

На сей раз хорезмшах считал для себя более важным уделить главное внимание кара-хитаям и Мавераннахру. И пока его влияние в Мавераннахре не укрепилось, Текиш занимал в отношении Хорасана выжидательную позицию. Какими бы хитроумными и витиеватыми выражениями ни пестрели письма хорезмшаха султану Гийас ад-Дину ал-Гури, какие бы заверения в дружбе и сотрудничестве ни высказывались в них, Текиш оставался непоколебим в разрешении поставленных задач и на восточных, и на южных рубежах Хорезма. Но вмешательство в дела Хорасана, а затем и в дела Ирака Персидского и борьба с Сельджукидами - все это составляло своего рода программу-максимум хорезмшаха. А пока все его внимание было обращено только на Мавераннахр.

В письме Гийас ад-Дину ал-Гури, датированном раби II 579 г. х. (август 1183 г.) и отправленном им из Абиварда, говорится, что задачей хорезмшаха является оборона владений "давно перешедшего под его защиту сына Тоган-шаха". У хорезмшаха 50 тыс. стрелков-тюрок, которые с момента прихода в Хорасан только тем и занимаются, что громят тех, кто пытается посягнуть на его вассала¹⁰².

Когда после смерти Тоган-шаха в апреле 1185 г. правителем Нишапура стал его сын Санджар-шах, при нем (или, точнее, при фактическом правителе атабеке Менгли-Тегине) состояние дел в Хорасане оказалось таково, что хорезмшах Текиш в конце концов присоединил эти владения к Хорезму.

В этот период наладились добрососедские отношения между хорезмшахом Текишем и владетелем Мазандарана и Гиляна *испахбадом* Хусам ад-Даулой Ардаширом (1171 - 1205). Оба государя постоянно обменивались посольствами и подношениями. Их дружеские взаимоотноше-

ния укрепились еще более после того, как хорезмшах выдал свою дочь Шах-хатун за Ардашира¹⁰³. А когда хорезмшах был занят разгромом Менгли-Тегина, испахбад Ардашир послал ему на помощь двухтысячный отряд воинов. Письмо хорезмшаха испахбаду Ардаширу, отправленное по этому поводу, свидетельствует о вассальной зависимости *испахбада (испахбад му'аззам фарзанд)*, который посылал свои войска хорезмшаху по первому его требованию¹⁰⁴.

Получал хорезмшах требуемую помощь и от владетеля (*малик*) Насы Имад ад-Дина Мухаммада ибн Умара¹⁰⁵.

По-разному складывались взаимоотношения хорезмшаха с Сельджукидами Ирака, или, точнее, с атабеками Азербайджана, в чьих руках находилась фактическая власть в Ираке Персидском.

После того как атабеком Азербайджана стал Мухаммад Джахан-Пехлеван (1175 - 1186), между ним и Текишем установились дружественные отношения. Хорезмшах прислал атабеку письмо, в котором "заверял его в дружбе и искренности. На протяжении жизни атабека между ним и хорезмшахом поддерживались отношения дружбы и согласия"¹⁰⁶.

В сборнике официальных документов, составленных Баха ад-Дином Мухаммедом ал-Багдади, сохранилось четыре письма хорезмшаха "великому атабеку Шамс ад-Даула ва-д-Дину Пехлевану Ирака". Все четыре письма выдержаны в духе дружелюбия, и в них ощущается заинтересованность Текиша в мирных отношениях с атабеком, которого хорезмшах называет только "высокородным братом" (*барадар-и хумайун*).

В письме, датированном мухаррамом 577 г. х. (май 1181 г.), отмечается польза взаимного обмена посольствами и объясняются причины, побудившие хорезмшаха вторгнуться в марте 1181 г. в Хорасан. Текиш просит извинения у атабека и пишет, что "впредь подобные события, явившиеся причиной разногласий и недовольств, не повторятся"¹⁰⁷.

Во втором письме атабеку, датированном раби II 577 г. х. (август 1181 г.) и отправленном хорезмшахом с послом атабека эмиром Рашид ад-Дином, сообщается, что посол доставил ему письма атабека, с которыми он ознакомился, и что он долгое время пребывал под впечатлением их содержания. Хорезмшах сообщает, что обещанный атабеку в качестве подарка охотничий кречет отправлен ему с Рашид ад-Дином. Текиш снова сожалеет, что число посольств "высокородного господина" (*джанаб-и хумайун*) уменьшилось, выражает беспокойство по поводу прекращения "высокого обмена посланиями" (*муха-табат-е бузургвари*) и высказывает пожелание, чтобы между ним и атабеком состоялась по меньшей мере одна встреча¹⁰⁸.

В третьем письме, датированном джумада II 577 г. х. (октябрь 1181 г.), хорезмшах сетует на то, что отдаленность Хорезма от столицы атабека Джахан-Пехлевана не позволяет осуществить более регулярный обмен посланиями. Однако хорезмшах уведомляет, что он постоянно в курсе событий, происходящих в Высоком собрании атабека (*маджлис-и сами*), что граница между государствами пребывает в спокойствии, с удовлетворением отмечает, что затруднения в государстве атабека постепенно устраняются. Хорезмшах благодарит атабека за единство, существующее между ними, и за его послание, доставленное благородным эмиром Салах ад-Дином, которого хорезмшах задерживает у себя так долго потому, что его прекрасная и мудрая речь радует его, так как, поистине, личность посла еще раз свидетельствует о том, что пославший его атабек на самом деле является другом. Салах ад-Дин своими глазами видел прибытие огромного войска кыпчаков к границам Дженда на службу к хорезмшаху, после чего они вместе с воинами из Барджинлигкенда, Шахр(и)кенда, Рабатата и других местностей займутся "истреблением неверия и безбожия в соседних с Хорезмом областях". Хорезмшах выражает пожелание, чтобы он и атабек заранее уведомляли друг друга обо всем серьезном, что происходит в окружающем их мире¹⁰⁹.

В четвертом письме атабеку, датированном раджабом 578 г. х. (ноябрь 1182 г.), хорезмшах снова просит извинения за то, что редко отправляет атабеку письма и посольства, но пишет, что от этого дружба между ними не пострадает, но окрепнет еще больше. Хорезмшах просит атабека принять отправленные ему подарки, так как они преподносятся от чистого сердца, и надеется, что между ними всегда будут "открыты пути радости и закрыты дороги недоверия". Хорезмшах извещает атабека, что Хорасан и прилегающие земли полностью покорились ему, и сообщает, что ему служат бесчисленные отряды кыпчаков, которые находятся во всех концах Туркестана¹¹⁰.

20 раби II 587 г. х. (23 августа 1182 г.) хорезмшах отправил письмо ширваншаху Минучихру III (1160 - 1197), в котором выражает надежду на скорую встречу и искренние стремления к укреплению дружеских взаимоотношений. Хорезмшах выражает удовольствие от бесед с послом ширваншаха эмиром Фарид ад-Дином и передает с ним сообщение о том, что он с 10-тысячным войском выступает в Хорасан для освобождения тамошнего народа от притеснений. Сообщается, что вместе с Фарид ад-Дином он отправляет в Ширван своего посла Джамал ад-Дина, с которым хорезмшах передает свои наилучшие пожелания и сообщит обо всем, что происходит в Хорезме,

что владетель Сыгнака со всеми своими войсками перешел к нему на службу и ему поручено уничтожить всех "неверных" на рубежах его владений¹¹¹.

Хорезмшах Текиш поддерживал хорошие отношения и с преемником атабека Джахан-Пехлевана атабеком Кызыл-Арсланом (1186 - 1191). Однако после убийства Кызыл-Арслана государство атабеков Азербайджана было разделено на удельные владения между четырьмя сыновьями атабека Джахан-Пехлевана. Хамадан и соседние области Ирака Персидского были захвачены сыновьями атабека от дочери владетеля Рея Инанча - Инанч-хатун: Кутлуг-Инанчем и Амир Амираном Махмудом. Сама Инанч-хатун оставалась в Рее¹¹².

Таким образом, государство атабеков Азербайджана оказалось раздробленным, хотя разделение это не было окончательным и не исключало новой междоусобной войны, тем более что в раби II 588 г. х. (апрель - май 1192 г.) из заточения вышел арестованный еще Кызыл-Арсланом последний сельджукский султан Тогрул III¹¹³.

Султан Тогрул III быстро собрал войско из числа своих сторонников и 15 джумада II 588 г. х. (28 июня 1192 г.) разгромил у Казвина армию Кутлуг-Инанча. Кутлуг-Инанч бежал, а большая часть его войск перешла на сторону Тогрула III¹¹⁴. После этой победы Тогрул III торжественно вступил в Хамадан и вновь занял султанский престол. Что касается Кутлуг-Инанча, то он укрылся у матери в Рее и отсюда отправил к хорезмшаху Текишу послов с сообщением о том, что Тогрул III овладел Ираком Персидским. Одновременно Кутлуг-Инанч просил хорезмшаха о помощи против Тогрула III. Текиш, воспользовавшись неопределенностью положения в Ираке, решил, что настало время вмешаться в этот конфликт, и в начале 589 г. х. (январь 1193 г.) направил свои войска на захват Персидского Ирака¹¹⁵.

Армия хорезмшаха овладела Реем и крепостью Табрак, захватила большую добычу и стала хозяйничать в стране. Кутлуг-Инанч и его мать, испугавшись сил хорезмшаха, укрылись в крепости Сарджахан. Этим воспользовался султан Тогрул III и, отправив Текишу богатые подношения, стал домогаться покровительства и помощи хорезмшаха в борьбе против Кутлуг-Инанча. Тогрул III выдал свою дочь за сына Текиша Йунисхана и даже обещал чеканить монеты и читать в Иракском султанате *хутбу* с именем хорезмшаха¹¹⁶, что означало бы признание вассальной зависимости сельджукского султана от хорезмшаха. По заключенному между Тогрулом III и хорезмшахом Текишем соглашению, Рей остался за хорезмшахом.

В это время хорезмшах получил известие о вторжении войск его брата Султан-шаха в Хорезм. Поэтому Текиш, собрав с захваченных земель харадж и оставив в Рее и Табраке гарнизоны хорезмийцев во главе с эмиром Тамгачем, спешно возвратился в Хорезм¹¹⁷.

Воспользовавшись уходом хорезмшаха, султан Тогрул III первым нарушил соглашение и весной 589 г. х. (март - апрель 1193 г.) атаковал гарнизоны хорезмийцев, перебил их, захватил Рей и Табрак и отправил голову убитого эмира Тамгача в Хорезм¹¹⁸. Кутлуг-Инанч бежал в Занджан, откуда направил послание хорезмшаху с просьбой о помощи против султана Тогрула III.

В это же время к Текишу с посланием обратился и аббасидский халиф ан-Насир (1180 - 1225). Он тоже жаловался на султана Тогрула III, который вторгся в области, подвластные халифу. Вместе с посланием халиф отправил хорезмшаху указ (*манишур*) о даровании ему в качестве *икта'* всех земель, находившихся под властью Тогрула III.

Предвидя выгоду от участия в междоусобной борьбе в Иракском султанате, хорезмшах тотчас же выступил (в 590/1193 г.) с войсками из Хорезма. В Семнани к его войскам присоединился Кутлуг-Инанч со своими сторонниками и иракскими эмирами, покинувшими султана Тогрула III¹¹⁹.

Представ перед троном хорезмшаха, Кутлуг-Инанч "поцеловал землю перед ним, рассказал о своем положении и о том, что ему пришлось претерпеть. Хорезмшах Ала ад-Дин Текиш принял его благосклонно, оказал ему милость, был щедр к нему и обещал ему помочь. Он приказал одарить Инанча и его спутников великолепными почетными одеждами"¹²⁰.

Узнав о выступлении хорезмшаха, Тогрул III спешно отправился с войсками в сторону Рея. Перед началом сражения Тогрул III получил от старшего хаджиба хорезмшаха Шихаб ад-Дина Мас'уда послание, в котором тот уговаривал султана пойти на мир с Текишем и уступить его требованиям. Старший хаджиб писал: "Хотя я и мамлюк султана Ала ад-Дина Текиша, возвращен его благодеяниями и милостью и являюсь игрушкой в его руках, это обстоятельство не мешает мне дать тебе добрый совет. Нет ни одного воина, надевшего на голову *калансуву*, который бы не повиновался тебе в силу твоего права на власть: ведь твои предки - султаны и сыновья султанов, их власть распространялась на различные страны, они завладели всеми землями и на службе у них находилось множество людей. Я советую тебе отойти от Рея к Саве, остаться там и заключить мир с султаном Ала ад-Дином Текишем, а мы будем посредниками между тобою и им. Пределом его требований к тебе будет твой уход из Рея. Это нужно ему для того, чтобы люди знали, что его пре-

стиж и честь в его стране не поколеблены в глазах владык неверных (*мулук ал-куффар*). Ведь им известно, что Рей принадлежит ему, но люди его изгнаны из города и им владеет другой. У него нет, кроме этого, никакого другого стремления, и, если ты откажешься от Рея в его пользу, он удовлетворится этим и снова уйдет в Хорезм, оставив в Рее своего сына. А сын его, если он будет в Рее, окажется под твоей властью будет подчиняться твоему приказу и соблюдать твои запреты. Получится, что султан вернулся по доброй воле и без кровопролития, и все останется так, как оно есть"¹²¹.

Получив это письмо, султан Тогрул III стал советоваться с эмирами, и эмир Нур ад-Дин Кара сказал султану следующее: "Это верная мысль, нам так и нужно поступить: отправиться в Саве и оставаться там до тех пор, пока к нам не придут наши войска из Исфахана и Занджана. А если хорезмшах Ала ад-Дин Текиш станет преследовать нас, мы остановимся перед ним в узком проходе между Саве и Мушкуйа и воспрепятствуем ему в этой попытке. Если же это нам не удастся, мы уйдем в Исфахан, а если он нападает на нас в Исфахане, то вернемся в Хамадан. Он не сможет покинуть свою страну и не станет следовать за нами с места на место, и тогда мы сможем заключить с ними мир на благо мусульман"¹²².

Султан Тогрул III отверг эти предложения и заявил: "Это хорошее мнение! О если бы сердце мое позволило мне поступить так, не думая о том, что народ скажет обо мне, мол, я бежал от этого человека из трусости! Кроме того, хорезмийцы войдут в Рей и станут управлять его жителями, а эти люди выказали мне свою любовь и приверженность. Хорезмийцы будут властвовать там, станут притеснять их и чинить им обиды. Поэтому я не поступлю так!"¹²³.

Не ожидая подхода своих основных сил, султан Тогрул III 9 раби I 590 г. х. (4 марта 1194 г.) репшил вступить в борьбу с хорезмшахом и близ Рея напал на авангард хорезмийцев, во главе которого стоял Кутлуг-Инанч. С 60 гулямами султан Тогрул III бросился на этот авангард и во время стычки был ранен в глаз стрелой и упал с коня. К нему подъехал Кутлуг-Инанч, и Тогрул III обратился к нему: "О Махмуд! Подними и увези меня. Это будет лучше и для тебя, и для меня!". Но Кутлуг-Инанч Махмуд отрубил султану Тогрулу III голову и отвез ее хорезмшаху. Однако Текиш, по крайней мере на словах, не одобрил действий Кутлуг-Инанча и сказал ему: "Для меня было бы желаннее и лучше, если бы ты привез его живым. Увы! Его судьба повелела иначе!". Хорезмшах отправил голову султана Тогрула III в Багдад, где она в течение нескольких дней была выставлена у Нубийских ворот. Тело султана было вздернуто на виселицу на базаре Рея.

"Когда был убит султан Тогрул III - последний сельджукский владыка, от раскаленных угольев рода Сельджука осталась одна зола, которую развеял ветер!" - пишет историк Садр ад-Дин ал-Хусайни¹²⁴.

После гибели Тогрула III хорезмшах Текиш 4 раджаба 590 г. х. (25 июня 1194 г.) занял Хамадан и большую часть Персидского Ирака и распределил захваченные земли среди своих эмиров. Исфахан он передал Кутлуг-Инанчу, Хамадан - эмиру Карагезу, а Рей - своему сыну Йунис-хану, назначив к нему атабеком эмира Майачука¹²⁵. Хорезмшах унижил иракских эмиров, заставил их прекратить всякие военные действия и полностью овладел всеми сокровищами Персидского Ирака. Он распустил чиновничий аппарат, назначив новых лиц на должности в диванах, отобрал земли *икта'* у прежних владельцев и передал их своим людям. После пышных торжеств в Хамадане хорезмшах возвратился в Гургандж.

Халиф ан-Насир полагал, что хорезмшах Текиш, находясь в Ираке Персидском, передаст в его владение часть земель Тогрула III, ибо его войска под командованием везира Ибн ал-Кассаба также принимали участие в военных действиях против султана. Однако хорезмшах не предложил халифу каких-либо областей. Тогда халиф, желая подчеркнуть важность своей инвеституры, поручил везиру вручить Текишу грамоту о передаче земель султана Тогрула III во владение хорезмшаху и облачить его в почетные султанские одежды. Отправляя везира Ибн ал-Кассаба с грамотой и подношениями, халиф сопровождал его 10-тысячным войском, состоявшим из курдов и арабов-бедуинов.

Прибыв к Асадабадскому перевалу, везир передал хорезмшаху следующее: "От Высокого дивана Халифата тебе соизволили пожаловать почетную одежду и грамоту на владение государством. Везир государства ради этого важного дела дошел до этого места и во исполнение должного за эту милость требует того, чтобы султан Текиш выехал к нему навстречу с немногими воинами, но с большим смирением и шел пешком, рядом со стремянем коня везира!"¹²⁶. Однако хорезмшах заподозрил, что его хотят завлечь в ловушку, и отдал приказ о нападении на лагерь войска везира. Везиру удалось бежать, но воины Текиша преследовали его до самого Динавара и захватили большие трофеи.

После этого конфликта отношения хорезмшаха Текиша с Халифатом были окончательно испорчены¹²⁷. Вражда между хорезмшахом и халифом еще более усилилась после того, как Текиш

"потребовал у халифа признать его власть и восстановить в Багдаде султанский дворец в том виде, каким он был при Сельджукидах"¹²⁸. Халиф ан-Насир отклонил требование хорезмшаха, и с той поры между хорезмшахами и халифом ан-Насиром началась вражда, которая прекратилась только с вторжением монголов и падением государства Хорезмшахов. Прежде всего халиф ан-Насир никак не мог согласиться с захватом хорезмшахом земель Ирака Персидского. И едва Текиш возвратился в Хорезм, как по подстрекательству халифа в Ираке развернулась междоусобная война. Владелец Исфахана Кутлуг-Инанч перешел на сторону халифа и вопреки обязательству о союзе с сыном Текиша Йунис-ханом и его атабеком эмиром Майачуком вступил с ними в открытую борьбу. В сражении у Занджана Кутлуг-Инанч был разбит Майачуком и с остатками своих войск прибыл в ставку везира халифа Ибн ал-Кассаба у Хулванского прохода¹²⁹. Везир наградил Кутлуг-Инанча почетными одеждами и передал в его распоряжение всю свою конницу. Войска под командованием Кутлуг-Инанча и везира через Керманшахан двинулись на Хамадан. После короткого сражения в шаввале 591 г. х. (сентябрь 1195 г.) Йунисхан и Майачук были выбиты из Хамадана. Овладев прилегающими к Хамадану землями, Кутлуг-Инанч и Ибн ал-Кассаб подошли к Рею. Здесь хорезмийские войска вновь были разбиты и отошли к Бистаму и Джурджану. Вскоре весь Ирак Персидский был очищен от войск Хорезма¹³⁰.

Однако не прошло и нескольких месяцев, как Кутлуг-Инанч и иракские эмиры поняли, что везир Ибн ал-Кассаб действует только в интересах Халифата и что главная цель его - ограбление страны. Когда Кутлуг-Инанч стал выражать недовольство действиями войск Ибн ал-Кассаба, последний напал на него и вынудил бежать. Везир достиг Кутлуг-Инанча у города Караджа, где он был окончательно разбит и едва спасся бегством¹³¹.

После этого везир Ибн ал-Кассаб возвратился в Хамадан. Через несколько месяцев к нему прибыл посол хорезмшаха Текиша, который выразил недовольство действиями халифских войск и потребовал их вывода из Ирака Персидского. Однако везир отказался выполнить это требование, и хорезмшах направил свои войска на Хамадан. Текишу не удалось встретиться с Ибн ал-Кассабом, ибо тот умер в шаввале 592 г. х. (июль 1196 г.) В его войсках начался разброд, и хорезмшах, воспользовавшись этим, разбил армию халифа, захватил много трофеев и овладел Хамаданом. Здесь он приказал вытащить тело Ибн ал-Кассаба из могилы и сжечь его¹³².

После этих событий Майачук и несколько других эмиров хорезмшаха вступили в мирные переговоры с Кутлуг-Инанчем и попросили у него разрешения прибыть в его ставку. Однако это была уловка, задуманная дочерью убитого Кутлуг-Инанчем султана Тогрула III. Она стала женой Йунис-хана и решила отомстить за своего отца. Майачуку и его сообщникам удалось завлечь Кутлуг-Инанча в западню и убить его¹³³.

Воспользовавшись отсутствием хорезмшаха, халиф ан-Насир по просьбе главы шафиитов Исфахана Садр ад-Дина ал-Ходженди послал на захват города армию под командованием Сайф ад-Дина Тогрула. Гарнизон хорезмийских войск не выдержал осады, сдал город и ушел в Хорасан. Исфахан в 591/1195 г. вновь перешел в руки халифа ан-Насира¹³⁴.

Когда хорезмшах покидал Персидский Ирак, он решил передать его под управление другого сына атабека Джахан-Пехлевана - Абу Бакра. Текиш написал ему: "Мы приветствуем нашего сына Абу Бакра и спрашиваем о его здоровье и самочувствии. Он должен знать, что у нас в Хорезме важные дела. Мы считаем необходимым оставить Хамадан на попечение нашего сына, который должен управлять им". Однако атабек Абу Бакр, сославшись на занятость делами на границах с грузинами, отказался прибыть к хорезмшаху и вместо себя послал своего брата атабека Узбека¹³⁵.

Узбек прибыл в Хамадан, где хорезмшах Текиш принял его с почетом и поручил ему правление Ираком Персидским. Руководителем (*мудаббиром*) Узбека стал Джамал ад-Дин Аи-Аба, взявший под контроль все дела управления¹³⁶.

В 591/1195 г. после отъезда хорезмшаха в Хорезм мамлюки атабека Джахан-Пехлевана вошли в сговор с некоторыми эмирами Ирака и приняли решение начать борьбу с хорезмшахом. Во главе этой коалиции стал мамлюк эмир Изз ад-Дин Гекча. Его сторонники, овладев Реем и его округом, двинулись на Исфахан, чтобы изгнать оттуда гарнизон хорезмийцев. Однако подойдя к городу, они узнали, что хорезмийцы уже изгнаны из него войсками халифа ан-Насира под командованием Сайф ад-Дина Тогрула. Договорившись о совместных действиях, Гекча и Тогрул стали преследовать хорезмийцев, и вскоре ими был захвачен весь Ирак Персидский. Рей с округом, Саве, Кум и Кашан остались во владении Гекчи, а Исфахан, Хамадан, Занджан и Казвин переходили во владение халифа ан-Насира. Халиф послал Гекче *манишур*, закреплявший за ним захваченные им земли с условием, что эти области будут в формальном подчинении Гекчи, а налоги с них будут поступать в халифскую казну¹³⁷.

В 592/1196 г. между армиями хорезмшаха и халифа вновь произошло жестокое сражение, в результате которого войска халифа были разгромлены и хорезмшах снова установил свое господство над Хамаданом, Реем и Исфаханом. Когда войска хорезмшаха окружили Хамадан, эмир Майачук предупредил жителей города и халифский гарнизон, чтобы они не сопротивлялись хорезмийским войскам, иначе последует разгром города и округа. Жители Хамадана заявили, что они не сдадут город, пока не увидят самого хорезмшаха. Майачук окружил город, конфисковал в округе весь скот и сообщил об этом Текишу. 19 ша'бана 592 г. х. (18 июля 1196 г.) хорезмшах прибыл к Хамадану и объявил, что может принять тех, кто этого пожелает. Направив в город посланца, он велел передать: "Если вы не верите, то пришлите своих доверенных, пусть они увидят меня и сдадут город. Иначе я возьму его силой и все переверну в нем вверх дном!". Никто не решался откликнуться на это предложение, пока несколько авторитетных лиц из числа жителей не вышли из города и не удостоверились, что это действительно хорезмшах Текиш. Они облобызали ему руки и объяснили, что не сдавали город, полагая, что Майачук изменил хорезмшаху. Хорезмшах сказал посланцам Хамадана: "Никто никому ничего не должен. И если кто-либо из нашей армии сотворит негодное дело, мы разрешаем убить такого!". Город был сдан и гарнизон багдадских войск был взят в плен. Хорезмшах наградил именитых эмиров гарнизона почетными одеждами и сказал им: "Мы тоже рабы Эмира верующих! Если вы хотите, то оставайтесь здесь, а если нет - уходите!". Текиш, однако, распорядился, что если хотя бы один арабский воин наденет хорезмийский головной убор, то такому должно немедленно отрубить голову. Эта мера была вызвана тем, что арабы под видом хорезмийцев грабили население Хамадана¹³⁸.

Как только халиф ан-Насир понял, что его попытка захватить Ирак Персидский закончилась неудачей, он изменил тактику борьбы с хорезмшахом. Когда Текиш находился в Хамадане, из Багдада прибыл посол халифа Муджир ад-Дин Махмуд ал-Багдади. По пути следования посла к дворцу расстелили дорожку из нескольких слоев атласа и парчи, рассыпали много золотых монет. Приветствуя посла, хорезмшах даже приподнялся на троне!

Муджир ад-Дин сказал: "Эмир верующих спрашивает о вашем здоровье и самочувствии!". Когда посол произносил имя халифа, Текиш вставал, демонстрируя свое почтение и уважение к халифу. Муджир ад-Дин сказал: «Эмир верующих говорит: "Твой отец и твой дед получали средства к жизни от нас. Теперь мы передаем их тебе, ты обращай с ними экономно и не пытайся творить бессмысленные дела. Иначе я соберу против тебя войска, подниму в странах людей на войну с тобой и будет пролита кровь!"».

Хорезмшах ответил: "Власть принадлежит Эмиру верующих, и я только один из его *шихн*. У меня очень много врагов, но я сильнее их всех. Однако я не могу оставаться без войск. Глава войскового дивана доложил нам, что у нас 170 тыс. конницы, а это количество войск не может быть обеспечено при условиях, предлагаемых халифом. Если халиф окажет милость и подарит мне Хузистан, наши потребности будут удовлетворены"¹³⁹.

Муджир ад-Дин ушел к себе, а на следующий день внезапно умер в отведенных ему покоях. Хорезмшах отправил в Багдад людей халифа, и вместе с ними в столицу Халифата выехал посол хорезмшаха хаджиб Шихаб ад-Дин Мас'уд ал-Хорезми.

Как пишет историк Раванди, "Эмир верующих этими своими мерами причинил вред только самому себе!"¹⁴⁰. Хорезмшах прекрасно разбирался в политической обстановке и видел слабость халифа ан-Насира. Поэтому он через своего посла потребовал оглашения в столице Халифата хутбы со своим именем и восстановления для него в Багдаде дворца сельджуцких султанов. Халиф оставил запросы хорезмшаха без ответа, и посол Текиша вернулся ни с чем¹⁴¹.

Халиф ан-Насир стал искать способы отразить угрозы хорезмшаха. Он решил привлечь на свою сторону Майачука - наместника Текиша в Ираке Персидском. Халиф отправил Майачуку любезное послание: "Султан-хорезмшах - владыка, однако настоящим и действительным владыкой мира, Пехлеваном вселенной, вторым Рустамом, победоносным завоевателем, стражем границ государства (*кыр-исфахсалар*) и наместником (*на'иб*) Эмира верующих является только Шамсаддин Майачук!"¹⁴².

Майачук был склонен принять предложение халифа и даже двинул войска к Хамадану, жители которого поддались на его уговоры и готовы были сдать ему город. Однако 20 раджаба 594 г. х. (8 июня 1197 г.) в Хамадан прибыл посланец хорезмшаха Текиша с указом, который гласил: "Справедливый владыка, победоносный завоеватель, великий хаджиб, малик эмиров Востока и Запада Шамс ад-Дин, *улуг-хаджиб*, воитель (*гази*), *кыр-исфахсалар* Майачук, помощник Эмира верующих, является нашим рабом, и его справедливость нам известна. Мы решили, что он, будучи нашим наместником (*на'иб*) во всем Ираке, будет исполнять все наши распоряжения. Он является прибежищем ра'исов, кади и прочих должностных лиц".

Получив от хорезмшаха, находившегося далеко в Хорезме, такой указ, Майачук почувствовал себя свободным в своих действиях и начал совершать в стране разбой и грабежи. Его войска бесчинствовали во всем Ираке Персидском - от Хамадана до Ахбара и Зандажана. "Они убивали каждую курицу, петуха, который осмеливался кукарекать, отбирали у земледельцев рабочих быков, издевались над людьми, повергая их в горе и печаль и читая им такие стихи:*

Если ты ничего не имеешь, то немного чему-нибудь подучись,
ибо тому, кто ничего не имеет, нет никакой цены.
Богатым становится тот, у кого храброе и щедрое сердце,
поэтому научись собирать деньги, думай об этом!
Все, что есть у человека, должно быть съедено!
С тех пор, как рука моя оскудела, душа моя пребывает в
мучениях"¹⁴³.

Распоясавшийся Майачук раздавал направо и налево наделы *икта'* в Ираке Персидском и стал подумывать о том, чтобы титуловаться султаном, ибо весь Ирак был его руках. Раванди пишет, что "в сердцах его людей не было жалости к мусульманам и они проливали людскую кровь, как воду. Они врвались в медресе и мечети и грабили их, обложили штрафами медресе, мечети и ученых"¹⁴⁴.

Узнав о действиях Майачука и его войск, хорезмшах Текиш решил покончить с ним. Он бросил свои войска в Ирак Персидский, и Майачук, в страхе перед возмездием за свои действия, стал уходить от преследовавшего его хорезмшаха. Наконец, хорезмшах настиг Майачука в крепости Ардахн, близ Рея. Оставшись без войск, Майачук вышел из крепости и был схвачен. Все его сподвижники были казнены. Возвратившись в Хорезм, Текиш казнил своего везира, который покровительствовал Майачуку, а самого Майачука повесил вниз головой¹⁴⁵.

Потерпев неудачу в попытке действовать против Текиша при помощи Майачука, халиф ан-Насир решил привлечь нового союзника. Он отправил послание владельцу *Тура* Гийас ад-Дину ал-Гури, подстрекая его к нападению на Хорезм, с тем чтобы отвести угрозу захвата Текишем Ирака Персидского. И если до сих пор Гийас ад-Дин не решался выступить против хорезмшаха, то теперь он направил ему угрожающее письмо, предупреждая Текиша, что, если тот не прекратит вмешательство в дела Ирака, он немедленно вторгнется с войсками в Хорезм.

Почувствовав опасность, хорезмшах обратился за военной помощью к кара-хитаем, а сам двинул войска через Тус на Герат и осадил его. В джумада II 594 г. х. (апрель 1198 г.) огромное войско кара-хитаев вторглось в Хорасан и учинило в стране полнейший разгром. Однако Гийас ад-Дину ал-Гури удалось разбить кара-хитаев и сбросить их в Амударью.

Когда весть о разгроме кара-хитаев дошла до их владыки, он потребовал, чтобы хорезмшах уплатил ему по 10 тыс. динаров за каждого из 12 тыс. убитых кара-хитаев. Текиш отказался и обратился за советом к Гийас ад-Дину ал-Гури. Тот согласился выплатить эти деньги с условием, что хорезмшах откажется от враждебных действий против халифа ан-Насира, подчинится последнему и заставит кара-хитаев возвратить захваченные ими мусульманские земли¹⁴⁶.

Хорезмшах согласился с этими условиями, и его взаимоотношения с халифом ан-Насиром нормализовались. Халиф отправил Текишу и его сыну Кутб ад-Дину Мухаммаду почетные одежды и *маншур*, утверждающий хорезмшаха султаном Хорасана, Туркестана и Ирака Персидского¹⁴⁷. Таким образом, халиф подтверждал сюзеренную власть хорезмшаха в этих странах.

Взаимоотношения Текиша с халифом стали более прочными после того, как в мухарраме 595 г. х. (ноябрь 1198 г.) в Багдад прибыло посольство хорезмшаха во главе с его племянником эмиром Сайф ад-Дином, который от имени Текиша выразил покорность халифу и принес извинения за то, что раньше хорезмшах настаивал на оглашении *хутбы* в столице Халифата. Халиф облачил Сайф ад-Дина в почетные одежды и высказал удовлетворение прибытием посольства. Подарив послу цимбалы и наградив его знаменем, халиф разрешил ему возвратиться на родину¹⁴⁸.

В этот период внимание хорезмшаха Текиша привлекали события, происходившие в Кермане. После смерти в 591/1195 г. владетеля Кермана Динара положение в этой стране в правление его сына Фаррух-шаха стало крайне беспокойным. Так, жители крепости Бурдешир изгнали из нее представителей центральной власти и обратились к хорезмшаху с просьбой прислать им на помощь войска. Здесь стали читать *хутбу* и чеканить монеты с именем Текиша. С такой же просьбой к хорезмшаху обратились обитатели крепости Кубнат.

* Фирдоуси, 1427.

Хорезмшах направил в Керман войска под командованием эмира Нусрат ад-Дина Унара, который вступил в Бурдешир и создал здесь правительство под началом местного духовного авторитета Рукн ад-Дина. Однако присланный управлять Керманом в должности *шихны* хаджиб Хусам ад-Дин Умар оказался бездарным и жестоким правителем, и вскоре его притеснения населения привели к тому, что власть в Кермане перешла в руки представителей рода Шабанкара¹⁴⁹.

Последние годы своей жизни Текиш провел в борьбе с исмаилитами. Его войска после четырехмесячной осады захватили вторую после Аламута, столицу исмаилитов, мощную крепость Кахира (Арслан-гушай), правда, на условиях, что к обитателям крепости не будет применено насилие. Затем Текиш начал было осаду Аламута; хотя гарнизон крепости "еретиков" понес большие потери, хорезмшах осаду снял. Назначив наместником в Ираке своего сына Тадж ад-Дина Алишаха, хорезмшах Текиш 10 джумада II 596 г. х. (29 марта 1200 г.) возвратился в Гургандж¹⁵⁰.

Исмаилиты считали, что султана Текиша против них настроил его везир Пизам ал-Мулк Мас'уд ибн Али, и в этом же месяце организовали его убийство. Хорезмшах разгневался на исмаилитов и отправил против них карательное войско во главе с сыном Кутб ад-Дином Мухаммадом. Кутб ад-Дин осадил Крепость Туршиз. После четырехмесячной осады исмаилиты запросили мира, и, получив от них 100 тыс. динаров, Кутб ад-Дин Мухаммад подписал перемирие и отвел войска (видимо, в связи с тем, что ему сообщили о болезни отца)¹⁵¹.

После побед над исмаилитами хорезмшах Текиш собрал новое войско и отправился в Хорасан, намереваясь идти походом на Багдад. Его взаимоотношения с халифом ан-Насиром вновь ухудшились, и он принял решение захватить Ирак Арабский и столицу Халифата. Однако в этом походе он заболел и 19 рамадана 596 г. х. (3 июля 1200 г.) скончался на полпути между Хорезмом и Нишапуром, в Шахристане. Тело султана Ала ад-Дина Текиша доставили в Гургандж и похоронили в гробнице при большом медресе, которое он сам построил¹⁵².

Поэт Захир ад-Дин ал-Фарйаби так откликнулся на этот поход хорезмшаха Текиша на Багдад:

О шах! Как только Ирак Персидский будет завоеван
по твоему повелению,
направь свои войска на захват [города], где покоится прах пророка!
Затем разрушь Ка'бу и сожги ее покрывало,
развей, как пыль, священную землю!
Зачем Ка'бе покрывало (*махмал*)? Оставь его в казне,
а храму пошли две-три лишние подстилки.
Сожги в огне мучений всех правоверных,
а мужей науки подними до горних высот!
А когда станешь полностью неверным (*кафир*), отправляйся
в Балх и тогда отправь голову халифа кара-хитаям!¹⁵³

По сообщениям средневековых авторов, хорезмшах Текиш был справедлив к подданным, обладал недюжинными способностями, был выдающимся дипломатом и полководцем. Используя военную силу и хорошо разбираясь в политической ситуации, Текиш сумел включить в состав своих владений Мазандаран и Ирак Персидский¹⁵⁴. Особо упоминается его любовь к музыке. Никто не играл так прекрасно на уде, как он. Историк Сибт ибн ал-Джаузи приводит в связи с этим интересный рассказ: "Говорят, что исмаилиты послали человека, чтобы убить хорезмшаха. Он в это время играл на уде и пропел куплет, в котором были слова: "Я узнал тебя, спасай свою душу и беги!". Исмаилит испугался, спрятался и убежал, однако был пойман, приведен к хорезмшаху и казнен"¹⁵⁵.

Текиш отличался остроумием. Однажды некий человек написал ему: "Как мусульманин, я - твой брат! Отдай же мне часть своих сокровищ!". Текиш приказал подарить ему десять золотых динаров. Когда этот человек получил динары, он написал Текишу такое письмо: "Я - твой брат! И если сокровища, которыми ты владеешь, составляют десять динаров, то считай, что я удовлетворен!". Текиш ответил ему: "Если остальные мои братья будут требовать каждый свою долю, ты не получишь и этого!"¹⁵⁶.

Вступив в союз с кыпчаками, хорезмшах Текиш женился на дочери кыпчакского хана Джанкиши Теркен-хатун. Происходившая из племени Баят¹⁵⁷, Теркен-хатун привела с собой в Хорезм ряд тюркских племен (источники называют племена уранийцев, карлуков, уграков, халаджей) и со временем стала их могущественной покровительницей. Опираясь на них, Теркен-хатун достигла большой власти и в правление ее сына Ала ад-Дина Мухаммеда обеспечила продвижение своих подопечных на высокие воинские посты. Впоследствии это привело к образованию обособ-

ленной военно-феодалной тюркской элиты, которая, по существу, и привела государство Хорезмшахов к гибели.

Теркен-хатун обладала властным характером, была мстительна и ревнива. Историк Джузджани рассказывает, как Теркен-хатун пришла в ярость из-за того, что ее муж, султан Текиш, проводил время в бассейне, купаясь с невольницами, и однажды заперла дверь бассейна. Текиш едва не задохнулся от жары, и только вмешательство придворных спасло хорезмшаха от гибели¹⁵⁸.

Итогом деятельности Ала ад-Дина Текиша было значительное усиление государства Хорезмшахов. Оно было завоевано в длительных и тяжелых войнах, в том числе и в борьбе за единовластие: почти двадцать лет Текиш боролся со своим братом Султан-шахом, претендовавшим на престол государства. Едва ли не каждый год Текиш постепенно расширял пределы своих владений, пока наконец не создал огромную империю, границы которой доходили до владений халифа ан-Насира. Согласно источнику, где бы хорезмшах ни находился, жители оставались довольны его образом правления и предпринимаемыми им административными мерами¹⁵⁹. По-видимому, централизация власти при Текише несколько облегчала положение податного населения. Административный аппарат государства в правление Текиша отличался строгостью и дисциплиной. Армия государства, состоявшая из отборных отрядов воинов-тюрок канглы, кыпчаков, уранийцев и других племен, не раз подтверждала свою силу и боевой опыт¹⁶⁰. Текиш сам руководил своими войсками в сражениях. Он говорил: "Если владыка не руководит боем сам, то он не пригоден управлять страной, ибо становится похожим на женщину!"¹⁶¹.

И султан Текиш, умирая, был доволен тем, что оставляет в наследство своему сыну Кутб ад-Дину Мухаммеду единое, сильное и организованное государство с мощной армией.

20 шаввала 596 г. х. (3 августа 1200 г.) при стечении жителей Гурганджа и в присутствии вельмож государства и эмиров престол государства Хорезмшахов занял сын Текиша и Теркен-хатун Кутб ад-Дин Мухаммад, который принял *лакаб* своего отца - Ала ад-Дин, а позднее и имя - Санджар Второй¹⁶².

ГЛАВА 3

РАСЦВЕТ ГОСУДАРСТВА ХОРЕЗМШАХОВ

В начальный период своего правления хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад столкнулся с серьезными затруднениями, возникшими из-за претензий членов династии на престол и вторжения Гуридов в земли, подвластные Хорезму. В это же время владетель Мазандарана *испахбад* Хусам ад-Дин Ардашир, пользуясь внутренними неурядицами в Хорезме, захватил находившиеся в руках хорезмийцев крепости и земли вплоть до Астрабада¹ изгнав из них гарнизоны хорезмшаха в Ираке Персидском. Сам хорезмшах в это время находился в столице государства Гургандже и, чтобы усилить административный контроль над владениями, решил пересмотреть назначение на посты наместников. Ала ад-Дин Мухаммад вызвал из Исфахана своего брата Тадж ад-Дина Али-шаха и, назначив его наместником в Хорасане, отправил в Нишапур.

После отъезда Тадж ад-Дина активизировалась деятельность иракских владетелей. Изз ад-Дин, получив халифский *манисур*, стал вести себя независимо и дерзко по отношению к атабеку Ирака Абу Бакру, постоянно заявляя: "Никакого атабека я не знаю!". Гекча был решителен и смел, располагал войсками, и атабеки Абу Бакр и Узбек и думать не могли о том, чтобы как-то ограничить произвол мамлюка их отца. Однажды Гекча даже сказал: "Царство и власть не остались у представителей рода Сельджука - Тогрула и Санджара, и судьба послала на землю хорезмшаха. Но если власть не останется у Илденизидов, в этом не будет ничего удивительного. Если они оставят мне захваченное силой моего меча, это будет превосходно, ведь большего мне и не надо! А если нет, то я натворю еще и не таких бед, и тогда будь что будет!"².

В 600/1203 - 04 г. против Гекчи выступил другой мамлюк атабека Джахан-Пехлевана - Шамс ад-Дин Айтогмыш. В сражении, происшедшем между ними, Гекча был убит, и Айтогмыш завладел Реем, Хамаданом и всем Ираком Персидским³.

В это время у хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда были основания тревожиться за судьбу своего государства. Его племянник Хинду-хан, сын Насир ад-Дина Мелик-шаха, занимавший во время правления султана Текиша пост *вали* Нишапура, за своеволие был смещен хорезмшахом. Однако он не явился ко двору, так как опасался за свою жизнь, и хотел укрыться за стенами Нишапура. Но там уже находился Тадж ад-Дин Али-шах, и Хинду-хан отправился в Мерв, где стал собирать войска. Султан Ала ад-Дин Мухаммад направил против него армию под командованием эмира Чакыра ат-Турки. Едва Чакыр приблизился к Мерву, как Хинду-хан бежал из города. Чакыр задержал в Мерве мать и детей Хинду-хана и отправил в Гургандж, к султану⁴. А Хинду-хан отправился в Гур, где обратился за помощью к султану Гийас ад-Дину ал-Гури - старому сопернику и в тот момент наиболее сильному противнику хорезмшахов. Гийас ад-Дин областал Хинду-хана и выделил ему наделы *икта'*, также решив воспользоваться междоусобицей в Хорезме. Он приказал владетелю Талакана Мухаммаду Джарбеку выступить с войсками для захвата Мерва. Овладев Мерверудом и Пяндждехом, Мухаммад Джар-бек подошел к Мерву и предъявил эмиру Чакыру ультиматум, чтобы тот восстановил в Мерве *хутбу* и чекан монет с именем султана Гийас ад-Дина ал-Гури или же покинул Мерв. Чакыр согласился сдать Мерв с условием, что ему будет дарован аман, и обещал перейти на службу к Гуридам. Это дало бы Гийас ад-Дину возможность расширить свою экспансию в Хорасане, тем более что занятый своими заботами хорезмшах не имел здесь достаточных военных сил для отражения натиска Гуридов⁵.

Собрав огромное войско, к которому присоединились войска Сиджистана и других областей, располагая девятью десятками боевых слонов, Гийас ад-Дин ал-Гури в джумада I 597 г. х. (февраль 1201 г.) двинулся на Талакан. Однако когда его войско подошло к Мерву, эмир Чакыр, согласившийся было перейти на службу к Гуридам, совместно с жителями города оказал противнику упорное сопротивление. И все же, опасаясь, что в бой будут введены слоны, жители Мерва запросили пощады (аман). Прибывший в город султан Гийас ад-Дин помиловал эмира Чакыра и отправил его в Герат. Гийас ад-Дин отдал Мерв Хинду-хану и взял с жителей слово, что они будут повиноваться новому правителю⁶.

После этого Гуриды взяли без боя Сарахс, Насу и Абивард, которые были переданы в качестве *икта'* двоюродному брату султана эмиру Занги ибн Мас'уду. Тут сопротивлялся войску Гуридов три дня, но также сдался. Вскоре важнейший центр Хорасана - Нишапур - оказался окруженным войсками Гуридов. Гийас ад-Дин направил наместнику хорезмшаха в Хорасане Тадж ад-Дину Али-шаху письмо с требованием покинуть Нишапур. Имея большие силы, Али-шах отверг

требование гурида и укрепился в Нишапуре, а чтобы затруднить действия осаждавших, разрушил строения вокруг города и спилил все деревья.

В начале раджаба 597 г. х. (апрель 1201 г.) Гуриды полностью окружили Нишапур. Силы оказались неравными, и город вынужден был сдаться. Воины Гуридов начали грабить население, но Гийас ад-Дин запретил грабежи и этим расположил к себе жителей Нишапура, которые, захватив находившихся в городе хорезмийцев, сдали их Гуридам. Когда к Гийас ад-Дину ал-Гури привели взятого в плен Тадж ад-Дина Али-шаха, султан взял Али-шаха за руку и даже усадил его рядом с собой на троне. Затем он отправил Али-шаха и знатных хорезмийцев в Герат⁷. После этого Гийас ад-Дин назначил своих чиновников в захваченные области и города Хорасана и возвратился с войсками в Газну.

К этому времени хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад сумел укрепить свою власть в Хорезме, снарядил армию и решил, что настало время выступить против Гуридов. Накануне выступления в поход хорезмшах написал Гийас ад-Дину такое письмо: "Я надеялся, что ты заменишь мне отца, окажешь мне помощь в борьбе против кара-хитаев и изгонишь их из моей страны. Так как ты этого не сделал, то по меньшей мере не вреди мне, захватывая мои земли. Я жду, что ты вернешь все, что захватил у меня. Иначе я разгромлю тебя с помощью кара-хитаев и других тюрок, так как ты уже стар, чтобы захватить мою страну. Я был занят заботами по случаю смерти моего родителя и упорядочением дел в моей стране и не мог тебе воспрепятствовать в чем-либо. Но теперь я не слаб и захвачу твою страну и другие области!"⁸.

Гийас ад-Дин ал-Гури был действительно стар и болен. Он медлил с ответом, дожидаясь прибытия с войсками своего брата Шихаб ад-Дина, находившегося в Индии.

Хорезмшах не стал ожидать развития событий и сам начал активные действия против Гуридов. В зу-л-ка'да 597 г. х. (август 1201 г.) его войска осадили Герат. Однако султан Гийас ад-Дин успел подготовиться к обороне, выставил против хорезмшаха войска под командованием своего племянника Алп-Гази и вызвал из Индии брата Шихаб ад-Дина с войсками. Войска Алп-Гази упорно сопротивлялись хорезмшаху, а другой гуридский эмир Мухаммад Джар-бек стал преследовать воинов хорезмшаха, отправившихся в рейд за продовольствием. Сорок дней осаждали войска Хорезма Герат, но город устоял, и хорезмшах, удовлетворившись откупом, увел свои войска. Однако на берегу реки Мерверуд он встретился с армией Шихаб ад-Дина ал-Гури. В сражении обе стороны понесли большие потери. Видя, что Гуриды прилагают усилия для прорыва к Хорезму, Ала ад-Дин Мухаммад разрушил мосты через реку и ушел к Мерву⁹.

Отсюда он написал наместнику султана Гийас ад-Дина в Хорасане Зия ад-Дину ал-Гури письмо, в котором требовал, чтобы тот покинул Нишапур, так как "население его имеет склонность к хорезмийцам". Не получив ответа, хорезмшах в зу-л-хиджжа 597 г. х. (сентябрь 1201 г.) двинул свои войска на Нишапур. Едва его отряды дошли до Насы и Абиварда, как узнавший об этом племянник хорезмшаха Хинду-хан бежал из Мерва в Фирузкух, к Гийас ад-Дину. Хорезмшах взял Мерв и, подойдя 17 зу-л-хиджжа (18 сентября) к Нишапуру, осадил его¹⁰.

Два месяца длилась осада города, и после жестоких боев Зия ад-Дин ал-Гури сдал Нишапур на почетных условиях: гарнизон получил возможность беспрепятственно покинуть город. Хорезмшах потребовал у Зия ад-Дина, чтобы он содействовал заключению перемирия между ним и султаном Гийас ад-Дином; тот согласился и отбыл в Герат, но никаких шагов в этом деле не предпринял¹¹.

После этого хорезмшах направился на Сарахс, где вали города, служившим Гуридам, был эмир Занги. Осада продолжалась 40 дней, и городу угрожал голод. Тогда Занги пошел на хитрость: он сообщил хорезмшаху, что уведет свои войска из города, если хорезмшах отведет своих воинов от крепости. Хорезмшах сделал это, однако воины эмира Занги, выйдя из крепости, быстро обеспечили себя провиантом и снова заперлись в крепости. Хорезмшаху ничего не оставалось, как отвести войска в Хорезм, а эмир Занги увел своих воинов в Мерверуд, где соединился с армией Мухаммеда Джар-бека. Трехтысячный отряд, посланный против них хорезмшахом, был разбит, и весь обоз хорезмийцев попал в руки гурцев¹². Однако Сарахс все же был захвачен войсками хорезмшаха¹³.

Когда Ала ад-Дин Мухаммед достиг Сарахса, к нему прибыли послы Гийас ад-Дина ал-Гури, которые потребовали от хорезмшаха отказаться от части Хорасана и возместить деньгами ущерб, причиненный его войсками. Хорезмшах отклонил эти требования и возвратился в Хорезм. Войска Гуридов преследовали его, но сумели продвинуться только до Туса. Начались жестокие холода, и конница Гуридов стала испытывать недостаток в фураже. Гурцы стали обирать жителей Туса, конфискуя у них фураж и продовольствие.

С наступлением весны Шихаб ад-Дин ал-Гури решил направиться с войсками на север, в Хорезм, однако в джумада I 599 г. х. (январь 1203 г.) умер султан Гура Гийас ад-Дин, и Шихаб ад-Дин, оставив в Тусе эмира Джар-бека, отбыл в Герат¹⁴.

Как только слухи о смерти Гийас ад-Дина и о том, что в Герате началась борьба за престол, дошли до хорезмшаха, он тут же приказал войском выступить в Хорасан. Передовые отряды хорезмийцев вскоре достигли Мерва и в десяти фарсах от города встретились с многочисленными силами гурцев под командованием эмира Джар-бека. Гурцы были разбиты, а эмиру удалось укрыться в Мерве лишь с малым числом воинов. Хорезмийцы 15 дней осаждали город; он был взят лишь после того, как были разрушены его стены. Оставшиеся в живых гурцы были взяты в плен. Эмир Джар-бек был обезглавлен, а голова его была отправлена в Хорезм¹⁵.

Этот успех воодушевил Ала ад-Дина Мухаммеда и в джумада I 600 г. х. (январь 1204 г.) он бросил большую и хорошо оснащенную армию на Герат. Осада началась в раджабе (марте). Целый месяц хорезмийцы разрушали катапультами стены Герата, его укрепления и жилища. Шли дни, и количество жертв и разрушений в Герате росло. Шихаб ад-Дин ал-Гури в это время был занят подавлением выступлений против Гуридов в Лахоре, и его наместник в Герате Алп-Гази был вынужден принять условия капитуляции: он должен был предстать перед хорезмшахом, выплатить контрибуцию, отказаться от участия во вторжениях в земли хорезмшаха и выступить в качестве посредника в мирных переговорах хорезмшаха с Шихаб ад-Дином ал-Гури¹⁶. Герат был захвачен, однако от контрибуции хорезмшах по просьбе жителей отказался¹⁷.

Затем хорезмшах вторгся в округ Бадгиса, захватил большие трофеи и двинулся на Мерв. В это время умер племянник Шихаб ад-Дина ал-Гури Алп-Гази. Капитуляция Герата, внезапная смерть Алп-Гази и расправа с самым видным эмиром Гуридов Джар-беком разгневали султана Шихаб ад-Дина. Он решил разгромить хорезмийцев и выступил с войсками в Хорезм. Узнав об этом, хорезмшах отправил султану Гуридов такое письмо: "Прошу тебя, не начинай войну, иначе я снова пойду на Герат, а оттуда на твою столицу Газну"¹⁸. Шихаб ад-Дин ответил хорезмшаху угрозой разгромить его, и Ала ад-Дин решил отступить, предварительно уничтожив за собой все запасы фуража. Вернувшись в Хорезм, хорезмшах мобилизовал население на возведение укреплений и открыл шлюзы, перекрывая Гуридам все подступы к столице. Вода затопила огромное пространство, и Гуриды остановились. Больше месяца ожидали гурцы, и, когда земля просохла, противники встретились у отведенного от Амударьи канала Кара-Су. В кровопролитном сражении обе стороны понесли большие потери. Хорезмшах потерпел поражение, многие его воины попали в плен, и Шихаб ад-Дин ал-Гури приказал их всех перебить¹⁹. Наконец войска Шихаб ад-Дина окружили Гургандж. Под угрозой захвата столицы и уничтожения населения жители все как один встали на защиту города. Душой сопротивления был глава шафиитов Хорезма, "столп веры и твердыня державы" имам Шихаб ад-Дин ал-Хиваки, чьи проповеди сплотили жителей перед лицом грозной опасности. Последовав примеру имама ал-Хиваки, который пожертвовал на оборону все свое имущество, жители отдавали для нужд защиты города оружие, деньги и все ценное²⁰. Хорезмшах разослал во все земли государства гонцов для сбора пехотинцев и конницы. Большую активность в организации обороны столицы проявила мать хорезмшаха Теркен-хатун. Она издала указ о вооружении всего населения города, и вскоре Гургандж выставил 70 тыс. ополченцев²¹.

В это же время хорезмшах обратился за помощью к владыке кара-хитаев *гюр-хану*, и когда султан Шихаб ад-Дин начал было переправу через канал, чтобы штурмовать Гургандж, повилась армия кара-хитаев. Во главе этих войск стояли владетель Отрара караханид Тадж ад-Дин Билгехан, его двоюродный брат, правитель Самарканда из династии Караханидов, султан султанов Усман ибн Ибрахим и кара-хитайский владетель Тараза Тайангу, которые "подняли на ноги свои войска и толпы кара-хитаев и неожиданно напали на Шихаб ад-Дина ал-Гури в Андхуде"²².

Сражение между противниками произошло в начале сафара 601 г. х. (октябрь 1204 г.), и войска Шихаб ад-Дина ал-Гури позорно бежали с поля боя. Большинство эмиров Шихаб ад-Дина и множество войск попало в плен, а оставшиеся рассеялись по пустыне. Четыре боевых слона были убиты, а два захвачены кара-хитаями. Хорезмшах, отягощенный трофеями, возвратился в Гургандж. Кара-хитаи преследовали гурцев и за два дня перебили 20 тыс. воинов. Шихаб ад-Дин ал-Гури заперся с малым числом войск в крепости Андхуд, но был окружен и попал в безвыходное положение. Однако его выручил владетель Самарканда Усман, который решил не допустить, чтобы мусульманский владыка оказался в руках "неверных" кара-хитаев, и добился заключения перемирия. Сокровища Гуридов, их имущество и обоз были переданы кара-хитаям, что позволило султану Шихаб ад-Дину ал-Гури спасти свою жизнь²³.

По возвращении в свою страну султан Шихаб ад-Дин ал-Гури встретился с беспорядками и хаосом, так как здесь распространился слух, что он убит. Казна султана была разграблена, а владетели вассальных стран и областей провозгласили себя независимыми. Для восстановления порядка

в государстве и своей власти Шихаб ад-Дину требовалось значительное время. Поэтому он охотно принял предложение хорезмшаха о перемирии. Ала ад-Дин Мухаммад также нуждался в передышке, чтобы восстановить утраченные в сражениях силы и пополнить численность своих войск. В джумада I 601 г. х. (январь 1205 г.) мир был подписан, и Шихаб ад-Дин ал-Гури обязался по требованию хорезмшаха помогать ему своими войсками²⁴. По тому же соглашению часть Хорасана, включая Мерверуд, была возвращена хорезмшаху.

Однако не прошло и двух месяцев, как хорезмшах был вынужден снова вступить в борьбу с эмирами Гура. В ша'бане 601 г. х. (апрель 1205 г.) отряды гурцев под командованием эмира Тадж ад-Дина Занги напали на Мерверуд, убили тамошнего *амила* хорезмшаха и начали грабить население. Хорезмшах послал против них своего *вали* в Сарахсе эмира Чақыра, а из Абиварда - своего брата Тадж ад-Дина Али-шаха. Войска эмира Занги были разбиты, а сам он с десятью военачальниками попал в плен. Пленных казнили, а их головы в течение нескольких дней были выставлены в Мерве²⁵.

В это время из Газны пришло известие о том, что в первую ночь ша'бана 602 г. х. (13 марта 1206 г.) был убит султан Шихаб ад-Дин ал-Гури²⁶. Как пишет историк Джувейни, смерть султана Гура явилась причиной счастья хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда²⁷. Государство Гуридов распалось: в Дели стал править эмир Кутб ад-Дин Айбек, в Лахоре и Мултани - Насир ад-Дин Кубача, в Забулистане и Газне - Тадж ад-Дин Йылдыз, а в Герате и Фирузкухе - сын султана Гийас ад-Дина Махмуд²⁸.

Когда в рамадане 602 г. х. (апрель 1206 г.) Махмуд провозгласил себя султаном и в Фирузкухе была оглашена *хутба* с его именем, он отправил послание об этом наместнику Гуридов в Герате Изз ад-Дину Хусайну ибн Хурмилу. Однако последний еще до прибытия письма Махмуда отправил послов к хорезмшаху, через которых извещал о своем подчинении ему и просил хорезмшаха прислать войска, чтобы овладеть Гератом. Хорезмшах, решив действовать, потребовал, чтобы Изз ад-Дин Хусайн прислал к нему своего сына в качестве заложника. Султан Махмуд оказался бессильным что-либо предпринять, и вскоре войска хорезмшаха овладели Гератом. Своим указом хорезмшах назначил наместником Герата того же Изз ад-Дина Хусайна и передал под его командование часть своих войск²⁹.

После этих событий главной заботой хорезмшаха Мухаммада стали проблемы, связанные с господством соседних с ним кара-хитаев. Его беспокоила судьба Балха и его округа, который находился на границе с кара-хитаями. Теперь, когда мощь Гуридов ослабла, кара-хитаи могли без особых усилий захватить этот край. Поэтому хорезмшах, завершив дела в Герате, двинул свои войска на Балх. По пути к Балху ему сдавались все крепости Гуридов, конечно же, под влиянием добровольного перехода владетеля Герата на сторону хорезмшаха. Однако эмир Балха Имад ад-Дин Умар оказал сопротивление передовым войскам хорезмшаха, которыми командовал брат хорезмшаха Тадж ад-Дин Али-шах. Имад ад-Дин отразил все попытки хорезмийских войск взять Балх и заперся в крепости, ожидая подкреплений из Бамйана³⁰.

Сопротивление Имад ад-Дина Умара дало повод эмирам Герата отказаться от повиновения хорезмшаху, и они призвали на помощь султана Махмуда. Но Изз ад-Дин Хусайн известил об этом хорезмшаха. Прибывшие хорезмийцы арестовали зачинщиков заговора факиха Ибн Зийада и кади Са'ида. Первого ослепили, а второй был изгнан из Герата.

Вали Балха Имад ад-Дин Умар так и не дождался подкреплений и решил сдать крепость хорезмшаху. В Балхе была оглашена *хутба* и выбита монета с именем Ала ад-Дина Мухаммеда. Вскоре прощенный хорезмшахом эмир Имад ад-Дин Умар изменил ему, был схвачен и отправлен в Гургандж. Балх и его округ были переданы в управление эмиру Чақыру³¹.

Таким образом, хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад сокрушил некогда сильных Гуридов, и, хотя окончательное уничтожение государства Гуридов было еще впереди, Хорасан, с городами Герат, Балх и др., был присоединен к государству Хорезмшахов.

Согласно Джувейни, население Герата, Балха и других городов с радостью встретило войска хорезмшаха. Знать этих городов выражала Ала ад-Дину Мухаммеду свою преданность, и во всех городах ему была устроена пышная встреча³².

После взятия Балха хорезмшах подошел с войсками к Термезу, владетелем которого был сын Имад ад-Дина Умара - Бахрам-шах³³.

Бахрам-шах хотел было сопротивляться войскам Хорезма, но, узнав о судьбе своего отца и поражениях Гуридов, запросил *аман* и вышел из крепости. Хорезмшах передал Термез самаркандскому султану Усмани³⁴. Население Термеза было возмущено тем, что их город передан в руки ставленнику кара-хитаев, хотя сам Усман был "первым среди равных" у Караханидов и мусульманином. Свое недовольство жители стали проявлять открыто, расправляясь с отставшими от отрядов воинами Усмана³⁵.

После Термеза хорезмшах одолел владетеля Талакана эмира Севинджа и присоединил к своим владениям Талакан, Мейхене и Андхуд с прилегающими округами³⁶. В это же время он отправляет своего посла Алламу ал-Кермани к султану Гура Махмуду с предложением признать верховную власть хорезм-шахов.

Махмуд подчинился этому требованию и стал читать *хутбу* и чеканить монету с именем Ала ад-Дина Мухаммеда, а сам остелся в Фирузкухе как вице-султан (*на'иб*). Он отправил хорезмшаху белого слона и самые ценные предметы из сокровищницы Гуридов³⁷.

В сафаре 603 г. х. (сентябрь 1206 г.) наместник хорезмшаха в Герате Изз ад-Дин Хусайн ибн Хурмил осадил крепость Исфизар, и под угрозой уничтожения населения крепость через месяц сдалась³⁸. Хорезмшах оказал Изз ад-Дину должные почести и наделил его землями *икта'* с доходом в 250 тыс. динаров³⁹. После этого хорезмшаху подчинился владетель Сиджистана Тадж ад-Дин Харб ибн Мухаммад, и здесь также стала читаться *хутба* и чеканиться монета с именем хорезмшаха⁴⁰.

В том же году хорезмшах подчинил своей власти Мазандаран, где также стали читать *хутбу* с его именем. Вали Мазендарена был назначен брат хорезмшаха Тадж ад-Дин Али-шах⁴¹.

В 604 1207 г. хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад начал действия, направленные на присоединение Мавераннахра к своим владениям. Однако до начала похода на правобережье Амударьи хорезмшах решил укрепить свои позиции в Хорасане и не землях, только что захваченных у Гуридов. Наместником в Нишапур он назначил эмира Кезлик-хана; ему была выделена часть султанских войск. В город Джам он назначил эмира Изз ад-Дина Джилдака, а эмира Амин ад-Дина Абу Бакра - в город Заузан. В Мерве, Сарахсе и других городах хорезмшах также оставил свои гарнизоны⁴².

Однако облеченные его доверием эмиры почти одновременно решили отложиться от Хорезма. Первым неповиновение хорезмшаху проявил *вали* Герата Изз ад-Дин Хусайн ибн Хурмил. Хорезмшах узнал, что *вали* арестовал большое число хорезмийских воинов за то, что они жестоко обращались с местными жителями и посягали на их имущество. И хотя Хусайн ибн Хурмил доказывал, что он действовал по справедливости, хорезмшах охладил к своему ставленнику и потребовал, чтобы тот отправил задержанных в Хорезм, а эмиру Джилдаку приказал схватить самого Хусайна ибн Хурмила и доставить его в Гургандж⁴³.

По другой версии, Хусайн ибн Хурмил решил воспользоваться тем, что хорезмшах занят подготовкой похода в Мавераннахр, отложиться от него и, договорившись с Гуридами, объявить о своей независимости. Хусайн ибн Хурмил сообщил об этом гуридскому султану Махмуду, арестовал верных хорезмшаху людей и, запретив *хутбу* и чеканить монеты с именем хорезмшаха, приказал оглашать *хутбу* и чеканить монеты с именем султана Махмуда. Однако вскоре он узнал, что хорезмшах возвратился в Гургандж, и отправил ему письмо с извинением за свои необдуманные действия и просьбой о милости. Этот ход Хусайна ибн Хурмила восстановил против него Гуридов, и они стали искать пути для устранения гератского наместника. Хусайн ибн Хурмил запросил у хорезмшаха подмогу войсками и с помощью хорезмийцев отбил вторжение Гуридов⁴⁴.

Действия Хусайна ибн Хурмила показались хорезмшаху подозрительными; и он сам, и его люди перестали доверять наместнику в Герате. Приближенные хорезмшаха стали говорить ему о двуличии Хусайна ибн Хурмила и советовали принять в отношении его решительные меры. И хорезмшах приказал убить Хусайна ибн Хурмила.

Это было поручено, как уже было сказано, эмиру Джилдаку, который отправился в Герат с двухтысячным отрядом конников. Везир Хусайна ибн Хурмила Са'д ад-Дин Ринди (*ходжа ас-сахиб*) посоветовал ему не выходить из крепости на встречу с эмиром Джилдаком. Однако Хусайн ибн Хурмил не внял совету, решил соблюсти этикет и был схвачен людьми Джилдака и отправлен в крепость Салумид. Через несколько дней голова Хусайна ибн Хурмила была доставлена из Салумид а в Гургандж⁴⁵.

Узнав о пленении Ибн Хурмила, везир Са'д ад-Дин Ринди заперся в Герате и отказался сдать его Джилдаку, заявив ему: "Я не сдам крепость ни тебе, ни предателю Ибн Хумилу. Она принадлежит Гуридам!". Тогда Джилдак написал об этом хорезмшаху, и тот приказал вали Нишапура Кезлик-хану и *вали* Заузана Амин ад-Дину Абу Бакуру отправиться с войсками на осаду Герата. Имея 10 тыс. воинов, эмиры приступили к осаде. Они предложили везиру сдаться самому и сдать крепость, однако тот ответил: "Нет никаких оснований сдать вам такой город, как Герат. Однако если прибудет сам хорезмшах, я сдам город ему"⁴⁶.

Попытка взять Герат штурмом потерпела неудачу - Хусайн ибн Хурмил возвел вокруг города четыре ряда мощных стен, окружил его глубоким рвом и залил ров водой. Хорезм-шаху отправили сообщение о положении под Гератом и стали ждать ответа. Но ответа не последовало, так

как в Мавераннахре произошли события, едва не поставившие под угрозу само существование государства Хорезмшахов.

Дело в том, что в это время (1207 г.) к хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммаду обратились с посланием владетель Самарканда и Бухары султан султанов (хан ханов) Усман и другие знатные люди Мавераннахра, которые просили помощи против кара-хитаев. Кара-хитаи имели в каждом городе Мавераннахра своих наместников, которые со своими подчиненными чинили насилия и обирали население, а награбленное отправляли в Узкент, Баласагун и Кашгар.

Усман писал хорезмшаху: "Великий Аллах утвердил за тобой все, что он даровал тебе, как владыке. Он умножил твое войско для того, чтобы избавить мусульман и их страну от власти неверных и освободить их от засилья тех, кто посягает на их имущество и на них самих. Мы будем твоими союзниками в войне с кара-хитаями и будем отдавать тебе все то, что раньше отдавали им. Мы будем упоминать твое имя в *хутбе* и на монетах!"⁴⁷.

Хорезмшах, разумеется, не замедлил откликнуться на просьбу Усмана и отправил в Мавераннахр войска. Но прежде чем действовать против кара-хитаев, ему необходимо было усмирить восстание в Бухаре. Здесь, несмотря на присутствие кара-хитайского наместника, подлинными властителями были представители рода Бурхан, которые являлись одновременно имамами, хатибами и раисами города и носили звание Садр-и-джахан⁴⁸. Кара-хитаи всячески поддерживали духовный и административный авторитет бурханидов и заставляли своих представителей в Бухаре прислушиваться к их советам⁴⁹.

К началу похода хорезмшаха в Мавераннахр власть в Бухаре была захвачена восставшим населением, во главе которого стоял некий Санджар, сын торговца щитами (*маджан фуруш*). Санджар начал преследовать "уважаемых людей (*асхаб-и хурмат*) города, изгнал из Бухары садра и его приближенных и приказал конфисковать все их имущество. Предводитель восставших стал именовать себя маликом⁵⁰.

Некий поэт сочинил стихи по этому поводу:

Царство - драгоценность, имеющая цену, однако
сын торговца зерном обрел его даром!
Царство и трон не приличествуют тому,
чей отец, бывало, продавал щиты⁵¹.

Попытки бурханидов пресечь восстание с помощью кара-хитаев ни к чему не привели (бурханиды пожаловались владыке кара-хитаев, и тот издал несколько приказов, адресованных малику Санджару, однако малик не обратил на них никакого внимания). Тогда садры обратились за помощью к хорезмшаху, который весной 1207 г. двинул войска на Бухару. При содействии знати города хорезмшах овладел Бухарой. Восстание было разгромлено, малика Санджара схватили и отправили в Гургандж, где впоследствии в числе других 27 пленных правителей и владетелей он участвовал в первом исполнении *наубы Зу-л-Карнайна* в честь хорезмшаха Мухаммада⁵².

Взятие Бухары⁵³ укрепило влияние хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада в Мавераннахре, и на его сторону стали склоняться местные владыки. Караханидский владетель Самарканда султан султанов Усман с почестями принял посла хорезмшаха эмира Дорт-Аба, и они договорились о совместном выступлении против кара-хитаев⁵⁴.

Однако потеря Самарканда вовсе не обеспокоила кара-хитаев. Они подготовились к войне с хорезмшахом гораздо серьезнее, чем он сам. Кроме того, *гюр-хан* сумел подкупить и восстановить против хорезмшаха служившего ему *испахбада* Рукн ад-Дина Кабуд-Джаму (дядю которого, Нусрат ад-Дина, хорезмшах в свое время приказал казнить)⁵⁵, а также самого эмира Дорт-Аба, которого хорезмшах назначил *ишхой* Самарканда⁵⁶. По достигнутому соглашению, *гюр-хан* в случае поражения хорезмшаха передавал Хорасан во владение *испахбада* Кабуд-Джамы, а Хорезм - эмиру Дорт-Аба⁵⁷.

Когда началось сражение между войсками хорезмшаха и кара-хитаев, *испахбад* и Дорт-Аба, изменив хорезмшаху, покинули со своими воинами поле битвы. Несмотря на упорное сопротивление, войска хорезмшаха были разгромлены, много воинов Хорезма пало на поле битвы, многие попали в плен. В плену оказался и сам Ала ад-Дин Мухаммад. Вместе с ним был захвачен один из его видных эмиров Фулан ибн Шихаб ад-Дин Мас'уд⁵⁸.

Остатки войск хорезмшаха вернулись в Хорезм, где сообщили о разгроме войск, но о самом хорезмшахе ничего сообщить не могли. Пошли слухи, что хорезмшах пропал, ранен и даже убит. Именно в это время вали Нишапура эмир Кезлик-хан и вали Заузана эмир Амин ад-Дин Абу Бакр, осаждавшие Герат, ожидали от хорезмшаха ответ на их запрос относительно судьбы города.

Сестра Кезлик-хана сообщила ему, что хорезмшах пропал в битве с кара-хитаем, и Кезлик-хан сразу же увел свои войска от Герата в Нишапур, который был сильно укреплен и имел огромные запасы оружия и продовольствия на случай войны.

Кезлик-хан уже обдумывал план захвата Хорасана и обретения самостоятельности⁶⁹.

Слух об исчезновении хорезмшаха дошел и до его брата Тадж ад Дина Али-шаха, который находился в Табаристане. Он объявил себя султаном и прекратил чтение *хутбы* с именем Ала ад-Дина Мухаммада⁶⁰.

Но в это время хорезмшаху удалось бежать из плена. По версии Джувейни, хорезмшах в сражениях имел привычку надевать одежду вражеских воинов, и поэтому, попав к кара-хитаям, он остался неузнанным и, в конце концов сумел бежать из плена⁶¹. Ибн ал-Асир описывает бегство хорезмшаха из плена следующим образом: "Находясь в плену, Ибн Мас'уд предложил хорезмшаху назваться его слугой, и тот стал прислуживать ему. Он носил ему пищу, стирал одежду и оказывал ему почет. Кара-хитай, взявший в плен хорезмшаха и эмира, видел все это и однажды спросил Ибн Мас'уда: "Я вижу, этот человек возвеличивает тебя. Кто ты?" Тот ответил: "Я - такой-то, а это - мой гулям!" Тогда кара-хитай стал относиться к Ибн Мас'уду с уважением и сказал ему: "Ну, если твой человек так превозносит тебя передо мной, я тебя не отпущу!" После этого кара-хитай не приходил к ним несколько дней. Когда же он пришел, Ибн Мас'уд сказал ему: "Я боюсь, что когда спасшиеся бегством воины возвратятся в Хорезм и мои родичи не увидят среди них меня, они подумают, что я убит, и будут скорбеть обо мне и оплакивать меня. А после этого они разделят мое имущество и деньги, и все это пропадет. Я же хочу заполучить часть своих денег, чтобы доставить их тебе!" Они договорились о размере выкупа, и Ибн Мас'уд сказал: "Я хочу поручить умному человеку мое письмо, которое он передаст моей семье, сообщит, что я жив и здоров, и, получив от них деньги, привезет их тебе". Затем он добавил: "Ведь твои друзья не знают моей семьи, а этот гулям знает ее, и она ему поверит". Кара-хитай разрешил послать хорезмшаха в сопровождении одного всадника. Они отправились, и хорезмшах благополучно добрался до Хорезма, где жители встретили его с радостью и ликованием. Хорезмшаху сообщили о действиях Кезлик-хана в Нишапуре и Тадж ад-Дина в Табаристане"⁶².

Конечно же, изменников ожидало жестокое наказание, тем более что Кезлик-хан, изменив хорезмшаху, запустил руки в султанскую казну и конфисковал имущество чинов государственного дивана. Разгневанный хорезмшах тотчас же снарядил войска против Кезлик-хана. Последний, узнав о приближении хорезмшаха, бежал в Ирак, прихватив казну Нишапура. В конце концов Кезлик-хан и его сын были схвачены и обезглавлены, несмотря на заступничество Теркенхатун⁶³.

Что касается Тадж ад-Дина Али-шаха, то он, испугавшись мести брата, бежал в Фирузкух к гуридскому султану Махмуду, который встретил его с почестями и оставил в своей столице⁶⁴.

Очистив Нишапур от сторонников Кезлик-хана, хорезмшах пошел с войсками на Герат, который все еще был осажден его войсками. Он вызвал на переговоры везира Герата Са'д ад-Дина Ринди и напомнил ему о его обещании сдать Герат только ему. Однако везир отказал ему и сказал, что сдаст город только султану Махмуду. Разгневанной хорезмшах приказал штурмовать крепость, но взять ее не смог. В Герате, находившемся в осаде более года, начались голод и эпидемии, и жители сами договорились с хорезмшахом о сдаче. Они разрушили две башни и дали войскам хорезмшаха возможность овладеть Гератом. Город был взят в ша'бане 605 г. х. (июль 1208 г.). Везир был схвачен и казнен. *Вали* и *мукта'* Герата хорезмшах назначил своего дядю (по матери) Амир-Малика, который оставался на этих постах до падения государства Хорезмшахов⁶⁵.

После подчинения Хорасана и взятия Герата хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад отбыл в Гургандж, приказав Амир-Малику отправиться с войсками против Гуридов, овладеть их столицей Фирузкухом и захватить султана Махмуда и нашедшего у него убежище Тадж ад-Дина Али-шаха. Узнав об этом, султан Махмуд сообщил Амир Малику о своем подчинении хорезмшаху и сдался. Амир, Малик арестовал Махмуда и Тадж ад-Дина Али-шаха и отправил их в Хорезм, где они были казнены. Государство Гуридов перестало существовать⁶⁶.

Таким образом, к 605/1208 г. весь Хорасан оказался под властью хорезмшаха. Теперь Ала ад-Дин Мухаммад получил возможность возобновить действия против кара-хитаев. Последней каплей, переполнившей чашу терпения хорезмшаха, стало поведение представителей карахитайского *гюр-хана*, прибывших за очередным взносом денег, который хорезмшахи ежегодно выплачивали кара-хитаям еще со времени правления Атсыза⁶⁷.

Когда в 605/1209 г. в Гургандж с этой целью явился представитель *гюр-хана* Туши, который, пренебрегая этикетом, нагло уселся рядом с хорезмшахом на султанском престоле, терпению хорезмшаха пришел конец. Он приказал изрубить Туши на куски, перебить всех его спутников и выбросить их трупы в Джейхун⁶⁸. Пока *гюр-хан*, получивший весть о случившемся, готовился при-

нять меры против непокорного хорезмшаха, последний уже выступил в поход против кара-хитаев. Жители городов и селений Мавераннахра благодаря действиям агентов самаркандского хана Усмана и лазутчиков самого хорезмшаха были настроены против неверных" кара-хитаев и встречали войска Ала ад-Дина Мухаммада как освободителей.

Отряды хорезмшаха переправились через Сырдарью и в Иламышской степи встретились с армией кара-хитаев, которой командовал опытный полководец Тайангу. В результате происшедшего в раби I 607 г. х. (сентябрь 1210 г.) жестокого сражения кара-хитай были разбиты. Большое число кара-хитаев, в том числе и Тайангу попало в плен⁶⁹. Во все города и населенные пункты Мавераннахра (вплоть до Узкенда) были назначены наместники и *шихны* хорезмшаха. Он выдал свою дочь Хан-Султан за самаркандского султана Усмана и оставил его правителем Самарканда, приставив к нему своего *шихну* эмира Дорт-Аба. Двоюродного брата Усмана, владельца Отрара Тадж ад-Дина Билге-хана, хорезмшах отправил в ссылку в Насу, где он через два года был убит по его приказу⁷⁰.

Весть о разгроме войск кара-хитаев быстро распространилась повсюду. Оступавшие в беспорядке кара-хитай все разрушали и грабили на своем пути. Когда толпы отступавших воинов стали стекаться к столице кара-хитаев Баласагуну (на р. Чу), жители города, полагая, что войска хорезмшаха доберутся и сюда, заперли городские ворота и не поддавались на уговоры беглецов. Однако хорезмшах не думал о походе на Баласагун и возвратился в Гургандж. Кара-хитай 15 дней осаждали свою столицу и, ворвавшись в нее, в течение трех суток истребляли население города. По сведениям источника, погибло 47 тысяч одних только знатных и уважаемых горожан⁷¹.

И хотя до уничтожения государства кара-хитаев оставалось еще два года, победа хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада над кара-хитаями была расценена современниками как победа ислама над "безбожием". Эта победа была едва ли не самым большим внешнеполитическим успехом государства Хорезмшахов. В казну государства поступили огромные богатства и драгоценности, войскам досталась большая добыча. Но главное значение победы состояло в том, что хорезмшах наконец добился полной независимости: ни один из правителей региона не мог претендовать на сюзеренитет над Хорезмом; наступило время, когда сам хорезмшах стал вершителем судеб других государств и народов.

Когда Ала ад-Дин Мухаммад возвратился в Гургандж, во все концы мусульманского мира были отправлены гонцы с победными реляциями хорезмшаха, все города и селения были разукрашены, в мечетях читались праздничные проповеди, в которых прославлялось имя "величайшего султана" Ала ад-Дина Мухаммеда. Во время этих торжеств плененный командующий войсками кара-хитаев Тайангу был утоплен в Амударье.

Хорезмшах изменил дворцовые церемонии и сделал их еще более торжественными. При своих себе после победы над кара-хитаями *лакаб Искандар-и Сани* ("Второй Александр Македонский"), он ввел для себя *наубу Зу-л-Карнайна* ("Двурогого", т. е. Александра Македонского), для исполнения которой назначил пленных правителей и владетели. Эту *наубу* отбивали во время восхода и захода солнца в 27 золотых литавр, палочки которых были украшены различными цветами.

Имя Искандар-и Сани хорезмшаху показалось недостаточно высоким, и, хотя поэты уже стали прославлять его под этим именем, он, вспомнив о долголетнем правлении великого сельджукского султана Санджара, присвоил себе имя "султан Санджар" и приказал изготовить тугру для подписи с текстом *зилл Аллах фи-л-ард* ("Тень Аллаха на Земле")⁷². Новое имя хорезмшаха нашло отражение и в титулатуре его сыновей: так, наследник престола хорезмшахов Кутб ад-Дин Узлаг-шах именовался "султан Абу-л-Музаффар Узлаг-шах, сын султана Санджара, Помощник Эмира верующих"⁷³. Султан Джалал ад-Дин Манкбурны подписывал свои письма халифу так: "Его (халифа) послушный слуга Манкбурны, сын султана Санджара"⁷⁴.

Вместе с хорезмшахом в Гургандж приехал его зять владетель Самарканда хан ханов Усман и оставался в столице целый год. Он пытался вернуться в Самарканд, но мать хорезмшаха Теркен-хатун держала его при себе, ссылаясь на тюркские обычаи, по которым молодой зять мог вернуться к себе домой только по истечении года⁷⁵.

Тем временем Мухаммад ибн Текиш задумал новый поход против кара-хитаев. Едва самаркандцы узнали, что в свите хорезмшаха нет их владыки хана ханов Усмана, они заподозрили неладное и открыто стали проявлять враждебность к хорезмшаху и его людям. Положение в огромном городе стало весьма напряженным, и хорезмшах послал в Гургандж людей, которые привезли в Самарканд Усмана и его жену Хан-Султан.

Но возвращение хана ханов в Самарканд оказалось не в пользу хорезмшаха. В отсутствие Усмана *шихна* хорезмшаха эмир Дорт-Аба и его люди вели себя в городе разнузданно и издевались над жителями. И когда Усман вернулся в город, он приказал немедленно перебить всех

хорезмийцев; ненависть жителей Самарканда к ним была настолько велика, что они разрывали трупы хорезмийцев на куски и развешивали на крючьях на базарах и улицах⁷⁶. Сам Усман перебил всех прибывших с ним и его женой хорезмийцев, а ее заставил прислуживать другой его жене - дочери кара-хитайского *гюр-хана*. Однако Хан-Султан удалось запереться в цитадели Самарканда и отсидеться там до прихода войск хорезмшаха⁷⁷. По-видимому, свита Хан-Султан, а возможно, и какое-то число самаркандцев остались верными дочери хорезмшаха.

Покончив с хорезмийцами, хан ханов Усман отложился от хорезмшаха и отправил послов к *гюр-хану* с известием, что он готов сдать Самарканд кара-хитаям.

Гневу и ярости хорезмшаха не было предела. Едва узнав о действиях Усмана в Самарканде, он в припадке злобы и гнева приказал немедленно умертвить всех чужеземцев, находившихся в Гургандже, однако его мать отговорила хорезмшаха от этого опрометчивого шага, заявив, что в этом случае на голову его падет позор и его осудят во всем мусульманском мире⁷⁸. Собрав огромное войско и ополчение, Ала ад-Дин Мухаммад выступил к Самарканду. Несмотря на отчаянное сопротивление, город был взят хорезмийцами, которые в течение трех дней расправлялись с жителями Самарканда. Согласно Джувейни, было убито 10 тыс. человек⁷⁹. Взятого в плен хана ханов Усмана хорезмшах хотел было помиловать, но по настоянию Хан-Султан он был казнен в 609/1212 г. Были казнены все его родные и близкие; род самаркандских ханов и остальные представители династии Караханидов были уничтожены⁸⁰.

Чтобы пресечь попытки кара-хитаев проникнуть в Мавераннахр, хорезмшах отправил 10-тысячный отряд в Исфиджаб⁸¹.

Государство кара-хитаев доживало последние дни. Бежавший от Чингиз-хана правитель найманов Кушлу-хан нашел убежище у кара-хитайского *гюр-хана* и даже женился на его дочери. Собрав бежавших от монголов найманов, Кушлу-хан стал безнаказанно совершать набеги на земли кара-хитаев, так как основная часть их войск была разгромлена хорезмшахом. Вскоре после событий в степи Иламыш и осады Баласагуна Кушлу-хану удалось захватить почти все владения *гюр-хана*. Формально *гюр-хан* остался на престоле, но фактическим владыкой стал Кушлу-хан (в качестве советника кара-хитайского правителя).

Хорезмшах потребовал у Кушлу-хана выдачи *гюр-хана* и всей его казны, однако Кушлу-хан отказался выполнить это требование и предложил султану раздел земель, подвластных кара-хитаям. Дело завершилось тем, что Кушлу-хан после смерти *гюр-хана* стал правителем земель, принадлежавших кара-хитаям, и оставался таковым до времени вторжения монголов в 612/1215 г. Разгром государства кара-хитаев позволил хорезмшаху расширить свои владения на востоке. Но, захватив земли Мавераннахра, хорезмшах приказал разрушить многие города этого края (в том числе в Шаше и в Северной Фергане), оправдывая это опустошение угрозой вторжения монголов⁸². Однако ряд средневековых историков считает, что уничтожение хорезмшахом Ала ад-Дина Мухаммедом государства кара-хитаев было величайшей ошибкой, ибо кара-хитая представляли собой преграду между странами ислама и "неверными" монголами. Печальные для многих стран ислама итоги этого необдуманного шага хорезмшаха дали о себе знать очень скоро, когда путь монголам на запад оказался открыт⁸³.

После уничтожения государства кара-хитаев хорезмшах, будучи спокоен за восточные рубежи государства, переключил свое внимание на запад - на земли, пограничные с Хорасаном.

Как уже было упомянуто, в 600/1203 г. власть в Ираке Персидском захватил мамлюк атабека Азербайджана Джахан-Пехлеван Шамс ад-Дин Айтогмыш, который, по словам Раванди, "восстановил в стране справедливость и был озабочен приведением дел государства в порядок"⁸⁴.

В 602/1205 г. против атабека Азербайджана Абу Бакра восстал его вассал владетель Мараци Корпа-Арслан. Атабек обратился за помощью к Айтогмышу, и тот вступил со своими войсками в Азербайджан. Этим воспользовались некоторые хорезмийские эмиры, и на территорию Ирака Персидского вторгся 10-тысячный конный отряд хорезмийских войск вместе с семьями и обозом. Хорезмийцы добрались до самого Занджана. Здесь их настиг Айтогмыш и разбил, захватив в плен их семьи и имущество⁸⁵.

После этой победы власть Айтогмыша на территории Ирака Персидского укрепились, и халиф ан-Насир не замедлил присвоить Айтогмышу пышные лакабы "Великий хакан, Величайший падишах, Солнце государства и веры, Поддержка ислама и мусульман, Владыка владык Востока и Запада"⁸⁶.

В 607/1210-11 г. умер атабек Азербайджана Абу Бакр, и подвластными ему землями, в том числе и Ираком Персидским, стал управлять его брат атабек Узбек. В это время обстановка в Ираке Персидском снова изменяется: против Айтогмыша выступила группа его сподвижников во главе с мамлюком Насир ад-Дином Менгли. В первом же сражении в ша'бане 608 г. х. (январь 1212 г.)

Айтогмыш был разгромлен и бежал в Багдад. Менгли, овладев Хамаданом, Исфаханом, Реем и соседними областями, провозгласил *хутбу* и стал чеканить монеты со своим именем⁸⁷.

Из Багдада Айтогмыш отправился к туркменскому племени Ива'и, но в мухарраме 610 г. х. (июнь 1213 г.) был убит людьми Менгли, специально посланными для этого. Менгли написал халифу резкое письмо, в котором сообщал об убийстве Айтогмыша и требовал, чтобы халиф перестал вмешиваться в дела Персидского Ирака. Менгли вел себя как независимый правитель, его стал бояться "и владетель Азербайджана Узбек, хотя и был его господином и хозяином"⁸⁸.

В это же время в Мазандаране началась медоусобная борьба, в которую был втянут и Менгли. Последний правитель Мазандарана из рода Бавандидов Шах-Гази Рустам ибн Шахрийар оказался игрушкой в руках своего же *сарханга* Абу Ризы Хусайна. Абу Риза женился на сестре Шах-Гази и, убив его самого, в 606 г. х. объявил себя владыкой Мазандарана. Однако его жена отомстила за смерть брата, и Абу Риза Хусайн был предан мучительной казни⁸⁹.

Когда об этом узнал Менгли, он решил овладеть престолом Бавандидов и их сокровищами и предложил сестре Шах-Гази стать его женой. Однако она отвергла домогательства Менгли и отправила письмо хорезмшаху с предложением стать его женой и передать ему Мазандаран в качестве приданого. Хорезмшах отправил своих людей для сватовства, и вскоре сестра Шах-Гази Рустама была доставлена в Гургандж. Но хорезмшах сразу же отдал ее в жены одному из своих эмиров, а Мазандаран таким образом вошел в число султанских владений без каких-либо военных действий⁹⁰.

Что касается Менгли, то против него выступила коалиция в составе атабека Азербайджана Узбека, халифа ан-Насира и владыки исмаилитов Аламута Джалал ад-Дина Хасана, владения которого Менгли пытался захватить. Халиф ан-Насир обещал разделить Ирак Персидский, которым владел Менгли, на три части, из которых одну он намерен был оставить за собой, а две другие отдать Узбеку и исмаилитам.

В джумада I 612 г. х. (сентябрь 1215 г.) Менгли был разгромлен, схвачен и обезглавлен. Земли Ирака Персидского были разделены, как и предполагалось. Наместником земель, доставшихся атабеку Узбеку, был назначен его мамлюк Сайф ад-Дин Оглымыш, который более всех отличился в войне с Менгли⁹¹.

Необходимо отметить, что Сайф ад-Дин Оглымыш задолго до этих событий уже состоял на службе у хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда и теперь, получив согласие атабека Узбека, начал упоминать имя хорезмшаха в *хутбе*. Историк ан-Насави прямо называет Сайф ад-Дина Оглымыша "на'ибом хорезмшаха в Ираке"⁹².

В 612/1215 г.⁹³ к владениям Хорезмшахов был присоединен Керман. Это было осуществлено с помощью наместника хорезмшаха в Заузане Амин ад-Дина Абу Бакра. Керманом в это время владел Харб ибн Мухаммед ибн Абу-л-Фадл, который не смог оказать сопротивления войскам, посланным хорезмшахом в распоряжение Амин ад-Дина Абу Бакра⁹⁴.

Захватив Керман, армия хорезмшаха повернула на восток и завладела Белуджистаном и Мекраном. Затем войска вышли на побережье Ормузского пролива и подчинили владетеля Ормуза Макика, который начал читать *хутбу* с именем хорезмшаха и выплачивать дань. По сообщению Ибн ал-Асира, *хутбу* с именем Ала ад-Дина Мухаммеда стали читать даже в Омане⁹⁵.

Когда Сайф ад-Дин Оглымыш огласил в Ираке Персидском *хутбу* с именем хорезмшаха, то ни халиф ан-Насир, ни атабек Узбек не выразили протеста по этому поводу, однако халиф воспринял этот факт как посягательство на свои прерогативы и не замедлил предпринять меры для устранения Сайф ад-Дина - официального представителя хорезмшаха в Ираке Персидском. Войдя в контакт с главой исмаилитов Джалал ад-Дином Хасаном, халиф подослал к Оглымышу фида'и, который убил его во время встречи им паломников, возвращавшихся из Мекки⁹⁶.

После убийства Сайф ад-Дина Оглымыша упоминание в *хутбе* имени хорезмшаха в Ираке Персидском прекратилось. В связи с этим хорезмшах решил не только восстановить положение в Ираке Персидском, но и взять эту страну под свой контроль⁹⁷. Этот шаг им был предпринят еще и потому, что владетель Азербайджана атабек Узбек и его вассал владетель Фарса атабек Са'д ибн Занги (каждый в отдельности) решили воспользоваться гибелью Сайф ад-Дина Оглымыша. Оба они отправили войска в Ирак Персидский. Узбек захватил Исфахан и достиг Хамадана, а Са'д ибн Занги овладел Реем, Казвином, Хуваром и Семнаном с их округами⁹⁸.

Как пишет ан-Насави, оба атабека решили воспользоваться удобным случаем: "Ведь здесь не было никого, кто мог бы защищать Ирак. Они знали о том, что султан далеко отсюда, что он углубился в страну тюрок, поднялся там на самые высокие вершины и занят утрашением безбожия"⁹⁹.

Султан узнал о выступлении Узбека и Са'да ибн Занги, находясь в Самарканде. Он немедленно "отобрал самых храбрых мужей и самых отважных богатырей в количестве около 100 тысяч

всадников и укрепил основные силы своих войск знатными эмирами и славными людьми из его вельмож из областей Мавераннахра и пограничных местностей тюрок"¹⁰⁰. В Кумисе хорезмшах произвел войскам вторичный смотр и, отобрав 12-тысячный отряд легкой конницы, за короткое время достиг местечка Хейл-и Бузург, близ Рея. Сюда к этому времени подошли войска атабека Фарса Са'да ибн Занги, который, полагая, что перед ним войска атабека Узбека, решил атаковать их. Когда же вы пылу сражения он увидел шатер хорезмшаха, то понял, что проиграл, и прекратил сражение. Войско его разбежалось, а сам он "спешился и поцеловал землю". Са'да взяли в плен и доставили к хорезмшаху, который сначала хотел казнить его, но потом повелел отвезти его связанным в Хамадан¹⁰¹.

Атабек Узбек, находясь в Исфахане, узнал о поражении и пленении Са'да и, растерявшись, не знал, что ему предпринять: двигаться ли дальше, на восток, на завоевание новых земель, или отступить перед грозной силой хорезмшаха. Везир Узбека Рабиб ад-Дин Дандан предложил ему укрепиться в неприступной крепости Фарразин, но Узбек отказался. Он поручил своему вассалу владельцу Ахара Нусрат ад-Дину Пиш-Тегину отступить со всем войском и имуществом к Табризу, а сам с 200 гулямами скрылся в неприступных горах Азербайджана. Однако войска хорезмшаха настигли Нусрат ад-Дина у Майаниджа и, разбив его, захватили все сокровища атабека Узбека, а самого Нусрат ад-Дина вместе с везиром Данданом взяли в плен¹⁰².

Хорезмшах отправил к бежавшему атабеку Узбеку своего посла Насир ад-Дина Давлатйара, который от имени хорезмшаха потребовал от атабека признать вассальную зависимость: чеканить монету и читать *хутбу* с именем хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда. Узбек выполнил это требование, и "в честь султана провозглашали *хутбу* с минбаров Аррана и Азербайджана - до самого Дербенда и Ширвана". Кроме того, Узбек "в знак покорности" сдал хорезмшаху крепость Фарразин. Учитывая, что вся казна Узбека оказалась в его руках, хорезмшах освободил Узбека от выплаты дани¹⁰³.

После этого атабек Узбек пожаловался хорезмшаху на вторжение грузин в его земли, и хорезмшах отправил посла к грузинскому царю, "предостерегая его от нападения на его (Узбека) страну, и заявил, что она стала одним из его собственных (*хасс*) владений, что со всех ее минбаров провозглашают его имя и что ее монеты отмечены его знаком". Одновременно хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад выделил 50 тыс. всадников для похода на Грузию. Однако в связи с подготовкой похода на Багдад эти войска против грузин посланы не были. Султанский посол вернулся из Грузии с посольством царя, доставившим хорезмшаху подарки "из числа диковинок этого края"¹⁰⁴.

Владелец Фарса атабек Са'д ибн Занги также был прощен хорезмшахом, тем более что ему некогда было им заниматься: он готовился к походу на столицу Халифата. Поэтому Са'ду была дарована свобода. Взамен он передал хорезмшаху две неприступные крепости в Фарсе: Истахр и Ашканаван. Кроме этого хорезмшах женил Са'да ибн Занги на своей родственнице и обязал его "ежегодно вносить в султанскую казну одну треть хараджа своей страны"¹⁰⁵.

Таким образом, к 614/1217 г. хорезмшах полностью подчинил себе не только Ирак Персидский, но и Мазандаран, Арран, Азербайджан, Ширван, Фарс, Керман, Мекран, Мангышлак, Кеш, Сиджистан, Гур, Газну и Бамйан и дошел до границ Индии.

Как пишет историк, хорезмшах "овладел этими странами без усилия, борьбы, насилия и разрушений - только тем, что внушил страх. Он овладел землями хитая и других тюркских владельцев и вельмож Мавераннахра - одних уничтожил, а других, кто скрывался, заставил искать убежище в отдаленных уголках Китая. А то, что он присоединил, составляло около четырехсот городов. Другому было бы не под силу такое достижение, а его законное приобретение без зова явилось украсить его"¹⁰⁶.

Хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад уже видел себя величайшим владыкой вселенной, ибо, подчинив Азербайджан, Ширван и Арран и подготовив 50-тысячное войско для похода на Грузию, он предполагал после захвата Грузии двинуть войска на Анатолию и Сирию с последующим вторжением в Египет. К исполнению этого замысла хорезмшах так и не приступил, но слухи об этом возможном походе хорезмшаха вызвали немалое беспокойство у владельцев Сирии и Малой Азии¹⁰⁷.

Став владыкой огромной империи, которая простиралась от Ирака на западе до Индии на востоке и от Аральского моря и Мангышлака на севере до берегов Индийского океана на юге, хорезмшах поставил перед собой задачу заставить халифа ан-Насира признать его светским владыкой всего мусульманского мира и оглашать в столице Халифата Багдаде *хутбу* с его именем.

Взаимоотношения хорезмшаха и халифа в первое десятилетие султанства Ала ад-Дина Мухаммеда, когда последний сталкивался с многочисленными неурядицами внутри государства и пытался расширить его границы, не были осложнены какими-либо конфликтами. Оба владыки ог-

раничивались обменом посланиями, обычными для отношений местных владетели с правительством халифа - "Высоким диваном".

Одним из послов хорезмшаха, неоднократно бывавшим в столице Халифата, был везир и *мунши* Ибн ас-Сиб'а'и (ум. в 600/1204 г.), известный своей образованностью и литературной деятельностью. "Его принимали в Багдаде с почетом и уважением, и он удостоивался наград халифа"¹⁰⁸. В свою очередь, халиф ан-Насир в мухарраме 601 г. х. (сентябрь 1204 г.) отправил в Гургандж своего посла Фахр ад-Дина ибн аш-шейха Маджд ад-Дина Йахйу ибн ар-Раби'а - *мударриса* багдадской медресе ан-Низамийа. В 603/1206 г. халиф направил в Хорезм второго своего посла Насра ибн Ас'ада ал-Хирафи, известного под именем Ибн ал-Асил, - главу войскового дивана Халифата¹⁰⁹.

В рамадане 602 г. х. (апрель 1206 г.) в Багдад прибыл посол хорезмшаха Низам ад-Дин Мухаммад ибн Абд ал-Карим ас-Сам'ани, который был встречен почетным эскортом. Когда он спешился у халифского дворца, то, согласно, церемониалу, должен был облобызать высочайший порог. Однако ас-Сам'ани, имея "от султана завидный чин и высокое положение"¹¹⁰ и будучи ближайшим советником Ала ад-Дина Мухаммада, высокомерно отказался выполнить обязательную для всех мусульман процедуру. Но его все-таки заставили это сделать, а затем разрешили прочитать проповедь с восхвалением халифа, чем он заслужил похвалу придворных¹¹¹.

В 605/1208 г. халиф ан-Насир отправил послом в Хорезм поэта Имад ад-Дина Джабра'ила ибн Сарима ибн Ахмада ас-Са'ди ал-Мысри. С каким поручением ездил в Хорезм ал-Мысри, неизвестно. 19 раби II 605 г. х. (1 октября 1208 г.) он возвратился в Багдад¹¹².

В том же году в Багдад прибыл очередной посол хорезмшаха, который был торжественно встречен эскортом халифа. 2 джумада I (12 октября 1208 г.) посла принял везир халифа Фахр ад-Дин Мухаммад. 10 джумада I (22 октября) посол получил от халифа почетную одежду, и ему было разрешено возвратиться в Хорезм¹¹³. Ни в одном источнике нет сообщений о том, с какой миссией ездил в Багдад послы Ала ад-Дина Мухаммада, и только ан-Насави говорит о подоплеке всех посольств хорезмшаха. Он пишет: "Когда авторитет султана возрос и великим стало его дело... он начал энергично требовать господства и власти в Багдаде, таких же, какие были у рода Сельджука. Он не раз отправлял послов с такой миссией, но не получил согласия на то, о чем просил. Между тем он не оставлял намерения получить то, чего хотел, и считал, что наступит время, благоприятное для осуществления желания и достижения долгожданной цели"¹¹⁴.

Хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад твердо решил добиться того, чего не сумел добиться его отец Текиш: заставить халифа признать его султаном ислама и мусульман. Хорезмшах считал свое требование вполне законным и не видел оснований для возражений¹¹⁵. Поэтому после того, как кара-хитая были разбиты, хорезмшах отправил халифу ан-Насиру послание, в котором говорилось: "Будь во взаимоотношениях со мной таким же, какими были твои предшественники во взаимоотношениях с такими сельджукскими султанами, как Алп-Арслан, Мелик-шах и более близкий к нам по времени султан Санджар. Дела в Багдаде и Ираке должны быть в моем ведении, и для тебя, кроме *хутбы*, ничего не остается!"¹¹⁶.

Однако халиф ан-Насир с гневом отверг требование хорезмшаха. Поэтому последний стал искать пути к тому, чтобы отстранить халифа, а возможно, и уничтожить саму его власть. Первое открытое выступление Ала ад-Дина Мухаммеда против халифа имело место в 601/1204 г., когда халиф ан-Насир приказал исключить из *хутбы* имя наследника престола Халифата своего сына Абу Насра Мухаммеда из-за его неспособности к государственным делам¹¹⁷. Имя наследника престола было исключено из *хутбы* во всех мусульманских странах, и только хорезмшах отказался выполнить это требование и даже направил в Ирак Персидский войска для принудительного восстановления *хутбы* с именем наследника¹¹⁸.

Затем появился еще один повод, обостривший вражду между хорезмшахом и халифом. Халиф разгневался на самостоятельность шерифа Мекки, который был потомком Али ибн Абу Талиба, и подослал к нему тайных убийц (исмаилитов). Однако те по ошибке убили брата шерифа. Данное обстоятельство послужило поводом для обращения хорезмшаха к имамам. Хорезмшах заявил, что подобный поступок халифа является серьезным доводом для того, чтобы низложить его, тем более что род Аббасидов по сути дела узурпировал права на халифат у потомков Али ибн Абу Талиба. Хорезмшах потребовал у имамов объявления во имя справедливости священной войны (*джихад*) против халифа ан-Насира в частности и против Аббасидов вообще¹¹⁹.

Последним послом хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда в Багдад был кади Муджир ад-Дин Умар ибн Са'д ал-Хорезми, который не раз ездил в столицу Халифата с поручениями хорезмшаха. Последнее его посольство в Багдад имело целью предъявить "Высокому дивану" требование признать "господство и власть султана в Багдаде". Однако послу было заявлено, что хо-

резмшаху никогда не будет дано согласие на *хутбу*, что ему достаточно тех земель, которыми он владеет, и что в Багдаде ему делать нечего¹²⁰.

Когда Муджир ад-Дин Умар возвращался в Хорезм, халифский двор отправил с ним главу багдадских суфиев шейха шейхов Шихаб ад-Дина ас-Сухраварди (1145 - 1234) "в качестве ответного посла, увещевателя, который должен был удержать хорезмшаха от того, о чем он просил"¹²¹. Хорезмшах принял Шихаб ад-Дина с почетом, но когда шейх шейхов перед началом беседы рассказал *хадис* с предостережением не причинять обид Аббасидам, хорезмшах сказал: "Хотя я тюрок и мало сведущ в арабском языке, я все же понял смысл рассказанного тобой *хадиса*. Но я не причинил вреда ни одному из потомков ал-Аббаса и не замыслил зла против них. Однако я слышал, что в тюрьмах Эмира верующих постоянно томятся некоторые из них, которые там же плодятся и размножаются. И если бы шейх повторил этот самый *хадис* в присутствии Эмира верующих, то это было бы вернее и гораздо полезнее"¹²².

Шихаб ад-Дин ас-Сухраварди стал оправдывать действия халифа, однако дальнейший разговор оказался беспредметным, и посол халифа возвратился в Багдад, а "вражда продолжалась своим чередом"¹²³. Но после того, как хорезмшах узнал, что к паломникам из его владений на пути к Мекке стали относиться хуже, чем к исмаилитам, терпение Ала ад-Дина Мухаммеда иссякло, и он приказал убрать имя халифа ан-Насира из *хутбы* и с монет. Затем, в 609/1212 г. он собрал улемов и имамов Хорезма и заполучил от них *фетву* на низложение Аббасидов и назначение халифом потомка Али ибн Абу Талиба - Ала ал-Мулка ат-Термези¹²⁴.

Последнее, что вызвало гнев хорезмшаха и предопределило его окончательное решение идти походом на Багдад, было то, что во время захвата его армией Газны в архиве гуридских султанов были обнаружены послания халифа ан-Насира султанам Гура, в которых халиф подстрекал их к походу против Государства Хорезмшахов¹²⁵. Были обнаружены такие же письма халифа к кара-хитайским эмирам¹²⁶.

Когда халиф ан-Насир узнал о том, что хорезмшах выступил с войсками и уже достиг Хамадана, он попытался приостановить поход посредством переговоров и снова отправил шейха Шихаб ад-Дина ас-Сухраварди к хорезмшаху. На этот раз Хорезмшах не оказал шейху надлежащих почестей. Вот что говорит о своем посольстве сам ас-Сухраварди: "Меня пригласили, и я прибыл к огромному навесу (*хайма*) с *дихлизом* (галереей), подобного которому нет во всем мире и который был украшен атласом и парчой. В *дихлизе* этом согласно рангам стояли владыки (*мулук*) Аджамы: владетели Хамадана, Исфахана, Рея и другие. Отсюда я прошел под другой шелковый навес, в *дихлизе* которого стояли владыки Хорасана: Мерва, Нишапура, Балха и другие. Затем я прошел под третий навес, в *дихлизе* которого стояли владыки Мавераннахра. Затем мы прошли к хорезмшаху, который находился в огромном золоченом шатре (*харгах мин захаб*). Над ним была завеса (*сиджаф*), отделанная драгоценными камнями. Он молод, с бородой и сидит на простом троне. На нем был бухарский кафтан (*каба'бухари*), стоивший пять дирхемов, на голове - меховая шапка стоимостью в дирхем. Я приветствовал его, но он не ответил мне и не приказал мне сесть. Я дал о себе знать и произнес известную проповедь, в которой упомянул о достоинстве рода ал-Аббаса и охарактеризовал халифа как [человека] воздержанного, благочестивого, праведного и набожного, а переводчик переводил мои слова. Когда я закончил, он сказал переводчику: "Скажи ему, что тот, которого он описывал, находится не в Багдаде. Вот я прибуду туда, и тогда такой там будет!"¹²⁷

Итак, оба раза миссия доверенного лица халифа и уважаемого в мусульманском мире суфия, каким являлся Шихаб ад-Дин ас-Сухраварди, потерпела неудачу, и поздней осенью 1217 г. Ала ад-Дин Мухаммад бросил свои войска на Багдад. "Он выслал вперед такое количество войск, что ими были заполнены степи и пустыни, но даже и они, при всей своей обширности, не могли их вместить"¹²⁸. Численность войск хорезмшаха в этом походе средневековыми авторами определяется по-разному. Сибт ибн ал-Джаузи пишет, что у него было 400 и даже 600 тыс. воинов¹²⁹, ан-Насави говорит, что у него было 400 тыс. всадников¹³⁰, в том числе 70 тыс. кара-хитаев¹³¹, а более поздние авторы определяют численность войск в 300 тыс.¹³².

Хорезмшах был совершенно уверен в том, что возьмет Багдад и низложит халифа, поэтому он заранее разделит территорию, подвластную халифу как светскому государю, на отдельные владения *икта'* и подписал соответствующие указы (*тауки*) об их распределении¹³³. Вперед хорезмшах выслал 15-тысячную конную армию под командованием эмира, которому выделил в качестве *икта'* Хулван и который вскоре достиг этого округа. После этого хорезмшах отправил с армией другого эмира, который получил в качестве *икта'* область, еще более близкую к Багдаду, и лишь потом выступил в поход сам во главе основных сил¹³⁴.

Но когда войска хорезмшаха достигли Асадабадского перевала, близ Хулвана, пошел густой снег и ударили морозы. "В снег погрузились палатки и шатры, и шел он беспрерывно три дня

и три ночи... так что беда стала угрожающей. Белая от снега земля почернела, ибо гибель настигла великое множество людей из числа воинов. Пали все верблюды. Одни воины лишились рук, другие ног. Из-за этого несчастья султан отступил от того, что замышлял, и отчаялся в своем стремлении"¹³⁵. Много отступающих хорезмийцев было перебито кочевниками племен Парчам и курдами племени Хаккар¹³⁶.

Свидетелем поражения хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда был находившийся при нем посол халифа ан-Насира Шихаб ад-Дин ас-Сухраварди, которого хорезмшах оставил у себя, чтобы продемонстрировать свою мощь и чтобы он был свидетелем захвата им Багдада. После поражения хорезмшах отправил Шихаб ад-Дина в Багдад. Ан-Насави пишет: "Султан раскаялся в том, что совершил ранее, когда утратил стыд и попрал законы справедливости, соблюдение которых обязательно для всякого, кто тверд в вере и здрав рассудком"¹³⁷.

По пути на родину хорезмшах, разгромленный и посрамленный, продолжал унижать имя и авторитет халифа. Прибыв в зу-л-ка'да 614 г. х. (февраль 1218 г.) в Нишапур, он приказал хатибу города не упоминать имя халифа в пятничной молитве, заявив, что халиф мертв. В мухарраме 615 г. х. (март 1218 г.) он приказал исключить имя халифа из *хутбы* в Мерве, затем в Балхе, Бухаре и Сараксе. Однако в Самарканде, Герате, и, как это ни странно, в самом Хорезме он этого добиться не смог¹³⁸.

После неудачного похода на Багдад хорезмшах возвращается не в Гургандж, где властвовала Теркен-хатун, а в Самарканд, который стал его местопребыванием и столицей, тем более что слухи о надвигающейся с востока грозной опасности становились все более тревожными и настойчивыми.

ГЛАВА 4

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА ХОРЕЗМШАХОВ

С самого начала борьбы за независимое от Сельджукидов существование и до падения государства хорезмшахи имели регулярные войска, пополнение и снаряжение которых являлось их главной заботой. Армия хорезмшахов была хорошо обучена, вооружена разнообразным оружием, ее полководцы не раз проявляли храбрость и опыт в боевых действиях.

Армия, которую собирали хорезмшахи в период образования государства, состояла из воинов-тюрок; войсковые подразделения и части формировались по племенному признаку¹. Даже в период расцвета государства, когда в войска рекрутировались представители других племен и народов, тюрки составляли основную и главную ударную силу.

Судя по сообщениям источников, хорезмшахи ввели в государстве систему всеобщего обязательного обучения населения военным знаниям.

Закарийа ал-Казвини пишет о столице государства городе Гургандже: "Это огромный город с многочисленным населением, и все его жители являются воинами, даже зеленщики, мясники, пекари и ткачи. Говорят, что султан Мухаммад ибн Текиш укрылся в городе, когда кара-хитай в одной из битв разгромили его войска. Султан бежал от них с малым числом людей. В город он вошел ночью, чтобы никто не заметил, что у него очень мало воинов. А когда наступило утро, он выехал из города в сопровождении 30 тысяч всадников, с которыми пошел на врага"².

Другой автор, упоминая о крепости Хазарасп - одной из наиболее мощных цитаделей Хорезма, отмечал, что "ее обитатели рождены под звездой сражений и вскормлены молоком копий и мечей"³.

Численный состав войск государства менялся в зависимости от масштаба походов хорезмшахов. Так, в 1195 г. в реестрах (*дафатир*) войскового дивана (*диван ал-ард*) хорезмшаха Текиша были зарегистрированы имена 170 тыс. всадников⁴. В первые годы своего правления хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад мог выставить в течение нескольких дней до 70 тыс. конницы⁵. Когда Ала ад-Дин Мухаммад выступил против вторгшихся в 1214 г. в Ирак персидских владетелей Азербайджана и Фарса атабеков Узбека и Са'да, то для войны с ними он "отобрал самых храбрых мужей и самых отважных богатырей в количестве около 100 тысяч всадников"⁶. После того как атабек Узбек признал себя вассалом хорезмшаха Мухаммеда, он просил его оказать ему военную помощь против грузин, и Мухаммад "дал распоряжение 50 тысячам всадников из отборных войск напасть на грузин"⁷.

В правление хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда численный состав войск государства достиг огромных размеров и был подобен "множеству песчинок, которые неизвестно где начались и неизвестно где кончались"⁸. Когда осенью 1217 г. хорезмшах решил идти походом на Багдад, "он выслал вперед такое количество войск, что ими были заполнены степи и пустыни, но даже и они, при всей своей обширности, не могли их вместить"⁹.

В 615/1218 г. хорезмшах устроил всеобщий смотр войскам, на котором присутствовало "около 150 тысяч конных воинов помимо пеших, которых насчитывалось еще до 100 тысяч"¹⁰.

Эти свидетельства различных источников кажутся порожденными воображением авторов хроник. Но цифры, приводимые ими, согласуются с сообщениями лиц, призванных по служебным обязанностям давать правдивую информацию. Так, посол владетеля Ирбиля атабека Музаффар ад-Дина Гек-Бори (1190 - 1233) по возвращении из Хорезма сообщает своему господину, что "в непосредственном подчинении хорезмшаха 350 тысяч воинов"¹¹. Во время войны с кара-хитами в 1211 и 1212 гг. хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад выставил против них 400 тыс. только одной кавалерии¹². Это подтверждается реестрами войскового дивана хорезмшаха, в которых зарегистрировано участие в походе на Багдад 400 тыс. всадников на конях и верблюдах¹³.

Накануне монгольского нашествия в Среднюю Азию численность войск государства Хорезмшахов доходила приблизительно до 400 тыс. конных в Туркестане и Мавераннахре, 20 тыс. в Отраре, 10 тыс. в области Бенакета и 110 тыс. в Самарканде. Кроме того, значительное количество войск имелось в Сиджистане, Балхе, Дженде, Хутталяне, Кундузе и Яркенде¹⁴. Даже в период упадка государства у хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны в Индии было 90 тыс. всадников¹⁵, но уже во время его вторжения на земли Кавказа с ним было 200 тыс. всадников¹⁶, а в сражении с монголами под Исфаханом в 1227 г. у него было более 100 тыс. конных и пеших воинов¹⁷.

Несомненно, что такому огромному и мощному контингенту войск, состоявшему из тяжелой, легкой и верблюжьей кавалерии, а также пехоты и ополчения, были приданы не менее внушительные вспомогательные силы, которые обеспечивали действующие армии боеприпасами, снаряжением, продовольствием, деньгами и фуражом.

Кроме регулярных частей хорезмшахи имели личную гвардию (*харас*), которая состояла из мамлюков (рабов-воинов). Такую гвардию впервые ввел хорезмшах Текиш¹⁸. У Ала ад-Дина Мухаммада в ее составе было 10 тыс. человек¹⁹. Помимо охраны хорезмшаха и его семьи *харас* использовалась для карательных экспедиций, для сопровождения торговых караванов²⁰.

С началом боевых действий хорезмшахи объявляли мобилизацию населения в народное ополчение, но во время походов ополченцы никакого жалования не получали и жили за счет грабежа и набегов²¹.

Высшим органом войскового управления в государстве был диван ал-ард (или *диван ал-джайш*), а главой этого дивана был сахиб диван ал-ард (или *сахиб диван ал-джайш*, или *арид ал-джайш*)²². В одном из источников главный орган войскового управления всего государства именуется *диван-и арз дар джумла-йи мамалик*²³.

Диван ал-ард ведал военными ленами (*икта*'), всеми видами жалования и платежей воинам всех званий, а также контролем и регистрацией войск и его вооружения. *Диван ал-ард* выплачивал установленное жалование (*маваджиб*, *арзак*) всем воинам (*мутаджаннида*) в определенное время, выдавал им все необходимое (*хукук*) и контролировал правильность выплаты военачальником жалования подчиненным²⁴. В наиболее крупных областях существовали также местные органы войскового управления.

Второй по значимости должностью в армии хорезмшахов был войсковой инспектор (*назир ал-джайш*)²⁵, который действовал под контролем главы войскового дивана²⁶.

Командующий армией хорезмшахов носил звание *ка'ид* или *мукаддам*, на этот пост выдвигался один из наиболее выдающихся и способных эмиров. Так, хорезмшах Ил-Арслан "назначил командующим войсками (*ал-мукаддам ала-л-асакир*) Шамс ал-Мулка ибн Хусайна Айяр-бека — одного из карлукских эмиров. Он выдал за него замуж свою сестру и сделал его командующим своих войск (*ка'ид джайшихи*)²⁷. В правление Ала ад-Дина Мухаммада I наместником провинции Рей и командующим войсками был назначен его сын Абу-л-Фатх Йусуф, имевший воинское звание *эмира-исфахсалара*²⁸. Командующие войсками провинций носили также звание *сахиб ал-джайш*²⁹.

При завоевании новых провинций или областей хорезмшахи раздавали эмирам захваченные земли в качестве *икта*' и назначали старшим над всеми местными эмирами наиболее выдающегося из них, присваивая ему титул *амир ал-умара* ("эмир эмиров")³⁰.

Воинское звание *малик* имели командующие отрядами в 10 тыс. всадников. В редких случаях это звание присваивалось выходцам из низов. Так, при хорезмшахе Ала ад-Дине Мухаммаде султанский *таитдар* Айаз "возвысился до степени *малика*". Достиг звания малика вышедший из простонародья Му'айид ал-Мулк Кавам ад-Дин, что ан-Насави оценил как "нелегкое приобретение"³¹.

Маликам, особо отличившимся в сражениях, присваивался титул *хана*³².

Вестовые в армии хорезмшахов носили звание *чавуш*, ими командовали старшие чавуши (*мукаддам чавушийя*)³³. Существовало специальное подразделение разведчиков-осведомителей (*джасусийя*)³⁴. *Джасусы*, "разведывали состояние врага и разузнавали о его действиях, а это было делом важнейшим"³⁵.

В армии хорезмшахов был свой духовный глава - войсковой судья (*кази-йи хашам ва лашкар-и хазрат или кади ал-асакир*)³⁶.

Кроме обычного оружия - мечей, копий, луков и стрел, палиц и пик³⁷ - на вооружении войск хорезмшахов имелись катапульты (*манджаник*), осадные машины (*даббабат*), "черепахи", т. е. подвижные башни (*матарис*), тараны (*джамалукат*) и штурмовые лестницы (*салалим*)³⁸.

Большое внимание уделяли хорезмшахи возведению и укреплению цитаделей и крепостей. Согласно ан-Насави, крепости Истахр и Ашканаван - "их неприступность вошла в поговорку"³⁹; крепость Илал - "одна из самых неприступных крепостей"⁴⁰; Хурандиз - одна из лучших крепостей, "как орел в воздухе, - нет к ней доступа"⁴¹; Кахира - "сторожевые огни в ней из-за ее высоты казались звездами или скорее светлячками"⁴²; Устунаванд - "мощная крепость, на высоте ее не могли парить орлы, при своей неприступности она не нуждалась в стенах"⁴³; Ардахн - одна из самых неприступных крепостей на земле, от нее отворачивали свои крылья даже орлы, и ее обитатели видели птиц лишь сверху"⁴⁴; Фарразин - "одна из самых известных своей неприступностью крепостей на земле"⁴⁵. Гарнизонами крепостей командовали *мустахфизы*. Полицейские и карательные функции в государстве Хорезмшахов осуществляли *шихны* со своими отрядами. Обычно

на должность *шихны* назначались тюркские военачальники - эмиры⁴⁶. *Шихна* вмешивался во все дела, представлявшие опасность для властей, и устанавливал надзор за теми, кто мог настраивать население против режима⁴⁷.

Хорезмшахи назначали своих шихн во все захваченные ими области, города и населенные пункты. Когда в 1165 г. войска хорезмшаха Ил-Арслана захватили Дихистан, он сразу же назначил туда своего *шихну*⁴⁸. В 1193 г. хорезмшах Текиш, узнав о смерти своего брата и соперника Султаншаха, сразу же захватил города Сарахс и Мерв и назначил в них своих шихн⁴⁹. Султан Джалал ад-Дин Манкбурны назначил *шихной* Хорасана эмира Кули-хана, а затем эмира Йигана Сункура, *шихной* Исфахана - Нусрат ад-Дина Мухаммада, *шихной* Азербайджана - эмира Бадр ад-Дина Тутака, *шихной* Хамадана - эмира Сарир-Малика⁵⁰.

Во время боевых действий построение наступающих и обороняющихся войск хорезмшахов было следующим: авангард - правое крыло – центр - левое крыло - арьергард и засада (*мукаддама* или *йазак – маймана – калб – майсара - му'ах-хара* и *хафийа*). Вслед за каждым 10-тысячным отрядом двигались семьи воинов, причем часто в сражениях принимали участие и женщины, одетые в боевые доспехи⁵¹.

Перед началом военных действий или объявлением войны хорезмшахи созывали военный совет для обсуждения предстоящих операций, на который приглашались крупные военачальники, улемы, факихи и астрологи⁵². Однако эти военные советы всегда заканчивались единоличным решением хорезм-шаха, независимо от того, было ли оно правильным или нет.

ГЛАВА 5

ОСНОВНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ДВОРЦОВЫЕ ДОЛЖНОСТИ

Главой центрального государственного аппарата (*ал-маджлис ал-али ал-фахри ат-таджи*) у хорезмшахов был чиновник высшего ранга, именуемый везиром. Везир был первым советником главы государства и только перед ним нес ответственность за свои действия. Везир представлял владыку на официальных церемониях, в межгосударственных отношениях, в переговорах с вассалами¹, был посредником между подданными и главой государства², следил за всеобщим порядком³. Везиру подчинялись все сановники государства, включая наместников, а также военачальники⁴. Везир был главой чиновников диванов (*асхаб ад-дававин*), назначал и смещал чиновников, устанавливал пенсии (*арзак*), содержания (*маваджиб*) и контролировал налоговое управление и казну⁵. Везир постоянно находился при повелителе, сопровождая его в поездках и походах, мог сам посылать войска и возглавлять их⁶.

Должность везира пользовалась в государстве большим уважением, о чем свидетельствует отрывок из письма султана Санджара: "Высочайшим установлением является везират, с которым связаны дела всей общины и правильное течение дел человеческих и следствием которого являются блеск и краса страны и порядок и законность в государстве. С того времени, как подошла наша очередь господства и владычества и солнце нашей власти над миром засветило над странами земли, наша мысль была направлена на то, чтобы дать государству - да укрепит его Аллах! - достойного доверия, мудрого и способного везира (*дастур*), добропорядочного, который бы знал законы управления, знал будущность государства, очистился жизненным опытом, мог наставить нас на хорошие дела, показать правильный путь, на котором достигаются преходящая слава и вечная награда, доводить до нашего сведения правду о положении подданных, докладывать нам о делах мусульман, говорить и показывать, что мы во всех этих случаях могли бы приказывать сделать, и чтобы во всем, что мы приказываем, мы могли бы положиться на его слово..."⁷.

Везиры имели титулы *садр*, *дастур*, *ходжайи бузург*, их должностными знаками были чернильница (дават) и чалма из определенного сукна (*дастар*)⁸. Во время выезда везира перед ним несли четыре копыя, древки которых были покрыты золотом⁹.

Везиры хорезмшахов, как правило, принадлежали к арабо-персидской служилой чиновной среде (в списке везиров хорезмшахов мы не находим тюркских имен). Решающее значение в выборе везира имели владение арабским и персидским языками, административные способности, знание правил придворного этикета, а не родовая принадлежность.

Во время приемов хорезмшахи усаживали везира по правую от себя сторону. В помещении дивана везир сидел в черном кресле (*даст*); везир, имевший *лакаб Низам ал-Мулк*, не вставал со своего кресла, чтобы приветствовать входящего (даже если им был наследник престола)¹⁰.

Должность везира в государстве Хорезмшахов впервые появляется в правление султана Атсыза. До нас дошли имена четырех его везиров:

1. Шамс ад-Дин Абу-л-Фатх Мухаммад ибн Али ибн Муса. Он погиб в 550/1155 г. смертью мученика за веру (*шахид*). Придворный поэт Фахр ал-Афадил Абу Хафс Умар ибн Мухаммад ибн Умар ал-Хорезми ал-Куда'и оплакивал его такими стихами:

Потеряв тебя, Шамс ад-Дин, потемнело солнце,
и засияла от твоего блеска могила.
Память о тебе в мире свежа, и переживет она
тебя, и пятикратная молитва осенит твое тело.
Не упрекайте нас в том, что мы опечалены его гибелью,
ибо скорбят о его смерти и джинны, и люди.
Пока на Востоке и Западе будут вспоминать о его делах,
им будут гордиться ими арабы, турки и персы,
им будут удивляться времена, а львы земли
будут пытаться постичь твои мысли¹¹.

2. Абу-л-Музаффар Са'ид ибн Мухаммад ибн Абдаллах ал-Фалаки ан-Нишапури. "Он был везиром у владыки Хорезма, но затем стал бегать от него и покинул Хорезм в 533/1138 г. Он умер в Дамаске в шаввале 560 г. х. (август 1165 г.)"¹².

3. Баха ад-Дин ал-Исфাহани - дядя знаменитого Имад ад-Дина ал-Исфাহани¹³.

4. Имам Маджд ад-Дин Абу Мухаммад Сахиб ибн Мухаммад ал-Бухари¹⁴.

Везирами хорезмшаха Ил-Арслана были Кавам ад-Дин Абу-н-Наджм Сухайл ибн Абд ал-Азиз ибн Абд ал-Гани ал-Хорезми¹⁵; Абу-л-Музаффар Са'ид ибн Сахл ал-Амки ан-Нишапури, умерший в 560/1165 г.¹⁶. Еще один везир упоминается Рашид ад-Дином Ватватом. Одно из его посланий адресовано "маулане", могущественному господину мира, победоносному, счастливому, побеждающему, *садру* вселенной, владыке везиров Востока и Запада¹⁷. Однако как звали этого везира и какому из хорезмшахов (Атсызу или Ил-Арслану) он служил, неизвестно.

Выдающейся личностью, согласно источникам, был везир хорезмшаха Текиша Низам ал-Мулк Шамс ад-Дин Мас'уд ибн Али ал-Харави, который оставил о себе добрую память. Так, он построил в Мерве прекрасную мечеть для шафиитов, громадное медресе, мечеть и хранилище рукописей в Гургандже. Везир этот погиб от рук исмаилитов в джумада II 596 г. х.¹⁸

После этого везира остался малолетний сын, которого Текиш назначил везиром вместо отца, наделив его всеми правами, хотя мальчик и противился этому. Однако хорезмшах назначил ему помощников, которые помогали бы ему до совершеннолетия. Ему пришлось выполнять возложенные на него обязанности, и окружающие были довольны его службой. Юный везир скончался незадолго до смерти самого Текиша¹⁹.

Везирами хорезмшаха Текиша были также Имад ал-Мулк ас-Сави²⁰ и Кавам ал-Мулк ал-Амид Абу-л-Фатх Али ибн Абд ал-Малик ал-Балхи (*Му'аййид ал-Мулк Кавам ад-Даула ва-д-Дин Тадж ал-Ислам ва-л-муслимин ифнгихар акабир Хорезм ва Хорасан*)²¹.

Везиром хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда был Низам ал-Мулк Мухаммад ибн Низам ал-Мулк Баха ад-Дин Мас'уд ал-Харави. Однако хорезмшах отстранил его²² и по совету матери назначил на пост везира Низам ал-Мулка Насир ад-Дина Мухаммада ибн Салиха, который оказался бездарным человеком и взяточником. Хорезмшах, опасаясь своей матери и ее соплеменников, занимавших ключевые посты в административном аппарате, терпел его целых семь лет, но, в конце концов он отстранил от дел и этого везира, ибо кроме "надменности и безмерной расточительности в нем не было ничего [приметного]"²³.

Отстраненный везир, чувствуя за собой поддержку матери хорезмшаха, продолжал творить бесчинства, и Ала ад-Дин Мухаммад решил положить этому конец, однако он не казнил Насир ад-Дина, а только отправил его в Гургандж со словами: "Отправляйся в Хорезм, к воротам своей кровительницы!". Теркен-хатун повелела созвать всех жителей столицы и торжественно встретить отстраненного везира. Она назначила его своим везиром, и он стал заниматься ее делами и управлять ее имуществом и владениями²⁴. Распоряжения Насир ад-Дина выполнялись во всех владениях Теркен-хатун в Хорезме, Хорасане и Мазандаране. Если во время службы хорезмшаху перед Насир ад-Дином во время его выходов несли четыре копья, то теперь, в Гургандже, перед ним по приказу Теркен-хатун несли восемь копий, что еще больше возвышало его престиж.

Как пишет ан-Насави: "Султан-завоеватель, подчинивший могущественных владык и униживший людей из рода Хосрова, оказался не в силах утолить свой гнев против одного из своих слуг"²⁵.

У хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада был еще один везир - Ала ал-Мулк ал-Алави, известный своей образованностью и писавший стихи на арабском и персидском языках. Когда разбитый монголами хорезмшах бежал из страны, Ала ал-Мулк ал-Алави подался к Чингиз-хану, и "тот оказал ему почести и включил его в число своих приближенных"²⁶.

Накануне монгольского нашествия хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад вообще отказался от услуг везира, отменил везират и "приказал, чтобы дела, определенные для везирата, решали шесть вакилдаров"²⁷. Это был своего рода государственный совет при хорезмшахе, который обязал их объявлять решение только после того, как все шестеро его одобрили (и, конечно, сам хорезмшах). В совет этот входили: *катиб ал-инша* Низам ад-Дин, Муджир ал-Мулк Тадж ад-Дин Абу-л-Касим Умар ал-Бистами, эмир Дийа ад-Дин ал-Байабанки, Шамс ад-Дин ал-Калабади, Тадж ад-Дин ибн Карим аш-Шарк ан-Нишапури и аш-Шариф Маджд ад-Дин Мухаммад ан-Насави²⁸.

Однако это новшество хорезмшаха оказалось неудачным, и совет вакилдаров так и не принял ни одного решения.

К числу высших административных чинов государства относились также везиры областей и округов. Должность эта существовала только в государстве Хорезмшахов. Судя по назначениям на нее авторитетных лиц и высокопоставленных чиновников, можно предполагать, что везиры эти либо управляли личными землями хорезмшахов, либо были направляемы султанами в исключительно важные, с политической точки зрения, области и города и получали при этом особые полномочия. Так, при хорезмшахе Атсызе везиром Мазандарана был некий Маджд ад-Дин Шараф ал-Ислам²⁹. Везиром султана Ала ад-Дина Мухаммада в Насе был Захир ад-Дин Мас'уд ибн ал-

Мунаввар аш-Шаши, который отвечал за состояние укреплений города³⁰. Везиром султана в Дихистане и Мазандаране был Амин ад-Дин ад-Дихистани³¹, следивший за положением на границах с исмаилитами. Сафи ад-Дин ал-Акра был везиром султана в стране тюрок, в Отраре, где следил за событиями на восточных границах государства³². Везирами султана в Дженде были Наджиб ад-Дин аш-Шахразури, его сын Баха ал-Мулк Хаджи и Фахр ад-Дин Али ибн Абу-л-Касим ал-Дженди (будущий везир султана Джалал ад-Дина Манкбурны)³³.

Влиятельным и умным чиновником в правление султана Ала ад-Дина Мухаммада считался Имад ал-Мулк Мухаммад ибн аш-Шахид ас-Сави, который одно время исполнял обязанности везира в Джарбазакане, на границе с исмаилитами³⁴. Перед вторжением монголов султан назначил Имад ал-Мулка везиром к своему сыну Рукн ад-Дину Гурсанджти, владельцу Ирака Персидского³⁵.

Везирами султана в Нишапуре были ходжа Шараф ал-Мулк и Муджир ал-Мулк Кафи ад-Дин Умар ар-Руххи³⁶.

Когда султан Ала ад-Дин Мухаммад передал своему сыну Джалал ад-Дину Манкбурны право на владение Разной, Бамйаном, Гуром, Бустом, Такинабадом, Заминдаваром и пограничными с Индией областями, везиром к нему был назначен Шамс ал-Мулк Шихаб ад-Дин Алп ал-Харави, который был "средоточием качеств, необходимых для обладателя власти, и никто в такой степени не обладал щедростью, скромностью и кротостью"³⁷. Везир этот был убит в Индии во время отступления туда Джалал ад-Дина.

Везиром к Гийас ад-Дину Пир-шаху, когда султан передал ему во владение Керман, Кеш и Мекран, был назначен Тадж ад-Дин [ибн] Карим аш-Шарк ан-Нишапури, который был одним из шести вакилдаров султана. Гийас ад-Дин Пир-шах отправлял этого везира ко двору халифа аз-Захира (1225 - 1226) с просьбой признать его правителем земель Ирака Персидского, и халиф, продолжая политику своего предшественника ан-Насира, помог Гийас ад-Дину 30 тыс. динаров для борьбы против его брата Джалал ад-Дина Манкбурны³⁸.

Когда Гийас ад-Дин Пир-шах вторгся в 1224 г. в Азербайджан и захватил владения атабека Узбека, в том числе Нахичеван, везират этой важной пограничной области он передал своему хаджибу Садр ал-Милла ва-д-Дину Абу-л-Баракату ал-Усмани. Сохранился указ Гийас ад-Дина о назначении Абу-л-Бараката везиром:

"Недавно мы передали Садр ал-Милла ва-д-Дину Абу-л-Баракату ал-Усмани, происходящему из рода халифа Усмана ибн Аффана, везират Нахичевана, с тем чтобы он возместил убытки, нанесенные [нам] господством неверных, восстановил справедливость и улучшил положение... мусульман и многобожников (*муширик*), воздавал каждому по заслугам, взыскивал только исстари установленные налоги: харадж с мусульман и джизью с зиммиев.

Если кто-либо из жителей крепости (*ахл-и кал'а*) вступит под защиту мусульманина и откажется от неверия, везир не должен привлекать его к ответу за невыплаченную джизью. Везир не должен препятствовать христианам в постройке и ремонте церквей, [не должен мешать] их собраниям, но [он обязан] не допускать, чтобы они вводили значительные новшества (*ихдас-и мухдас*). Кроме того, он должен заботиться о том, чтобы христиане, [независимо от того], высоко или низко [их положение], жили отдельно от мусульман, запретить им верховую езду и ношение оружия.

Садр ад-Дин должен охранять дороги и следить за тем, чтобы ни один из зиммиев (*ахл-и зиммат*) не покинул землю ислама и не подался к неверным. Ни один купец... не должен выехать в землю неверных с оружием, рабами и скотом. Тех, кто хочет перебраться... в землю ислама (*дар ал-ислам*), Садр ад-Дин должен встречать с уважением и учтивостью, но [обязан] не допускать, чтобы переселенцев было больше, чем необходимо..."³⁹.

После убийства в Индии везира Шамс ал-Мулка Шихаб ад-Дина Алпа ал-Харави султан Джалал ад-Дин Манкбурны назначил временным главой везирата Фахр ад-Дина Али ибн Абу-л-Касима ал-Дженди. Но, как пишет ан-Насави, "судьба помогла ему, он остался у власти и достиг таких высот, до которых было далеко знатным людям, занимавшим видное положение. Таких отличий удаивались лишь те немногие, слава о которых прошла по [разным] странам и которых признали выдающиеся мужи Хорасана и Ирака"⁴⁰.

Однако везир этот "не умел составлять бумаги, не был достаточно учтив и не имел познаний в счете и во всем, что необходимо везирам"⁴¹. В конце концов, он предал своего султана, и Джалал ад-Дин приказал казнить его⁴².

В период султаната Джалал ад-Дина "для каждого города назначался свой везир, который управлял только им одним"⁴³. Везиром Исфахана был Низам а-Дин⁴⁴, везиром Насы - Дийа ал-Мулк Ала ад-Дин Мухаммед ибн Маудуд ан-Насави⁴⁵, Сафи ад-Дин Мухаммед ат-Тугра'и был везиром городов Ширвана, Шеки и Кабалы⁴⁶, а после его отстранения от службы везиром этих городов стал Тадж ад-Дин Мухаммед ал-Балхи⁴⁷. Везиром султана в Табризе сначала был Шамс ад-

Дин ат-Тугра'и, который "распоряжался не только имуществом жителей Табриза, но и их жизнями"⁴⁸, а после того как ат-Тугра'и был отстранен, везиром Табриза стал тюрок Баха ад-Дин Мухаммед ибн Башир Йарбек⁴⁹. Наконец, везиром султана Джалал ад-Дина в той же Насе был его личный секретарь Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави - автор "Жизнеописания султана Джалал ад-Дина Манкбурны".

Важной должностью в государстве Хорезмшахов была должность старшего или великого *хаджиба*⁵⁰. Как правило, хаджибами становились представители тюркской знати. Хаджиб докладывал хорезмшаху о делах, касающихся самого повелителя, следил за соблюдением церемониала. У хорезмшаха могло быть несколько хаджибов, они выполняли самые важные поручения султанов и повсюду сопровождали их.

Так, старший хаджиб (*хаджиб ал-кабир*) султана Ала ад-Дина Текиша - Шихаб ад-Дин Мас'уд ибн ал-Хусайн был тайно послан хорезмшахом к последнему сельджукскому султану Тогрулу III с посланием, чтобы тот покинул Рей, дабы избежать кровопролития⁵¹.

Хаджиб султана Ала ад-Дина Мухаммеда - Эрбоз ибн Са'д ад-Дин Сахм ал-Хашам был послан пресечь злоупотребления везира Низам ал-Мулке. Он был уполномочен проверить "реестры (*дафатир*) дивана везирата, его описи (*джара'ид*), архивы (*махзан*), [действия] секретарей (*кут-таб*) и чиновников, ведавших финансами (*мутасарриф*)"⁵².

Хаджибом (*хаджиб ал-хасс*) султана Джалал ад-Дина Манкбурны был Ханберди Сарухан, перешедший впоследствии на службу к конийскому султану Ала ад-Дину Кей-Кубаду I⁵³. *Хаджиб ал-хасс* Ханберди Сарухан вместе с ан-Насави вел от имени султана переговоры с Бандаром - предводителем восставших жителей Ганджи⁵⁴. *Хаджиб ал-хасс* Бадр ад-Дин Тутак ибн Инанч-хан вел от имени султана Джалал ад-Дина переговоры с исмаилитами⁵⁵, принимал от имени султана владетеля Арзен ар-Рума Рукн ад-Дина Джахан-шаха ибн Тогрул-шаха, изъясившего в 1225 г. покорность Джалал ад-Дину⁵⁶, принимал и сопровождал от имени султана посла халифа ал-Мустансира⁵⁷.

В источниках приводятся достаточно подробные сведения о дворцовых должностях.

Устаздар - придворный, который ведал всеми хозяйственными службами во дворцах хорезмшахов: конюшнями, кухнями, пекарнями, винными погребами, в его ведении было содержание дворцовой челяди. Устаздар первым являлся на зов султана и отдавал приказания, которые не обсуждались. Он ведал также всеми расходами двора⁵⁸.

В 1223 г., когда султан Джалал ад-Дин Манкбурны назначил своим устаздаром Джамал ад-Дина аз-Заррада, он присвоил ему *лакаб Ихтийар ад-Дин*⁵⁹. Ан-Насави так определяет обязанности устаздере: "В его полномочия, полученные от [хорезмшахов], входило распоряжение определенной частью всех доходов казны и сокровищ страны. Он расходовал из этих [сумм] на нужды пекарен, кухонь, конюшен, дворцовой челяди, на денежное довольствие и на другое, отбирая взамен расписки, заверенные печатями. Так, он брал [расписки] с печатями везира, мустауфи, мушриффа, назира и всех их заместителей (*нувваб*)... Всего должно было быть двенадцать печатей лиц, занимавших важные должности, и их заместителей"⁶⁰.

Устаздар Джамал ад-Дин аз-Заррад начал получать деньги из казны на необходимые расходы после того, как султан в 1224 г. овладел Ираком. Отчета у устаздара не требовали, так как время было беспокойное и Джалал ад-Дин Манкбурны переезжал с места на место. Джамал ад-Дин аз-Заррад, пользуясь бесконтрольностью, стал злоупотреблять своим положением и расточал большие суммы денег. Когда султан все же потребовал у него отчета, то у Джамал ад-Дина аз-Заррада обнаружилась недостача в 150 тыс. динаров. Султан приказал арестовать устаздара и взыскать с него деньги, но денег, конечно, не оказалось; и султан отстранил его от должности. Устаздаром был назначен Шихаб ад-Дин Мас'уд ибн Низам ал-Мулк Мухаммад ибн Салих - сын везира хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда⁶¹.

Шихаб ад-Дин оказался устаздаром достойным, противодействовал взяточникам, "не поддаваясь лицемерию и не выказывая показной щедрости. Получив эту должность в 624 году (1227 г.), он исполнял ее до падения государства (т. е. до середины августа 1231 г.)"⁶².

Амир-ахур - конюший, в ведении которого находились верховые лошади султана⁶³. Старшим амир-ахуром султана Ала ад-Дина Мухаммеда был эмир Ихтийар ад-Дин Кушлу⁶⁴, в ведении которого "было 30 тысяч коней"⁶⁵.

Амир-ахуром султана Ала ад-Дина Мухаммеда был также Кочидек⁶⁶. У Джалал ад-Дина Манкбурны амир-ахуром был Одек-хан - "один из самых хитрых его придворных", который сопровождал султана повсюду и принимал участие во всех его битвах⁶⁷.

Амир-шикар - начальник султанской охоты⁶⁸. Амир-шикаром султана Джалал ад-Дина был Сайф ад-Дин Дорт-Аба⁶⁹.

Таштдар - хранитель умывальных принадлежностей султана. У него в подчинении было несколько гулямов⁷⁰. Таштдары были весьма близки к султанам, которые доверяли им свои интимные дела. Таштдаром султана Ала ад-Дина Мухаммада был Айаз, которого хорезмшах "возвысил до степени малика и поставил во главе десяти тысяч всадников. Айаза назначили для отделе-ния голов и уничтожения душ"⁷¹. Таштдар султана Джалал ад-Дина - Джамал ад-Дин Фаррух так-же получил звание малика и выполнял функции личного посла султана⁷². *Шарабдар* - виночерпий, начальник султанской кладовой (*шараб-хана*), где хранились всевозможные напитки. Там же хра-нился сахар, необходимый для изготовления напитков, драгоценная посуда. Шарабдаром был обычно эмир, под началом которого служили специально обученные гулямы⁷³. Шарабдаром сул-тана Джалал ад-Дина был эмир Са'д ад-Дин Али⁷⁴.

Кыссадар - придворный, который в течение недели собирал просьбы и жалобы на имя сул-тана, приносил их владыке в ночь на пятницу и сообщал просителям и жалобщикам ответы султа-на⁷⁵. Это была одна из самых почетных дворцовых должностей в государстве Хорезмшахов.

У султана Ала ад-Дина Мухаммада кыссадаром был Наджиб ад-Дин аш-Шахразури, кото-рый "сопровождал султана и служил ему в этой должности еще в те дни, когда султан был коман-дующим войсками (*сахиб ал-джайш*) в Хорасане. Эта должность дает высокое положение и [при-носит] пользу - [все это] при обеспеченном спокойствии и непрерывно поступающих доходах"⁷⁶.

Джашнигир - придворный, который пробовал пищу и напитки, подаваемые султану, во из-бежание отравления владыки⁷⁷. Джашнигиром султана Джалал ад-Дина был Сайф ад-Дин Тог-рул⁷⁸.

Даватдар (*давадар*) - секретарь султана⁷⁹. Даватдаром Джалал ад-Дина был Сайф ад-Дин Сункурджа⁸⁰.

Фарраш - главный постельничий султана, начальник кладовой (*фарраш-хана*), в которой хранились постельные принадлежности специально обученных гулямов (которых иногда также называли *фаррашами*), они сопровождали султана повсюду⁸¹. Старшим постельничим султанов Ала ад-Дина Мухаммада и Джалал ад-Дина был Мукарраб ад-Дин Мухаммад ибн Ибрахим ал-Пахлаван ал-Хорезми⁸². Он был "одним из знатных эмиров государства и пользовался большим авторитетом у султана Джалал ад-Дина Манкбурны"⁸³.

Амир ал-алам (*аламдар*) - знаменосец султана⁸⁴. Аламдаром султана Ала ад-Дина Мухам-мада был Шамс ад-Дин⁸⁵. 106

ГЛАВА 6

ГОРОДА И СЕЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ ХОРЕЗМШАХОВ

История и историческая топография ряда городов, вошедших в состав государства Хорезмшахов, основательно изучены путем сравнительного анализа показаний письменных источников и археологических и этнографических наблюдений (например, Бухара, Самарканд, Мерв, Наса и др.). Археологи раскопали различные ремесленные мастерские, целые городские кварталы, отдельные постройки, городские стены и прочие объекты, что существенно расширило базу изучения городов и городских ремесел.

Свести воедино и проанализировать весь этот материал в одной главе невозможно. Отсылая читателя к этой специальной литературе, автор поставил перед собой другую задачу: извлечь и систематизировать сведения о ряде городов государства Хорезмшахов из персидских и арабских источников XIII - XIV вв. (ан-Насави, Джувейни, Ибн ал-Асир и др.).

Каким же был город этого времени? Как пишет Закарийя ал-Казвини, город - "это два города: один посредине другого (*ихдахума фи васат ал-ухра*). Малый город (*ал-мадина ас-сугра*) называется *шахристан*. Он имеет стены и несколько ворот (*абваб*), а большой город (*ал-мадина ал-кубра*) окружает малый и тоже имеет стены и ворота. Большой же город со всех сторон окружают виноградники и сады, которые в свою очередь, окружены пашнями"¹.

Йакут ал-Хамави, разъясняя термин *кахандаз* (*кухандиз*), пишет: "Основное значение этого термина - цитадель посредине города. Так это слово звучит на языке жителей Хорасана и Мавераннахра, но большинство рассказчиков передают это слово как *кухундуз*. Это означает "древняя крепость", где *кухун* - "древний", а *дуз* (*даз*) - "крепость". Затем этот термин стал обозначать цитадели городов, но не крепости, которые стояли вне городов. Среди таких можно назвать *кухундиз* Самарканда, *кухундиз* Бухары, *кухундиз* Балха, *кухундиз* Мерва и так далее"². Следовательно, *кухундиз* (*кухандиз*) возвышался в центре малого города (внутреннего), т. е. *шахристана*, или, по ас-Сам'ани, - *мадины*³.

Главным городом государства Хорезмшахов был Гургандж. Закарийя ал-Казвини сообщает, что Гургандж - "огромный город на берегу Джейхуна, с многочисленным населением"⁴. Иакут ал-Хамави, побывавший в Гургандже в 616/1219 г., накануне вторжения монголов и разгрома города, пишет: "Я не видел города более великого, более богатого и более прекрасного по расположению, чем Гургандж"⁵. У ал-Казвини сказано также, что Гургандж - очень красивый город, окруженный "вниманием ангелов, которые представляют город в раю так же, как невесту в доме жениха"⁶.

Расцвет города, ставшего столицей владык Хорезма, связан с возвышением их государства. Особенно бурно Гургандж развивался в правление султанов Текиша и Ала ад-Дина Мухаммеда⁷.

Хорезмшахи уделяли большое внимание первой столице своего государства. Как говорил хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад: "В отношении жителей Хорезма у нас, как и у наших предков, постоянные права и обязанности - те, что были прежде, и те, что прибавляются в наши дни"⁸.

В столице существовали все виды ремесел изучаемого периода. Один из авторов XIII в. называет примерно 50 основных специальностей ремесленников в средневековых городах этого периода⁹. Закарийя ал-Казвини отмечает, что жители Гурганджа - "искусные ремесленники", особенно кузнецы, плотники и др., достигшие в своем ремесле совершенства¹⁰. Резчики Гурганджа славились своими изделиями из слоновой кости и эбенового дерева. Женщины Гурганджа были искусными вышивальщицами¹¹. В городе работали мастерские по изготовлению натурального шелка¹². В строительном деле широко применяли материалы из древесины ивы. Постройки из такой древесины были легки и выдерживали нередкие здесь сильные землетрясения, тогда как каменные здания часто разрушались¹³.

Хорошо организованная охрана дорог и караванных путей стимулировала развитие внутренней и внешней торговли. Грабителей сурово наказывали. Закарийя ал-Казвини приводит такой случай: "Один купец рассказывал: "Из Гурганджа выехал огромный торговый караван. Когда через несколько дней мы отошли далеко от Гурганджа, наши мамлюки - а их было больше, чем купцов, - вышли из повиновения. Они сговорились и начали пускать в нас стрелы. Мы спросили: "Что вы задумали?" Они ответили: "Мы хотим перебить всех вас и захватить эти товары. На вырученные деньги мы купим коней и оружие и отправимся на службу к султану Ала ад-Дину Му-

хаммеду". Тогда купцы сказали им: "Вы не сможете как следует продать эти кумачовые ткани. Оставьте их нам, и мы купим для вас и коней, и оружие. А потом пусть один из вас будет эмиром и вы отправитесь на службу к султану". Хитрость удалась, и мы послали в Гургандж одного из своих, и он сообщил шихне города о случившемся. Через несколько дней шихна прибыл к нам и арестовал мамлюков. Караван вернулся в Гургандж, где мамлюков распяли"¹⁴.

Купцы Гурганджа доставляли свои товары в Багдад и даже в далекий ал-Андалус. Сохранился документ - обращение Рашид ад-Дина Ватвата к наместнику хорезмшаха в Ираке - с просьбой заботиться о купце Усмани ибн Исма'иле ал-Хорезми¹⁵. Один из купцов, Абу-л-Фатх Наср ибн ал-Хасан аш-Шаши, живший в Самарканде, "бывал в ал-Андалусе с торговыми целями"¹⁶.

Гургандж, расположенный по обоим берегам Амударьи, был, очевидно, отгорожен от реки плотиной, которая была разрушена монголами, и город был затоплен¹⁷, хотя до этого он уже был разрушен в результате многомесячной осады¹⁸. Согласно источникам, целыми в Гургандже остались только гробницы шейха Наджм ад-Дина ал-Кубра, султана Текиша и дочери султана Ала ад-Дина Мухаммеда, а также дворец Кушк-и Ахджук и часть одного из базаров¹⁹.

Гургандж до разгрома его монголами был застроен очень плотно. Как отмечает источник, "в Гургандже теснота и суматоха из-за множества людей"²⁰. Из источников нам известны названия только двух кварталов (*махалла*) Гурганджа - Танура²¹ и Майдан²², а также название одних ворот - Кабилян²³.

Город имел множество базаров. Смотрителем рынка был *мухтасиб*. Он проверял качество товаров, чистоту посуды, свежесть продуктов, следил за порядком и соблюдением мер и весов, пресекал мошенничества и обман. Должность мухтасиба поручалась лицам грамотным. Нередко мухтасибы имели титул *имама*²⁴.

Последним мухтасибом Гурганджа и всего Хорезма был Абу Али Ала ад-Дин Садид ибн Мухаммад ибн Абу Садик Та-хир ал-Хаййати ал-Хорезми, которого султан Ала ад-Дин Мухаммад "почитал за совершенство в науке и деле"²⁵.

Известны названия нескольких округов (*нахийя*) вилайета Хорезм: Тахирийя²⁶, Кардар²⁷ и Марагард²⁸.

О городах вилайета Хорезм сведений в источниках больше:

Ардахушмисан (или Хушмисан) - большой город "с благоустроенными базарами и благоуденствующим населением". Йакут ал-Хамави был в этом городе в шаввале 616 г. х. (декабрь 1219 - январь 1220 г.), т. е. за год до вторжения монголов в Хорезм, когда стояли жестокие морозы и судно, на котором он плыл, вмерзло во льды, сковавшие Джейхун²⁹.

Хивак (или Хива) - город-крепость, расположенный в 15 фарсах от Гурганджа. Это единственный город, жители которого были шафииты, тогда как остальное население Хорезма исповедовало ханафитский толк ислама³⁰.

Дарган - город, расположенный на высоком холме, у самой пустыни. Йакут ал-Хамави был в Даргане в рамадане 616 г. х. (ноябрь 1219 г.), когда следовал из Мерва в Гургандж³¹.

Савакан - городок, расположенный между Хазараспом и Хушмисаном. Имел большой базар и соборную мечеть. Йакут ал-Хамави был в Савакане в 617/1220 г.³².

Гавшфиндж - красивый, густонаселенный город в 20 фарсах от Гурганджа. Йакут посетил его в 616/1219 г.³³.

Кас (Кяс) - большой город в 20 фарсах от Гурганджа³⁴.

Нузкяс (Нузкят) - "городок близ Гурганджа Хорезма"³⁵.

Хазарасп - "неприступная крепость и красивый город" с множеством базаров и торговых рядов. Йакут ал-Хамави был здесь в 616/1219 г.³⁶.

Кроме этого Йакут ал-Хамави упоминает города Субурна³⁷, Саракуста³⁸, Мангашлак³⁹.

По свидетельству источников, сельские округа государства (особенно в период правления двух последних хорезмшахов) представляли собой "прекрасно возделанные местности"⁴⁰. Здесь выращивали хлопчатник, бахчевые культуры и всевозможные фруктовые деревья⁴¹. Йакут ал-Хамави, проезжавший по Хорезму накануне вторжения монголов, пишет, что он "никогда не видел земли более процветающей, чем Хорезм"⁴². Расположенный в низовьях Амударьи, вилайет Хорезм представлял собой оазис, окруженный песками, и поэтому здесь возделывался каждый клочок земли. Несмотря на значительное содержание в почве грунтовых вод (вода выступала на глубине "двух локтей"⁴³), все земли по берегам Амударьи представляли собой "непрерывную возделанную полосу с селениями, недалеко отстоящими друг от друга"⁴⁴.

Все селения оазиса имели базары (редко в каком его не было). Почти все селения на случай наводнения были отгорожены от реки насыпными плотинами, в тело которых закладывали стволы деревьев и кустарники. Плотины эти обновлялись ежегодно, и жители всем миром восстанавливали разрушенное наводнением.

Большие площади земель Хорезма орошались водой из канала Гавхоре, отведенного из Амударьи. Канал был судоходным⁴⁵.

К сожалению, сведения о селениях вилайета Хорезм в источниках крайне незначительны. Йакут ал-Хамави упоминает названия лишь некоторых из них: Харур⁴⁶, Газниз⁴⁷, Мубарака⁴⁸, Наубаг⁴⁹, Фарнифасан⁵⁰, Баф⁵¹, Замахшар (откуда происходит знаменитый Абу-л-Касим Махмуд ибн Умар Джарал-лах аз-Замахшари)⁵², Ишш⁵³.

Бухара именуется в источниках "величайшим, огромным, красивым и известнейшим городом"⁵⁴.

Как и другие города изучаемого периода, Бухара была окружена стеной; стены (более укрепленные) были возведены и вокруг *мадины* (*шахристана*). *Кухандиз* Бухары находился вне *мадины*, на высоком холме. Внешнюю стену Бухары, построенную еще в середине IX в., неоднократно подновляли и ремонтировали. После взятия Бухары Мухаммад ибн Текиш также приказал восстановить стены города⁵⁵.

Бухара была одним из самых населенных городов в государстве Хорезмшахов.

По источникам известны названия некоторых кварталов Бухары: Сиккат ал-Байан, Сиккат ал-Джадид, Фариза, Баб Фаридж, Калабад, Ушмийун (Ушмиван), Рийва и Мах⁵⁶.

Бухара была центром высокоразвитого ремесла, особенно ткацкого. Здесь выделяли знаменитые ткани *зарбафт* (тканная с золотыми или серебряными нитями), *занданичи* (набивная цветная хлопчатобумажная ткань), *карбас* (белая, некрашенная хлопчатобумажная ткань)⁵⁷ и вывозили их в самые отдаленные страны.

По сведениям источников, в Бухарский вилайет входили округа (*нахийя*) Бамиджкят и Тававис (город Тававис имел свой *кухандиз* и был обнесен стеной)⁵⁸, город (*балдат*) Байканд (Пайкенд), имевший мощные стены и соборную мечеть⁵⁹, а также Фирабр⁶⁰, Карминийа⁶¹ и Маймург⁶². Вилайет включал в себя большое количество селений: Агарун*, Агзун, Афсаван, Амдиза, Амбардуван, Анджуфарин, Андас, Анисун, Баб, Бабиш, Баба, Бадан, Бардиза, Банаб, Баданир, Базихун, Бабакят, Баракят, Барран (Фауран), Барсухан, Бавваран, Барфахш, Басбат, Башкашр, Байдара, Байрамис, Тадан Тадиза, Тараха, Тазун, Турнаваз, Джубанна, Джирахашт, Худжаб, Худабаз, Хараджар, Харадин, Харахара, Хурмисан (Хармайсан), Хардаван, Хазван, Хашагир, Хаканджа, Хумхисар (Хумхайсар), Хунамат, Хунбун, Дахфандун, Диймас, Зар'айна, Зибадван, Зимун, Рамуш, Рамин, Рамисан, Рийгазмун, Разманах, Рийвад, Риварсун, Замин, Забагдуван, Зарахш, Зимлик, Зандармисан, Занда, Зуш, Сиракун, Субазмун (Сабазйун), Сибара, Субазгун, Сутифагна, Сутикан, Сунийкан, Сарбара (Сирбара), Сарбар, Сурмари, Сугдан, Сунийкан, Сарбара (Сирбара), Сарбар, Сурмари, Сугдан, Суфрадан, Сакбийан, Сикаджкят, Сутихан, Сайара, Суядж, Шавакан, Шар'а, Шарафдан, Шарг, Шакан, Шийа, Шийан, Ширван, Тараб, Тус, Тусан, Айшан, Гудашфард, Гагама, Гашид, Фашун, Фамйан, Фарабр, Фарахша, Фашна, Фагдир, Фагандиза, Фигишт, Фагийтусан, Фагва, Фуйадсун (Фийадасун), Кахуштуван, Кашакан, Какин, Кайшакан, Катта, Камари, Кандасарван, Камарат, Мастин, Мадждаст, Мадждун, Мадйанкят, Музийанкят, Мурзин, Маргабун, Мазрин, Магкан, Мийиг, Нахл, Накбун, Науджабад, Науфар, Вардана, Варзан, Варкан, Варкят, Ванандун, Вануфаг, Йухасун и др.⁶³.

Вилайет Согд (Сугд) славился плодородными землями и был густо заселен. Согд Самарканда именуется в источниках "четвертым земным раем" (три других - Гута Дамаска, Ши'б Баввана в Фарсе и Убулла Басры)⁶⁴. Все города и селения Согда имели *кухандизы*.

Административным центром Согда был Самарканд. Средневековые авторы единодушны в мнении, что на свете не было прекраснее и богаче города, чем Самарканд⁶⁵. Между внешней стеной и стеной *мадины* располагалось большое число селений и поместий. В *мадину* вело четверо ворот. В ней имелся водопровод из свинцовых труб⁶⁶. Город утопал в садах, и городских построек не было видно даже с высоты *кухандиза*.

Из источников известны названия несколько ворот Самарканда: Баб Дастан⁶⁷, Баб Кухак⁶⁸, Баб Так⁶⁹, Намазгах⁷⁰, а также названия самаркандских кварталов: Уштабазида (Уштабийзак)⁷¹, Банджахин⁷², Джакардиза⁷³, За'римаш⁷⁴, Санджадиза⁷⁵, Гадавад⁷⁶, Фарзамисан⁷⁷, Фагандара⁷⁸, Канван⁷⁹, Лаббад⁸⁰, Варсанин⁸¹ и др.

Самарканд славился изделиями своих ремесленников, особенно бумагой (*ал-кагид ас-самарканди*), с которой по качеству могла сравниться только китайская бумага⁸².

Китайский путешественник Елюй Чу-цай, посетивший город в 1218 г., писал о Самарканде:

Когда откупают его кувшины,
в них прекрасное вино.

* Название селений даны по арабскому алфавиту (учитывается первая буква названия).

Когда забрасывают сети,
ловится свежая рыба.
Виноделы налогов не платят,
не платят их земледельцы.
На случай войны роют они рвы,
потокам путь преграждают высокие плотины⁸³...

Согласно источникам, к вилайету Согд относились следующие селения: Арахс (Урухс), Исбискят, Иста, Иснан, Исфаридж, Асманд (Аманд), исмисан, Иштихан, Андак, Изудж, Баркят, Бутанин, Бурсан, Банудж, Бандимаш, Бинкят, Бурнамаз, Баваранманд, Тахсанджкят, Турбан, Ташкибаза, Туз, Гускят, Тиймак, Джахзана Джухзан), Худфаран, Худиманкан, Худанд, Харгун, Харшикят, Харкан, Хумийсан, Дазива, Захцнава (Захийнав), Зам, Размаз, Рагна, Разман, Растагриф, Рустагфан, Ракунд, Ривдад, Рувдакагкят, Рийхашан, Заркаран, Зарман, Зарувдизак, Зарудиза, Закан, Самиджан, Санкадизак, Санджафин, Санкабат, Шаджаби, Шабаджна, Шазаван, Шамидизак, Шикистан, Гушдан, Гурашк, Гунджир, Фаран, Фаг, Фагфад, Фарфара, Фаранкад, Файй, Кузгунд, Карзан, Кабуз, Кадан, Каразм, Касадун, Камарджа, Кандукин, Кундикят, Кунда, Маджарм, Маджандан, Мазийава, Музн, Миган, Нафахш, Нау, Науканд, Науказак, Наурид, Нуджанайкят, Базар, Вазд, Варагсар, Варакуд, Варсанан, Вазагир, Йасиркят, Йуганк.

В источниках приведены также сведения о других городах государства Хорезмшахов.

Каш (Кеш, Шахрисябз) - укрепленный город близ Самарканда с *кухандизом* и *рабадом*, к которому примыкал второй город с *мадиной* и своим *кухандизом*⁸⁴.

Шаш (Чач, Ташкент) - город и область за рекой Сейхун. Был разрушен хорезмшахом Алад-Дином Мухаммадом во время борьбы с кара-хитами. Местные владельцы были перебиты хорезмшахом, а жители изгнаны со своих земель за неповиновение. До самого вторжения монголов область оставалась заброшенной⁸⁵.

Тараз (Тираз, Талас) - "город на границе области Шаш. Это крайний предел земель ислама, ибо если выехать оттуда, то сразу попадаешь в кочевья карлуков"⁸⁶.

Худжанда (Ходженд) - "известный город на берегу Сейхуна". Славился своими фруктами и красивыми жителями⁸⁷. Под руководством сподвижника Джалал ад-Дина Манкбурны Памир Малика город оказал упорное сопротивление монголам⁸⁸. Тирмиз (Термез) - один из главных городов, расположенных на восточном берегу Джейхуна. Имел *кухандиз* и *рабад*, был окружен мощными стенами, возведенными из кирпича⁸⁹. Ахсикят - город в области Фергана. Имел *кухандиз* и *рабад* площадью в три фарсаха. *Рабад* также имел свои стены. В *мадину* вело четверо ворот⁹⁰.

Исфиджаб - "большой город". Во время покорения хорезмшахом Алад-Дином Мухаммадом земель кара-хитаев в 1212 г. Исфиджаб был разрушен, а жители выселены⁹¹.

Узджанд (Узкенд) - город в области Фергана, имел стены, *кухандиз* и несколько ворот⁹².

Уш (Ош) - большой город в области Фергана. Имел стены, четверо ворот и *кухандиз*⁹³.

Насаф (Нахшаб) - большой густонаселенный город между Амударьей и Самаркандом, на берегу реки Кашкадарья. Имел *кухандиз*, *рабад* и четверо ворот⁹⁴. Известно название одного квартала Насафа - Джувик⁹⁵. В округ Насафа входили следующие селения: Афуран, Анбади, Аншамисан, Бутхазан, Будйана, Базда - "мощная крепость", Биран, Тубан, Тадйана, Дуджакан, Дириза, Зандийа, Зайкун, Сакабдийаз, Санджан, Сувадиза, Сунандж, Шавакран, Касни, Кабанда, Ширакят, Каджар, Касам, Миснан, Варсин, Вандж, Вараджан, Ванаг, Йагна и др.

Банакит (Бенакет) - большой город в Мавераннахре⁹⁶. Наса - "прекрасный город с множеством речек и селений"⁹⁷.

Из числа городов, которыми хорезмшахи владели длительное время, отметим Мерв, некогда бывший столицей великого сельджукского султана Санджара. Это был огромный укрепленный город с многочисленным населением⁹⁸. Мерв был уничтожен монголами, а жители его были перебиты.

Кроме перечисленных городов и областей в состав государства Хорезмшахов входили Балх, Вахш, Джандаруд, Дженд, Кундуз, Хутгалин и др. В период наивысшего расцвета государства в его состав вошли территории Хорасана, Мазандарана, Газны, Гура, Буста, Такинабада, Заминдавара, Кермана, Синда, Кеша, Мекрана со всеми входившими в эти области городами, крепостями и селениями.

ГЛАВА 7

МОНЕТНЫЙ ЧЕКАН И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕ ХОРЕЗМШАХОВ в XII - начале XIII в.

Военно-политические успехи хорезмшахов (особенно султанов Текиша и Ала ад-Дина Мухаммада) базировались на экономическом могуществе государства. Определение этого могущества невозможно без учета состояния денежного хозяйства, особенностей монетного чекана и денежного обращения в государстве Хорезмшахов и у их вассалов.

Где же чеканили монеты от имени хорезмшахов? Выяснение этого вопроса - одно из условий рассмотрения остальных. Некоторый материал дают рукописные источники.

Согласно официальному документу, монеты от своего имени первым стал чеканить хорезмшах Атсыз. В шаввале 536 г. х. (май 1142 г.), после разгрома Мерва, Атсыз двинул свои войска на захват Нишапура. Прибывшего к городу Атсыза встретили доверенные люди Нишапура и обещали ему сдать город при условии, что шах пощадит его и запретит погромы и грабежи. Атсыз согласился и обратился к горожанам с посланием, в котором, в частности, говорилось: "Как только будет обнаружен этот документ, в Нишапуре должна быть оглашена хутба, биты монеты и выткан тираз с моим именем"¹. Какие монеты это были: золотые, серебряные или медные - не сообщается.

В данном случае чекан хорезмшахом Атсызом монеты от своего имени, причем без упоминания на ней имени его сюзерена - великого сельджукского султана Санджара, объясняется тем, что Санджар был подавлен разгромом его войск кара-хитаями в сражении в пустыне Катаван 5 сафара 536 г. х. (9 сентября 1141 г.) и не смог предпринять какие-либо меры против своеволия вассала. И хотя хутба с именем хорезмшаха Атсыза оглашалась в Нишапуре всего каких-нибудь пять недель, все же в течение этих недель упоминание имени сюзерена Атсыза в хутбе было прекращено².

После захвата хорезмшахом Ил-Арсланом в мае 1167 г. Нишапура во всех владениях его вассала Му'айида Ай-Аба чеканили золотые динары и серебряные дирхемы с именем Ил-Арслана³.

Во многих странах и областях, правители которых по тем или иным причинам стали вассалами хорезмшахов, читали хутбу и чеканили монеты с именем последних. Так, хутба с именем хорезмшаха Текиша и чекан монет с его именем в 591/1195 г. были осуществлены в Кермане, который стал владением хорезмшахов⁴.

В 603/1206 г. вассалитет хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада принял владетель Балха Имад ад-Дин, который обязался читать хутбу и чеканить монету с именем султана, т. е. хорезмшаха⁵. Затем то же самое предприняли владетель Бамйана Ала ад-Дин⁶ и владетель Герата Гийас ад-Дин Махмуд ал-Гури⁷.

В 606/1209 г. вассалом хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада стал владетель Мазандарана, который "чеканил монеты и читал хутбу с именем хорезмшаха"⁸.

В том же году вассалом хорезмшаха стал правитель Самарканда Усман ибн Ибрахим, который также начал чекан монет с именем хорезмшаха⁹.

После разгрома Ала ад-Дином Мухаммедом атабеков Фарса и Азербайджана - Са'да ибн Занги и Узбека - в 614/1217 г. хорезмшах приказал, чтобы Узбек "установил по всей своей стране чтение хутбы и чеканку монет с его именем и вносил ежегодно в султанскую казну установленную дань. Что касается хутбы и чеканки монет, то он (Узбек) поспешил выполнить требование султана и удовлетворил этим всех. В честь султана провозглашали хутбу с минбаров Аррана и Азербайджана - до самого Дербенда и Ширвана"¹⁰.

Когда хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны в 619/1222 г., отступая под натиском монголов, ушел в Индию и захватил земли местных владетелей - Насир ад-Дина Кубачи (1205 - 1227), Шамс ад-Дина Ил-Тутмышы ал-Му'иззи (1211 - 1236), раджпутов и хаккаров, он стал чеканить на завоеванной территории серебряные и медные монеты¹¹.

В рукописных источниках подчеркивается политический аспект чеканки монет как доказательства и оформления верховной власти хорезмшахов. Естественно, что авторы исторических хроник называют далеко не все города и области, в которых монеты чеканили от имени хорезмшахов, а лишь те, владение которыми имело особое значение или, по мнению летописца, заслужива-

ло специального упоминания. Сами монеты с именами и титулами хорезмшахов в надписях основательно увеличивают список их монетных дворов. В Мавераннахре это Самарканд¹², Бухара¹³, Бараб (Отрар)¹⁴, Узденд¹⁵, Термез¹⁶, Чаганийан¹⁷, Вахш¹⁸. В бывших владениях Сельджукидов и Гуридов это Балх¹⁹, Бамйан²⁰, Газна²¹, Гур²², Джурзуван²³, Заминдавар²⁴, Йамур²⁵, Кундуз²⁶, Мерв²⁷, Наса (Ниса)²⁸, Нишапур²⁹, Пешавар³⁰, Талакан³¹, Фарван³², Шафуркан³³ и другие, в том числе нелокализованные и непрочтенные названия. Общее количество монетных дворов в государстве Хорезмшахов достигало, очевидно, трех десятков, причем самой обширной их география была при Мухаммаде б. Текише.

После захвата Тифлиса и Восточной Грузии в 623/1226 г. султан Джалал ад-Дин начал чеканить в стране монеты от своего имени. Монет с именем последнего хорезмшаха весьма много, так как при взятии Тифлиса в его руки попала казна царицы Русуданы. Султан воспользовался грузинскими монетами и перечеканил их в свои собственные. Это в основном медные монеты времени правления царя Георгия Лаша, цариц Тамары и Русуданы³⁴.

Особенности монетного чекана и денежного обращения как в самом Хорезме, так и на всей территории расширявшегося государства Хорезмшахов были определены взаимодействием трех факторов: так называемым серебряным монетным кризисом, охватившим весь Средний и Ближний Восток; традициями, монетной политикой хорезмшахов.

Признаки серебряного монетного кризиса заметны уже в конце X в.: поздние серебряные дирхемы Саманидов плохого качества. Но тогда, в X в., еще никто не мог предвидеть, что порча монет - явление не кратковременное и не частное, еще никто не мог предсказать, что "голод" на серебро охватит весь Средний и Ближний Восток и каждое государство в этой новой ситуации вынуждено будет перестраивать свое денежное хозяйство, умело или неумело изменять свою политику в отношении чекана монет и организации денежного обращения в среднем на протяжении двух столетий.

Серебряный монетный кризис на этой огромной территории отмечен некоторыми общими признаками, но в разных регионах и в рамках разных государственных образований он имел свои особенности. Общими признаками монетного чекана и денежного обращения считаются два: активизация золота как средства обращения; исчезновение высокопробных серебряных монет, выпуск разнообразных низкопробных серебряных, а то и вовсе медных дирхемов. Общие признаки предполагают наличие и общих причин этого глобального и долговременного феномена. Вопрос о причинах возникновения и углубления серебряного монетного кризиса дискутируется более столетия. Нельзя сказать, что он решен, но определенный прогресс и достаточно ясное понимание все же за последние десятилетия появились.

Одной из причин считается значительное сокращение серебряных запасов на Ближнем и Среднем Востоке в течение IX - X вв. из-за специфики торговли с северными соседями. Известно, что с конца VIII в. серебряные монеты Халифата, а в X в. более всего - Саманидов в огромном количестве вывозили в Европу. Рудники по добыче серебра в этот период работали очень интенсивно. Вот этот-то массовый отлив серебра и, возможно, истощение серебряных рудников привели к оскудению серебряных запасов у его экспортеров. Ныне уже документировано, что серебро на Ближнем и Среднем Востоке действительно подорожало. Например, в Бухаре в 1128 г. ratio золота к серебру было 1:7,5³⁵, на другом конце мусульманского мира (в Египте, Багдаде и еще ряде мест) колебалось вокруг 1:8,5³⁶. Однако Е. А. Давидович убедительно показала, что сокращение серебряных запасов и удорожание серебра, взятые изолированно, никак не объясняют перемен, происшедших в чеканке дирхемов. Она привела ряд примеров, когда в аналогичной ситуации продолжался чекан высокопробных монет, а в противоположной (при дешевом серебре) - серебряные монеты портили лигатурой. Следовательно, состояние серебряных запасов на Ближнем и Среднем Востоке к концу X - началу XI в. - не столько причина, сколько объективная предпосылка, на фоне которой мог сохраниться чекан и высокопробных монет. Но если по какой-то другой причине началась порча серебра, реальное состояние серебряных запасов рассматриваемого времени эту порчу ускоряло, активизировало и делало начавшийся процесс необратимым в течение долгого времени³⁷.

Второй причиной считается интенсивное развитие городов, ремесла, торговли, требовавшее увлечение средств обращения³⁸. Эта причина, взятая изолированно, привела бы лишь к более интенсивной чеканке серебряных монет в условиях благополучного состояния серебряных запасов. Но в реальных условиях конца X - начала XI в., когда запасы серебра сильно сократились, обеспечить возрастающие потребности торговли высокопробными серебряными монетами становилось все труднее. Все более четко осознавалась необходимость чем-то заменить высокопробные монеты. Это привело, с одной стороны, к активизации золота даже в тех областях, где оно до этого

существенной роли в торговле не играло, а с другой – к выпуску высокопробных серебряных монет и даже медных заменителей серебра.

Кроме общих причин и общих признаков в каждом крупном субрегионе, в каждом государстве действовали и местные особенности, местные традиции чеканки монет и денежного обращения, с которыми приходилось считаться правительству при выработке своей политики. Особенности развития монетного кризиса в разных субрегионах и государствах более всего проявились в темпах и способах порчи серебряных монет, в выборе "заменителей" серебра, в политике по отношению к чеканке золотых монет. Представляется, что лишь равнозначное конкретно-историческое изучение всех вариантов серебряного монетного кризиса откроет возможность на этом более высоком уровне знания вернуться к вопросу о его предпосылках и причинах. Пока же конкретные варианты этого феномена во многих субрегионах вовсе не изучены.

К числу неизученных субрегионов относится и Хорезм – территориальное ядро государства хорезмшахов-Ануштегинидов. В каталогах и статьях опубликованы монеты, чеканенные в Хорезме в период серебряного монетного кризиса; есть сведения о находке кладов и отдельных монет на территории Хорезма. Но от публикации источника до исследования денежного обращения — большой и нелегкий путь. Этот путь еще никто не проделал: ни нумизматы, ни историки-медиевисты. Поэтому мы можем дать лишь самую общую характеристику состава монетной массы в Хорезме в XII - начале XIII в.

Прежде всего следует отметить местный чекан золотых динаров. Монетный двор, как это часто бывало, носил название не города, а области "Хорезм". Известны хорезмийские золотые динары Атсыза, Ил-Арслана, Текиша, Мухаммада³⁹. Хорезмийские динары Мухаммада б. Текиша особенно многочисленны. Но на территории Хорезма обращались не только местные динары. Например, в кладе золотых монет, найденном в Куня-Ургенчском районе, вместе оказались нисабурский динар сельджукида Санджара и динары хорезмшахов Атсыза (с упоминанием Сельджукидов в качестве сюзеренов), его сына Ил-Арслана, его внука Текиша⁴⁰.

В Хорезме чеканили и медные монеты. Сейчас хорошо известны довольно крупные медные монеты (средний размер 25 - 26 мм) Мухаммада б. Текиша, в надписях которых обозначен и монетный двор ("Хорезм"), и даты чекана (602/1205-06, 603/1206-07 и 610/1213-14 гг.). В Хорезме и других местах чеканили и более мелкие медные монеты без обозначения места производства и даты. В этом случае происхождение медных монет позволяет определить топография массовых находок и состав кладов. Так, состав клада медных монет из-под Куня-Ургенча убеждает в том, что при Мухаммаде б. Текише в Хорезме кроме названных выше крупных датированных монет выпускались более мелкие медные монеты (средний размер 19 - 20 мм)⁴¹.

Из сказанного следует, что монетную массу на территории собственно Хорезма в XII - начале XIII в. составляли золотые и медные монеты. Первые обеспечивали крупные торговые операции на территории области Хорезм, а также торговые связи с другими областями государства, вторые были основным средством обращения в более мелкой, а также розничной торговле. Золотые и медные монеты с "двух концов" заполняли ту сферу денежного обращения и торговли, которая раньше традиционно принадлежала серебру.

Совсем другие варианты серебряного монетного кризиса показывают состав монетной массы и денежное обращение в государствах Караханидов, Газневидов, Великих Сельджуков, Гуридов. Эти варианты необходимо кратко охарактеризовать для понимания политики хорезмшахов в отношении чеканки монет и организации денежного обращения на завоеванных территориях.

В отличие от Хорезма денежное обращение в государстве Караханидов изучено основательно. Сущность этого варианта в значительной степени была определена традицией, восходящей к IX - X вв.⁴². На первый взгляд и в этом государстве имел место типичный кризис: порча серебряных монет. Порча происходила интенсивно и быстро привела к выпуску разных низкопробных серебряных монет: сплавленных из серебра с медью (причем уже во второй четверти XI в. количество меди достигало 70%) или же так называемых субэратных (из трех пластинок: серебряных внешних и медной внутренней). Население, как правило, тоже знало пробу таких монет. Некоторые низкопробные монеты получали даже отдельные названия (например, низкопробные дирхемы Ибрахима Арслан-хакана 40 - 50-х годов XI в. назывались *муаййаду*). В середине и в 50-х годах XI в. Восточные Караханиды выпустили дирхемы вовсе без серебра, из сплава меди со свинцом, но они обращались недолго. Во второй половине XII - начале XIII в. вместо низкопробных серебряных дирхемов стали выпускать медные, лишь амальгамированные тонкой пленкой серебра. Именно эти медные посеребренные дирхемы и застал Мухаммад б. Текиш, когда уничтожил династию Западных Караханидов и присоединил основную часть их владений к своему государству.

И низкопробные серебряные дирхемы, и медные посеребренные дирхемы были предназначены для обслуживания торговли в сфере традиционного, серебряного обращения. Курс первых,

фиксируемый через весовое червонное золото, зависел от количества в них серебра; курс вторых был принудительным, его произвольно определяло правительство. Но не только эти монеты обслуживали серебряное обращение, и не они пользовались особым доверием населения. По наследству от IX - X вв. государству Караханидов достались дирхемы *гитриффи*: бронзовые монеты с изображениями головы царя в короне, жертвенника с пылающим огнем, стражей по сторонам жертвенника. Дирхемы *гитриффи* были чеканены по образцу монет одного из сасанидских царей V в., только все эти изображения были уже схематизированы. В IX - XII вв. по покупательной способности дирхемы гитриффи соответствовали монетам из чистого серебра, а то и превосходили их.

Государство Караханидов до середины XII в. не нуждалось в золоте, чтобы обеспечить торговлю в сфере серебра, потому что эта торговля была хорошо обеспечена бронзовыми дирхемами *гитриффи* и добавленными к ним низкопробными серебряными караханидскими монетами. Поэтому до середины XII в. в субрегионе Мавераннахра и не было чекана золотых монет. Благодаря прочной традиции этот субрегион легче других справился с трудностями, которые возникли из-за нехватки и удорожания серебра. Существенная ломка традиций произошла лишь во второй половине XII в., когда состав монетной массы и организация денежного обращения основательно изменились: место бронзовых дирхемов *гитриффи* и низкопробных серебряных монет заняли медные посеребренные караханидские дирхемы с принудительным курсом (обращение этих монет сопровождалось частыми кризисами), начался регулярный чекан золотых динаров (Самарканд, Бухара), для мелкой торговли выпускались медные фельсы. Именно эту ситуацию в Мавераннахре и застал Мухаммад б. Текиш. Государство Газневидов - это третий вариант конкретного развития серебряного монетного кризиса (принципиально отличный от "караханидского варианта")⁴³. С самого начала развития в государстве Газневидов явлений серебряного монетного кризиса этот вариант характеризует сочетание интенсивного чекана золотых динаров и замедленной порчи серебряных дирхемов. Например, во второй четверти XI в. в дирхемах газневида Мас'уда (1030 - 1041) было более 70% серебра, и в это же время еще обращались такие высокопробные дирхемы, в которых серебра было 95%. Тем не менее, в это же время расширились функции золотых динаров, они теснили серебро, обретали функцию средства обращения. Особенно примечательны случаи, когда цену фиксировали в серебряных дирхемах, а реальный расчет производили в золотых динарах: это и есть самый яркий признак ломки, перестройки в новых условиях. Динары в государстве Газневидов имели разную пробу, хорошо известную населению; самыми высокопробными были нисабурские. Разнопробность в данной ситуации — признак не "беспорядка", а политики, ибо золотые динары разной пробы лучше обеспечивали разные уровни торговли.

В государствах Великих Сельджуков и Гуридов развитие объективных предпосылок и правительственной политики привело к образованию новых конкретных вариантов денежных систем и денежного обращения, близких, но не адекватных газневидскому варианту.

Великие Сельджуки чеканили золотые динары. Особенность заключалась в том, что золотые динары были (как и у Газневидов) разной пробы, известной населению. Динары разной пробы имели свои названия. При Сельджукидах по-прежнему продолжался обильный чекан золота в Нишапуре, и нишапурские (нисабурские) динары были высокопробными (92 - 98% чистого золота). Высокопробные динары выпускали и некоторые другие монетные дворы Сельджукидов⁴⁴. Они сосуществовали с разными низкопробными золотыми динарами⁴⁵ и — важнейшая примета времени и варианта! — с позолоченными динарами из высокопробного, а затем и низкопробного (с примесью меди) серебра⁴⁶.

Дирхемы же сначала были из серебра с примесью меди, а потом стали просто медные. Наихудшие монеты (позолоченные динары из низкопробного серебра и медные дирхемы) особенно характерны для второй половины правления султана Санджара⁴⁷.

Монетная система и денежное обращение в государстве Гуридов монографически не изучены. Опубликовано много гуридских монет, и эти публикации дают представление о том составе монетной массы при последних Гуридах, которую застал здесь Мухаммад б. Текиш. Гуриды чеканили высокопробные золотые динары. В позднегуридских динарах было 98 - 99% чистого золота. Ан-Насави упоминает, что среди разных динаров *рукни* самыми высокопробными были динары *гийаси гури*, т.е. "гуридские *гийаси*" (*гийаси* - от лакаба Гийас ад-Дин, который носили Мухаммад б. Сам (1163 - 1203) и его сын Махмуд)⁴⁸.

Чекан золота у Гуридов сочетался с выпуском монет серебряных, билонных и медных⁴⁹. Имея в виду описанные выше конкретные варианты состава монетной массы в нескольких субрегионах и государствах, можно в общих чертах представить и политику хорезмшахов в сфере чекана и обращения монет, которую они проводили по мере расширения их государства. Вопрос этот безусловно требует самостоятельного исследования с учетом всех показателей: места и даты чекана, металла, пробы, веса, размеров монет, состава надписей, иконографии и т. д. Без такого деталь-

ного изучения можно сделать лишь самое общее заключение, основанное на отдельных наблюдениях: хорезмшахи особое значение придавали политическому аспекту монетного чекана, в части же состава монетной массы и организации денежного обращения следовали местным традициям.

Такой вывод лучше всего подтверждает политика Мухаммада б. Текиша в Мавераннахре после присоединения этой части владений Караханидов к его державе⁵⁰. Как выше уже отмечалось, от Караханидов Мухаммаду б. Текишу достался следующий состав монетной массы: золотые динары, медные посеребренные дирхемы и фельсы. Первым приметным признаком "караханидского варианта" серебряного монетного кризиса со второй половины XII в. было господство в сфере серебряного обращения знаков стоимости с принудительным курсом — медных посеребренных дирхемов. Этот признак сохранился и при Мухаммаде б. Текише.

С 610/1213-14 г. ежегодно выпускаются медные посеребренные дирхемы с именем Мухаммада б. Текиша в Самарканде. Это крупные монеты (размер обычно более 40 мм) высокого веса. Особенно обильным их чекан был в 610/1213-14 и 614/1217-18 гг. Медные посеребренные дирхемы с именем завоевателя чеканила и Бухара - в 610 и 612 гг. Эти монеты - меньшего размера и веса: очевидно, их достоинство было другим и меньшим, чем у самаркандских монет. При Караханидах население привыкло к тому, что медные посеребренные дирхемы выпускались как минимум двух достоинств, что облегчало торговлю. Даже в этом отношении политика Мухаммада б. Текиша следовала традиции. Особенно хорошо это видно по чекану Термеза 616/1219-20 и 617/1220 гг. и Чаганиана 615/1218-19 и 616/1219-20 гг.: каждый из двух этих монетных дворов выпускал медные посеребренные дирхемы двух достоинств, различать их было легко, прежде всего, по типовым признакам и по размерам.

Сохранилась при Мухаммаде б. Текише и разработанная Караханидами форма извлечения дополнительных доходов от чеканки такого рода монет. Их выпуск сразу приносил большой доход благодаря принудительности их курса. Соблазн был в том, чтобы отчеканить таких монет побольше. Но средневековые экономисты эмпирически уже познали важную объективную закономерность: нельзя было выпускать произвольное количество подобных монет. Как только их накапливалось больше, чем было нужно, начиналась инфляция, потом кризис денежного обращения. Тогда средневековые экономисты при Караханидах придумали "хитрый" способ — заменять одни массы монет другими: одни изымать из обращения путем запрета и выгодного казне обмена, другие выпускать на их место. Так поступал и Мухаммад б. Текиш в Мавераннахре, умножая свои доходы от монетного дела традиционным здесь способом.

Вторым приметным признаком "караханидского варианта" серебряного монетного кризиса была регулярная именно со второй половины XII в. чеканка золотых динаров. И эта традиция сохранилась при Мухаммаде б. Текише: динары с его именем выпускали Самарканд, Бухара, Термез.

При сравнении монет Мухаммеда б. Текиша с монетами Гуридов также видно, что он не ломал традиций, а наследовал их. В бывших владениях Гуридов от имени Мухаммеда б. Текиша были выпущены золотые динары, серебряные и биллонные дирхемы и медные фельсы. Иначе говоря, он сохранил на завоеванной территории гуридского государства "гуридский вариант" монетной системы периода серебряного монетного кризиса. Существенно, что Мухаммад б. Текиш повторил даже иконографический тип гуридских монет, в частности — изображение всадника.

Два приведенных примера (сохранение "караханидского" и "гуридского" вариантов) убедительно свидетельствуют о том, что в огромном государстве Хорезмшахов, в состав которого вошли территории ряда других государств, не было единой и унифицированной организации монетного чекана и денежного обращения. Традиция продолжала сохранять свои позиции и определяла существо локальных вариантов в тех субрегионах, где они образовались до завоевания этих территорий хорезмшахами. Серебряный монетный кризис в пределах хорезмшахской державы не был преодолен, и это вело к упрочению локальных вариантов денежного хозяйства.

Но было и объединяющее, общее начало: чекан и обращение золотых монет. Хорезмшахи по мере расширения своей державы интенсифицировали чекан золотых динаров, особенно Ала ад-Дин Мухаммад, от имени которого золотые динары выпускали на многих монетных дворах: в Хорезме и Нишапуре, в Бухаре и Самарканде, в Термезе и Вахше, в Газне, Кундузе и других городах и областях. Существенный признак: хорезмшахский чекан золота не подрывал позиции золотых монет, отчеканенных в предшествующее время другими династиями. Об этом свидетельствует состав кладов золотых монет. Многие клады имеют смешанный состав: динары хорезмшахов вместе с динарами Гуридов, Караханидов, Сельджукидов⁵¹. Другой существенный признак — разновесность золотых монет, причем разница в весе динаров того же Ала ад-Дина Мухаммада подчас очень значительна. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в составе кладов кроме целых золотых динаров обычно очень много обломков, монетного лома⁵².

Неведомое количество золотых монет было упрятано во время монгольского завоевания. Монголы разрушали и сжигали города, перебили и увели в плен множество людей; очевидно, из-за этого значительная часть упрятанного золота так и не обрела новой жизни. Зато впоследствии, вплоть до наших дней, нет-нет да и обнаруживаются случайно, при земляных работах, клады золотых динаров — бесценный источник для изучения экономической жизни XII - начала XIII в.

Но часть золотых динаров "прорвалась" сквозь разруху монгольского нашествия, о чем свидетельствуют клады другого состава: в них динары домонгольского времени вместе с динарами, отчеканенными уже при монголах.

ГЛАВА 8

ОЧЕРК КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ В ГОСУДАРСТВЕ ХОРЕЗМШАХОВ

Время существования государства Хорезмшахов, особенно период правления султанов Текиша и Ала ад-Дина Мухаммада, характеризуется подъемом культурной жизни. Высшего расцвета достигает творчество поэтов-панегиристов. Все представители хорезмийской поэтической школы были придворными поэтами хорезмшахов. Самый видный из них — поэт и прозаик Рашид ад-Дин Мухаммад ал-Умари (род. в 1114 - 1116 гг., ум. в 1182 - 83 г.), более известный под именем Рашид ад-Дин Ватват ("летучая мышь") — он был плешив, маленького роста и вообще имел отталкивающую внешность.

Получив блестящее образование на родине, в Балхе, а затем в Хорезме, Ватват становится самым выдающимся мастером эпистолярного жанра при дворе хорезмшахов Атсыза, Ил-Арслана и Текиша (он был *катибом ал-инша* трех хорезмшахов). Прекрасно владея всеми тонкостями стиля официальной переписки на арабском и персидском языках, Ватват, несмотря на частые отлучки, оставался постоянным любимцем султанов.

Будучи блестящим поэтом и мастером риторических фигур и тропов, имам Рашид ад-Дин Ватват¹ обильно оснащал ими послания (в рифмованной прозе) различным адресатам. Он покровительствовал поэтам, которые признавали за ним главенство в поэзии. Так, его взаимоотношения с Хакани были самыми доброжелательными до тех пор, пока Хакани не стал высмеивать Ватвата за его преклонение перед двором хорезмшаха и пока он не объявил, что ставит творчество Ватвата ниже творчества Адиба Сабира ат-Термези - поэта-панегириста при дворе "великого султана" Санджара, и весьма вероятно, что, когда Санджар отправил Адиба Сабира послом к хорезмшаху Атсызу, именно Ватват внушил Атсызу мысль, что Адиб Сабир — не посол, а шпион, добывший сведения о плане хорезмшаха убить султана Санджара. И Адиб Сабир был утоплен в Амударье².

Свое сочинение *Хада'ик ас-сихр фи дака'ик аш-ши'р* ("Волшебные сады в тонкостях поэзии") Ватват посвятил хорезмшаху Атсызу³. Много хвалебных касид Ватват посвятил *испахбаду* Табаристана Нусрат ад-Дину Абу-л-Фатху Рустаму, за что *испахбад* посылал поэту ежегодно 500 динаров, тюбан, *джуббу* и богато убранного коня⁴.

Большую ценность представляют *ар-Раса'ил* ("Послания") Ватвата. "Послания" эти состоят из двух частей: первая — послания халифам, владыкам, султанам, везирам, эмирам, вали, кади и муфтиям; вторая — письма ученым, высокопоставленным чиновникам, знатным людям, поэтам, друзьям и т. д.⁵. Видными представителями исфаханской поэтической школы были Джамал ад-Дин Мухаммад ибн Абд ар-Раззак Исфакхани и его сын Камал ад-Дин Исма'ил Исфакхани. Джамал ад-Дин происходил из бедной семьи ремесленника, сам был ювелиром и художником-миниатюристом. Стихи стал писать с юношеских лет и оставил много поэтических строк, восхваляющих людей, близких к владыкам, однако ни при каком дворе не служил. Джамал ад-Дин побывал в Азербайджане, в Гяндже, где встречался с Низами Гянджеви, и в Мазандаране. Вернувшись на родину, он продолжал жить в своем доме и умер в 588/1192 г.

Джамал ад-Дин писал главным образом касиды и газели. Касиды он посвящал сановникам различных рангов, особенно из исфаханских фамилий Са'ид и Ходженди. На него оказывало влияние творчество великих поэтов его времени — Хакани, Анвари и Ватвата. Джамал ад-Дин Исфакхани занимает важное место в развитии жанра газели⁶.

Сын Джамал ад-Дина — Камал ад-Дин Исма'ил (1172 - 1237) - известный поэт-панегирист. Стихи он писал на арабском и персидском языках. Шафиит, как и его отец, Камал ад-Дин был также членом суфийского ордена. Однако его аскетизм не мешал ему любить игру в нарды и вино, которое он воспевал в своих стихах.

Стихи Камал ад-Дин начал писать мальчиком, а в возрасте двадцати лет сочинил знаменитую элегию на смерть своего отца. Покровительство членов рода Са'ид дало Камал ад-Дину возможность приобрести известность, но вскоре он пострадал из-за клеветы своих недругов.

Камал ад-Дин, имевший *лакаб Халлак ал-Ма'ани*, большинство своих касид посвятил хорезмшахам Текишу, Ала ад-Дину Мухаммаду, Джамал ад-Дину Манкбурны и Гийас ад-Дину Пиршаху, атабекам Фарса Са'ду ибн Занги и его сыну Абу Бакру. Позже Камал ад-Дин попал под

влияние знаменитого шейха-мистика Шихаб ад-Дина Умара ибн Мухаммада ас-Сухраварди, что отразилось на его дальнейшем творчестве.

Во время захвата монголами Исфахана Камал ад-Дин был убит 21 декабря 1237 г. в своем доме монгольским воином, искавшим у него сокровища. Свое последнее четверостишие Камал ад-Дин написал кровью⁷.

Талантливым поэтом был *ходжа малик ал-калам* ("владыка слова") Захир ад-Дин Тахир ибн Мухаммад ал-Фарйаби (ок. 1160 - 1202 гг.), который одно время жил и творил в Нишапуре при дворе местного владетеля Тоган-шаха ибн Му'аййида Аи-Аба - вассала хорезмшаха. Затем Захир ад-Дин перебрался в Исфахан, где нашел покровительство у исфаханских *садров* из рода Ходженди. В Исфахане он познакомился и вел дружбу с поэтами отцом и сыном Исфахани. Позже Захир ад-Дин отправляется в Мазандаран, ко двору его владетеля Ардашира ибн Хасана, который дал поэту возможность жить безбедно и заниматься творчеством.

Вскоре Захир ад-Дин, как и ряд других видных поэтов той эпохи, был приглашен ко двору атабека Азербайджана Кызыл-Арслана (1186 - 1191). В Табризе Захир ад-Дин ал-Фарйаби сближается с Хакани и подражает ему в панегириках. Умер Захир ад-Дин в Табризе, его могила находится рядом с могилой Хакани на кладбище поэтов Сурхаб⁸.

Видным поэтом того времени был *Султан ал-фудала'* ("султан благородных") Асир ад-Дин Абу-л-Фадл Мухаммад ибн Тахир Ахсикети (ум. в 1184 г.?), выходец из города Ахсикят в Фергане. В поисках покровителя он также перебрался в Азербайджан, где писал касиды с восхвалением местных правителей.

Асир ад-Дин Ахсикети был крупнейшим мастером поэтической формы и писал в манере Хакани⁹.

В правление хорезмшахов Ил-Арслана и Текиша жил и творил *Амлах аш-шу'ара' ва малик ал-фудала'* ("остроумнейший из поэтов и владыка благородных") *маулана* Сайф ад-Дин Исфараини, живший в Бухаре и писавший в манере Ахсикети¹⁰.

Видным поэтом времени правления хорезмшахов был Гийас ад-Дин Абу-л-Маджд Мухаммад ибн ал-Хасан ибн Ибрахим ал-Дженди. По сведениям Ибн ал-Фувати, "он был одним из прекраснейших поэтов и стихи его были замечательны. Вот их образчик:

Страсть — это такой недуг, которому
подвержен каждый, кого покидает разум.
Любовь — сладок ее источник,
любовь — горек ее источник.
Начало ее — озабоченность,
завершение ее — интерес.
Ее тайное испепеляет нутро,
ее явное порочит душу.
О, если бы я смог перенести ее утрату,
ибо знаю, как тяжело ее приверженцам.
Наслаждаясь ее дуновением,
я, быть может, исцелился бы ее ароматом"¹¹.

Известными поэтами и адибами Хорезма были Фахр ал-Ма-ша'их Абу-л-Касим Али ибн Мухаммад ибн Али ал-Адиби ал-Хорезми (ум. в 1165 г.)¹² и Фахр ал-Афадил Абу Хафс Умар ибн Мухаммад ибн Умар ал-Хорезми, погибший в 1155 г.¹³ Видным поэтом Хорезма был Камал ад-Дин Абу-л-Фарадж Йусуф ибн Махмуд ибн Ахмад ас-Самарканди, происходивший из горной местности близ Самарканда¹⁴.

Автором прекрасных стихов был поэт Му'аййан ад-Дин Абу Са'д Ибрахим ибн Фарис ибн Рустам ал-Хорезми¹⁵.

Источники донесли до нас имена выдающихся людей государства Хорезмшахов, оставивших свой след в различных областях науки и культуры, общественной и политической жизни. Приводим имена наиболее известных из них:

1. Ал-Хаким Али ибн Мухаммад ал-Хиджази ал-Ка'ини. "Он был почтенным врачом, вместилищем медицинских познаний, сведущим во всем разумном. У него есть записки (раса'ил) по медицине и по лечебной практике. В честь величайшего султана Санджара он сочинил *Китаб ма-фахир ал-атрак* ("Книгу о достоинствах тюрок"). Справедливому владыке мира хорезмшаху Атсызу ибн Мухаммеду он посвятил *Китаб фи-л-хикма* ("Книгу о мудрости"). Он прожил 90 лет и умер в 546 (1151) году. Был он одним из учеников Умара ал-Хайями"¹⁶.

2. Философ (*ал-файласуф*) Баха ад-Дин Абу Мухаммад Абд ал-Джаббар ибн Абд ал-Джаббар ибн Мухаммад Сабит ал-Хараки. "Это был один из мудрецов Мерва, и у него есть сочинения по астрономии и логике. Справедливый владыка мира хорезмшах [Атсыз] вывез его в Хорезм в раби I 536 года (октябрь 1141 г.), чтобы пользоваться его ученостью. Есть у него также сочинения по истории"¹⁷.

3. Абу-л-Мафахир Мухаммад ибн Мухаммад ибн Абу-л-Джалил ал-Умари ал-Катиб ал-Бухари ал-Хорезмшахи. Судя по *лакабу*, занимал должность *катиба* хорезмшаха (вероятно, Атсыза). "Имам эмир величайший, достойный, Благо государства и религии, Счастье ислама и мусульман, Обладатель похвальных качеств и достоинств, Любимец владык и султанов, Самый красноречивый во всех царствах, Обладатель познаний в риторике и стилистике... Он, слава Аллаху, возглавлял достойнейших [ученых] Хорезма и Хорасана"¹⁸.

4. Ал-Амир ас-Саййид ал-имам Зайн ад-Дин Исма'ил ибн ал-Хасан ал-Хусайни ал-Джурджани *ат-табиб* ("врач"). "Он воскресил науку врачевания и другие науки своими уникальными сочинениями. Я (ал-Байкахи) видел его в Сараксе в 531 (1136) году. Он был уже на склоне лет. К нему продолжительное время был очень привязан справедливый владыка мира хорезмшах Атсыз. В Хорезме он сочинил труды: *ат-Тибб ал-Мулуки* ("Царская медицина"), *Китаб ал-аград* ("Стремления"), *Китаб фи-р-радд ала-л-фаласифа* ("Опровержение философов"), *Китаб тадбир йаум ва лайла* ("Упорядочение дня и ночи"), *Китаб васиф-наме* ("Книга о юношестве") и другие. О его сочинениях ходит добрая слава, ибо это почтаемые книги. От надежных людей я слышал, что он был приветлив и обладал добрым нравом"¹⁹.

5. Достойным поэтом и катибом" был Абу Исхак шейх ал-Амид Ибрахим ибн Мухаммад ибн Ибрахим ан-Насавц, умерший в 1125 г.²⁰.

6. Абу-л-Хасан Али ибн Аррак ас-Саннари ал-Хорезмц, умерший в 1143 г. в селе Мазана, в области Хорезм. "Он был грамматиком и знатоком языка и аруза. Долго жил в Бухаре, где учился фикху у шейхов города. Затем перебрался в Джурджанийу. Он - автор книги *Шамарих ад-Дурар фи тафсир ал-Кур'ан* ("Гроздь жемчужин в комментариях к Корану)"²¹.

7. Абу-л-Хасан ибн Аби Али ибн Мунтаджаб Али ибн Мухаммад ибн Арслан ибн Мухаммед ал-Хорезми ал-катиб. Превосходный поэт. Он был убит в раби I 536 г. х. (октябрь 1141 г. во время похода хорезмшаха Атсыза на Мерв. Абу-л-Хасан — автор "Истории Хорезма"²².

8. Абу-л-Хасан Али ибн Мухаммад ибн Али ибн Ахмад ибн Марван ал-Умрани ал-Хорезми — адиб, имевший *лакаб Худжжат ал-афадил саййид ал-удаба' ва фахр ал-маша'их*. Умер в Хорезме в 560/1164 г. Абу-л-Хасан учил адабу Махмуда ибн Умара аз-Замахшари и был известен как поэт; одну из его касид приводит Йакут ал-Хамави²³.

9. Абу Мухаммад Махмуд ибн Мухаммад ибн ал-Аббас ибн Арслан ал-Аббаси ал-Хорезми (1099 - 1172) — богослов и историк, автор книги по фикху *ал-Кафи фи-л-фикх* и истории Хорезма (*Тарих Хваразм*)²⁴.

10. Ал-Хахим Абу Джа'фар ибн Мухаммад ал-Бухари (ум. в рамадане 551 г. х.=октябре 1156 г.) — знаток наук древних мудрецов²⁵.

11. Абу-л-Вафа Мухаммад ибн Мухаммад ибн ал-Касим ал-Ахсикети. Был имамом в языкознании и истории. Умер после 520/1126 г.

12. Абу Рашид Ахмад ибн Мухаммад ибн ал-Касим ал-Ахсикети, брат Мухаммеда ал-Ахсикети, — *адиб* и поэт²⁶.

13. Зайн ад-Дин Мухаммад ибн Аби-л-Касим ал-Баккали ал-Хорезми (ум. в 562/1166 - 67 г.), известный как *Зайн ал-маша'их*, автор словаря к Корану (*Тараджим ал-а'аджим*)²⁷.

14. Абу-л-Карам Абд ас-Салам ибн Мухаммад ибн Аби-л-Хасан Али ал-Хиджжи ал-Фирдауси ал-Хорезми ал-Андарастани (ал-Андарасфани). Андарастан — селение близ Гурганджа. Он составил сборник хадисов (536/1142 г.) и биографический словарь²⁸.

15. Фахр ад-Дин Абу Абдаллах ибн Мухаммад ибн Умар ар-Рази, составил для хорезмшаха Текиша энциклопедию под названием *Джавами' ал-'улум* ("Собрание наук")²⁹.

16. Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Ашраф ибн ал-Хусайн ас-Самарканди (ум. в 1204 г.), автор *Рисала фи адаб ал-бахс*³⁰.

17. Музаффар ад-Дин Кутлуг-бек ибн Мас'уд ибн Халил ал-Вахши - поэт, "писавший стихи о бедных людях"³¹.

18. *Адиб* Музаффар ад-Дин Абу Мухаммад ал-Мубарак ибн Али ибн Йа'куб ал-Байканди (ал-Пайкенди)³².

19. *Адиб* Музаффар ад-Дин ал-Мубарак ибн Мухаммад ибн Сурхаб ал-Хорезми ал-Кяти³³.

20. Видный *адиб* и ученый Музаффар ад-Дин Абу-с-Сана Махмуд ибн Арслан ал-Хорезми, историк, автор истории Хорезма³⁴, возможно, идентичный Махмуду ибн Мухаммеду ибн Арслану ал-Хорезми (см. выше).

21. Му'аййан ад-Дин Махмуд ибн Умар ибн Халид ад-Дин Мухаммад ибн Умар ибн Халид ад-Дин Мухаммад ибн Умар ас-Самарканди ал-Хорезми астроном, автор книги *ал-Мулаххас фи-л-хай'а* ("Суть астрономии")³⁵.
22. *Малик ал-улама'* Абу-л-Музаффар Мас'уд ибн Мухаммад ибн Сад ид ал-Ходженди — видный адиб и военачальник³⁶.
23. Мунтаджиб ад-Дин Абу Са'д Мухаммад ибн ал-Хасан ибн Махмуд ан-Насави — видный ученый, знаток истории, *адаба* и других наук³⁷.
24. Минхадж ад-Дин Абу Бакр Мухаммад ибн Ахмад ибн Абу Бакр ал-Маргинани — видный ученый и факих³⁸.
25. Минхадж ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммад ибн Умар ибн Абу-л-Фатх ал-Бухари — *катиб*, историк³⁹.
26. Ала ад-Дин Абу-л-Фатх Мухаммад ибн Абд ал-Хамид ал-Хусайн ал-Асманди ас-Самарканди, *факих ал-Муназир ал-алам*. Происходил он из Самарканда и был весьма сведущим факихом. Тадж ал-Ислам Абу Са'ид ас-Сам'ани пишет: "Я встретил его в Самарканде и говорил с ним. Однако мне не удалось добиться от него того, что я хотел, ибо он был пристрастен к вину, и я уже слышал об этом. Он сказал мне: Успокоение в мире можно получить только в двух вещах — в книгах и в вине". Он умер в 536 (1142) году, а родился в 488 (1095) году. Его сочинения: *Мухталиф ар-ривайа* и *Интика' хаср ал-маса'ил ва каср ад-дала' и*⁴⁰.
27. Ала ад-Дин Абу Тахир Мухаммад ибн Махмуд ат-Тарджуман - факих *адиб*. Был передатчиком всех сочинений аз-Замахшари. Умер он в Джурджанийе Хорезма 2 мухаррама 645 года (10 мая 1247 г.)⁴¹.
28. *Фахр ал-Хваразм* ("гордость Хорезма") ал-Аллама ("всезнающий") Джараллах Абу-л-Касим Махмуд ибн Умар ибн Мухаммад ал-Хваразми аз-Замахшари (27 раджаба 467 г. х./ 18 марта 1075 г. - 9 зу-л-хиджжа 538 г. х./ 13 июня 1144 г. величайший ученый Хорезма. Имел также *лакабы ан-Нахави* и *ал-Лугаби* - Автор многочисленных сочинений и высший авторитет своего времени в риторике, стилистике, астрономии и других науках⁴².
29. Абу-л-Му'аййид ал-Муваффах ибн Ахмад ал-Макки, известный как *Ахтаб Хваразм* ("самый красноречивый [в] Хорезме") Садр ал-а'имма ("садр имамов"), - лучший мударрис Хорезма (ум. в 568/1172 г.) – один из лучших учеников аз-Замахшари, блестящий знаток арабского языка (как и его учитель), *адиб*, поэт, автор ряда сочинений по истории ислама⁴³.
30. Абу Мадар ад-Дабби ал-Хорезми *Махиур кулл фанн ал-устаз ал-Фадил фарид ал-аср* ("знаменитый во всех науках, благородный устаз, единственный своего времени")⁴⁴.
31. Малик Нусрат ад-Дин Хамза ибн Мухаммад ибн Умар ибн Хамза ан-Насави, владетель Насы, — высокообразованный человек своего времени. Он был чудом в достоинствах и морем щедрости. Он помнил наизусть *Сакт аз-занд* Абу-л-Ала ал-Ма'арри, *ал-Йамини* ал-Утби, *ал-Мулаххас* Фахр ад-Дина ар-Рази и *ал-Ишарат* аш-шейха ар-ра'иса Ибн Сины. У него были свои стихи на арабском и персидском языках, собранные в диваны. Что касается его переписки, то это — дозволенное волшебство и ключевая вода, она превосходит блеск красоты и надушена ароматом северного ветра. Он проявил себя искусным в науках древних и соединил это с прочими достоинствами. Он посвятил себя их изучению в дни своего пребывания в Хорезме, а оно длилось девятнадцать лет. Его предсказания по звездам редко когда не сбывались⁴⁵.
32. Сирадж ад-Дин Йа'куб ас-Саккаки *ас-Садр ал-аллама* ("глава всезнающих") Хорезма был "одним из достойнейших мужей Хорезма, столпом важнейших искусств и знатоком важнейших наук. Они (люди) были убеждены в том, что упомянутый зачаровывал некоторые звезды и отклонял их от орбит и преграждал путь водным потокам одним своим дыханием, - таково было их мнение о его совершенстве. Он был автором сочинений по всем областям знания, считавшихся знаменем искусства и чудом творения, и занимал почетное место при великом султани Ала ад-Дине Мухаммаде и его матери Теркен-хатун благодаря знанию астрономии"⁴⁶.
33. Знаменитый Абд ал-Карим ибн Мухаммад ибн Мансур Абу Са'ид (или Абу Са'д) ибн Абу-л-Музаффар ал-Марвази ас-Сам'ани (ум. в 1167 г.), выходец из известной мервской семьи ученых, — *адиб*, объездивший множество стран. Автор дошедшего до нас словаря *нисб Китаб ал-ансаб*, сочинения *Зайл Тарих Багдад*, "Истории города Мерва" и др.⁴⁷.
34. Наджиб ад-Дин ас-Самарканди (XIII в.) — автор пользовавшегося большой популярностью в Хорезме и за его пределами медицинского трактата о причинах и симптомах болезней⁴⁸.
35. Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази, близкий ко двору Ала ад-Дина Мухаммеда адиб и ученый, автор сочинений *ал-Му'джем фи ма'а'ир аш'ар ал-аджами* и *Тибйан лугат ат-турки ала лисан Кангли*⁴⁹.
36. Известным глазным врачом Самарканда был Зайн ад-Дин, который после падения государства Хорезмшахов перешел на службу к Чингиз-хану и даже вылечил его от офтальмии⁵⁰.

37. Абу Ибрахим Исма'ил ал-Джурджани посвятил хорезмшаху Атсызу свой медицинский трактат *Китаб ал-аград ат-тибиййа ва-л-мабахис ал-ала'ийа ал-хорезмшахийа*⁵¹.

Хорезм, по сообщению источников, "во все времена был местопребыванием людей науки и местом останковки караванов мудрецов"⁵². А Бухара "всегда была местом собрания улемов, родной благородных и средоточием наук"⁵³.

Многие ученые, получившие подготовку в городах, входивших в состав государства Хорезмшахов, занимались преподавательской деятельностью в других городах и странах Востока.

38. Захир ад-Дин Мухаммад ибн Умар ибн Мухаммад ал-Бухари ан-Науджабади, происшедший из селения Науджабад, в округе Бухары, преподавал в Багдаде. В библиотеке медресе *ал-Мустансирийа* и сейчас хранится его сочинение *Кашф ал-ибхам ли-даф' ал-авхам*⁵⁴.

39. Среди книг этой же библиотеки есть около 20 томов сочинения "факиха вселенной" Таха ибн Ибрахима ибн Ахмада ибн Исхака шейха имама Зайн ад-Дина Абу Бакра ал-Бухари (ум. ок. 1252 г.) *Китаб фи-л-адабийат*, которое является собранием, включающим его рассказы, переписку и стихи. Он сам подарил свои труды этой библиотеке⁵⁵.

40. Абу Мухаммад ал-Касим ал-Бухари (?) (род. в 1160 г.⁵⁶, Йакут не приводит даты его смерти, но пишет, что видел Абу Мухаммада стариком). Долго жил в Бухаре и говорил, что придерживается мазхаба ее жителей — ханафитского, отвергая обвинение в принадлежности к мутазилитам, которое, как можно полагать из текста Йакута, было выдвинуто против него⁵⁷. Абу Мухаммад — автор многих книг, среди которых комментарий к книге стихов Абу-л-Ала ал-Ма'арри *Сакт аз-занд* и комментарий к сочинению ал-Утби *ал-Йамини*⁵⁸.

41. Мухаммад ибн ал-Хусайни ибн Мухаммад ибн ал-Хусайн ибн Али ибн Ибрахим ибн Абдаллах ибн Йа'куб аз-Загули (Загула — одно из селений Пяндждеха) ал-Марвази (ум. в 1163 г.) был автором "множества сочинений, из которых только одно состояло из 400 томов"⁵⁹.

42. Рукн ад-Дин Абу Хамид Мухаммад ибн ал-Амид ал-Ханафи ас-Самарканди был основателем суфийского братства *ал-амидийа* и автором многих сочинений. Он умер в Бухаре в 1218 г.⁶⁰.

43. Маджд ад-Дин Мухаммад ан-Насави написал в правление хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада стихотворное сочинение на персидском языке *Шаханшах-наме* и посвятил его победам своего покровителя. Об этом пишет Ауфи, который виделся с Маджд ад-Дином в 600/1204 г. в Насе⁶¹. Ауфи также сообщает, что Саййид Садр ад-Дин Нишапури, которого он хорошо знал, написал на арабском языке сочинение *Тарих Хорезмшахи*.

Ауфи добавляет, что Садр ад-Дин сочинял прекрасные стихи на арабском, а иногда и на персидском языках⁶².

44. Мухаммад ибн Ахмад ибн Аби Наср ибн Ахмад ибн Мустауфи ал-Харави, известный по лакабу *ар-Ради ал-Катиб*, в 596/1199 - 1200 г. по заказу везира хорезмшаха Текиша перевел на персидский язык сочинение Ахмада ибн А'сама ал-Ку-фи (ум. в 926 г.) *Китаб ал-футух* ("Книга завоеваний"). Однако он умер, не закончив перевода, и работа была завершена Мухаммадом ибн Ахмадом ибн Абу Бакром ал-Катиби ал-Мабаранабади⁶³.

45. Известным знатоком грамматики этого времени был ал-Маджд ал-Мутарризи ан-Нахави ал-Хорезми, умерший в 606/1209 г.⁶⁴

46. Мухаммад ибн Наджиб Бакран составил в 1208-09 г. карту мира для хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада и написал к ней пояснительный текст, который был назван им *Джахан-наме* ("Книга о мире")⁶⁵.

Преподаватели (мударрисы) и имамы назначались в учебные заведения (медресе) специальными распоряжениями султанов или их заместителей. Например, указом хорезмшаха Ил-Арслана, датированным рамаданом 557 г. х. (август - сентябрь 1162 г.), хакану Абу-л-Музаффару Тамгач Богра-хану Ибрахиму ибн Сулейману в числе прочих обязанностей вменялось назначение мударрисов в Туркестане⁶⁶. Сохранился указ хорезмшаха Атсыза о назначении на должность мударриса: "Отец такого-то много лет был мударрисом в Мервском медресе, с которым наша семья имела тесные связи. Такой-то после смерти отца прибыл ко двору и был допущен к Высокому собранию (*маджлис*). Теперь он назначается для преподавания (*тадрис*) в школу его отца. Вакфы медресе передаются в его распоряжение (*тасарруф*), и по предписанию учредителя вакфа он должен тратить доходы вакфа на достойные цели на возведение зданий (*и-марат*) и на обработку земли (*зира'ат*). Все богословы, правоведы и слушатели медресе должны почитать его и принимать участие в его собраниях"⁶⁷.

Хорезмшах Текиш издал на имя имама Бадр ад-Дина указ следующего содержания: "Бадр ад-Дин, который в большом почете при дворе, назначен за свои заслуги на должность мударриса, имама и хатиба в таком-то крупном вилайете. Бадр ад-Дин должен исполнять свои обязанности богобоязненно, согласно Корану, хадисам, сунне пророка и примеру имамов. Он должен отправ-

лять пятничные и праздничные молитвы (намаз), читать проповеди, восхвалять Аллаха, пророка, халифов и хорезмшахов, следить за сохранностью и ремонтировать религиозные сооружения, заботиться об увеличении доходов, поучать людей словом и примером, назначать способных заместителей"⁶⁸.

Иногда в качестве вакфа учебному заведению передавались целые селения. Так, медресе *Хатун Баха* в Хорезме было передано в качестве вакфа селение Сакан Ахашк (?). В указе хорезмшаха Текиша на имя его везира Насир ад-Дина говорится, что бывший мутавалли этого вакфа оказался человеком неспособным, вакф стал убыточным и пришел в упадок. Насир ад-Дину предписывалось возместить убытки и назначить нового мутавалли, который должен следить за обучением (*даре*) будущих *мударрисов*⁶⁹.

Одним из выдающихся деятелей государства Хорезмшахов в правление султана Ала ад-Дина Мухаммада был Шихаб ад-Дин Абу Са'д ибн Имран ал-Хиваки — "столп веры и твердыня державы"⁷⁰. Шихаб ад-Дин был "известным законоведом, знаменитым муфтием толка аш-Шафи'и. Самый пронизательный мог быть лишь рабом его сметливости, самый остроумный — слугой его мысли. Он достиг при султани такой степени, когда уже не приходится желать большего, ибо нельзя возвыситься выше неба. Он (султан) советовался с ним в серьезных делах и прислушивался к его мнению. И не раз можно было видеть, как правители, их везиры и люди высоких степеней из числа эмиров стояли у его дверей рядами, а он в это время по обыкновению поучал имамов. Он преподавал в пяти медресе Хорезма и не прекращал занятий, пока не заканчивал их, и лишь после этого хаджибы султана могли беседовать с ним о различных делах.

Он (Шихаб ад-Дин) построил при шафиитской мечети в Хорезме библиотеку, подобной которой не видано было ни раньше, ни впоследствии"⁷¹.

Выдающимся мударрисом Бухары был Кутб ад-Дин Абу Мухаммад Умар ибн Мухаммад ибн Умар ал-Ансари ал-Акли ал-Бухари (ум. в январе 1200 г.). Он слушал лекции у таких видных ученых, как Абу Мухаммад ал-Касим ибн Али Ибн ал-Асакир и Бадр ад-Дин Абу-л-Хайр Бадил ибн ал-Му'аммар ат-Табризи. "Он был самым достойным из шейхов-мударрисов в своем городе"⁷². Обязанности мударриса были весьма почетны, и часто эту должность занимали высокопоставленные чиновники, вышедшие в отставку"⁷³.

Строительство новых (султанских) медресе поручалось обычно видным религиозным деятелям. Например, строительство медресе в Хорасане было поручено муфтию имаму Азиз ад-Дину Али ал-Балхи⁷⁴, строительство медресе в Нишапуре — муфтию и мударрису Нишапура имаму Фахр ад-Дину Абу Сабиту Абд ал-Азизу ибн Абд ал-Джаббару ал-Куфи⁷⁵.

Видным просветителем в правление двух последних хорезмшахов был Мукарраб ад-Дин Мухаммад ибн Ибрахим ал-Пахлаван ал-Хорезми (ум. в 1228 г.). Султан Джалал ад-Дин поручил ему построить в память о своем отце, хорезмшахе Ала ад-Дине Мухаммеде, медресе в Исфахане и передал ему на строительство 30 тыс. динаров. Кроме этой суммы с налоговых поступлений Ирана на строительство медресе выделялись средства, "необходимые для окончания строительства и для того, чтобы утварь была из золота: и подсвечники, и кувшины. Мукарраб ад-Дин направился в Исфахан и приступил к строительству. Я (ан-Насави) прибыл через четыре месяца и увидел, что уже возведены стены в человеческий рост"⁷⁶.

В бухарском округе Дихкан в правление хорезмшахов существовала Библиотека Дома бедняков (*Хизанат ал-кутуб Дар ал-фукара'*), в которой хранились уникальные рукописи.

ГЛАВА 9

РАЗГРОМ И ГИБЕЛЬ ГОСУДАРСТВА ХОРЕЗМШАХОВ

Накануне монгольского нашествия в государстве Хорезмшахов сложилась своего рода диктатура: абсолютным владыкой считался хорезмшах и султан Ала ад-Дин Мухаммад, но в действительности Ала ад-Дин оказался в полном подчинении у своей матери Теркен-хатун, которая во внутренних и внешнеполитических делах государства была, можно сказать, вторым государем, а в некоторых вопросах противостояла своему сыну. Приказы и указы султана нередко отменялись всемогущей Теркен-хатун и становились недействительными. Она могла решать любые вопросы по своему усмотрению и издавала указы от своего имени.

Ан-Насави пишет, что "если от нее и от султана поступали два различных предписания по одному и тому же делу, то внимание обращали только на дату и действовали согласно последнему во всех странах"¹. Хорезмшах же никогда не противоречил своей матери — "ни в малых делах, ни в больших, ни в серьезных, ни в маловажных — по двум причинам: во-первых, из-за родительской любви, которую она уделяла ему, и, во-вторых, из-за того, что большинство эмиров государства были из ее рода"².

Теркен-хатун имела лакаб "Властительница мира" (*Худаванд-и джахан*), свою личную тугру для указов: "Защитница мира и веры Великая Теркен, владычица женщин обоих миров" (*Ис-мат ад-Дунйа ва-д-Дин Улуг-Теркен Малика ниса' ал-ала-майн*), а также свой девиз: "Ищу защиты только у Аллаха!" (*и'тасамту би-ллахи*)³, который трудно было подделать и который она ставила на одном уровне с девизом своего сына.

Теркен-хатун пребывала в Гургандже, который стал ее столицей, так как хорезмшах переселился в Самарканд, имела свой двор и свои владения *икта'*. Владения эти были весьма обширны: как только хорезмшах захватывал или присоединял к своим землям какую-либо территорию, он обязательно выделял для нее и ее приближенных самые богатые области. Теркен-хатун имела власть не только над самим султаном, но и распоряжалась финансами, отдавала приказы высшим эмирам и сановникам⁴. Эти обстоятельства определенно дестабилизировали положение в государстве Хорезмшахов накануне вторжения монголов. Непрочность устоев державы усугубилась еще и тем, что и Теркен-хатун, и ее сын, хорезмшах, не останавливались перед физическим уничтожением находившихся в Гургандже в качестве заложников владетелей стран и областей, захваченных или присоединенных к государству Хорезмшахов⁵.

Как пишет историк, монголам удалось беспрепятственно вторгнуться в земли хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада потому, что этих препятствий не было, ибо "хорезмшах Мухаммад, захватывая страны, убивал и уничтожал их владык. Поэтому он и остался один-одинешенек султаном всех стран. А когда он убежал от них (монголов), в государстве не было никого, кто мог бы встать препятствием на их пути"⁶.

Одним из важных государственных актов, в которой вмешалась Теркен-хатун, было назначение наследника престола. Как пишет ан-Насави, хорезмшах по настоянию матери назначил наследником престола Кутб ад-Дина Узлаг-шаха, обойдя двух старших сыновей — Джалал ад-Дина Манкбурны и Рукн ад-Дина Гурсанджти. Мать Узлаг-шаха была из того же племени и рода (*ашш-ра*), что и Теркен-хатун, и ненавидела Ай-Чичек, мать Джалал ад-Дина. Поэтому когда хорезмшах накануне вторжения монголов стал приводить в порядок административные дела государства и разделил земли между своими сыновьями на четыре огромных владения, то право на владение Хорезмом, Хорасаном и Мазандараном, т. е. землями, находившимися под контролем Теркен-хатун, было предоставлено наследнику престола Кутб ад-Дину Узлаг-шаху. Для него же была избрана такая тугра: "Султан Абу-л-Музаффар Узлаг-шах, сын султана Санджара, Помощник Эмира верующих"⁷.

Несмотря на принятые хорезмшахом меры, наличие огромной армии и развитого карательного аппарата, мощь государства оказалась призрачной, а в разрешении внутренних проблем своего государства Ала ад-Дин Мухаммад показал полную беспомощность.

Узнав о подчинении *гюр-хана* и захвате его казны Кушлу-ханом, хорезмшах отправил Кушлу-хану послание, в котором резко осудил действия последнего в отношении разгромленного им и обесилевшего *гюр-хана*, ставшего, по его словам, "добычей для каждого грабителя и жертвой для любого захватчика". Поскольку *гюр-хан* в свое время предложил хорезмшаху в жены свою дочь Тугадж-хатун, то теперь Ала ад-Дин Мухаммад потребовал у Кушлу-хана, чтобы тот отпра-

вил к нему *гюр-хана* с его дочерью и всеми его сокровищами. "А иначе, — писал хорезмшах, — я принесу тебе такое, от чего не избавит тебя ни острое твоего меча, ни прочность твоего положения"⁸.

Кушлу-хан дал хорезмшаху "смиранный и униженный ответ" и отправил ценнейшие подарки, однако выдать *гюр-хана* отказался, тем более что и сам *гюр-хан*, страшись мести хорезмшаха и его посягательств на земли кара-хитаев, униженно просил Кушлу-хана об этом⁹.

В 610/1213 г. *гюр-хан* Джулху умер, и кара-хитай, видя в Кушлу-хане единственного человека, который мог спасти гибнущее государство, признали за ним право быть их *гюр-ханом*.

После этого Кушлу-хан стал вести себя по отношению к хорезмшаху более независимо, а после неудачного похода хорезмшаха на Багдад в 1217 г. потребовал возврата земель кара-хитаев, захваченных хорезмшахом, угрожая отобрать эти земли силой¹⁰. Кушлу-хан даже арестовал и заковал в цепи посла хорезмшаха эмира Мухаммада ибн Кара-Касима ан-Насави, прибывшего к нему с требованиями от имени султана¹¹.

Хорезмшах направил против Кушлу-хана несколько отрядов, которые совершали нападения на земли кара-хитаев, что заставило Кушлу-хана отправить хорезмшаху резкое письмо, в котором говорилось, что "подобные действия могут совершать не владыки, но разбойники и бандиты, и если ты действительно султан, как ты утверждаешь, то должен выступить сам, и если ты разобьешь меня, то тогда и будешь владеть землями, что в моих руках"¹².

Положение Кушлу-хана к этому времени укрепилось, и он стал прибирать к рукам земли, пограничные с владениями кара-хитаев. Кушлу-хан под влиянием своей жены (дочери *гюр-хана*) изменил своей прежней, христианской вере, стал буддистом, и вскоре во всех подвластных ему землях начались гонения на иноверцев, которых заставляли принимать буддизм. В особенности пострадали мусульмане Кашгара и Хотана, где по приказу Кушлу-хана были запрещены предписанные Кораном молитвы, *азан*, ношение мусульманской одежды, были закрыты все медресе¹³. Мусульман насильно заставляли носить кара-хитайскую одежду и головные уборы. После этого Кушлу-хан решил нанести в своих владениях еще один удар по религии ислама и приказал созвать мусульманских улемов, чтобы "разбить основы их веры". Собралось более трех тысяч видных мусульманских имамов, аскетов и факихов, которым было предложено доказать истинность исламской религии. Поначалу никто не осмеливался возражать Кушлу-хану. Тогда поднялся один известный имам, шейх Ала ад-Дин Му-хаммад ал-Хотани и, подойдя к Кушлу-хану, стал бесстрашно опровергать его доводы. Назревал скандал, и когда Кушлу-хан осмелился оскорблять и поносить пророка Мухаммада, шейх не выдержал и воскликнул: "Прах тебе в рот, о ты, враг веры, проклятый Кушлу-хан!"¹⁴.

Шейх Ала ад-Дин по приказу Кушлу-хана был схвачен, раздет и заточен в темницу, где в течение многих дней оставался без пищи и воды. Не добившись от шейха раскаяния, Кушлу-хан приказал распять его на воротах медресе, построенного Ала ад-Дином ал-Хотани в Хотане¹⁵.

Позиция хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада во время этих событий способна вызвать удивление. Находясь во главе самого большого мусульманского государства и ведя борьбу с халифом ан-Насиром, он ничего не сделал для защиты мусульман, которых притесняли буквально у него на глазах. И еще более удивительно то, что защитниками мусульман Кашгара и Хотана, преследуемых буддистом Кушлу-ханом, пытались представить себя пришедшие с востока буддисты-монголы под водительством Чингиз-хана¹⁶.

В конце 1217 г. Чингиз-хан вновь занялся истреблением найманов, после того как завершил свои походы в Китае. Следуя на запад, войска Чингиз-хана подчинили земли карлуков и уйгуров и подошли к землям, которыми управлял Кушлу-хан¹⁷. Против Кушлу-хана действовала армия монголов под командованием Джэбе-нойана, который, по словам академика Б. Я. Владимирцова, весьма удачно использовал преследования мусульман, учиненные Кушлу-ханом, и блестяще представил мусульманам Чингиз-хана как их союзника и спасителя¹⁸.

Объявив, что с момента вступления монгольского войска на земли, подвластные Кушлу-хану, никто не будет преследоваться за свою религиозную принадлежность и никакого ущерба населению нанесено не будет, Джэбе-нойан подтвердил свои обещания, установив железную дисциплину в войсках. И население Кашгара и Хотана встретило монголов как своих освободителей, выступив, одновременно и повсеместно, против тирана Кушлу-хана. И хотя Кушлу-хан предполагал организовать в Кашгаре сопротивление монгольской армии, ему это не удалось. Преследуемый монголами, он бежал к границам Бадахшана, где пытался укрыться в ущелье Дарра-йи Дирази, но в местности Сариг Чопан (Памир) был схвачен местными охотниками и передан монголам, которые отрубили ему голову и увезли ее с собой. Это произошло в год Барса, начавшийся в зулкада 614 г. х. (февраль 1218 г.)¹⁹.

Захватив Кашгар и Хотан, монгольские войска вплотную подошли к землям, подвластным хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммеду. Однако непосредственные контакты людей хорезмшаха с монголами имели место гораздо раньше. Эти контакты были связаны, как уже отмечалось, с планами хорезмшаха после присоединения к своей империи Ирака Персидского и Мавераннахра начать завоевательные походы на восток - в Монголию и Китай.

Впервые эта мысль зародилась у султана Ала ад-Дина Мухаммада в 611 или 612 г. х. (1214 или 1215 г.), когда до него стали доходить получаемые от купцов сведения о богатстве далеких восточных стран. Как пишет Джузджани, *дабир* хорезмшаха Имад ал-Мулк Тадж ад-Дин Джамии рассказывал ему (Джузджани) в 617/1220 г. в крепости Тулак о том, что в душу хорезмшаха запала честолюбивая мысль о завоевании стран Китая и он постоянно расспрашивал о них людей, приезжавших из Китая и стран, лежащих за пределами Туркестана, Имад ал-Мулк говорил: "Мы, его слуги и придворные, пытались отговорить хорезмшаха от этой навязчивой идеи, мотивируя свои соображения дальностью расстояний, трудностями пути и другими препятствиями, но хорезмшах стоял на своем. А когда до него дошли слухи о том, что Чингиз-хан завоевал Китай, он решил узнать, достоверны ли эти слухи, и отправил в Китай посольство во главе с благородным сеййидом Баха ад-Дином ар-Рази"²⁰.

Посольство хорезмшаха прибыло в Пекин сразу же после взятия города войсками Чингиз-хана в июне 1215 г. Чингиз-хан принял Баха ад-Дина ар-Рази с почестями и весьма приветливо, а когда посольство возвращалось в Хорезм, Чингиз-хан вручил для хорезмшаха большое число редких даров и подношений и сказал послу: «Передай хорезмшаху: "Я — владыка Востока, а ты — владыка Запада! Пусть между нами будет твердый договор о дружбе и мире, и пусть купцы и караваны обеих сторон отправляются и возвращаются, и пусть дорогие изделия и обычные товары, которые есть в моей земле, перевозятся ими к тебе, а твои, в таком же порядке, пусть перевозятся ко мне"»²¹.

Чингиз-хан в это время, по-видимому, не замыслил вторжения в земли, подвластные хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммаду; напротив, он пытался принять меры к налаживанию торговых связей и приказал установить на главных караванных путях, ведущих на запад, сторожевые посты (каракчи), чтобы обеспечить безопасное следование караванов²².

Среди подношений и даров, отправленных Чингиз-ханом хорезмшаху, был самородок золота, добытый в горах Китая, величиной с верблюжий горб, его везли на отдельной повозке. Вместе с Баха ад-Дином ар-Рази Чингиз-хан отправил в Хорезм своих купцов с караваном в 500 верблюдов, которые везли золото, серебро, китайский узорчатый шелк (*хазз-и хитай*), легкую шелковую ткань, соболей (*саммур*), бобров (*кундуз*) и другие редкие и ценные товары²³.

Приняв в Бухаре послов Чингиз-хана и торговый караван монголов, хорезмшах, в свою очередь, отправил весной 1218 г. в ставку Чингиз-хана купцов Ахмада Ходженди, сына эмира Хусайна и Ахмада Балчиха с караваном, который доставил в Китай ценные товары: ткани *зарбафт*, *занданичи*, *карбас*, изделия и золота и дорогие одежды²⁴.

Таким образом, хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад и сам поначалу предпринимал шаги для развития торговых связей с империей Чингиз-хана, но очень скоро сам же нарушил налаживающиеся связи, а затем они были и вовсе разорваны по вине хорезмшаха и его приближенных.

Вскоре в Хорезм прибывает посольство Чингиз-хана в составе Махмуда ал-Хорезми, Алиходжи ал-Бухари и Йусуфа Кенка ал-Отрари. Они вновь доставили хорезмшаху дары Чингиз-хана: слитки драгоценных металлов, моржовый клык (*нусуб ал-хутувв*), мешочки с мускусом, нефриты и одежды *тарку* (*торгу*) из шерсти белого верблюда, стоимостью в 50 и более динаров каждая²⁵. Купцы также имели задание от Чингиз-хана установить с хорезмшахом "отношения мира, дружбы и добрососедства". Хорезмшаху было передано личное послание Чингиз-хана, в котором говорилось: "От меня не скрыто, как велико твое дело, мне известно и то, чего ты достиг в своей власти. Я узнал, что твои владения обширны и твои повеления исполняются в большинстве стран земли. Поддержание мира с тобой я считаю одной из своих обязанностей. Ты для меня как самый дорогой мой сын. Не тайна и для тебя, что я завладел Китаем и соседними странами тюрок, уже покорились мне их племена. И ты лучше всех знаешь что в моей стране столько богатств, что излишне искать их в других странах. Если сочтешь возможным открыть путь купцам обеих сторон, это было бы на благо всем и для общей пользы"²⁶.

Прочитав послание Чингиз-хана, хорезмшах решил подробнее разузнать о самом Чингиз-хане и его империи. Ночью он вызвал к себе главу посольства Махмуда ал-Хорезми и, вызывая к его долгу мусульманина и выходца из Хорезма, с помощью даров и посулов пытался выведать у Махмуда подробные сведения о монголах. Хорезмшах даже предложил Махмуду стать его доверенным лицом при дворе Чингиз-хана. А когда Махмуд ал-Хорезми со страха согласился, хорезмшах спросил: "Правду ли сказал мне Чингиз-хан, заявляя, что он владыка Китая и что захватил

город Тамгадж? Так ли это на самом деле?". Махмуд ответил: "Да, он сказал правду. Такое великое дело не может остаться тайной, и скоро султан сам убедится в этом". Хорезмшах сказал: "Ты же знаешь, каковы мои владения и как они обширны, знаешь, как многочисленны мои войска. Кто же он, этот проклятый, чтобы называть меня своим сыном?! Какое же у него войско?"

Махмуд ал-Хорезми, увидев на лице хорезмшаха признаки гнева и боясь за свою жизнь, "отказался от искренности" и, стремясь снискать милость владыки, ответил, что войско Чингиз-хана в сравнении с армиями хорезмшаха все равно, что одинокий всадник перед конницей или дымок против ночного мрака. И тогда хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад дал согласие на мирные связи с Чингиз-ханом и на обмен торговыми караванами²⁷.

Мы никогда не узнаем, кто сообщил историку ан-Насави об этом тайном ночном разговоре хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада с послем Чингиз-хана Махмудом ал-Хорезми, однако нужно признать, что ан-Насави, современник и очевидец происходивших событий, был достаточно осведомлен об обстановке при дворе Ала ад-Дина Мухаммада и сумел дать объективную оценку личности хорезмшаха. Следует воздать должное аналитическим способностям этого историка.

По возвращении посольства Махмуда ал-Хорезми в Пекин Чингиз-хан снарядил в Хорезм большой торговый караван во главе с купцами Умаром Ходжой ал-Отрари, ал-Джамалом ал-Мараги, Фахр ад-Дином ад-Дизаки ал-Бухари и Амин ад-Дином ал-Харави. Всего с караваном следовали 450 купцов-мусульман и с ними (по приказу Чингиз-хана) – по два-три человека от каждого племени монголов. Каждый из этих людей получил по одному золотому или серебряному балышу (=75 динаров) с поручением "отправиться в земли хорезмшаха, заняться там торговлей и приобрести редкие и ценные товары того края"²⁸.

Согласно одному из наших источников, этих монголов оказалось сто человек; вместе с личным представителем Чингиз-хана послем Ухуна они составили посольство к хорезмшаху²⁹. Весьма возможно, что эти сто человек кроме торговли должны были заняться разведкой во владениях хорезмшаха. Дальнейшие события в значительной мере подтверждают эти предположения. Примерно в то же время (конец 1218 г.) произошло первое столкновение войск Хорезма с монгольскими отрядами, которые вели военные действия, преследуя и истребляя племя меркитов, бежавших в страну кыпчаков, граничащую с владениями хорезмшаха.

Когда хорезмшах узнал об этих событиях, он решил использовать их в своих интересах и, как пишет Джувейни, "убить одним камнем сразу двух птиц", т. е. самому напасть на дезорганизованных меркитов и разграбить их имущество³⁰. Во главе 60-тысячного войска хорезмшах двинулся из Самарканда через Дженд, прошел далеко на север и достиг города Йугур³¹.

Переправившись через реку Ирғиз, хорезмшах достиг Тургайской степи, где застал следы уже свершившегося разгрома меркитов. На поле битвы был обнаружен раненый меркит, который сообщил, что монголы ушли из этих мест сравнительно недавно. Пустившись в погоню, войска хорезмшаха вскоре настигли монголов, которыми командовал сын Чингиз-хана Джочи. Когда Джочи увидел, что войска Хорезма построились в боевой порядок и готовятся к нападению, он сообщил хорезмшаху, что его отец, Чингиз-хан, запретил ему вступать в сражение с войсками Хорезма, что их задачей был только разгром меркитов и что монголы готовы даже передать людям хорезмшаха все захваченные у меркитов трофеи.

Однако хорезмшах ответил Джочи: "Если Чингиз-хан и не велел тебе биться со мной, то Аллах всевышний велит мне сражаться с тобой. Итак — война!"³².

Джочи был вынужден вступить в сражение, и, если бы не храбрость и полководческий талант сына хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, войска Хорезма были бы разгромлены. Во всяком случае, хорезмийцы потеряли за трое суток сражения около 20 тыс. воинов, а монголы значительно меньше³³. На четвертую ночь Джочи увел свои войска, прибыл в ставку Чингиз-хана и сообщил ему о состоянии войск Хорезма и о личной отваге Джалал ад-Дина Манкбурны³⁴.

Чингиз-хан после этой первой стычки между войсками хорезмшаха и его воинами не принял никаких ответных действий. Что касается хорезмшаха, то, как передает ан-Насави, "душой султана завладели страх и убеждение в их (монголов) храбрости, и, как говорят, он сказал своим приближенным, что не видел никого, кто мог бы сравниться с этими людьми мужеством, стойкостью перед тяготами войны и умением по всем правилам пронзать копьем и разить мечом"³⁵.

Тем временем караван следовал своей дорогой и вскоре прибыл в Отрар. Ухуна привез с собой послание Чингиз-хана хорезмшаху, в котором говорилось: "Купцы являются опорой страны. Это они привозят владыкам диковинки и драгоценности, и нет нужды препятствовать им в этом. Я со своей стороны не намерен мешать нашим купцам торговать с вами. Надо, чтобы мы оба действовали совместно ради процветания наших краев. Поэтому мы приказали, чтобы отныне между всеми странами на земле установился мир, чтобы купцы безбоязненно направлялись во все края. Богатые и бедные будут жить в мире и благословлять Аллаха"³⁶.

Однако по прибытии в Отрар караван, купцы и послы Чингиз-хана были задержаны наместником хорезмшаха в Отраре эмиром Гайир-ханом Иналом, двоюродным братом хорезмшаха по матери. Известив хорезмшаха, что купцов и послов он задержал как шпионов, Гайир-хан приказал умертвить их всех, хотя хорезмшах распорядился только об их аресте. Все, что было в караване, Гайир-ханом было присвоено³⁷.

Как бы ан-Насави ни оправдывал действия хорезмшаха, пытаясь снять с него вину за убийство купцов и послов, ответственность за это преступление лежит на главе государства, так как расправа над купцами противоречила общеизвестным в то время нормам взаимоотношений между владетельными лицами. Кроме того, были убиты послы, которые находились под защитой общепринятых норм обычного права. Но ведь убитые 450 купцов были мусульманами! Получалось, что защитником прав мусульман, как и в случае в Кушлу-ханом, снова оказался "неверный" Чингиз-хан, а не владыка огромной мусульманской империи и покровитель ислама хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад!

Получив от единственного спасшегося от смерти купца, бежавшего из Отрара, известие об убийстве купцов и послов, Чингиз-хан принял решение начать войну. Согласно монгольской исторической хронике, он собрал своих приближенных и объявил: "Пойду войной на Сартаульский народ и законной мстью отомщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли позволить Сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшения моих золотоцарственных поводов?"³⁸. Сыновья и сановники настаивали на немедленном походе в Среднюю Азию, но Чингиз-хан решил повременить с войной и отправил к хорезмшаху посольство во главе с Ибн Кафраджем Богра, который передал хорезмшаху Ала ад-Дину Мухаммаду следующее послание Чингиз-хана: "Ты даровал подписанное твоей рукой обещание обеспечить безопасность для купцов и не нападать ни на кого из них, но поступил вероломно и нарушил слово. Вероломство мерзко, а со стороны султана ислама еще более! И если ты утверждаешь, что совершенное Иналом сделано не по твоему велению, то выдай мне Инала, чтобы мы наказали его за преступление и помешали кровопролитию. А в противном случае — война, в которой самые дорогие души станут дешевы и древки копий преломятся"³⁹.

Однако, как пишет ан-Насави, хорезмшах отказался отправить Инала к Чингиз-хану "из-за страха, который охватил его душу, и боязни, лишившей его ума. Ведь большая часть воинов и эмиры высоких рангов были из его (Инала) родни". Эта родня Инала (а значит, и родственники его матери Теркен-хатун) полновластно распоряжалась в его государстве. И хорезмшах, полностью зависевший от этих людей, заявил, что убийство купцов и послов было осуществлено с его ведома и по его приказу⁴⁰.

Сын хорезмшаха Джалал ад-Дин Манкбурны после беседы с послом Ибн Кафраджем Богра посоветовал отцу быть с послом помягче и выдать Инала Чингиз-хану, ибо лучше пролить кровь одного человека и предотвратить пролитие крови мусульман, живущих на огромном пространстве от берегов Сырдарьи до Сирии. Однако хорезмшах отверг совет Джалал ад-Дина и, заявив, что отныне в споре между ним и Чингиз-ханом будет решать меч, приказал убить посла Ибн Кафраджа Богра и его спутников⁴¹. "И не было никогда более мерзкого действия, чем это! — восклицает ас-Субки. — Каждая капля их (послов) крови была оплачена потоком крови мусульман!"⁴².

Получив известие о казни своего посла Ибн Кафраджа Богра, разгневанный Чингиз-хан, по рассказу средневековых авторов, в течение трех ночей и дней молился в одиночестве и, обращаясь к богу, восклицал: "О господь и создатель вселенной! О творец тазиков и тюрок! Не я был зачинщиком этой смуты! Даруй же мне силу для отмщения!"⁴³.

Таким образом, убийство посла Ибн Кафраджа Богра явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения Чингиз хана. Убийство послов или парламентаров по монгольскому праву представляло собой самое тяжкое преступление, за которое с виновными жестоко расправлялись⁴⁴.

Прибывший в 1218 г. в Хорезм вместе с Чингиз-ханом Елюй Чу-цай в своем "Описании путешествия на Запад" говорит, что одной из причин похода Чингиз-хана против государства Хорезмшахов было убийство наместником Хуа-Тала (Отрара) монгольских послов и множества купцов⁴⁵.

Средневековые авторы высказывают предположение, что поход Чингиз-хана против хорезмшаха кроме всех иных причин был вызван также и тем, что халиф ан-Насир в борьбе против Ала ад-Дина Мухаммада использовал и монголов, так же как раньше он использовал Гуридов, кара-хитаев и найманов. На данное обстоятельство Ибн ал-Асир сначала только намекает: Нашествие татар на страны ислама объясняют также и другими обстоятельствами, но о них нельзя упоминать на страницах книг⁴⁶. Однако в другом месте Ибн ал-Асир говорит яснее: "И если правда то, что приписывают ему (халифу ан-Насиру) аджамы (неарабы), а именно, что он побудил татар

напасть на мусульманские страны и что с этой целью он посылал к ним людей, то он совершил деяние, которое превосходит великие преступления"⁴⁷.

Ал-Макризи говорит о письмах халифа ан-Насира монголам еще яснее: "В его (ан-Насира) правление татары опустошили страны Востока. Они добрались даже до Хамадана. Причиной тому было следующее: он действительно писал им, подстрекая их к нашествию на эти страны, страшая султана Ала ад-Дина Мухаммада, сына хорезмшаха, когда тот вознамерился захватить Багдад и превратить его в столицу своего государства, как это было при Сельджукидах"⁴⁸.

Об обращении халифа ан-Насира к Чингиз-хану пишет и Ибн Васил: "Когда хорезмшах двинулся на Багдад, халиф написал Чингиз-хану, владыке татар, подстрекая его напасть на страну хорезмшаха"⁴⁹.

Еще одной из причин, вызвавшей поход монголов против государства Хорезмшахов, называют крайнюю самоуверенность Ала ад-Дина Мухаммада, считавшего себя единственным правителем, достойным владычествовать на земле. Расправляясь с бывшими владельцами захваченных им земель, хорезмшах передавал эти земли в качестве *икта'* своим родственникам, эмирам и чиновникам и тем самым в значительной мере дезорганизовал управление государством и вызвал недовольство военачальников и чиновников, служивших прежним владыкам, и податного населения.

Было бы вернее с точки зрения политической и военно-стратегической оставить прежних правителей в качестве вассалов, как нередко поступали Сельджукиды. Когда началось монгольское вторжение, местное население захваченных хорезмшахом стран и областей ни разу не поддержало хорезмийцев, а наоборот, при подходе монгольских войск часто пыталось спасти свою жизнь и имущество путем выдачи монголам гарнизона хорезмийцев и соответствующего выкупа деньгами и товарами.

Чингиз-хан и его военачальники умело использовали недовольство народов, подвластных хорезмшаху. Кроме ограниченного контингента своих, монгольских войск армия Чингиз-хана имела крупные воинские соединения из мусульман, христиан и идолопоклонников, которые использовались монголами в сражениях в качестве авангарда и прикрытия⁵⁰. Состоявшие на службе у хорезмшаха кара-хитай, хорасанцы, дейлемиты с началом вторжения монголов сразу же перешли на их сторону. Военным успехам Чингиз-хана способствовало и недоверие и враждебное отношение самого хорезмшаха к эмирам своих войск, особенно к тем из них, кто состоял в родстве с его матерью Теркен-хатун. События показали, что хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад в самый ответственный час, когда перед ним встал вопрос о жизни и смерти его державы, не проявил ни твердости правителя, ни способностей стратега.

На высшем военном совете, созванном хорезмшахом накануне монгольского вторжения, видный деятель государства Хорезмшахов Шихаб ад-Дин Абу Са'д ибн Имран ал-Хиваки, с мнением которого хорезмшах считался, предложил ему собрать все его многочисленные войска (400 тысяч!) на берегу Сырдарьи и напасть на уставших от длительного перехода монголов. Однако хорезмшах отклонил это разумное предложение. Предлагался второй вариант противодействия монголам: дать неприятелю возможность вступить в Мавераннахр, а затем, пользуясь знанием местности, разбить его. План был предложен сыном хорезмшаха Джалал ад-Дином Манкбурны, который обосновал его тем, что это позволит защищать Хорасан и Ирак на дальних подступах к ним.

Был предложен вариант, по которому предполагалось оставить Мавераннахр врагу, а самим занять горные проходы и теснины и разбить монголов, как только они устремятся в эти места. Те, кто предлагал этот вариант, видимо, полагали, что военачальники Чингиз-хана неспособны провести войска по чужой территории, что они ничего не знают о тех местах, где предполагали вести военные действия, и что они не найдут здесь никого, кто мог бы служить им проводниками⁵¹ (чтобы показать, насколько ошибочно было это мнение, достаточно упомянуть о десятках и сотнях купцов-мусульман из Хорезма и Мавераннахра, которые находились на службе у Чингиз-хана, и о многочисленных осведомителях и шпионах монголов во всех уголках владений хорезмшаха).

Обсуждался на военном совете и план, по которому предполагалось отступить в сторону Газны и организовать сопротивление там, а если это не удастся, то отойти в Индию и там вести войну с монголами⁵².

Однако хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад отклонил все предложенные на военном совете планы действий против монголов и принял такое решение: надо оборонять Мавераннахр, но не принимать генерального сражения с монголами, а предоставить каждому городу возможность обороняться и сражаться с монголами самостоятельно. В связи с этим хорезмшах приказал взыскать с населения тройной харадж за 616 г. х. (19 марта 1219 г. - 7 марта 1220 г.). Ан-Насави говорит, что хорезмшах в преддверии монгольского нашествия совершил одну за другой три непоправимые ошибки. Первая заключалась в том, что "он задумал построить вокруг Самарканда стену по

размерам города. Стена должна была иметь в окружности двенадцать фарсахов". Для постройки этой стены было приказано взыскать с населения харадж за 616 г. х. вторично. Налог этот был взыскан в кратчайший срок, однако монголы своим вторжением сорвали этот план, и на строительство стены и укреплений Самарканда эти деньги так и не были израсходованы⁵³. А сам хорезмшах, осматривая вырытый вокруг Самарканда ров, сказал: "Если каждый воин из той армии, что выступит против нас, бросит в этот ров свою плеть, то ров заполнится". Воины и население пришли от этих слов в уныние⁵⁴.

Третий раз харадж за 616 г. х. с населения был взыскан для набора рекрутов-лучников в полном снаряжении. "Число воинов каждой области должно было соответствовать большему или меньшему количеству собранных в ней денег, и каждый рекрут должен был иметь верхового верблюда, чтобы перевозить на нем также свое оружие и провизию. Набор рекрутов был произведен так быстро, как только это было возможно"⁵⁵.

Однако, когда рекруты были еще в пути, прошел слух, что хорезмшах бежал, бросив страну на произвол судьбы.

Это была вторая роковая ошибка хорезмшаха. Как пишет тот же историк, "если бы хорезмшах дождался прибытия рекрутов, у него оказалось бы несметное число воинов"⁵⁶.

Третья роковая ошибка хорезмшаха заключалась в том, что он принял пагубное решение разослать свои войска по городам Мавераннахра и Туркестана. Это обстоятельство привело к тому, что монголы быстро расправились с отдельными гарнизонами и за короткое время оккупировали весь Мавераннахр⁵⁷.

Первый удар в сентябре 1219 г. монголы нанесли по Отрару. Здесь наместником хорезмшаха был уже известный нам Инал-хан, с которым у Чингиз-хана были особые счеты. Гарнизон города составляли 50 тыс. человек под командованием хаджиба Караджи⁵⁸. Город был хорошо укреплен, и, когда Чингиз-хан понял, что осада Отрара будет долгой, он оставил под городом часть войск под началом своих сыновей Чагатая и Угедея. После этого он разбил главные силы своей армии на три части: одну, под командованием старшего сына, Джочи, он направил на покорение Дженда и Барджинлик-кенда, лежащих к северу от Отрара; другую — под командованием Улакнойана и Сюкетю Черби послал на захват Бенакета и Ходженда, — к югу от Отрара; сам же вместе с сыном Толи и знаменитыми Джэбе и Сюбетеем вторгся в Мавераннахр и двинулся на Бухару.

Таким образом, Чингиз-хан не стал отвлекать большие силы на осаду Отрара, а, расположив их веером, направил войска на север, запад и юг, атаковав одновременно многие опорные пункты и крепости хорезмийцев. Главной же его целью был захват Бухары и Самарканда — двух самых важных центров Мавераннахра, о состоянии которых Чингиз-хан был прекрасно осведомлен.

Согласно источникам, осада Отрара продолжалась пять месяцев⁵⁹. За время осады большие потери понесли не только осажденные, но и монголы. Но, чем дольше длилось героическое сопротивление гарнизона Отрара, тем труднее становилось его положение, так как помощи ждать было неоткуда, ряды воинов поредели и очень скоро стала сказываться нехватка продовольствия. Жители, да и воины, теряли надежду на спасение. В самый тяжкий момент осады хаджиб Караджа предложил Инал-хану прекратить сопротивление и сдать Отрар монголам. Однако Инал-хан отверг эту мысль и объявил о своем решении сражаться до конца, ибо знал, что вся тяжесть вины за все несчастья лежит на нем и монголы не оставят его в живых. Тогда Караджа самовольно покинул осажденный город и вместе со своими войсками сдался монголам. Измена Караджи позволила монголам ворваться через ворота Суфи-хана в Отрар. Инал-хан с 20 тыс. воинов заперся в цитадели и сопротивлялся монголам еще месяц. Он был схвачен и предан мучительной казни только после гибели всех его воинов.

Что же касается хаджиба Караджи, то, когда его привели к сыновьям Чингиз-хана, те сказали: "Ты оказался вероломным по отношению к своему собственному господину (хорезмшаху), несмотря на то, что он одаривал тебя в прошлом благосклонностью и мог требовать от тебя благодарности. Поэтому мы не можем рассчитывать на твою преданность". И Караджа был казнен вместе с теми, кого он увел из осажденного города. После взятия Отрара в феврале 1220 г. его цитадель была разрушена; что же касается оставшихся в живых жителей города, то, отделив ремесленников, монголы стали использовать остальных при осаде других городов государства Хорезмшахов как передовое прикрытие для своих наступающих войск⁶⁰.

Как только сыновья Чингиз-хана захватили Отрар, к нему прибыл бывший наместник везира хорезмшаха в Отраре Бадр ад-Дин ал-Амид, который перешел на сторону монголов еще до падения Отрара. Отец Бадр ад-Дина и многие его родственники принадлежали к враждебной хорезмшаху части духовенства и были казнены Ала ад-Дином Мухаммедом после захвата им земель Отрарского владения.

Бадр ад-Дин сказал Чингиз-хану: "Пусть хан знает, что султан в моих глазах — самое ненавистное из творений Аллаха, потому что он погубил многих из моих родичей. Ставлю тебя в известность, что султан еще велик и могуществен. Пусть не вводит тебя в заблуждение то, что он рассеял свои войска. При нем еще есть многочисленная армия, и он не нуждается в другом войске. А если бы он захотел, то собрал бы с просторов и обширных пространств своего государства еще вдвое больше этого. Я хочу предложить тебе одно средство, чтобы вызвать в нем недоверие к его военачальникам"⁶¹.

Чингиз-хан умело воспользовался предложением Бадр ад-Дина ал-Амида. Зная о натянутых отношениях между хорезмшахом и его матерью и эмирами из ее рода и племени, Чингиз-хан давно понял, что хорезмшаху никогда не удастся собрать свои многочисленные войска воедино, а если бы это и случилось, то, как верно заметил В. В. Бартольд, в случае победы над монголами "эта внушительная сила немедленно направилась бы против своего султана и его династии"⁶².

Бадр ад-Дину ал-Амиду было поручено состряпать письма от имени эмиров, родственников Теркен-хатун, в адрес Чингиз-хана. В письмах говорилось: "Мы с нашими племенами и теми, кто ищет у нас убежища, пришли из страны тюрок к хорезмшаху, желая служить его матери. И мы помогли ему против всех правителей земли, пока он не завладел ею, пока ему не покорились властелины и не подчинились подданные. И вот теперь изменилось его намерение в отношении прав его матери: он ведет себя заносчиво и непочтительно. Поэтому она приказывает оставить его без помощи. А мы находимся в ожидании твоего прихода, чтобы следовать твоей воле и твоему желанию"⁶³.

Через своего агента Чингиз-хан распространил эти письма, и когда о них узнал хорезмшах, то, как сообщает историк, "у него потемнело в глазах, а затем ослабла его решимость, так как полученные им сведения об измене касались тех, на кого он рассчитывал". И хорезмшах, поддавшись на эту провокацию Чингиз-хана, с еще большей настойчивостью стал разобщать свои огромные войсковые соединения, ускоряя тем самым гибель своего государства.

В это время войска монголов под командованием Джочи, действовавшие в нижнем течении Сырдарьи, подошли к городу Сыгнаку⁶⁴. Джочи послал к жителям города находившегося на службе у монголов купца Хасана-хаджи, который предложил жителям Сыгнака покориться и сдать город монголам. Однако сыгнакцы отвергли предложение посла и с возгласами "Аллах велик!" убили Хасана-хаджи и оказали монголам упорное сопротивление. Семь дней сражались сыгнакцы, но силы были неравны, и, взяв город, монголы жестоко расправились с его жителями — все они были перебиты⁶⁵. Затем войска Джочи атаковали и взяли Узкед, Барджинлиг-кенд⁶⁶ и Ашнас⁶⁷.

Погловное истребление монголами гарнизонов и жителей городов, оказывавших сопротивление завоевателям, должно было вселить ужас в души жителей окрестных населенных пунктов и воинов, оборонявших их. И действительно, страх перед монголами был настолько велик, что такой большой и укрепленный город, как Дженд, был брошен на произвол судьбы наместником хорезмшаха и командующим 10-тысячной армией *амир-амираном* Кутлуг-ханом, которому была поручена оборона Дженда, Шахкенда и Яркенда⁶⁸.

Кутлуг-хан изменил своему долгу и, покинув ночью Дженд, вместе со своими воинами переправился через Сырдарью и ушел в Хорезм. Узнав об этом, Джочи отправил в Дженд одного из своих военачальников, Чин-Темюра, который призвал жителей повиноваться монголам и не препятствовать им ни в чем. Когда жители, предоставленные самим себе, подняли шум и стали проявлять недовольство, Чин-Темюр напомнил им судьбу Сыгнака и убийство Хасана-хаджи и обещал жителям Дженда безопасность.

4 сафара 616 г. х. (21 апреля 1219 г.) Дженд был взят монголами без боя. Всех жителей выгнали из города и девять дней держали в поле, а за это время монголы полностью разграбили город. Наместником монголов в Дженде и его округе был назначен некий Али-ходжа⁶⁹.

Часть монгольских войск под командованием Алак-нойана, Сюкетю Черби и Такая, действовавших вверх по течению Сырдарьи, подошла к городу Бенакету, гарнизон которого состоял из тюрок племени Канглы под командованием Илетгю-Малика. Тюрки эти сопротивлялись 5-тысячному отряду монголов три дня, после чего Илетгю-Малик запросил у монголов аман. Выгнав жителей из города, монголы предали мечу часть воинов гарнизона, а затем отделили ремесленников и мастеровых и отправили оставшихся молодых людей на осадные работы. Бенакет, как и другие города, был монголами разграблен⁷⁰.

Покончив с Бенакетом, монголы двинулись на Ходженд. В составе их войск было 20 тыс. самих монголов и 50 тыс. согнанных с захваченных территорий местных жителей (*хашар*)⁷¹. Они были разбиты на десятки, сотни и тысячи, которыми командовали монголы. Кроме осадных работ и доставки снаряжения эти люди выполняли роль прикрытия основных сил монголов на самых

тяжелых участках сражений или действовали в авангарде и, естественно, в большинстве своем гибли, как от стрел и копий обороняющихся, так и под копытами монгольских коней. С теми, кто пытался спастись, монголы жестоко расправлялись⁷².

Оборону Ходженда возглавлял один из самых храбрых военачальников государства Хорезмшахов Дамир (Темюр)-Малик. Видя, что сопротивление 70-тысячному войску монголов — дело безнадежное, Дамир-Малик оставил город и с тысячей храбрецов укрепился на острове посреди Сырдарьи. Крепость эта была недостижима для стрел и снарядов катапульта. Монголы решили взять эту островную цитадель во что бы то ни стало. Поэтому они приказали ополченцам таскать с гор каменные блоки и сбрасывать их в реку, с тем чтобы перегордить ее плотиной. Тогда Дамир-Малик построил 12 барж, обтянул их войлоком, обмазанным глиной и пропитанным уксусом, благодаря чему баржи стали неуязвимы для стрел и зажигательных средств. Каждую ночь Дамир-Малик со своими воинами подплывал к плотине, разрушал ее и наносил монголам большие потери.

Однако для длительного сопротивления у Дамир-Малика не было ни сил, ни оружия. Поэтому он погрузил своих людей на 70 лодок, захватив с собой коней, оружие и припасы, и ночью уплыл вниз по течению Сырдарьи. Монголы бросились преследовать отряд Дамир-Малика по обоим берегам реки. Несмотря на большие потери от стрел, Дамир-Малик сам высаживал десанты и отражал атаки монгольских отрядов. Так его флотилия добралась до Бенакета, где монголы перебросили через реку железную цепь с целью задержать лодки Дамир-Малика. Однако, прорвав цепь, Дамир-Малик проследовал по реке через Отрар, Сыгнак и Дженд. Только на подходе к Барджинлиг-кенду флотилия Дамир-Малика была остановлена понтонным мостом, построенным монголами из лодок. На понтоне стояли катапульты, а по обоим берегам реки стояли наготове монгольские части.

Но Дамир-Малик не пошел на сближение с этой опасной преградой. Он приказал своим воинам выйти на берег, не доплыв до нее. Преследуемый монголами, Дамир-Малик, которому знаменитый Рустам, по словам Джувейни, не годился бы и в слуги, много дней отбивался от врагов. В конце концов он остался один на один с тремя преследовавшими его монголами. Одного из них он смертельно ранил, а двум другим крикнул: "У меня осталось две стрелы. Мне жаль их тратить, но их достаточно для вас обоих. Вам лучше повернуть назад и таким образом спасти ваши жизни!". Оба монгола отступили, и Дамир-Малик благополучно добрался до Гурганджа, где присоединился к защитникам города⁷³.

В это время центральная группа монгольских войск под водительством самого Чингизхана, его сына Толи, Джэбе-нойана и Сюбетей-Бахадура ускоренным маршем двигалась от берегов Сырдарьи, через пустыню Кызылкум, на Бухару. Следуя вдоль дороги на Бухару, монголы на рассвете вышли к городку Зарнук. Монголы отправили к жителям Зарнука одного из верных слуг Чингизхана хаджиба Данишманда с предложением о немедленной сдаче. Хаджиб сообщил зарнукцам, что у городка находится сам Чингизхан с огромным войском и его гарнизону нет смысла сопротивляться, ибо это повлечет за собой гибель всех его жителей. Хаджиб Данишманд объявил жителям Зарнука, что он принял на себя миссию посла монголов только из-за сострадания к своим единоверцам-мусульманам. Вняв увещаниям хаджиба, жители Зарнука направили к Чингизхану группу авторитетных горожан, и Чингизхан действительно пощадил жителей городка: их вывели за городские стены, отобрали молодых в хашар, а остальных отпустили домой, предварительно разрушив городскую цитадель.

Довольный, что Зарнук был взят без потерь, Чингизхан переименовал городок, назвав его Кутлуг-Балык ("Счастливый город")⁷⁴.

Взяв в Зарнуке нескольких проводников, Чингизхан повел свои войска на Бухару по самой короткой дороге, и вскоре они вышли к городку Нур-и Бухара. И здесь монголы направили к жителям человека с предложением сдаться без боя. Хотя часть горожан была готова к сопротивлению, все же осторожность взяла верх, и нурцы отправили своих послов к Чингизхану с изъявлением покорности. Жители Нура не пострадали, в хашар забрали только 600 молодых людей.

Чингизхан не причинил Нуру вреда, ограничившись данью в 1500 динаров (такую сумму Нур ежегодно выплачивал в казну хорезмшаха). Половина этой суммы была оплачена серьгами женщин Нура, что свидетельствует о том, что монголы не подвергали Нур разграблению⁷⁵.

Первого числа месяца зу-л-хиджжа 616 г. х. (7 февраля 1220 г.)⁷⁶ войска монголов осадили "Купол ислама в восточных странах и Город мира этих стран, Мать всех городов мусульман" Бухару.

На оборону Бухары хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад выделил 30 тыс. воинов под командованием эмира Ихтийар ад-Дина Кушлу и хаджиба Огула Инанч-хана⁷⁷. Осадные бои у стен Бухары продолжались непрерывно трое суток, причем в самые тяжелые места сражений монголы

бросали согнанных сюда жителей Отрара и других городов. Кто знает, сколько времени еще продлилась бы оборона Бухары, но, как пишет историк, "когда эмир-ахур Кушлу и находившиеся с ним сподвижники султана увидели, что Бухара близка к падению, они, обсудив дело между собой, решили заменить силой решимости позор поражения. Они сошлись на том, что выступят все как один и начнут атаку, чтобы избавиться от петли и спастись от тяжести гнета. Так они и поступили, и вышли, и если бы Аллах пожелал, то имели бы успех"⁷⁸.

Натиск войск Бухары оказался настолько мощным и неожиданным, что монголы поспешно отошли и даже обратились в бегство. И если бы бухарские войска продолжали свои наступательные действия, то они, несомненно разбили бы монголов и заставили бы их уйти от Бухары. Но эмиры хорезмшаха, разбив монголов в первой атаке, и не подумали о том, чтобы закрепить этот успех, но, пробив в рядах монголов брешь, бросились наутек, думая только о своем спасении. Такое решение эмира Кушлу и его соратников изумило монголов, которые, оправившись от неожиданного удара, бросились в погоню, перерезали бухарцам пути к отступлению и перебили почти всех, кроме Кушлу и небольшого отряда, которым удалось спастись. "А из вещей, оружия, рабов и снаряжения монголы захватили столько, что сами стали богаты, а их выюки тяжелы"⁷⁹.

Когда жители Бухары увидели, что войска, предназначенные для обороны города, позорно бежали и почти все уничтожены, им ничего не оставалось, как сдаться на милость монголов. К Чингиз-хану была послана делегация горожан во главе с кади Бадр ад-Дином Кади-ханом, и 4 зул-хиджжа 616 г. х. (10 февраля 1220 г.) монголы вошли в Бухару⁸⁰. Часть горожан и воинов (по Ибн ал-Асиру, 400 человек) укрылась в цитадели и сопротивлялась еще 12 дней.

Это обстоятельство настолько обозлило монголов, что они после падения цитадели перебили всех ее защитников. А когда духовные авторитеты Бухары стали протестовать против разрушения мечетей и зверских расправ с населением, по приказу Чингиз-хана были казнены имам Рукн ад-Дин Имамзада, его сын кади Садр ад-Дин и другие видные религиозные деятели⁸¹. После конфискации имущества и денег у горожан всем им было приказано в одной одежде выйти из города. Мужчины были взяты монголами во вспомогательные войска для штурма Самарканда, а женщины поделены между монгольскими воинами. После всего этого Бухару сожгли дотла. Бухара — важный торгово-ремесленный и крупнейший культурный центр не только Средней Азии, но и всего мусульманского мира, давший странам мусульманского Востока большое число ученых, — была уничтожена и предстала перед взором путника грудой развалин. Те из бухарцев, кто спасся от смерти, разбрелись по городам и селениям, которые избежали разрушения⁸².

После захвата монголами Бухары хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад потерял остатки своей решимости и воли к сопротивлению. Видя, что некогда грозный и могущественный владыка стал жалким и ничтожным, его стали покидать даже самые надежные его воины, которыми командовали его племянники (по матери), и переходить на сторону монголов. В числе перебежчиков оказались также владетель Кундуза Ала ад-Дин, владетель Балха эмир Мах Руи и другие знатные лица⁸³.

Покончив с Бухарой, Чингиз-хан повел войска на штурм Самарканда — второй столицы государства. Как уже отмечалось, хорезмшах уделял этому городу особое внимание и заботу. Гарнизон города состоял из 110 тыс. воинов, из них 60 тыс. составляли тюрки, гурцы, халаджи и хорасанцы, которыми командовали брат Теркен-хатун Тагай-хан, эмиры Барыш-мазхан, Сарсыг-хан, Улаг-хан, Алп-Эрхан, Шейх-хан, Бала-хан и др. Во главе гурцев стояли эмиры Хурмандж, Хурзур, Хусам ад-Дин Мас'уд и др. Местные хорезмийские войска составляли 50 тыс. воинов. Кроме того, в Самарканде имелось 20 боевых слонов⁸⁴.

Во время осады Чингиз-хан прибегнул к военной хитрости. Он послал на осаду города только незначительную часть войск, а главные силы укрыл в засадах. Эмиры Самарканда поддались на эту уловку и, полагая, что монголов не так уж много, вывели из города большую часть своих воинов. Монголы создали видимость отступления, и самаркандские войска стали преследовать их. В заранее определенном месте они были окружены, и в течение нескольких часов все было кончено: монголы изрубили огромное число воинов Самарканда⁸⁵.

Оставшиеся защитники города и жители пришли в ужас от случившегося, и их решимость к дальнейшему сопротивлению была сломлена, тем более что монголы согнали к Самарканду огромное количество пленных, построив их в свои боевые порядки — сотни и тысячи, вручив каждому подразделению по знамени.

Вторая вылазка защитников Самарканда, которые вывели боевых слонов, также оказалась неудачной⁸⁶. После этого монголы еще более усилили натиск, обстреливая город из катапульт и засыпая его стрелами. Среди защитников Самарканда началась паника, и, в конце концов к Чингиз-хану была отправлена делегация во главе с кади города, шейх ал-исламом и другими влия-

тельными лицами, которые находились в оппозиции к хорезмшаху еще со времени уничтожения им местной династии караханидских султанов.

Кади города и шейх ал-ислам объявили Чингиз-хану, что они готовы открыть ворота Самарканда и сдать его монголам. Монголы ворвались в город и сразу же приступили к разрушению его укреплений. За два дня они сровняли их с землей, а на третий день приступили к кровавой расправе над защитниками Самарканда.

В первую очередь были разоружены и перебиты тюрки, а их жены и имущество распределены среди монгольских воинов. Всего было перебито 30 тыс. тюрок канглы вместе с 20 их эмирами, имена которых Чингиз-хан перечислил в ярлыке на имя Рукн ад-Дина Карта⁸⁷. За исключением кади, шейх ал-ислама, их приверженцев и родственников (более 50 тыс. человек), большая часть населения Самарканда была угнана на осадные работы. Почти все ремесленники города (30 тыс. человек) были уведены монголами в плен. Оставшимся в живых горожанам монголы разрешили вернуться в город при условии выплаты 200 тыс. динаров выкупа "за свои души". Эту сумму было поручено взыскать с населения бывшим придворным хорезмшаха Сикат ал-Мулку и эмиру Амиду Бузургу, сдавшимся монголам, а также шихне монголов в городе Тайфуру⁸⁸. Самарканд был взят монголами 10 мухаррама 617 г. х. (17 марта 1220 г.)⁸⁹.

Таким образом, за короткий период (всего за сто с небольшим дней) Чингиз-хану удалось без особых усилий сокрушить могущественное государство Хорезмшахов: самые мощные укрепления были взяты или разрушены, захвачены самые населенные города, разгромлена по частям самая многочисленная и хорошо вооруженная армия того времени. Для достижения полной победы Чингиз-хану нужно было осуществить две задачи.

Первая — настичь и взять в плен хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда, не дав ему возможности задержаться где-либо и собрать силы, способные оказать сопротивление. Для этой цели Чингиз-хан отрядил 20-тысячное отборное войско под командованием Джэбе и Сюбетея, приказав им днем и ночью преследовать хорезмшаха, схватить его и доставить к нему⁹⁰.

Таким образом, цель, которую поставил Чингиз-хан, действовавший по совету наместника везира хорезмшаха в Отраре Бадр ад-Дина ал-Амида: используя соперничество за высшую власть в державе хорезмшахов, при помощи подметных писем и слухов разобщить силы государства и от имени матери Ала ад-Дина Мухаммеда Теркен-хатун приказать всем влиятельным лицам и эмирам "оставить султана без помощи" — была достигнута.

Узнав о том, что монголы после захвата Отрара и других городов и крепостей на берегах Сырдарьи двинули свои войска на Бухару, а затем и взяли ее, хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад покинул пределы Мавераннахра. Его бегство было настолько поспешным, что он пренебрег даже доставленным к моменту его перехода через Амударью золотом Кермана в количестве 70 вьюков. Эти вьюки были затоплены в реке нераспечатанными "вместе с сокровищами из вывезенной казны хорезмшаха, имевшими еще большую ценность"⁹¹.

Страх перед монголами овладел хорезмшахом, и он, вместо того чтобы трезво оценить события, бездумно следовал любым советам своих приближенных, не пытаясь использовать какие-либо возможности для защиты своих владений. Например, когда хорезмшах уходил от берегов Амударьи, его везир Имад ал-Мулк Мухаммад ас-Сави посоветовал ему оставить Хорасан и отправиться в Ирак, где он может "собрать столько людей, что сумеет заделать брешь и залечить свои раны"⁹².

Впоследствии историк последних хорезмшахов правильно оценил эти советы везира, называя их ложными и обманчивыми. Ан-Насави говорит, что, оставив Хорасан, в котором было много войск, хорезмшах совершил еще одну непоправимую ошибку.

На пути в Ирак хорезмшаха пытались убить его спутники — родственники Теркен-хатун из племени Уран. Однако он был предупрежден и бежал в Нишапур с несколькими телохранителями⁹³. В Нишапур хорезмшах прибыл 12 сафара 617 г. х. (18 апреля 1220)⁹⁴. Здесь он оставался "только несколько часов из-за страха, засевшего в его сердце, и боязни, обосновавшейся в его душе"⁹⁵. Узнав о приближении преследовавших его монгольских отрядов и обуреваемый страхом, хорезмшах покинул Нишапур и добрался до Бистама. В Бистаме он поручил одному из своих вакилдаров эмиру Тадж ад-Дину Умару ал-Бистами отвезти в неприступную крепость Ардахн, расположенную в горах между Демавендом и Мазандараном, десять сундков с драгоценными камнями. Стоимость содержимого только двух сундуков равнялась "хараджу всей земли". Сундуки впоследствии попали в руки монголов и были отправлены Чингиз-хану⁹⁶.

Покинув Бистам, хорезмшах, преследуемый отрядами Джэбе и Сюбетея, метался от одного города к другому и от одной крепости к другой, но везде встречал холодный прием у местных владетелей, которых Чингиз-хан предостерег письмами. Близ крепости Фарразин хорезмшах встретил своего сына Рукн ад-Дина Гурсанджти с 30-тысячной армией. Отсюда они направились к кре-

пости Карун (на одноименной горе, между Реем и Табаристаном), где хорезмшах оставил часть своего гарема. Затем он добрался до крепости Сар-Джахан, в Гиляне, где оставался семь дней, а затем у селения Дабуей, близ Амуля, вышел к Каспийскому морю⁹⁷.

Когда монголы вышли к побережью Каспия, хорезмшах сел на корабль и отплыл от берега. Монголы бросились в воду, но судну удалось уйти. Хорезмшах высадился на острове Ашур-Ада, неподалеку от устья реки Гурган и порта Абаскун. Вскоре хорезмшах заболел от горя и лишений. Горько сетуя на судьбу, хорезмшах говорил: "Из всех областей земли, которыми владели, не осталось у нас даже и двух локтей, чтобы выкопать себе могилу"⁹⁸. Перед смертью хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед отменил принятое под давлением матери решение о назначении престолонаследником Кутб ад-Дина Узлаг-шаха. Узнав, что Теркен-хатун попала в плен, хорезмшах вызвал к себе старшего сына Джалал ад-Дина и двух других сыновей — Узлаг-шаха и Ак-шаха и сказал им: "Узы власти порвались, устои державы ослаблены и разрушены. Стало ясно, какие цели у этого врага: его когти и зубы крепко вцепились в страну. Отомстить за меня может лишь мой сын Менкбурны. И вот я назначаю его наследником престола"⁹⁹.

Хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед умер в шаввале 617 г. х. (декабрь 1220 г.) и был похоронен на острове. У некогда величайшего владыки мира "не было даже савана, в который его можно было бы завернуть"¹⁰⁰.

По приказу Джалал ад-Дина Манкбурны останки его отца хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда были перевезены в крепость Ардахн, чтобы затем перезахоронить их в Исфахане, в медресе, построенном в память хорезмшаха. Когда ан-Насави, *муниш* султана Джалал ад-Дина, писал об этом грамоту на имя бывшего постельничего хорезмшаха Мукарраб ад-Дина, он выразил ему свои опасения в связи с переносом останков с острова.

Зная, что монголы выкапывали и сжигали останки всех владык земель, которые они захватывали, ан-Насави не советовал переносить останки хорезмшаха, но его не послушали. И когда монголы взяли крепость Ардахн, они извлекли останки хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда и отправили их каану Огедею, который приказал их сжечь¹⁰¹.

Так бесславно закончил жизнь "величайший владыка вселенной хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед, владевший землями кара-хитаев, Мавераннахром, Хорезмом, Исфаханом, Мазандараном, Керманом, Мекраном, Кешем, Газной, Гуром, Бемйаном, Отраром, Азербайджаном, Арраном, Ираком, Сиджистаном, Фарсом, Табаристаном и Джурджаном. Владения его простирались до Индии, страны тюрков и Китая. *Хутба* с его именем читалась с минбаров Дербенда и Ширвана, Хорасана и других земель и городов"¹⁰².

Источники передают, что хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед владел несметными богатствами: в руки монголов попало 10 млн. динаров и 1000 вьюков атласа и других дорогих тканей, 30 тыс. коней и мулов и масса другого добра¹⁰³.

Второй, не менее важной задачей, которую Чингиз-хан поставил перед своей армией, был захват столицы государства Хорезмшахов города Гурганджа¹⁰⁴.

Для того чтобы овладеть Гурганджем без задержки и сохранить силы для дальнейших действий, Чингиз-хан отправил к находившейся в столице матери хорезмшаха Теркен-хатун *хаджиба* Данишменда, который передал ей следующее послание Чингиз-хана: "Тебе известно, как неблагородно поступил твой сын в отношении твоих прав. Вот теперь, в согласии с некоторыми из его эмиров, я выступаю против него, но я не стану нападать на то, чем владеешь ты. Если ты принимаешь это, то пришли ко мне кого-нибудь, кто подтвердит тебе, что я верен своему слову, а затем тебе будут отданы Хорезм, Хорасан и то, что соседствует с ними по ту сторону Джейхуна"¹⁰⁵.

Теркен-хатун могла организовать оборону Гурганджа и оказать монголам сопротивление, так как Гургандж был достаточно укреплен для этого, кроме того, что еще важнее, жители Гургандже отличались храбростью и военной выучкой, что испытал на себе еще султан Шихаб ад-Дин ал-Гури в 1204 г.

Однако прибытие в Гургандж посла Чингиз-хана *хаджиба* Данишманда и весть о бегстве ее сына хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда на запад подорвали стойкость и решимость Теркен-хатун. Захватив с собой жен и детей хорезмшаха, его казну и все ценное, Теркен-хатун покинула город.

Оставляя Гургандж, Теркен-хатун приказала умертвить всех находившихся в столице пленных султанов, владетелей и их сыновей — всего 26 человек. Их утопили в Амударье¹⁰⁶. Этот позорный поступок отвратил от нее многих людей в Гургандже, и она выехала из столицы только со своей челядью и в сопровождении везира Мухаммада ибн Селиха и сына владетеля Языра Умар-хана, который хорошо знал окрестные дороги.

Теркен-хатун оказалась неблагодарной к своему именитому проводнику, приказав убить его, как только ее караван достиг крепости Илал в Мазандаране¹⁰⁷.

Четыре месяца монголы осаждали крепость. Они возвели вокруг нее стены и устроили в ней ворота, которые на ночь запирали, отрезав ее от внешнего мира. Однако неизвестно, сколько продлилась бы осада Илала, так как крепость была неприступна и в ней хранились большие запасы оружия и продовольствия. Монголам помог редчайший для этой местности случай. В этих местах частые и обильные дожди — явление обычное. Но на протяжении всей осады здесь не выпало ни капли дождя, и ливень обрушился на крепость лишь в тот момент, когда мучимая жаждой Теркен-хатун приказала открыть ворота крепости и сдаться монголам. Ан-Насави пишет: "В момент, когда она выходила из крепости, поток воды устремился в ее (крепости) ворота, и в этот день все водоемы были переполнены"¹⁰⁸.

Теркен-хатун, весь гарем и дети хорезмшаха попали в плен. Дети хорезмшаха были убиты, а женщины были отданы в жены близким Чингиз-хана¹⁰⁹. Сама Теркен-хатун была отправлена в ставку Чингиз-хана. Перед отъездом в Каракорум Теркен-хатун и женам хорезмшаха было приказано "выйти вперед и громко оплакивать государство хорезмшаха, пока монгольские войска не пройдут перед ними"¹¹⁰.

Один из придворных хорезмшаха *хадим* Бадр ад-Дин Хилал, бежавший из монгольского плена, рассказывал султану Джалал ад-Дину о Теркен-хатун следующее: "Я сказал ей: "Давай убежим к Джалал ад-Дину, сыну твоего сына и сокровищу твоего сердца. Ведь до нас часто доходят вести о его силе, могуществе и обширности его страны". Она сказала: "Прочь, пропади он во все! Как я могу опуститься до того, чтобы быть зависимой от милости сына Ай-Чичек — так звали мать Джалал ад-Дина — и находиться под его покровительством! Даже плен у Чингиз-хана и мое нынешнее унижение и позор для меня лучше, чем это!"¹¹¹.

Положение Теркен-хатун в плену было самым бедственным, и она кормилась объедками от трапезы Чингиз-хана. *Худаванд-и джахан* Теркен-хатун, любое распоряжение которой некогда исполнялось беспрекословно, умерла в нищете в 630/1233 г.¹¹².

А Гургандж, покинутый его владычицей и хозяйкой Теркен-хатун, пребывал в тревоге и волнении, и не было никого, кто бы взял на себя ответственность за дальнейшую судьбу столицы. И в связи с тем, что Теркен-хатун не оставила в городе никого, "кто мог бы упорядочить дела и управлять народом"¹¹³, власть в Гургандже взял в свои руки авантюрист Али Кух-и Даруган¹¹⁴, который внес в жизнь города еще большую сумятицу и беспорядок. В Гургандже начались междоусобицы, грабежи и захват имущества не только горожан, но и городского дивана. Помощники Али Кух-и Даругана, взыскивая с населения налоги, большую часть их присваивали.

Через некоторое время в Гургандж возвратились высокие чины государственного дивана *мушириф* Имад ад-Дин и Шараф ад-Дин Кепек, которые, составив от имени умершего хорезмшаха поддельные письма-доверенности, отстранили Али Кух-и Даругана, прибрали доходы городского дивана к своим рукам и установили в столице видимость порядка¹¹⁵.

Вскоре в Гургандж прибыли хорезмшах и султан Джалал ад-Дин Манкбурны и его братья Узлаг-шах и Ак-шах. Однако сторонники бывшего престолонаследника Узлаг-шаха не признали за Джалал ад-Дином прав на престол государства. Эмиры из числа родственников Теркен-хатун, несмотря на противодействие почти всего населения Гурганджа, ставшего на сторону Джалал ад-Дина, не повиновались новому хорезмшаху и, устроив пышную церемонию, объявили султаном брата Теркен-хатун Хумар-Тегина¹¹⁶. Под командованием Хумар-Тегина и эмиров хаджиба Огула, Шейх-хана, Эр-Буга Пехлевана и Кутлуг-хана находилось 90 тыс. воинов-тюрок¹¹⁷. Эмиры эти составили против хорезмшаха Джалал ад-Дина заговор, однако предупрежденному хорезмшаху удалось спастись, и он покинул Гургандж с тремястами воинов под командованием героя обороны Ходженда Дамир-Малика. Спустя три дня, узнав о приближении монголов, Узлаг-шах и Ак-шах покинули Гургандж¹¹⁸.

Едва сыновья Ала ад-Дина покинули город, в пределы Хорезма вторглись передовые отряды монголов. Эти войска остановились поодаль от Гурганджа и начали подготовку к его осаде. Вскоре прибыли отряды под командованием Баичу-нойана, а затем подошли основные силы монгольских войск во главе с сыновьями Чингиз-хана Огедеем и Чагатаем и нойанами Толан-Черби, Устуном и Каданом — всего более 100 тыс. человек¹¹⁹.

При осаде Гурганджа монголы применили самые совершенные по тому времени средства: катапульты (*манджаник*), "черепахи" (*матарис*) и осадные машины (*даббабат*). Из-за отсутствия камней в Хорезме монголы вырубали вокруг тутовые деревья и, вырезая из стволов кругляши, мочили их в воде, после чего эти снаряды становились тяжелыми и твердыми, как камень.

Решимость и упорство всего населения Гурганджа подавляли все попытки монголов взять город штурмом, и тогда монголы применили против защитников Гурганджа ту же тактику, что в Самарканде. Они оставили часть войск в засадах и начали боевые действия малым числом воинов. Когда эти отряды появились под стенами Гурганджа, "некоторые недалёковидные люди возрадо-

вались и решили, что прибывших врагов так мало и что они отважились на этот дерзкий выпад ради забавы"¹²⁰. Из города выступили многочисленные конные и пешие отряды и стали преследовать "отступавших" монголов. У расположенных близ Гурганджа садов Баг-и Хуррам на воинов Гурганджа из засады набросились воины Бугурджи-нойана, окружили и перебили около тысячи человек¹²¹. Примерно двум тысячам воинов Гурганджа под командованием хаджиба Огула удалось вырваться из окружения и бежать в Хорасан¹²². Преследуя остатки хорезмийцев, монголы сумели пробиться через ворота Кабилан за внешнюю стену Гурганджа, но были встречены таким отпором, организованным не только воинами, но и жителями — мужчинами и женщинами, что к вечеру полностью были изгнаны за пределы города, хотя и добрались было до *махаллы* Танура.

На следующий день монголы вновь попытались через поврежденные ворота Кабилан прорваться в город, но были отбиты воинами отряда эмира Фаридуна Гури, охранявшими эти ворота¹²³.

Осада Гурганджа затянулась, и монгольские военачальники, в том числе и сыновья Чингиз-хана, не могли найти выхода из создавшегося положения, пока к Гурганджу не прибыл со своими войсками третий, старший сын Чингиз-хана Джочи. Джочи, которому был обещан его отцом весь Мавераннахр в качестве надела, стремился завладеть таким богатым городом, как Гургандж, не подвергнув его разрушению. Поэтому он направил к жителям города своих людей с посланием, предлагая им сдать город на милость победителя. Но Чагатай был не согласен с братом и настаивал на разрушении Гурганджа. Вновь монголы начали осаждать Гургандж, затем опять предложили обороняющимся сдаться. Как пишет историк, "умные из числа жителей склонялись к заключению мира", тем более что хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад перед смертью тоже советовал жителям столицы заключить с монголами мир¹²⁴. Гарнизон и жители Гурганджа решительно отвергли все попытки склонить их к капитуляции и продолжали стойко отражать натиск монголов, которые все же сумели засыпать ров вокруг города и подойти вплотную к его стенам. Монголы попытались разрушить плотину на Амударье и затопить Гургандж, но их трехтысячный отряд был перебит защитниками города¹²⁵.

Семь месяцев длилась безуспешная осада Гурганджа монголами¹²⁶, раздоры между сыновьями Чингиз-хана и споры за первенство не давали монголам достичь желанной цели — взять Гургандж. Тогда Чингиз-хан подчинил все монгольские войска и царевичей младшему сыну Огедею¹²⁷. Только после этого начался организованный штурм Гурганджа.

Когда сдерживать натиск монголов стало невозможно, султан Хумар-Тегин и его окружение решили открыть городские ворота и сдаться монголам¹²⁸. Ворвавшись в Гургандж, монголы в течение семи дней вели уличные бои с защитниками, разрушая и сжигая нефтью все взятые приступом дома и строения, сужая таким образом кольцо вокруг оставшихся в живых защитников столицы. Монголы стали "брать квартал за кварталом. Когда они захватывали один из них, люди искали спасение в другом, сражались самоотверженно и защищали себя и свои семьи как только могли. Но дело обороны стало трудным, зло обнажило свои клыки, и у них осталось только три квартала (*махалла*), где люди толпились в тесноте"¹²⁹.

В этот момент к монголам отправился просить пощады *мухтасиб* Хорезма факих Ала ад-Дин ал-Хаййати. Но ни о какой пощаде теперь не могло быть и речи. Не встречая ранее нигде такого сопротивления и потеряв большое число воинов¹³⁰, монгольские царевичи отвергли просьбу о помиловании. Из города вывели всех жителей и отделили от общей массы ремесленников (их было около 100 тыс. человек) для отправки в Монголию¹³¹. Затем монголы перебили всех мужчин и детей, причем на каждого из 50 тыс. монгольских воинов пришлось по 24 убитых жителя Гурганджа¹³². После этого монголы приказали пленным женщинам Гурганджа раздеться донага, разбили их на две группы и приказали: "Женщины вашего города — прекрасные кулачные бойцы. Поэтому приказываем, чтобы обе стороны начали между собой кулачный бой!". И несчастные женщины Гурганджа набросились друг на друга. Потешившись этим гнусным зрелищем, монголы изрубили всех выживших женщин¹³³. Расправившись с населением столицы государства, монголы приступили к планомерному разрушению Гурганджа. Они разрушили плотину на Амударье, и вода затопила огромный город. Были уничтожены ценнейшие памятники культуры, библиотеки, в которых хранились многие тысячи сочинений по различным отраслям наук. Гургандж "превратился в местопребывание шакалов и убежище сов и воронов"¹³⁴. С падением Гурганджа¹³⁵ военные действия монголов в Хорезме закончились и были перенесены в хорасанские владения хорезмшаха.

После бегства хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда все города Хорасана были предоставлены самим себе. Каждый город имел свои гарнизоны — крупные или небольшие, свои ополчения и мог оказать монголам сопротивление в меру своих сил. Однако почти все крупные города Хорасана монголы захватили без особого труда.

Первым городом Хорасана на пути монголов, преследовавших сыновей хорезмшаха, была Наса. Монголы осаждали ее 15 дней без перерыва, установив 20 катапульт. Ворвавшись в Насу, монголы выгнали жителей из города и приказали им крепко связать друг друга. После этого монголы перебили 70 тыс. жителей Насы, "накормив ими диких зверей и птиц небесных. И сколько было пролитой крови, изнасилованных женщин, детей, убитых и брошенных у груди убитых матерей! А ведь это был всего лишь один из округов Хорасана!"¹³⁶.

В Насе был пленен и убит монголами видный деятель государства Хорезмшахов Шихаб ад-Дин Абу Са'д ибн Имран ал-Хиваки, который ранее предлагал хорезмшаху собрать воедино все войска государства (400 тыс. воинов!) на берегу Сырдарьи и разгромить монголов на подступах к рубежам государства¹³⁷.

Такой же участи подверглись преследуемые монголами сыновья хорезмшаха — Узлаг-шах и Ак-шах. Они были настигнуты в селении Вашта, в области Хабушан. Вначале им удалось разбить отряд преследователей, но затем они были окружены и изрублены вместе со своими воинами¹³⁸. Третий сын хорезмшаха Рукн ад-Дин Гурсанджти укрылся от монголов в крепости Устунаванд и в течение шести месяцев оказывал им сопротивление. После падения крепости Рукн ад-Дин был доставлен к Таймас-нойану, который предложил ему преклонить перед ним колена. Рукн ад-Дин отказался и был предан мучительной казни¹³⁹.

В течение лета и осени 1221 г. монгольские войска захватили Балх, Термез, Заузан, Андхунд, Мерв, Нишапур, Тус, Герат и другие города и крепости Хорасана. Гарнизоны и жители некоторых из этих городов и крепостей сражались с монголами и гибли, но и население тех городов и крепостей, которые сдавались на милость победителей, ждала та же участь — монголы вырезали почти всех. Так, в Мерве, взятом монголами 1 мухаррама 618 г. х. (5 февраля 1221 г.), монголы вырезали огромное число жителей¹⁴⁰.

Разгром и крушение государства Хорезмшахов произошли в такой короткий срок, что правители государств и Халифата, находившиеся далеко от места событий, не могли даже предполагать, что не пройдет и нескольких месяцев, как грозный вал сметет со своего пути почти все государства на востоке мусульманского мира. Никто из современников этих ужасных событий не мог и подумать, что такое мощное государство, каким было государство Хорезмшахов, имевшее огромную армию, могло так быстро пасть под натиском противника, располагавшего военными силами, почти втрое меньшими по численности.

Конечно же, Чингиз-хан задумал свой поход на запад не сразу. В течение многих лет через своих разведчиков и осведомителей он досконально изучал все сильные и слабые стороны правления хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда. Но даже и поняв все слабости этого государства, Чингиз-хан не сразу решился на такой рискованный поход. Он двинул свои армии на запад только тогда, когда окончательно убедился, что мощь государства Хорезмшахов в правление Ала ад-Дина Мухаммеда призрачна, так как, уничтожив всех местных владык и правителей на окраинах своей огромной державы, хорезмшах лишился поддержки масс населения, для которых его власть и его чиновничий и фискальный аппарат оказались чуждыми. Его на первый взгляд несокрушимая армия, в большинстве своем состоявшая из формирований кочевников-тюрок, начисто забыла свое умение вести сражения в открытом поле. Она почти не имела на вооружении подвижных подразделений стрелков из лука. Во время боевых действий войска хорезмшаха никогда не имели резервов, тактическое построение войск в бою не выдерживало никакой критики: они не имели (особенно в конце существования государства) авангарда, не держали больших соединений в засадах, хотя характер боевых действий на равнинной местности требовал именно такого построения войск. Тактика, которая Ала ад-Дином Мухаммадом применялась в сражениях на просторах Ирана, Гура или Мавераннахра, когда он громил своих противников благодаря численности своих войск и внезапности нападения, теперь, в битвах с монголами, оказалась непригодной.

Первые же сражения с монголами показали, что война должна была вестись с учетом тактики монголов, с умелым использованием резервов. Этими элементами военного искусства ни хорезмшах, ни его эмиры не владели, и они сразу же почувствовали превосходство тактических замыслов монгольских нойанов. Появились беспомощность в замыслах и бездумность в действиях, и исход любого, даже малого сражения можно было предугадать заранее. Отсюда — изначальное убеждение в непобедимости монголов и мысль самого хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда о том, что монголы крепко ("когтями и зубами") вцепились в страну, что монголы — "враг-победитель" и с ним надо не воевать, а заключать перемирие¹⁴¹.

Но мира не получилось: монголы вовсе не заботились в этот период об установлении каких-либо государственных порядков и норм взаимоотношений с населением захваченных земель. Подавление сопротивления на завоеванных землях наиболее надежным, в глазах монголов, путем

— истреблением населения — и захват добычи были для завоевателей главной целью. Они достигли ее и торжествовали победу.

Очевидец крушения державы Хорезмшахов историк ан-Насави пишет: "Люди стали свидетелями таких бедствий, о каких не было слышно в минувшие века, во времена исчезнувших государств. Слышано ли, чтобы какая-то орда выступила из мест восхода солнца, прошла по земле вплоть до Дербенда, а оттуда перебралась в страну кыпчаков? Не успевала она вступить в какую-нибудь землю, как грабила ее, а захватив какой-нибудь город, разрушала его. Затем, как бы замкнув круг, она возвратилась к своему повелителю через Хорезм невредимой и с добычей, подвергнув при этом уничтожению пашни страны и приплод скота и поставив ее население под острия мечей. И все это за каких-нибудь два года!

Кровопролития, грабежи и разрушения были таковы, что селения были покинуты, а земледельцы уходили голые.

Было извлечено открытое и закрытое, выжато явное и спрятанное, и стало так, что не было слышно ни блеяния, ни рева: лишь кричали совы и отдавалось эхо"¹⁴².

ГЛАВА 10

СУДЬБА ХОРЕЗМИЙЦЕВ, ПОКИНУВШИХ РОДИНУ

В предыдущей главе упоминалось, что, когда Джалал ад-Дин, будучи в Гургандже, узнал о заговоре против него, он вместе с Дамир-Маликом и 300 всадниками покинул столицу и, преследуемый монголами, направился в сторону Насы¹. Близ Насы его ожидал монгольский отряд в 700 всадников. В последовавшем сражении монголы были разбиты, и от их отряда осталось лишь несколько человек. Как пишет историк, "впервые мусульманской меч обгагрился кровью монголов"². Покинув Насу, Джалал ад-Дин направился в Нишапур. Здесь он принял решение вступить с монголами в решительную борьбу и в течение февраля 1221 г. "отправлял гонцов в разные стороны для сбора войск и снаряжения подмоги"³. Однако монголы не дали ему возможности закончить сбор войск, и Джалал ад-Дин спешно направился в Газну. Близ Кандагара к нему присоединился двоюродный брат его отца Амин ал-Мулк с 10 тыс. всадников-тюрок⁴. В местности Балк войска Джалал ад-Дина и Амин ал-Мулка напали на монголов, занятых осадой Кандагара. Трое суток шло ожесточенное сражение. Монголы "полагали, что враг способен лишь бежать от них подобно газели, что никто не собирается нападать, что копья сопротивления притуплены и некому разить ими. И когда вдруг увидели эти копья, которые жаждут их горла и стремятся достать их сердца, они оседлали коня бегства"⁵. Монголы были разгромлены, и когда Чингиз-хан вскоре узнал о поражении своих войск, то его, по словам ан-Насави, "охватило смятение от того, что сподвижники его стали мясом для острых мечей и пищей для хромых орлов"⁶. Разгневанный Чингиз-хан приказал преследовать уходящего в Газну Джалал ад-Дина.

Джалал ад-Дин прибыл в Газну в 618/1221 г. Здесь к нему примкнули предводитель племенного отряда халаджей Сайф ад-Дин Играк, владетель Балха А'зам-Малик, глава ополчения афганцев Музаффар-Малик и предводитель карлукского отряда ал-Хасан — каждый из них имел под началом 30 тыс. воинов. Сам Джалал ад-Дин имел под командой 60 тыс. воинов, а Амин ал-Мулк — 40 тыс.⁷.

Располагая огромной военной силой, султан Джалал ад-Дин вывел из Газны свои войска и напал на монголов, которые под командованием Текечука и Молгора осаждали крепость Валиян (к северу от Чарикара). Здесь в трехдневном бою было убито 1000 монголов, а остальные сумели спастись, переправившись через реку Пяндж и разрушив за собой мост⁸.

К этому моменту подошла 45-тысячная армия монголов под командованием Шиги Кутукунойана, посланная Чингиз-ханом для разгрома Джалал ад-Дина. Однако в результате жестокого двухдневного сражения у Нарвана (близ Газны) монголы были разгромлены. Как передает историк, Джалал ад-Дин сам "ринулся на центр (войск) Шиги Кутуку, расстроил его боевой порядок, бросил под копыта конницы его знамена, принудил его бежать и оставить свою позицию. И затем обрушились на них (монголов) мечи мщения. Оседлав коня ненависти, Джалал ад-Дин отсекал мечами концы шейных вен, отделяя плечи от места, где они сходятся. А как же иначе? Ведь они причинили большие страдания ему, его братьям и отцу, его государству, его родне и приближенным"⁹.

Шиги Кутуку бежал с остатками своих войск в Талакан, где находилась ставка Чингиз-хана¹⁰. И Чингиз-хан решил сам расправиться с Джалал ад-Дином, за короткое время нанеся ему войскам несколько сокрушительных поражений. Чингиз-хан "выступил против него с войсками, для которых, если они собирались, поле было тесным, и их множество заполняло равнину"¹¹. Неизвестно, как закончилась бы встреча Чингиз-хана с Джалал ад-Дином на поле брани, но возникшие обстоятельства снова вынудили Джалал ад-Дина пуститься в путь.

Дело в том, что после разгрома монголов у Нарвана в руки сторонников султана попали огромные трофеи. При дележе добычи военачальники повздорили, так что халаджи, афганцы и карлуки покинули Джалал ад-Дина, несмотря на его просьбу остаться во имя борьбы с общим врагом — монголами. И как говорит историк: "Из-за этого ослабли силы мусульман, чем и не замедлили воспользоваться монголы"¹².

Чингиз-хан впоследствии разгромил покинувшие Джалал ад-Дина войска халаджей, афганцев и карлуков (каждое в отдельности), и перед ним остался только один противник — Джалал ад-Дин, который, несмотря на уход значительной части его войск, представлял серьезную опасность для монголов. Узнав, что Чингиз-хан приказал своим войскам предпринять действия с целью его окружения и захвата, Джалал ад-Дин спешно покинул Газну. Через две недели Газна была

взята монголами. Не застав здесь султана, Чингиз-хан бросил за ним самые подвижные отряды. Их авангард настиг уходящего Джалал ад-Дина у Гардиза, в 50 км восточнее Газны. Попав в безвыходное положение, Джалал ад-Дин внезапно напал на этот авангард и, разбив его, снова ушел от монголов¹³.

Чингиз-хан настиг отступавшего Джалал ад-Дина у берегов реки Синд. Трехдневное сражение у реки было, по словам историка, таким жестоким, что прежние сражения казались детской игрой. Чингиз-хан приказал своим воинам: "Не поражайте султана стрелой, приложите все старания, чтобы какой-нибудь уловкой захватить его живым!". И повинуясь этому приказу, монголы постепенно сужали кольцо вокруг Джалал ад-Дина. Большая часть воинов султана была изрублена, погибли почти все его эмиры, а монголы продолжали оттеснять султана к берегу Синда.

На третий день сражения (25 ноября 1221 г.) у султана оставалось всего 700 воинов, с которыми он продолжал сопротивление, а сам отважно дрался с наседавшими на него врагами. Но когда Джалал ад-Дин понял, что спасения от плена нет, он приказал утопить в реке свой гарем, а сам в полном снаряжении бросился с конем в реку и переплыл на другой берег.

Отвага Джалал ад-Дина изумила Чингиз-хана: он запретил преследовать его и, показав рукой в сторону уходящего султана, сказал своим сыновьям: "Только такой сын должен быть у отца! Раз он сумел выйти невредимым из такой битвы и выбраться из такой пучины на берег спасения, от него проистекут множество деяний и бесчисленные смуты!"¹⁴.

На правый берег Синда смогли перебраться около 4 тыс. воинов Джалал ад-Дина во главе с эмирами Кулбарсом Бахадуром, Кабкухом и Са'д ад-Дином Али. В 619 г. х. Чингиз-хан послал в погоню за остатками войск Джалал ад-Дина 20-тысячный отряд под командованием Торбей Токшина и Бала-нойана, однако монголы не выдержали жары и повернули от Мултана назад¹⁵.

Ослабленный и разбитый, Джалал ад-Дин оказался с небольшим числом голодных и изнуренных сподвижников в Северной Индии, в незнакомом краю, среди враждебно настроенного населения. Бедственным положением Джалал ад-Дина решил воспользоваться *рана* (царь) раджпутов округа Шатра, расположенного в горах Джуд. Имея под началом 1 тыс. конных и 5 тыс. пеших воинов, *рана* напал на Джалал ад-Дина. И Джалал ад-Дин, "помножив решимость своих людей на стойкость", сам напал на индусов и лично убил *рану*. Его отряд был рассеян, воины султана захватили большое число коней, оружие и снаряжение, в которых они испытывали большую нужду¹⁶.

Победа Джалал ад-Дина над *раной* Шатра оказала влияние на поведение окрестных владетелей в Северной Индии. Первым султану подчинился Камар ад-Дин Кермани — наместник владетеля Синда, Уччи, Мултана, Лахора и Пешавара султана Насир ад-Дина Кубачи (1205 - 1227), а затем васальную зависимость от Джалал ад-Дина признал и сам Кубача¹⁷.

Вскоре к Джалал ад-Дину присоединились ушедшие от его брата Гийас ад-Дина Пир-шаха эмиры Санджакан-хан, Илчи Пехлеван, Ур-хан, Сайирджа и Текчарук Ханкиши со своими отрядами. Как пишет историк, после этого "усилилось замиравшее было дыхание и согрелись замерзшие сердца". Получив такое подкрепление, Джалал ад-Дин повел войска на владения Кубачи, с которым у султана были личные счеты (Кубача убил везира султана Шамс ал-Мулка и его сына, а также сына эмира Амин ал-Мулка). После непродолжительной осады султаном были взяты город Калор и крепости Парасравар и Гарнудж¹⁸.

Потеряв большую часть своих владений, Кубача, получив от владетеля Северной Индии султана Шамс ад-Дина Ил-Тутмыша ал-Му'иззи (1211 - 1236) помощь войсками, решил дать сражение Джалал ад-Дину, но был разбит и бежал, бросив свой лагерь и огромный обоз, который позволил Джалал ад-Дину "прикрыть наготу своих лучников и одеть своих нищих всадников"¹⁹.

После взятия Парасравара Джалал ад-Дин узнал, что монголы снова отрядили за ним погоню. Он повернул в сторону Мултана и, следуя через владения Кубачи, потребовал от него отступной взнос за мирный проход через его земли (*на'л-бах*). Кубача отказался от выплаты и вновь выступил против султана. После часового сражения Джалал ад-Дин отошел к Учче, но население города восстало против султана, и он сжег Уччу. Затем наместник Кубачи Фахр ад-Дин ас-Салари сдал султану город Садусан. Отсюда Джалал ад-Дин двинулся на Хатисар, Давал и Дамрилу, где правителем был Малик Синан ад-Дин Хатисар — одиннадцатый представитель сумранской линии династии Раджпутов.

Расположившись лагерем у Давала и Дамрила, Джалал ад-Дин послал часть войск под началом эмира Хасс-хана в набег на столицу Гуджарата Нахрвалу (Анхалвару), чтобы добыть верблюдов²⁰.

В это время Джалал ад-Дин получил сообщение, что против него выступил Шамс ад-Дин Ил-Тутмыш с 30 тыс. конных, 100 тыс. пеших воинов и 300 слонов. Войска Ил-Тутмыша напали было на авангард Джалал ад-Дина, но затем военные действия были прекращены, и Ил-Тутмыш прислал к султану посла с просьбой о перемирии. Ил-Тутмыш писал султану: "Не составляет тай-

ны то, что позади тебя враг веры. А ты сегодня — султан мусульман и сын их султана. Я не позволю себе идти против тебя, служить помощником судьбы и быть орудием происходящего. И не подобает такому, как я, обнажать меч против такого, как ты! Это может случиться, только если к этому вынудит оборона или если это будет вызвано предосторожностью и необходимостью. И если ты найдешь целесообразным, я выдам за тебя свою дочь, чтобы упрочить доверие, усилить любовь и устранить вражду". Джалал ад-Дин отнесся сочувственно к тому, что было сказано, но никаких ответных мер не принял²¹.

Находясь в Индии, султан Джалал ад-Дин чеканил от своего имени серебряные и медные монеты, почти во всех местных владениях читалась *хутба* с его именем²².

Однако такая зависимость от султана-пришельца владетелей Северной Индии не устраивала. Ил-Тутмыш, Кубача и другие владетели — князья (*райи*=*раджи*), предводители войск (*такакира* — мн.ч. от *тхакур*=*тагор*) и наместники областей — договорились избавиться от Джалал ад-Дина. Они решили прижать войска султана к берегам реки Пянджшир, "оттеснив его туда, где бы не было ему возможности для защиты, и травить его, как ящерицу"²³.

В это же время на сторону Ил-Тутмыша перешли два крупных военачальника Джалал ад-Дина — Йезидек Пехлеван и Сункурджик. В связи с изменой этих эмиров султан созвал военный совет, на котором необходимо было решить, что делать дальше: оставаться в Индии или уходить. Мнения эмиров разделились. Одни предлагали закрепиться в Индии, подчинив окрестных правителей. Но Джалал ад-Дин принял сторону эмиров (особенно тех, что ушли от Гийас ад-Дина Пир-шаха), которые предлагали идти в Ирак и отобрать его у Пир-шаха. Как пишет историк, "сторонники ухода из Индии в Ирак отмечали, что это удобная цель для завоевателей, так как там царят самонадеянность и угодливость советников, которые заботятся только о собственной безопасности. Они пренебрегают Гийас ад-Дином, считая опору на него ненадежной, его политику мягкой, а его самого слабым"²⁴.

И Джалал ад-Дин решил направиться в Ирак. С огромными трудностями султан и его воины пересекли пустыни между Индией и Керманом. "Они испытали в этих пустынях нужду в капле для губ, не говоря уже об отсутствии пищи". Преодолев огромное расстояние и понеся большие потери, Джалал ад-Дин прибыл в Керман лишь с четырьмя тысячами воинов.

В Кермане наместником Гийас ад-Дина Пир-шаха был хаджиб Барак. Когда в Ирак пришло известие о приближении монгольских войск под командованием Толан-Черби, Барак решил уйти в Индию где находился Джалал ад-Дин. Едва он достиг Джируфта, как на него напал владетель крепости Джувашир (Гувашир) Шуджа' ад-Дин Абу-л-Касим. Но в ходе сражения Шуджа' ад-Дин изменили служившие ему турки, которые перешли на сторону Барака. Сам Шуджа' ад-Дин был взят Бараком в плен и казнен. После этого Барак осадил Джувашир, где находился сын Шуджа' ад-Дина. Осада Бараком Джувашира продолжалась до прибытия к стенам города султана Джалал ад-Дина²⁵.

Джалал ад-Дин сделал Джувашир своей временной столицей и приблизил к себе сына Шуджа' ад-Дина. Такая политика султана не понравилась Бараку, который к этому времени считал себя полным хозяином Кермана. И хотя Барак и породнился с султаном, выдав за него свою дочь, он, по словам историка, "замыслил предательство, затаив злой умысел и коварство".

Когда Джалал ад-Дин узнал об измене Барака, он стал советоваться с приближенными, и те порекомендовали ему схватить Барака и казнить. Был выбран предлог - охота, но Барак, сказавшись больным, от приглашения уклонился и, выставив из крепости людей Джалал ад-Дина, заперся в ней. Он заявил султану, что завоевал Керман своим мечом и его земли — не место для пребывания султанского престола²⁶. На защиту Барака стал везир Джалал ад-Дина Шараф ал-Мулк, который сказал: "Барак — первый из правителей и знатных лиц страны, добровольно изъявивший покорность. Если поспешить с наказанием его за измену, сердца наполнятся ненавистью, души возмутятся, исчезнут симпатии и изменятся мысли и намерения"²⁷.

Джалал ад-Дин решил оставить Керман хаджибу Бараку и отправился в Фарс. В Ширазе правитель Фарса атабек Са'д ибн Занги признал себя вассалом султана, подарил ему 500 коней, преподнес ценные подарки, рабов и выдал за него свою дочь Малику-хатун. Сюда же, в Шираз, прибыл владетель Иезда атабек Ала ад-Даула, который "изъявил ему покорность и провозгласил клич подчинения". Атабек привез с собой множество даров и подношений. Джалал ад-Дин дал ему *лакаб* Атахан и вручил грамоту, утверждавшую за ним его владения²⁸.

Из Шираза султан Джалал ад-Дин направился в Исфахан. Жители Исфахана, только что отбившие первую осаду монголов, во главе с кади города Рукн ад-Дином Мас'удом Са'идом с радостью встретили султана. "Исфахан отдал ему все самое дорогое: оружие для войска с снаряжение"²⁹.

Так как Исфахан входил в число владений Гийас ад-Дина Пир-шаха, то захват его (хотя он и был сдан горожанами добровольно) султаном Джалал ад-Дином был расценен Гийас ад-Дином как посягательство на его земли. Решив вытеснить брата из своих владений, Гийас ад-Дин направил против него 30-тысячное войско.

Джалал ад-Дин, столкнувшись с попыткой брата поставить интересы владельца выше общего дела, стал действовать, исходя из необходимости сплочения сил для борьбы с таким опасным врагом, как монголы³⁰. Султан отправил к эмирам Гийас ад-Дина "одного из самых хитрых своих придворных" *эмир-ахура* Одека с предложением перейти в его подчинение. Часть эмиров согласилась оставить Гийас ад-Дина. Сторону султана приняла также и мать Гийас ад-Дина, которая уговорила сына подчиниться брату во имя общей цели.

В течение короткого времени все ханы и эмиры Гийас ад-Дина перешли на сторону султана Джалал ад-Дина. Население всех подвластных Гийас ад-Дину Пир-шаху земель также с радостью встретило султана, так как с его приходом прекратились непосильные поборы и издевательства, чинимые вышедшими из-под контроля воинами и чиновниками Гийас ад-Дина. Переход земель, ранее принадлежавших Гийас ад-Дину, под контроль Джалал ад-Дина привел к восстановлению обычных порядков: произвол и насилия были прекращены³¹.

В 621/1224 г. Джалал ад-Дин двинулся в сторону Азербайджана³². В это самое время атабек Гийас ад-Дина и его дядя по матери Иган-Таиси во главе 50-тысячного войска вторгся из Азербайджана в Ирак с целью захвата Хамадана, который был ему отдан халифом ан-Насиром в качестве *икта*'. В этом эпизоде отразилась политика халифа, который под угрозой возможного похода Джалал ад-Дина на Багдад стал подстрекать против него сильных владельцев и эмиров.

Однако хорезмшах узнал о выступлении Игана-Таиси, ночью незаметно подошел к его лагерю у Хамадана и окружил своими войсками лагерь в тот момент, когда там занимались дележом награбленной в Азербайджане и Арране добычи. Утром Иган-Таиси увидел окруживших его воином Джалал ад-Дина и его самого, между тем как Иган-Таиси был уверен, что султан идет походом на Багдад. Иган-Таиси послал к султану свою жену — сестру Джалал ад-Дина с просьбой о пощаде. Войска Игана-Таиси перешли на сторону хорезмшаха, силы которого значительно возросли, и после этого он стал готовиться к походу на Багдад³³.

Необходимо отметить, что после смерти в 1218 г. владельца Египта и Сирии ал-Малика ал-Адила его землями стали управлять трое его сыновей: Египтом владел ал-Малик ал-Камил; Дамаском, Иерусалимом и Табарией — ал-Малик ал-Му'аззам; Джазирой, Хилатом и Майафарикином — ал-Малик ал-Ашраф. Между братьями шла постоянная борьба за первенство, и их вражда достигла предела, когда ал-Малик ал-Камил и ал-Малик ал-Ашраф заключили союз против ал-Малика ал-Му'аззама. Как раз в это время к границам владений халифа подошел султан Джалал ад-Дин. Оставшись в одиночестве против своих врагов-братьев, ал-Малик ал-Му'аззам решил обрести в хорезмшахе надежного союзника. В 619/1222 г. он отправил к хорезмшаху посольство, состоявшее из суфиев, во главе с мухтасибом Дамаска ас-садром ал-Бакри. Мухтасиб встретился с Джалал ад-Дином и обсудил условия их союза³⁴. А когда хорезмшах захватил в 1225 г. Азербайджан, ал-Малик ал-Му'аззам вновь отправил суфия с посланием, в котором от своего имени и от имени владельца Ирбиля Музаффар ад-Дина выражал готовность заключить союз против ал-Малика ал-Ашрафа³⁵. Хорезмшах, естественно, согласился, так как, располагая в этом регионе союзниками, он мог вступить в борьбу с халифом более решительно³⁶.

Разгромив Игана-Таиси, Джалал ад-Дин двинул войска в Хузистан, где перезимовал, и в Мухарраме 622 г. х. (январь 1225 г.) осадил Тустар. Однако город ему взять не удалось, и тогда он направил войска на Багдад, предварительно уведомив об этом халифа ан-Насира. Послание Джалал ад-Дина халифу повез глава войскового дивана Дийа ал-Мулк Ала ад-Дин Мухаммад ан-Насави. В послании Джалал ад-Дин выражал надежду на помощь халифа против врага мусульман — монголов. Однако халиф помнил о том, каковы были отношения между хорезмшахами и его отцом и дедом халифами ал-Мустади (1170 - 1180) и ал-Мустанджидом (1160 - 1170). Поэтому ан-Насир оставил послание без ответа и снарядил против хорезмшаха 20-тысячное войско под командованием своего мамлюка Куш-Темура.

Не получив ответа от халифа, Джалал ад-Дин направил войска в Ирак. Часть его войск, захватив Бадрайу и Баксайу, подошла к Басре, где против них выступил *шихна* Басры эмир Мил-Тегин. После безуспешной двухмесячной осады Басры хорезмшах отвел войска к Гуте, где их встретила армия халифа под командованием Куш-Темура. Однако в сражении войска Куш-Темура были разбиты, а сам он погиб³⁷.

Поход хорезмшаха на Багдад нельзя объяснить только его желанием получить помощь халифа против монголов. Султан, по-видимому, имел тайное намерение отомстить халифу, которого он считал виновным в разгроме монголами государства Хорезмшахов и в гибели своего отца —

султана Ала ад-Дина Мухаммада. Джалал ад-Дин, вероятно, знал о тайной переписке халифа с монголами³⁸, и поэтому во время похода на Багдад он написал ал-Малику ал-Му'аззаму следующее письмо: "Будь готов ты и те, кто заключил со мной соглашение, — мы двинемся против халифа, так как он является причиной гибели мусульман, гибели моего отца и вторжения неверных в страны ислама"³⁹.

Таким образом, находятся доводы, подтверждающие предположения о тайной переписке халифа ан-Насира с монголами, основной целью которой было уничтожение государства Хорезмшахов. Кроме этого халиф, видя в Джалал ад-Дине угрозу самому существованию Халифата, пошел даже на поклон к аййубиду ал-Малику ал-Ашрафу, чтобы привлечь его в качестве союзника, хотя до этого их отношения были достаточно прохладными⁴⁰.

Когда весть о разгроме войск Куш-Темура достигла Багдада, в городе начали спешно возводить укрепления и готовиться к обороне, на что халиф ассигновал миллион динаров⁴¹. Однако пробыв близ Багдада 12 дней, хорезмшах отвел свои войска в сторону Азербайджана. По пути он осадил в марте 1225 г. город Дакуку, взял его, перебил жителей, разгромил и сжег город, разрушил стены и увел войска на север⁴².

Едва Джалал ад-Дин приблизился к границам Азербайджана, как ему были доставлены письма от жителей Мараги, в которых они просили султана поскорее прибыть к ним, "чтобы освободить их от того позорного гнета, который им приходилось испытывать от произвола важных господ государства и от власти женщин. Они терпели еще и из-за того, что грузины вцепились своими когтями в Марагу, а также из-за слабости их владетеля — атабека Узбека — в защите своей неприкосновенности и обороне своего владения"⁴³.

Последний атабек Азербайджана Узбек в это время совершенно отстранился от государственных дел, и фактической правительницей государства атабеков Азербайджана стала его жена — дочь последнего сельджукского султана Тогрула III Малика-хатун. И марагинцы, говоря о "засилье женщин", имели в виду именно ее⁴⁴.

В джумада I 622 г. х. (май 1225 г.) султан Джалал ад-Дин без боя занял Марагу⁴⁵. Находясь в Мараге, он предпринял первую попытку вступить в контакт с владетелями стран, граничащих с Азербайджаном. В июне 1225 г. он разослал послания конийскому султану Ала ад-Дину Кей-Кубаду I, владетелю Джазиры ал-Малику ал-Ашрафу, владетелю Дамаска ал-Малику ал-Му'аззаму и владетелю Египта ал-Малику ал-Камилу. Сообщая о завоевании Азербайджана и о своем намерении напасть на Грузию, Джалал ад-Дин этим обращением преследовал цель установить нормальные отношения со своими западными и южными соседями и обезопасить себя от возможных столкновений с ними⁴⁶.

Послания всем перечисленным владетелям доставлял кади Муджир ад-Дин Умар ибн Са'д ал-Хорезми — "самый выдающийся ученый государства Хорезм, знания которого в различных науках известны повсеместно"⁴⁷. Текст посланий был, очевидно, один и тот же, поэтому ниже приводится послание, отправленное султану Ала ад-Дину Кей-Кубаду I:

"Салам! Наши молитвы, хвалу и возвеличивание в восхвалениях мы направляем к Высокому присутствию, доносящему к сердцам людей ласкающее дыхание сердечности и постоянство спокойствия и доверия, украшающих фундаменты дружбы и здания единства, — великому султану, Джамшиду века, Александру эпохи, чести религии и мира, полюсу ислама и мусульман, защите небес и солнцу высот, тени Аллаха во вселенной и гордости рода Сельджука... — да будет вечным его владычество и да хранит Аллах его могущество!

Желание обрести счастье союза с Вами и упование на единство с Вами настолько крепки в нашем сердце, что как бы ни быстр был калам, все равно он будет беспомощен в изложении этого на бумаге. Если до этого случая превратности времени, повороты эпохи и пересекали пути переписки, необходимой для радости друзей, пребывающих в отдалении и разлуке, то теперь необходимо поднять завесу разлуки и неприязни и приложить старания к раскрытию ворот любви и единства...

Между нами, с благословения и милости Аллаха, существуют равенство в объявлении священной войны (джихад) и сражений и единство в делах, народе и религии. Самый подходящий человек для твоей любви и дружбы — тот, кто подходит тебе по языку и вере!

Ваше высокое положение среди падишахов Магриба (Запада) — да пребудет оно высоким! — является средоточием защиты границ ислама и средством очищения от людей безбожия и хулы. А в странах Машрика (Востока) мы своим могуществом гасим огонь смуты неверных. И если в таком положении, когда так близки наши народы, мы не откроем путей дружбы, не пойдем дорогой единства, не обеспечим своих выгод и совместно не отразим наши беды — то кто же тогда станет нам другом? Где и в каких местах найдем мы воду и пропитание?

Это письмо, с благословения и милости Аллаха, составлено и отправлено в Высокое присутствие, которому мы желаем пребывать в постоянном счастье и радости, в конце месяца джумада второго 622 года (июль 1225 г.) из города Мараги, которая в настоящее время украшена нашими победоносными и триумфальными знаменами. Мы посылаем к Вам великого садра вселенной, достигшего высшей ступени знаний, опоры государства (*ас-садр ал-му'аззам ал-'алам муджтахид кавам ал-мулк*) Муджир ад-Даула ва-д-Дина Тахира Шараф ал-Ислама ва-л-муслимин Ифтихар Хорезм ва Хорасан, самого высокого из наместников и кади кадиев — а это самый старый из чинов нашего государства, — чтобы он открыл дорогу дружбы, стер пыль неприязни с зеркала сердца. Язык его передаст высокую степень нашего чистосердечия, поднимет завесу существующей неприязни и раскроет ворота приязни и единения!". Султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I принял посла хорезмшаха с большим почетом. Цель посольства, казалось, была достигнута: были установлены дружеские отношения между обоими султанами, и они скрепили свою дружбу браком сына Кей-Кубада I — Гийас ад-Дина Кей-Хосрова II (1236 - 1245) с сестрой правителя Ширази атабека Абу Бакра ибн Са'да (1226 - 1260), родственницей Джалал ад-Дина.

В ответном послании, составленном Маджд ад-Дином ат-Тугра'и ал-Асадабади, султан Кей-Кубад I выразил удовлетворение установлением согласия и дружбы между султанами⁴⁸.

Кроме султана Кей-Кубада I на послание хорезмшаха ответил владетель Дамаска ал-Малик ал-Му'аззам. Послание это доставил хорезмшаху войсковой кади Дамаска Наджм ад-Дин Халил, который заключил от имени своего господина оборонительный и наступательный союз с хорезмшахом. К этому союзу затем примкнул и владетель Ирбиля Музаффар ад-Дин Гек-Бори. Оба новых союзника Джалал ад-Дина стали упоминать его имя в *хутбе* и на монетах⁴⁹.

Находясь в Мараге, султан Джалал ад-Дин направил наместнику атабека Азербайджана Узбека в Табризе ра'ису Шамс ад-Дину ат-Тугра'и письмо с просьбой разрешить его воинам заходить в город и закупать в нем провизию. Ра'ис дал согласие, но вскоре хорезмийцы стали грабить жителей и чинить насилия. Жители обратились с жалобой к султану, который направил в Табриз своего *шихну* с отрядом войск для пресечения грабежей. Однако очень скоро отряд, водворившись в Табризе, также начал заниматься поборами в свою пользу, и жители вновь пожаловались хорезмшаху⁵⁰. Жалобы ра'иса и жителей были оставлены без внимания, и тогда Низам ад-Дин ат-Тугра'и (племянник Шамс ад-Дина) решил проблему по-своему: жители попросту убили этих хорезмийцев и решили отстаивать себя и город. Тогда Джалал ад-Дин послал в Табриз войска и начал осаду города. К Табризу были стянуты катапульты, осадные машины и штурмовые лестницы, а вокруг города были вырублены все деревья. В течение семи дней жители Табриза под руководством ра'иса Низам ад-Дина ат-Тугра'и сражались против хорезмийцев и запросили пощады только тогда, когда противник подошел вплотную к стенам города. Табриз сдался 17 раджаба 622 г. х. (25 июля 1225 г.). Что касается атабека Узбека, то он бежал из Табриза в Ганджу еще тогда, когда Джалал ад-Дин находился в Мараге⁵¹.

Жена Узбека Малика-хатун, оставшаяся в Табризе, просила Джалал ад-Дина гарантировать ей, ее приближенным и невольникам безопасность, а имуществу — неприкосновенность и закрепить за ней город Хой, где она находилась бы под защитой хорезмшаха. Джалал ад-Дин исполнил ее просьбу, и она была переправлена в Хой⁵².

Находясь в Табризе, хорезмшах стремился показать себя заботливым и справедливым властителем, принимал жителей и рассматривал их жалобы. Он заявил населению: "Вы видели, какие благодеяния я совершил и какие постройки я возвел в Мараге, которая была разрушена. Теперь вы увидите, как я буду справедлив и как благоустрою ваш город"⁵³.

Джалал ад-Дин назначил главой города ра'иса Низам ад-Дина ат-Тугра'и, и тот, как и раньше, продолжал заниматься делами подданных. Пробыв в Табризе несколько дней и оставив в городе своего везира Шамс ал-Мулка, султан Джалал ад-Дин выступил в поход против Грузии⁵⁴.

В ша'бана 622 г. х. (август 1225 г.) 60-тысячная армия грузин под командованием Иване Мхаргрдзели сосредоточилась у крепости Гарни, близ Двина, с намерением начать наступление на Азербайджан. По словам ан-Насави, грузины, собрав такое количество войск, "преследовали цель дать султану почувствовать свое могущество и многочисленность. Они надеялись, что султан, может быть, пожелает пойти на мир с ними, и они избавятся, таким образом, от налета орла и от пучины бушующего моря. Вот почему они решительно собрались в поход, позабыв о том, что государство атабеков Азербайджана пало; ведь оно было для них местом охоты: туда они ходили за добычей сообща и отдельно, парами и по одному"⁵⁵.

Джувеини сообщает, что, когда бразды правления выпали из рук атабека Узбека "и власть перешла к султану Джалал ад-Дину, грузины задумали захватить его земли, изгнать оттуда в первую очередь султана и завладеть Табризом. Затем они полагали совершить поход на Багдад и посадить вместо халифа своего католикоса, а мечети превратить в церкви"⁵⁶.

Вероятно, Джувейни, писавший через три десятилетия после событий, приписал грузинам планы, о которых они и не помышляли. Во всяком случае, в послании — ответе на объявление им войны Джалал ад-Дином — они писали только о решимости оборонять свою страну: "На нас напали татары, которые поступили с твоим отцом, владевшим более обширными землями, чем ты, имевшим больше войск и более сильного духом, так, как тебе это лучше известно. И все же они захватили вашу страну. Однако мы не придали им (монголам) значения, и самое большее, о чем они думали, так это уйти от нас восвояси"⁵⁷.

Захватив Двин, хорезмшах вступил у Гарни в сражение с грузинской армией. "Когда он достиг Гарни, то увидел, что грузины расположились на возвышенности как высокая гора на горе, сплошной черной массой, как беспросветная ночь. Но султан испугался их многочисленности не более, чем волки пугаются свободно пасущихся овец, или как голодные львы боятся бродячего скота. Весь тот день он ожидал, что грузины спустятся с гор для сражения, но они не спустились..."⁵⁸. И тогда Джалал ад-Дин сам повел свои войска на грузин, и в жестоком сражении грузины потерпели поражение, от которого они уже не оправились. Было убито 20 тысяч их воинов, а многие, в том числе и такой знаменитый воин, как князь Шалва Ахалцихели, попали в плен⁵⁹.

После победы у Гарни хорезмшах разослал свои войска по областям Грузии, и те стали опустошать страну, грабить ее и угонять население в плен. Во время этих событий на службу к Джалал ад-Дину перешли бывшие вассалы атабеков Азербайджана — владельцы Сурмари (на южном берегу Аракса) шараф ад-Дин Уздере и Хусам ад-Дин Хыдр. Оба владельца Сурмари в качестве проводников показали дорогу войскам султана через перевалы и ущелья в глубь грузинских земель⁶⁰.

Направляясь в Тифлис, Джалал ад-Дин получил клеветническое письмо от своего везира Шараф ал-Мулка, в котором тот обвинял ра'исов Табриза Шамс ад-Дина ат-Тугра'и и его племянника Низам ад-Дина в попытке убить его самого, восстать против султана и вернуть Табриз атабеку Узбеку⁶¹.

Как видно из сочинения ан-Насави, везир Шараф ал-Мулк начал свою карьеру с доносов и клеветы на лиц, вызывавших у него зависть своим положением и богатством⁶². Видя, что Шамс ад-Дин ат-Тугра'и и его племянник пользуются большим авторитетом среди жителей Табриза, везир оклеветал их перед султаном и обвинил в заговоре в пользу атабека Узбека. Ан-Насави пишет, что "Шамс ад-Дин ат-Тугра'и был набожен и справедлив, заботился о подданных, старался, чтобы они не испытывали страха, и не разрешал никому преступать границ справедливости. И если у его (Табриза) жителей требовали то, чего не полагается и не следует брать, и налагали на них сверх обычного, он защищал их — иной раз увещанием, а порой, упрекая чиновников и выставляя их на позор"⁶³. Разумеется, такой человек не устраивал везира, редко считавшегося с законностью, и он с помощью "лжецов и негодяев, которые засвидетельствовали против ат-Тугра'и и сына его брата ту ложь, что ранее была передана султану"⁶⁴, решил устранить их.

Низам ад-Дин ат-Тугра'и был тут же казнен, ра'ис Шамс ад-Дин заточен в тюрьму, а имущество его было конфисковано и присвоено везиром⁶⁵. Только в 1228 г. султан раскаялся в содеянном и вновь сделал Шамс ад-Дина ат-Тугра'и своим наместником в Табризе⁶⁶.

Находясь в Табризе, султан Джалал ад-Дин по желанию жены атабека Узбека вступил с ней в брак, нарушив законы шариата. Против этого брака был кади Табриза, так как атабек не дал своей жене развода. Однако на основании лжесвидетельства ее брак с атабеком был расторгнут, и султан женился на Малике⁶⁷.

Из Табриза султан направился во владения Малики — города Салмас и Урмию, которые вместе с их округами он преподнес ей в качестве свадебного подарка⁶⁸. Затем султан двинулся на Тифлис, овладев по пути такими городами, как Гянджа, Байлакан, Шамхор и Шутур⁶⁹. В Гяндже находился бежавший из Табриза атабек Узбек. Его наместник в Гяндже ра'ис Джамал ад-Дин ал-Куми, "обладавший богатством, могуществом и большой властью", сдал город эмиру хорезмшаха Ур-хану и изъявил готовность служить ему⁷⁰.

Узбек бежал из Гянджи и укрылся в крепости Алинджа-кала, близ Нахичевана, выговорив у хорезмшаха право на владение округом Гянджи. Но в связи с тем, что войска Джалал ад-Дина стали заниматься мародерством и грабежом, Узбек послал хорезмшаху жалобу, в которой писал: "Я не позволял делать это даже своим приближенным. Поэтому прошу укоротить руки, которые тянутся к этому округу"⁷¹. Султан направил в Гянджу отряд своих воинов для охраны ее округа.

Находясь в Алинджа-кале, атабек Узбек узнал о том, что "султан шаг за шагом захватывает его страну. Он не говорил ничего до тех пор, пока не услышал о бракосочетании султана с его женой. Он спросил об этом того, кто приносил ему вести: "Было ли это по согласию Малики или против ее желания?". Тот ответил: "По ее добровольному желанию и после неоднократного с ее стороны свидетельства. Она одарила свидетелей развода и оказала им милость"". "Получив эту весть, —

рассказывал везир Узбека Рабиб ад-Дин Дандан, — Узбек положил голову на подушку, у него тотчас же поднялся жар, и он умер через несколько дней"⁷².

Со смертью атабека Узбека прекратилось существование государства атабеков Азербайджана. Территории, подвластные потомкам Шамс ад-Дина Илдениза, перешли под власть хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, который правил Азербайджаном, Ширваном и Грузией вплоть до середины 1231 г.⁷³

В течение мухаррама и сафара 623 г. х. (январь - февраль 1226 г.) султан Джалал ад-Дин был занят подготовкой к походу на Тифлис. Однако прежде чем начать поход, хорезмшах встретился в крепости Бджни с главнокомандующим грузинскими войсками Аваком, сыном Иване Мхаргрдзели, и в беседе с ним заявил: "Я не пришел грабить Грузию, а пришел с миром. Но вы почему-то быстро вооружились и настроились против меня, и мира не стало. Сейчас, ибо ты один из главных везирей грузинского двора, послушай меня. Слышал ли ты о моем роде, о величии моего государства? Я — сын великого владыки, хорезмшаха... но судьба отвернулась от дома Хорезмшахов, и я везде был побежден Чингиз-ханом. Когда я увидел, что он силен, а у меня нет сил, я оставил государство и направился в Грузию с миром. Я слышал о силе и мощи вашей страны и о смелости грузин. А сейчас я хочу, чтобы мы соединились и вместе боролись против врага. Я слышал, что ваш царь — женщина. Сделайте меня ее мужем и царем над вами, и мы вместе будем побеждать врагов наших. Если же вы так не поступите, то ваше государство будет разгромлено, а если даже я уйду, то татары уже здесь. Вы не сможете им противостоять и не имеете сил для борьбы с ними. Пошли гонца к царице и сообщи о моем предложении, ибо я не хочу разгрома Грузии, а хочу защищать ее от врага, и если вы меня поддержите — будет мир"⁷⁴.

Авак послал гонца к царице Русудане (1222 - 1245), но та отвергла предложение хорезмшаха, после чего он возобновил военные действия в Грузии. Грузинские войска, усиленные отрядами аланов, лакзов и кыпчаков, выступили навстречу хорезмшаху, однако Джалал ад-Дин в нескольких сражениях разбил их и, заняв по пути Сомхити, преследовал отступавших грузин до Тифлиса⁷⁵.

Царица Русудана и ее двор перебрались в Кутаис, оставив в Тифлисе большой гарнизон под командованием братьев Мемны и Боцо Боцосдени. Битва за город проходила с переменным успехом, но в одном сражении за городскими стенами грузинский отряд, отступая под натиском хорезмийцев, не смог сдержать их, и воины Джалал ад-Дина, не без помощи живших в Тифлисе мусульман, ворвались в город через Гянджинские ворота. В сражении на улицах города грузины потеряли своего командира Мемну и были вынуждены укрыться в цитадели города — Исани. Хорезмийцы учинили в городе погром, и грузинский летописец сравнивает разгром Тифлиса с разгромом Иерусалима, учиненным императорами Рима Веспасианом и Титом⁷⁶.

Узнав о безвыходном положении гарнизона, запертого в Исани, царица Русудана приказала им сдать. Было взято в плен 10 тыс. грузинских воинов. Джалал ад-Дин предложил им принять ислам, но, по словам грузинского летописца, пленные отказались, и все были перебиты на мосту через Куру, названном впоследствии "Мостом святых Десяти тысяч мучеников тифлисских"⁷⁷.

Тифлис был взят Джалал ад-Дином 8 раби I 623 г. х. (9 марта 1226 г.). Как пишет ан-Насави, "мечи полновластно распорядились его (Тифлиса) жителями, а руки воинов захватили все их добро. И получил султан все, что было здесь собрано веками. Всего этого не пересчитали бы пальцы самого искусного знатока, а в стопках реестров стало бы тесно от перечисления"⁷⁸.

После взятия Тифлиса хорезмшах совершил опустошительный рейд по грузинским областям Сомхити, Картли, Триалети, Самцхе, Тао, Джавахети и Артаани. Овладев Восточной Грузией, султан Джалал ад-Дин начал чеканить здесь монеты от своего имени⁷⁹.

В джумада II 623 г. х. (июнь 1226 г.), когда хорезмшах вел войну в Грузии, он узнал об измене и восстании его наместника в Кермане хаджиба Барака. Последний перестал платить дань в султанскую казну и обратился к монголам с письмом, в котором сообщал о малочисленности султанских войск в Кермане и призывал их к походу против Джалал ад-Дина⁸⁰.

Султан покрыл расстояние от Тифлиса до Кермана за 17 дней. Ранее он направил к Бараку гонца, которому было поручено склонить того к повинению. Однако Барак заперся в одной из мощных крепостей, на осаду которой надо было затратить длительное время. Джалал ад-Дин готовил в это время поход на Хилат и, простояв несколько дней близ Исфахана, вернулся в Тифлис, тем более что им было получено известие от везира Шараф ал-Мулка о нападении войск владетеля Хилата ал-Малика ал-Ашрафа на подвластные султану земли. С этого времени Барак стал независимым владетелем Кермана⁸¹.

Когда Джалал ад-Дин находился в Ираке, везир Шараф ал-Мулк, оставленный с войсками в Тифлисе, решил пополнить запасы продовольствия за счет соседних земель. Он вторгся в об-

ласть Арзрума, где его войска стали бесчинствовать. Захватив большую добычу, везир пустился в обратный путь, но был перехвачен в пути наместником ал-Малика ал-Ашрафа в Хилате хаджибом Али. Войска Шараф ал-Мулка были разгромлены, и вся добыча у них была отобрана. Поэтому Шараф ал-Мулк и отозвал султана из Кермана⁸².

Возвратившись в рамадане 623 г. х. (сентябрь 1226 г.) из Кермана в Тифлис, хорезмшах совершил нападение на города Ани и Карс и захватил крепости Кемах и Арзинджан⁸³. После этого он решил начать осаду одного из главных опорных пунктов Аййубидов на берегу озера Ван — крепости Хилат. Однако для того, чтобы сбить защитников Хилата с толку, хорезмшах сделал вид, что уводит войска в Тифлис. Затем он вновь повел войска в Анатолию и 13 зу-л-ка'да 623 г. х. (5 ноября 1226 г.) осадил крепость Малазгирд, но вскоре снял осаду и, спешно перебросив войска к Хилату, начал 15 зу-л-ка'да (7 ноября) штурм крепости.

Войска султана подошли к городским воротам и вступили в сражение, в результате которого им удалось ворваться в предместья Хилата и добраться до базара Сук ад-Дакик. Начались грабежи и избиение населения, и тогда жители поднялись на защиту города и отогнали хорезмийцев от Хилата. Через несколько дней Джалал ад-Дин снова бросил войска на штурм, но вновь потерпел неудачу.

Осада хорезмийцами Хилата продолжалась 40 дней — до 25 зу-л-хиджжа 623 г. х. (15 декабря 1226 г.), после чего Джалал ад-Дин снял осаду из-за холодов, снега и нападения туркмен и ива'итов на Азербайджан⁸⁴.

Ива'иты, воспользовавшись тем, что хорезмшах был занят осадой Хилата, захватили азербайджанские города Аштар и Урмию и взыскали харадж с жителей Хоя, где находилась жена султана — Малика. Кроме того, ива'иты совершили опустошительный рейд по стране и перерезали торговый путь на Табриз, напали на караван купцов и отобрали у них товары и 20 тыс. голов овец. Малика сообщила об этом Джалал ад-Дину, который не замедлил наказать ива'итов. "И не было недостатка в загубленных душах и снятых головах. Он (султан) угнал их скот в Муган, и одна пятая часть (хумс) добычи составила 30 тысяч голов скота"⁸⁵.

По возвращении в Табриз хорезмшах узнал, что монголы начали новый поход на запад и уже достигли Дамгана и окрестностей Рея. В начале 624 г. х. (январь 1227 г.) Джалал ад-Дин, прервав свой отдых, двинулся с войсками к Исфахану, где он имел запасы продовольствия и мощный арсенал, да и сам город был для него "морем воинов". Из Исфахана хорезмшах выслал навстречу монголам четырехтысячный отряд всадников, который, встретив монголов, вернулся в ставку султана. Когда монголы достигли селения ас-Син, в 30 км восточнее Исфахана, Джалал ад-Дин устроил смотр войскам и исфаханскому ополчению, после чего выступил против монголов.

В сражении, происшедшем у Исфахана 22 рамадана 624 г. х. (5 сентября 1227 г.), монголы были разбиты наголову, хотя левый фланг султанских войск был весь уничтожен монголами. В этом сражении султану изменил его брат Гийас ад-Дин Пир-шах, который увел с собой свои и часть войска султана⁸⁶.

Один из видных монгольских военачальников, Тайнал-нойан, видевший беспримерную храбрость Джалал ад-Дина в этом сражении, сказал: "Поистине, это богатырь своего времени и вождь своих сверстников!". А Толи-хан, сын Чингиз-хана, оправдывая поражение монголов в этом сражении, написал письмо Джалал ад-Дину, где говорил, что "разбитые султаном монголы не из числа наших воинов. Мы прогнали их от себя"⁸⁷.

Одержав над монголами важную для себя победу, хорезмшах на какое-то время обезопасил свои тылы на востоке и спешно возвратился в Азербайджан, куда, пользуясь его отсутствием, вторгся наместник ал-Малика ал-Ашрафа хаджиб Али. Вторжению хаджиба Али в Азербайджан предшествовали происходившие там события, итогом которых и послужило обращение к нему бывшей жены атабека Узбека Малики.

Когда султан находился в Ираке Персидском, бывшие мамлюки атабека Узбека Беклик ас-Садиди, Сайф ад-Дин Сункурджа, Насир ад-Дин Ак-Куш и другие, которые находились на службе у хорезмшаха, восстали против него. "Они раскинули шатры в окрестностях Табриза, желая изменить данному слову, нарушить установившийся порядок и пытаться восстановить прежнюю династию атабеков"⁸⁸.

Когда везир султана Шараф ал-Мулк узнал, что они находятся близ Табриза, он стал готовиться к сражению с ними, и "в битве, где ломались мечи и трещали копья", сторонники атабека были разбиты и обращены в бегство. Ак-Куш и Беклик были распяты, и, как сообщает ан-Насави, "Арран и Азербайджан были очищены от тех, кто имел отношение к смуте, и от тех, которые вышли из повиновения"⁸⁹.

После этого султан получил от везира донесение о том, что бывшая жена атабека Малика якобы "подстрекает сторонников атабека против султана, обещая им власть"⁹⁰. На самом же деле,

Шараф ал-Мулк ненавидел Малику, старался любыми способами оклеветать ее и захватить все ее имущество, владения и казну. Малика, спасаясь от везира, покинула город Хой и укрылась в крепости Тала на северном берегу озера Урмия. Шараф ал-Мулк сразу же прибыл в Хой и конфисковал все имущество Малики. Дважды пыталась Малика умиловить везира, но тот требовал полнейшего подчинения. Убедившись в безуспешности своих попыток, Малика обратилась за помощью к хаджибу Али. "Она стала звать его, чтобы он спас ее и помог ей освободиться, с условием, что она сдаст ему все принадлежащие ей крепости и земли"⁹¹.

В ша'бане 624 г. х. (июль - август 1227 г.) хаджиб Али вторгся с войсками в Азербайджан и захватил город Хой и соседние крепости, принадлежавшие Малике. По просьбе жителей Маранда и Нахичевана хаджиб Али завладел и этими городами. Он мог бы захватить и другие населенные пункты Азербайджана, но, овладев казной Джалал ад-Дина, вернулся в Хилат, уведя в плен дочь везира Шараф ал-Мулка. Вместе с хаджибом уехала и Малика. Что касается везира Шараф ал-Мулка, то он, будучи таким же трусливым, как и жестоким, бежал от хаджиба Али в Табриз⁹².

После этих событий везир Шараф ал-Мулк отправил войска в Арран, где его отряды разграбили имущество обитавшего в Мугане туркменского племени Куджат-Арслан. Отсюда он двинулся к берегу Куры, намереваясь вторгнуться в земли Ширвана. Он потребовал у ширваншаха дань в 50 тыс. динаров, но тот отказался выплатить деньги, заявив, что передаст их только самому султану. Тогда Шараф ал-Мулк отправил против ширваншаха 4-тысячный отряд всадников, но ширваншах укрылся в горах, и везир решил отобрать Нахичеван у его владительницы Джалалии — сестры атабека Узбека, однако защитники города дали отпор войскам везира, и он отошел к крепости Шамиран⁹³. Но здесь на него напали отряды подоспевшего из Хилата хаджиба Али, и Шараф ал-Мулк бежал в Маранд, бросив на произвол судьбы даже свой личный обоз⁹⁴.

Из Маранда везир ушел в Табриз, а хаджиб Али вновь захватил Хой. Нахичеван сдался хаджибу без боя, и он двинулся отсюда на Табриз. Но в это время из Ирака возвратился султан Джалал ад-Дин, который быстро вернул области, утраченные везиром. В 625/1228 г. в сражении у Беркри (к северо-востоку от оз. Ван) войска Джалал ад-Дина разгромили отряды хаджиба Али, а сам он еле спасся⁹⁵.

В это время против хорезмшаха восстал еще один бывший мамлюк атабека Узбека — Изз ад-Дин Балбан ал-Халхали. Воспользовавшись отсутствием султана, занятого войной с монголами у Исфохана, а также вторжением в Азербайджан хаджиба Али, Балбан завладел областью и крепостью Халхал и другими крепостями в округе Ардабиля.

Возвратившийся из Ирака Джалал ад-Дин осадил Балбана в крепости Фирузабад и заставил его капитулировать и сдать ему все захваченные крепости⁹⁶. Изз ад-Дин Балбан был настолько сильным противником, что хорезмшах направил 12 шаввала 625 г. х. (14 сентября 1228 г.) владельцу Сурмари Хусам ад-Дину Хыдру послание с последующей передачей его в Хилат хаджибу Али. Текст послания следующий:

"Джалал ад-Дунйа ва-д-Дин Абу-л-Музаффар Манкбурны ибн султан Мухаммад ибн Текиш, хорезмшах, Помощник Эмира верующих, а *унван* его "Победа только от Аллаха!".

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!

Великий властелин мира, владыка справедливый, споспешествующий, победоносный, поддерживаемый Аллахом, победитель, борец за веру, гордость государства и религии, счастье ислама и мусульман, оказывающий помощь маликам и султанам, побеждающий пороки и смутьянов, Хосров, монарх армян, при упоминании имени которого изумляется Иран, — да продлится его величие!

Знай, что все дела управления государством решаются согласно приказам, адресованным нашим мамлюкам и вассалам. В момент нашего прибытия в Азербайджан мы приняли твердое решение направиться к армянам и в Сирию, но смута Изз ад-Дина Балбана преступила границы дозволенного в то время, когда он воочию видел наши победоносные знамена. Он использовал этот случай и начал смущать эти окраины. По нашему мнению, которое является зеркалом тайн, сначала надо было обрубить корни смуты упомянутого, чтобы наша высокая мысль освободилась от дел этой страны. Поэтому мы подготовили отряд из наших слуг, чтобы направить его против этих упомянутых в середине месяца рамадана (август 1228 г.).

После этого Балбан бежал и вошел в крепость Фирузабад и укрепился в ней, а мы пребывали у границ Халхала до конца рамадана для того, чтобы запастись продовольствием и фуражом. По окончании праздника мы отправились к крепости Фирузабад, и наши мамлюки и войска остановились у стен крепости. Мы окружили ее так, что даже птица не могла влететь в нее, и приказали установить катапульты...

Когда обитатели крепости увидели все наше снаряжение и готовность войск, то Балбан понял, что он сможет выйти из этого затруднительного положения, только извинившись и получив

прощение и убежище под сенью пощады и поддержки со стороны столпов [державы] и ходатайства у них об этом. И он ходатайствовал об этом, после чего наше расположение открыло ему врата согласия, даровав прощение ошибочных проступков и укрытие их покрывалом нашей милости...

Три дня тому назад Балбан вошел в число наших мамлюков, и мы приказали назначить в каждую крепость нашего вали.

Двенадцатого шаввала шестьсот двадцать пятого года⁹⁷.

Однако вскоре Балбан перешел на сторону хаджиба Али и с помощью его войск выступил против хорезмшаха. Последнему все же удалось заманить Балбана в западню, и Балбан был казнен⁹⁸.

В это время на службу к Джалал ад-Дину пришло племенное объединение кыпчаков, около 50 тыс. шатров, и султан попытался с их помощью овладеть Дербендом⁹⁹. Попытка не удалась, но везир Шараф ал-Мулк сумел отобрать у ширваншаха область Гуштасфи¹⁰⁰.

Может быть, везир и продолжал бы захват земель Ширвана, но ширваншах опередил его и сам отправился к Джалал ад-Дину "без приглашения, так как считал, что поцеловать руку султану и ступить на его ковер будет для него делом почетным и станет защитой от превратностей судьбы, запасом на черный день"¹⁰¹.

Хотя везир и советовал султану "арестовать ширваншаха и присоединить его страну к соседним с ней владениям султана, Джалал ад-Дин с этим не согласился и отпустил ширваншаха, наградив его почетными одеждами и соблюдая церемонии"¹⁰².

Вслед за этим хорезмшах начал второй большой поход на Грузию. Узнав об этом, царица Русудана "призвала войска восточное и западное, войска эров, кахов, сомхитаров, джавахов, месхов, таойцев, дадиани, абхазов, джиков, открыла ворота Дарьяльские и впустила оттуда осетин, дурзуков и всех горцев. Собралось их множество, и всех она направила на битву с хорезмийцами. Они прошли Тифлис, а султан стоял лагерем около Болниси. Когда сторожевые посты хорезмийцев заметили их приближение, они сообщили об этом султану. Он двинулся вперед, и началась страшная битва. Вначале грузины побеждали, но бог был разгневан на грузин и никак не мог унять этого гнева. И снова царские войска потерпели поражение и бежали. А султан снова пришел в Тифлис. Если что-нибудь еще оставалось для разграбления, он грабил, а другое — уничтожал"¹⁰³.

Разгромив грузинские войска, хорезмшах в 625/1228 г. вторично осадил Хилат, но вновь из-за жестокой зимы потерпел неудачу. Сразу после этого он бросил свои войска на равнину Муша, Джабахджура и Дийар-Бакра. Хорезмийцы учинили в этих краях разбой, взяли в плен множество людей и уничтожили селения и посевы.

Когда жители городов Харрана, Саруджа и других узнали о приближении войск Джалал ад-Дина, они оставили свои жилища и бежали в Сирию. Совершив опустошительный рейд по Юго-Восточной Анатолии, хорезмшах вновь возвратился в Азербайджан¹⁰⁴.

В 1229 г. погиб Гийас ад-Дин Пир-шах, бежавший со своими эмирами от Джалал ад-Дина во время сражения с монголами близ Исфакхана. Вначале он бежал в Хузистан, откуда послал своего везира в Багдад с письмом халифу аз-Захиру (1225 - 1226) с просьбой о помощи против своего брата. Халиф, продолжая политику своего предшественника ан-Насира, использовал все доступные ему средства, чтобы поддержать любого противника хорезмшаха. Везир возвратился из Багдада "с обещаниями помощи и некоторой долей щедрого благодеяния: с ним отправили 30 тысяч динаров в качестве пожалования"¹⁰⁵.

Когда Гийас ад-Дин узнал, что монголы разбиты и султан возвращается победителем, он в страхе бежал к исмаилитам в Аламут. Узнав об этом, хорезмшах стал угрожать исмаилитам нападением на их крепости, если они не выдадут ему брата. Глава исмаилитов Ала ад-Дин Мухаммад III ответил ему следующим посланием: "Твой брат укрылся у нас. Он султан и сын султана, нам не дозволено выдавать его, и мы оставим его у нас, не отправляя его в какую-либо из твоих земель. Мы просим тебя быть к нему милостивым и дать нам гарантию в этом". Джалал ад-Дин удовлетворился их ответом и отбыл к Хилату¹⁰⁶.

Что касается Гийас ад-Дина, то он с 500 всадниками покинул Аламут и направился в Керман, где намеревался укрыться у хаджиба Барака. Барак встретил его с 4-тысячным отрядом, но через несколько дней приказал удушить Гийас ад-Дина и его мать, обвинив их в заговоре против него. Барак отправил голову Гийас ад-Дина Пир-шаха каану Огедею с извещением: "У вас было два врага: Джалал ад-Дин и Гийас ад-Дин. Голову одного из них я посылаю вам!"¹⁰⁷.

Когда хорезмшах Джалал ад-Дин совершал второй поход на Хилат и набеги на Юго-Восточную Анатолию, к нему в крепость Тугтаб прибыло послание от кенийского султана Ала ад-Дина Кей-Кубада I, который постоянно враждовал с Аййубидами. В письме Кей-Кубад I подстре-

кал хорезмшаха к активным военным действиям против Аййубидов, обещая ему всяческую помощь¹⁰⁸.

И вот в шаввале 626 г. х. (август 1229 г.) хорезмшах в третий раз бросил свои войска на осаду Хилата.

Осада Хилата была кульминацией военных успехов хорезмшаха и поворотным моментом всей его жизни и деятельности. К третьей осаде Хилата Джалал ад-Дин приступил, движимый также ненавистью к наместнику ал-Малика ал-Ашрафа в Хилате хаджибу Али, который совершил несколько опустошительных рейдов в Азербайджан и даже захватил казну хорезмшаха. Ал-Малик ал-Ашраф понимал, что, взяв Хилат, хорезмшах начнет наступление на его владения и покончит с ним самим. Поэтому он решил принести хаджиба Али в жертву и объявил, что хаджиб вторгся во владения хорезмшаха без приказа с его стороны и даже без его ведома. Ал-Малик ал-Ашраф назначил наместником Хилата Изз ад-Дина Айбека, приказав ему арестовать хаджиба Али.

И когда хорезмшах подошел к Хилату, к нему прибыл посланник Изз ад-Дина Айбека с изъявлением "покорности и смирения". Ал-Малик ал-Ашраф, назначив Айбека наместником в Хилате, приказал ему "подчиниться султану и следовать его желаниям. Он причисляет себя к сообществу помощников и друзей султана, подобно остальным султанским войскам во всех странах"¹⁰⁹.

Однако решение хорезмшаха осаждать Хилат оставалось неизменным, и он потребовал выдачи хаджиба Али. Хаджиб был убит по приказу ал-Малика ал-Ашрафа за вмешательство в дела управления государством, и Джалал ад-Дин не утолил жажду мести¹¹⁰.

Хорезмшах приступил к осаде Хилата. Против города было установлено 12 катапульт, началась долгая и жестокая осада. Осажденные войска, поддерживаемые жителями города, яростно защищались. Время шло, снова наступила зима, а действия войск хорезмшаха были по-прежнему безуспешны. Из-за наступивших жестоких морозов и обильных снегопадов хорезмшах вынужден был отправить своих воинов отогреться и отдохнуть в ближайшие селения. В Хилате начался жестокий голод — население съело весь скот, собак, кошек, мышей, трупы умерших и падаль¹¹¹. Из города вырвалось около 20 тыс. обессилевших людей, которых пытались кормить, но почти все они погибли от дистрофии.

Наместник в Хилате Изз ад-Дин Айбек несколько раз обращался к своему государю за помощью, однако никакой поддержки не получил. Хилат, отмечал ан-Насави, "стал тягостью для того, кто его брал, и несчастьем для того, кто им владел"¹¹². Наконец один из эмиров, Исма'ил ал-Ива'и, не выдержал лишения осады и тайно сговорился с хорезмшахом о том, что он ускорит сдачу города. За это хорезмшах выделил ему в качестве *акта'* город Салмас и ряд владений в различных областях Азербайджана¹¹³.

Ночью Исма'ил ал-Ива'и спустил с городских стен веревки, и через некоторое время хорезмийцы ворвались в Хилат. По настоянию своих ханов и эмиров Джалал ад-Дин разрешил грабеж в городе, и три дня хорезмийские воины грабили и убивали население.

Хилат был взят после полутора лет осады 14 апреля 1230 г.¹¹⁴.

Джувейни приводит текст победной грамоты (*фатх-наме*) хорезмшаха по случаю взятия Хилата:

"Хвала и благодарственные молебны Творцу — да будет славным и величественным его упоминание! — который явился причиной победы и успеха наших мирозавоевательных знамен!.. Один шаг — все страны перешли во владение и под контроль слуг нашего дома — да будет он вечен! Следующий шаг — и вся армия врага попала в плен нашего могущества и подчинилась нашему предводительству. И "это — из милости Господа моего, чтобы испытать меня — буду ли я благодарен или неверен".*

И вот наши триумфальные знамена, развевающиеся над нами, несут символ победы. В течение восьми месяцев (с августа 1229 г. по апрель 1230 г.) они окружали Хилат... Многочисленные воины из Дийар-Бакра и с берегов Евфрата, из Египта и Сирии, а также некоторое число [воинов] из стран Востока и из туркменских и тюркских племен заполнили город...

Безумие спеси проникло в эти взбунтовавшиеся сердца, так что не осталось пути для принятия мер предосторожности. В итоге в конце джумада первого (апрель 1230 г.) наши победоносные сподвижники получили разрешение на сражение, и приказ был таков, чтобы каждый пробивал брешь в том месте, где он стоял, и чтобы каждый воин искал вход в город перед собой. Наша, подобная львам, свита и доблестные сподвижники, которые устали от длительного бездействия и искали пути, ведущие к битве, в течение трех дней и ночей вели сражение, выискивая любую возможность для вторжения в город.

* Коран XXVII, 40.

В воскресенье 28 джумада первого (15 апреля 1230 г.), на закате, когда башни и зубцы стен были стеснены авангардом знамен и штандартов, подобных небесам со звездами, и залпы и крики доносились со всех сторон, противники нашего дома отступили в цитадель в центре города и наши победоносные сподвижники захватили большую добычу. И хотя жители Хилата из-за их упорства в заблуждении недостойны прощения, все же наша справедливость и благожелательный совет пощадили их жизни, и мы отдаем приказ нашим людям прекратить грабежи.

Некоторые из наших противников, почувствовав, что путь к бегству закрыт и ворота нашего всеобъемлющего прощения открыты, пришли с повинной и запросили милости, говоря: "Господи наш! Мы обидели самих себя!"*.

И сегодня братья ал-Малика ал-Ашрафа, а именно Муджир ад-Дин и Таки ад-Дин, так же как и Изз ад-Дин Айбек, правитель Арзана [Хусам ад-Дин Тогрул] и эмир Аксам, — каждый из них, совместно с Асадом ал-Михрани и всеми должностными лицами Аййубидов — хотели они этого или нет — изъявили покорность...¹¹⁵.

В Хилате была взята в плен также и жена ал-Малика ал-Ашрафа, дочь Иване Мхаргрдзели Тамта, которая стала женой хорезмшаха¹¹⁶.

Конийский султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I видел в хорезмшахе грозную силу, которую он старался отвести от своих владений, направив ее на борьбу с Аййубидами, с которыми Сельджукиды ар-Рума вели постоянную борьбу за земли на юге Анатолии. Военные действия Джалал ад-Дина в районе озера Ван и южнее его происходили в непосредственной близости от владений Ала ад-Дина Кей-Кубада I. Данное обстоятельство, конечно же, заставляло сельджукида обдумывать меры, которые могли бы отвести угрозу со стороны хорезмшаха, который рано или поздно, в зависимости от обстоятельств, мог вторгнуться и в земли Конийского султаната.

Ала ад-Дин Кей-Кубад I пытался отвлечь хорезмшаха от действий на западе, обратив его внимание на перспективы отношений с монголами. Но Ала ад-Дин думал не о поддержке действий хорезмшаха в борьбе с монголами, а о том, чтобы превратить государство Джалал ад-Дина в своеобразное прикрытие от монголов. Конийский султан явно опасался того, что военные действия хорезмшаха приведут к нашествию монголов и поставят под угрозу его собственные владения. И когда хорезмшах в ответ на письмо, полученное от конийского султана в Тугтабе, направил в Конью ответное послание, Ала ад-Дин Кей-Кубад I сказал посланцу Джалал ад-Дина следующее: "Мы испытываем большое уважение к победоносному султану. Передайте ему, что его высокие помыслы, по наущению некоторых изменников**, обернулись в сторону Хилата, а эти его действия весьма далеки от разумной мысли. Мы полагаем, что сегодня самым приемлемым для нас путем является путь мирного согласия с монголами. И если это окажется приемлемым, пусть султан сделает все возможное для того, чтобы открыть со своей стороны двери мирных переговоров. Было бы полезным, во имя интересов всех мусульман, чтобы султан немедленно направил послов к монголам. И есть надежда, что с помощью мягких слов, денег и подарков обе стороны смогут погасить полыхающий повсеместно огонь раздора.

Безусловно, султану известно, что если он начнет действовать в этом направлении, то он сможет использовать и наши возможности. Это вы доведете до султана в точности. И если султан сможет добиться исполнения этого единственного решения, способствующего процветанию его государства, то тогда он освободит свои войска от походов на христиан Грузии и соседних земель и использует их в походах на Арран. Если султан направит послов к монголам, запросит договора и мира и откажется от притеснений мусульманских стран и бесцельного кровопролития, то мы не пожалеем для этого ни золота, ни серебра. Но если он по наущению изменников (имеется в виду везир Шараф ал-Мулк. — З. Б.) отвернется от этих советов, тогда возникнет необходимость дать ему вразумительный совет со стороны коалиции мусульманских правителей. Мы будем добиваться своих целей, и изберем путь отражения угроз, и будем сражаться во имя своих интересов"¹¹⁷.

По наущению везира Шараф ал-Мулка хорезмшах в течение месяца не давал ответа на это послание Ала ад-Дина Кей-Кубада I, забавляя его послов пирами и утехами. Наконец даже придворные хорезмшаха стали выражать недовольство задержкой ответа. Но ответ так и не был дан.

Во время осады Хилата хорезмшах получил письмо от своей сестры Хан-Султан, ставшей в плену у монголов женой сына Чингиз-хана Джочи. Ее письмо перекликалось по содержанию с приведенным выше посланием султана Ала ад-Дина Кей-Кубада I. Она писала Джалал ад-Дину: "К хакану дошло известие о твоей силе, о твоем могуществе и обширности твоих владений. Поэтому он решил с тобой породниться и договориться о том, чтобы владения ваши были разграничены рекой Джейхун: тебе — все, что до реки, а ему — все, что за рекой. Поэтому, если ты най-

* Коран VII, 23/22.

** Имеется в виду везир хорезмшаха Шараф ал-Мулк, который был ярим противником султана Ала ад-Дина Кей-Кубада I и постоянно подстрекал Джалал ад-Дина напасть на земли Конийского султаната.

дешь силы противостоять им (монголам), отомсти, сражайся с ними: если одолеешь, то поступишь, как захочешь. Если нет, пользуйся случаем примириться, пока они этого хотят!"

Однако хорезмшах оставил письмо сестры также без ответа, о чем сожалеет ан-Насави¹¹⁸.

Конийскому султану Ала ад-Дину Кей-Кубаду I, который все еще надеялся на благоразумие хорезмшаха, были выгодны действия Джалал ад-Дина против Аййубидов — врагов Коньи. Но в этот момент к хорезмшаху на поклон с признанием покорности отправился двоюродный брат Ала ад-Дина — владетель Арзан ар-Рума Рукн ад-Дин Джахан-шах.

До этого Рукн ад-Дин Джахан-шах, враждуя с Ала ад-Дином Кей-Кубадом I, был вассалом ал-Малика ал-Ашрафа и вместе с хаджибом Али выступал против хорезмшаха. Но "когда он увидел, что государство хорезмшаха распространяет лучи власти и укрепляет свое могущество и что Хилат вскоре будет взят, он написал султану, прося пощады"¹¹⁹. Затем Рукн ад-Дин явился в ставку хорезмшаха, и тот оказал ему высшие почести и обязал его участвовать в войне против Аййубидов.

В эти же дни и султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I направил к хорезмшаху послов "с подарками и подношениями, стараясь угодить ему"¹²⁰.

Однако послам конийского султана добраться до хорезмшаха не удалось. Мало того, что послов приняли как представителей ничтожного вассала, их стали унижать и наносить им оскорбления. А когда послы "напомнили о вражде, возникшей между владетелем Арзан ар-Рума и ними, и просили, чтобы султан разрешил отобрать Арзан ар-Рум у его владетеля, а самого его передал им и дал утолить накопившуюся в их душах злость и ненависть к нему", то хорезмшах категорически отверг требование конийцев, а везир Шараф ал-Мулк даже грубо добавил: "Если бы султан разрешил мне, я вторгся бы сам в вашу страну и захватил бы ее силой своих войск!"¹²¹.

Послы Ала ад-Дина Кей-Кубада I, не урегулировав отношений с хорезмшахом, возвратились с ответами, не удовлетворившими их господина. Они сообщили ему, что "все его заботы об очищении источника дружбы, о возобновлении договоров, его стремление к взаимной поддержке и помощи друг другу — все это оказалось ударом по холодному железу"¹²².

Страх перед непредсказуемыми действиями хорезмшаха Джалал ад-Дина и его войск и угроза для существования всех малых владений в Малой Азии, Сирии и Северной Месопотамии привели к тому, что конийский султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I создал против хорезмшаха коалицию, в которую вошли владетель Дамаска ал-Малик ал-Ашраф, владетель Халеба Шамс ад-Дин Саваб, султан Майафарикина Шихаб ад-Дин Гази и султан Банйаса ал-Азиз Усман. В своем послании ал-Малику ал-Ашрафу Ала ад-Дин Кей-Кубад I писал: "Остановить Джалал ад-Дина без меча невозможно, а старания угодить ему бесполезны. И теперь осталось лишь привести в согласие слова и дела наши и защитить наши державы"¹²³.

Халиф ал-Мустансир (1226 - 1242) пытался воспрепятствовать пагубной междоусобной борьбе мусульманских владык, старался образумить их перед лицом грозной опасности нового вторжения монголов. Однако примирить хорезмшаха с членами коалиции ему не удалось¹²⁴.

Хорезмшах, кажется, не считал Аййубидов серьезными противниками и рассматривал захваченный Хилат как часть своей собственной территории. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что его "увлекло желание восстановить город. Он жаждал привести в прежнее состояние разрушенное и собрать разбросанное и расклевывался в том, что разрешил грабить и разорять. Он выделил из казны четыре тысячи динаров на восстановление стен, разрушенных катапультами, и они были возведены очень быстро. Он разделил области Хилата на *икта*' ханам и эмирам"¹²⁵.

И то, что хорезмшах двинул после захвата Хилата свои войска не на юг, а на запад, в сторону Малазгирда, где в 1071 г. султан Алп-Арслан разбил византийского императора Романа Диогена, говорило о том, что его помыслы были направлены на разгром Конийского султаната. В это время вассал хорезмшаха владетель Арзан ар-Рума Рукн ад-Дин Джахан-шах сообщил ему о переговорах между Аййубидами и конийским султаном о совместных действиях против хорезмшаха. Рукн ад-Дин советовал Джалал ад-Дину: "Поистине, будет разумнее, если мы начнем до того, как они соберутся, потому что тогда дело станет ненадежным. Нужно наступать против каждого из них в отдельности еще до того, как они будут готовы, пока они обособлены и удалены друг от друга. Это лучше, чем позволить им осуществить их намерение действовать вместе"¹²⁶.

Хорезмшах и Рукн ад-Дин Джахан-шах договорились о совместном выступлении "через пять дней" из Хартаберта против Аййубидов, чтобы воспрепятствовать их соединению с конийцами. Но именно в это время хорезмшах тяжело заболел, и некоторое время его окружение не надеялось на то, что он выздоровеет. Рукн ад-Дин торопил хорезмшаха с выступлением и сообщал о продвижении войск противника с целью соединения. Однако болезнь хорезмшаха помешала их замыслам, и время было упущено.

В Сивасе войска союзников по коалиции собрались вместе и двинулись на Арзинджан по долине Западного Евфрата. С востока по этой же дороге навстречу двигались войска Джалал ад-Дина, однако ни один из противников не имел представления о действиях другой стороны.

25 рамадана 627 г. х. (7 августа 1230 г.) на равнине у горы Иассы Чаман, близ Арзинджана, произошла первая стычка между войсками хорезмшаха и отборным отрядом войск Ала ад-Дина Кей-Кубада I численностью в 3 тыс. всадников. Хорезмшах выслал против них 700 всадников, которые разбили этот отряд. "От войска сельджуков ар-Рума осталось только облако пыли, которое поднялось над полем боя, но, в конце концов в лагере союзников узнали, что явилось причиной этого"¹²⁷.

Рукн ад-Дин Джахан-шах советовал хорезмшаху развить наступление и добить ошеломленного врага, но Джалал ад-Дин не стал преследовать противника, и его промедление после сражения у Иассы Чамана спасло войска союзников от разгрома.

Генеральное сражение между войсками хорезмшаха Джалал ад-Дина и коалиции произошло 28 рамадана 627 г. х. (10 августа 1230 г.). Армия хорезмшаха была разгромлена и рассеяна. Сам Джалал ад-Дин покинул войска и ускакал в Хилат¹²⁸. Вскоре он вывел остатки своих войск в Азербайджан. Часть эмиров хорезмшаха была захвачена союзниками в плен, а часть, бросив своего господина, бежала до Мугана, "оставив султана в качестве добычи для каждого алчного и пищи для любого голодного"¹²⁹.

Несмотря на разгром войск хорезмшаха, союзники не продолжили движение в его владения: "Страх и благоговение перед ним столь прочно завладели их сердцами, что они не осмелились преследовать его и возвратились назад"¹³⁰. Ал-Малик ал-Ашраф от имени союзников первый начал переговоры о мире. Он вступил в переписку с везиром хорезмшаха Шараф ал-Мулком и в послании ему отмечал: "Поистине, твой султан — султан ислама и мусульман, их опора, преграда и стена между ними и монголами. Для нас не тайна, что за бедствие постигло силу ислама и чистоту веры из-за смерти его отца. Мы знаем, что его слабость — это слабость ислама, и нанесенный ему ущерб обратился против всех людей. Ты же, испытавший на себе все превратности эпохи, знающий, что в ней полезно, а что вредно, и вкусивший сладость и горечь ее, — разве ты не можешь пробудить в нем желание соединить наши устремления, и это — "вернее путем и прямее по речи"?* И почему ты не призовешь его к согласию, которое похвально и в начале и в конце?"

И вот я — поручитель для султана от имени Ала ад-Дина Кей-Кубада и моего брата ал-Малика ал-Камила. И я хочу узнать, что может удовлетворить его по части помощи, поддержки и очищения от дурных намерений в любом положении — в близости и в отдалении, и хочу исполнить все, что поспособствует исчезновению причин неприязни и очистит от клейма этой розни"¹³¹.

Хорезмшах вначале упрявился, но потом принял условия перемирия и дал клятву ал-Малику ал-Ашрафу в том, что отказывается от претензий на Хилат и его округ. Дать клятву Ала ад-Дину Кей-Кубаду I об отказе от претензий на его земли Джалал ад-Дин категорически отказывался, но, когда пришли известия о вторжении монголов в Ирак и их продвижении в Азербайджан, он "дал такую клятву"¹³².

Узнав о разгроме Джалал ад-Дина у Иассы Чамана, глава исмаилитов Ала ад-Дин Мухаммад III, видевший в хорезмшахе угрозу для существования своих владений, "послал к монголам сообщение о слабости Джалал ад-Дина и о его бегстве и стал торопить их идти против него, слабого, гарантируя им победу"¹³³.

Хорезмшах подозревал исмаилитов в тайных сношениях с монголами, он даже узнал имя посла владыки исмаилитов к монголам. В связи с этим Джалал ад-Дин отправил в Аламут своего мунши Шихаб ад-Дина ан-Насави с целью узнать о содержании их послания к монголам. Но исмаилиты мотивировали свое посольство к монголам тем, что-де "наша земля граничит с монголами и нам необходимо вести переговоры с ними, чтобы отвести от нее бедствия"¹³⁴. Однако это было не так: исмаилиты решили отомстить хорезмшаху за то, что он в течение многих лет жестоко преследовал их, опустошая их земли.

Через некоторое время, когда монголы стали подходить к границам Азербайджана, везир хорезмшаха Шараф ал-Мулк перехватил очередное письмо исмаилитов к монголам, в котором они торопили их с нападением на хорезмшаха¹³⁵.

Получив в 628/1230-31 г. послания исмаилитов, монголы вторглись в Азербайджан и очень быстро оккупировали страну. Очутившись в безвыходном положении, Джалал ад-Дин вынужден был обратиться за помощью ко всем правителям, с которыми он недавно враждовал и от которых потерпел поражение.

* См.: Коран IV, 51/54; LXXIII, 6.

В своем послании он писал: "Войско монголов очень велико, на этот раз больше, чем всегда, и воины этих стран страшатся их. Если вы не окажете помощь людьми и снаряжением, то я, который стою стеной, пропаду, а у вас не окажется возможности противостоять им. Щадя себя, своих детей и всех мусульман, каждый подайте помощь одним отрядом войска со знаменем, дабы, когда до них (монголов) дойдет молва о нашем соглашении, они получили хоть небольшой отпор, а также и наши воины приободрились. Если же в этом отношении будет допущено какое-либо небрежение, то сами увидите, что будет, и получите то, чего добивались"¹³⁶.

Однако никто хорезмшаху помощи не оказал. Мало того, когда над ним нависла угроза гибели, его везир Шараф ал-Мулк начал интриговать против него. Он стал писать владельцам соседних земель письма с оскорблениями в адрес своего господина и просил их помочь ему захватить власть во владениях хорезмшаха Джалал ад-Дина. "Он стремился заручиться их согласием на то, что он останется владельцем Аррана и Азербайджана, но будет читать хутбу с их именем. Он отправил Ала ад-Дину Кей-Кубаду и ал-Малику ал-Ашрафу письма, выразил обоим полную покорность, а своего султана называл в письмах "беспомощным злодеем"¹³⁷.

Некоторые из этих писем попали в руки хорезмшаху, и участь везира была решена — он был арестован, а затем казнен¹³⁸.

Хорезмшах в это время находился в Мугане, где, несмотря на появление монголов, проводил время на охоте вместе с братом ал-Малика ал-Ашрафа Муджир ад-Дином Йа'кубом, которого он взял в плен в Хилате. Отсюда хорезмшах разослал гонцов в войска, которые были разбросаны по зимовкам. Однако монголы напали на эти зимовки раньше, чем туда прибыли гонцы Джалал ад-Дина, и его замысел собрать войска потерпел неудачу. Мало того, монголы выследили хорезмшаха на охоте и напали на его лагерь ночью. Хорезмшаху удалось спастись, после чего он отправил Муджир ад-Дина Йа'куба к брату с посланием, в котором говорилось, что "бедствие, постигшее его из-за нашествия монголов, касается не только его и владений. Если им дать срок, то все остальные страны ислама окажутся перед гибелью... Молния зла уже сверкает, беда раздула свое пламя, и их остановят только совместные усилия всей общины мусульман и полное согласие"¹³⁹.

Сам Джалал ад-Дин отправился в Арран, где надеялся собрать часть своих войск и туркменские племена и встретить монголов близ Гянджи. Но в это время жители Гянджи, которым надоело засилье хорезмийцев, подняли восстание, перебили часть находившихся в городе чиновников Джалал ад-Дина, отправили их головы монголам и "заявили о своей непокорности султану"¹⁴⁰.

Руководителем восстания гянджинцев был ремесленник Бандар. Однако силы были неравными, и военный опыт хорезмийцев оказался выше. Воины Джалал ад-Дина ворвались в Гянджу и быстро расправились с восставшими. Хорезмшах потребовал у городской знати имена главарей восставших и арестовал 30 человек во главе с Бандаром. Султан приказал отрубить всем голову прямо у ворот, а Бандара казнить публично и изрубить тело на куски¹⁴¹.

Семнадцать дней Джалал ад-Дин находился в Гяндже, ожидая ответа на свои послания владельцам соседних стран. Однако надежды на помощь с их стороны не было. Но и в этой ситуации хорезмшах, вместо того чтобы сражаться с наседавшими монголами, разослал войска по стране, и его отряды стали грабить не только Арран и Грузию, но и земли Конийского султаната, что еще больше ожесточило местных владетелей¹⁴².

Это бездействие хорезмшаха можно объяснить его разочарованием в позиции соседних мусульманских государей и пониманием безвыходности своего положения. Впрочем, в беседе со своим личным секретарем хорезмшах сказал, что он никогда не сомневался в том, что они не могут ему¹⁴³.

Покинув Арран, Джалал ад-Дин направился в Малую Азию, откуда кружным путем хотел возвратиться в Исфахан, где надеялся "усилиться и опереться"¹⁴⁴. Проследовав через Хилат к Амиду (Дийар-Бакр), султан хотел оставить здесь свои обозы и, забрав семью, следовать в Исфахан налегке. Однако правитель Амиды ал-Малик ал-Мас'уд, испугавшись последствий, которые могли возникнуть в связи с пребыванием в его владениях обозов хорезмшаха, решил любым способом отговорить его от этого и стал подстрекать хорезмшаха к походу против конийского султана Ала ад-Дина Кей-Кубада I, который отобрал у него несколько крепостей: "Поистине, ар-Рум — достижимая цель для султана, и он, как только направится туда, овладеет страной, не имея соперников, и будет править ею беспрепятственно. А если султан победит владетеля ар-Рума и будет опираться на дружественных кыпчаков, которые желают служить ему, то монголы будут бояться его, и этим будет достигнута победа"¹⁴⁵. Ал-Малик ал-Мас'уд обещал хорезмшаху присоединиться к нему с 4 тыс. всадников в случае, если он выступит против конийского султана.

Хорезмшах принял план, предложенный ал-Маликом ал-Мас'удом, отказавшись от намерения отправиться в Исфахан, и остановился близ Амиды. Как говорит летописец, хорезмшаха в

эти дни "можно было сравнить с утопающим, который, не умея плавать, хватается за соломинку"¹⁴⁶.

В середине шаввала 628 г. х. (август 1231 г.) хорезмшах предался разгулу и пьянству. После одной пирушки пьяный Джалал ад-Дин заснул мертвецким сном, не ведая, что лагерь его окружен монголами. Они уже подобрались к его шатру, но тут подоспел эмир Ур-хан со своими воинами и отогнал монголов от шатра. Воспользовавшись этим, слуги вывели хорезмшаха, усадили пьяного на коня и ускакали.

Монголы бросились в погоню, и тогда Джалал ад-Дин приказал Ур-хану отвлечь их, с тем чтобы сам он мог оторваться от погони. Как пишет ан-Насави, султан "ушел от них (монголов) один, но это была его ошибка"¹⁴⁷. Эмиру Ур-хану с 4 тыс. всадников удалось уйти от монголов, и он отправился в Исфахан, овладел им и некоторое время правил городом самостоятельно, "пока на него не напали татары. После этого Ур-хан до 639 (1241 - 42 г.) находился под стражей в Фарсе"¹⁴⁸.

Ускакав от монголов, хорезмшах устремился к Амиду, надеясь укрыться за его стенами, но жители не пустили его в город. Джалал ад-Дин бросился прочь от Амиды и, преследуемый по пятам монгольскими всадниками и брошенный своими сподвижниками, поскакал в горы близ Майафарикина.

За султаном погнались 15 монголов. Двое из них догнали его, но он убил их, а остальные отстали. Около селения Айн-Дар султана схватили курды, ограбили его и хотели убить. Тогда Джалал ад-Дин сказал главарю грабителей: "Я в самом деле султан, так что не спешу решать мою судьбу. У тебя есть выбор: или доставь меня к владельцу Майафарикина ал-Малику ал-Музаффару Шихаб ад-Дину Гази — и он вознаградит тебя, или отправь меня в какую-либо мою страну — и ты станешь князем"¹⁴⁹.

Курд этот согласился помочь хорезмшаху и, оставив его в своем шатре под присмотром жены, пошел добывать лошадей. Во время отсутствия хозяина шатра на стойбище пришел еще один курд, вооруженный копьем. Он спросил у женщины: "Что это за хорезмиец?". Та ответила, что это султан, который сейчас находится под покровительством ее мужа. Однако курд, у которого в Хилате хорезмийцы убили брата, решил, что пленник вовсе не султан, и ударив его копьем, убил¹⁵⁰.

Так погиб хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны. Убит он был в середине шаввала 628 г. х. (между 17 и 20 августа 1231 г.)¹⁵¹.

Курды сняли с хорезмшаха все драгоценности и забрали убранство его коня. Через несколько дней один из них, облаченный в одежды и увешанный оружием хорезмшаха, пришел в Амид, где его увидел один из мамлюков Джалал ад-Дина. Мамлюк сообщил об этом ал-Малику ал-Музаффару, который приказал казнить этого курда, перебить всех мужчин из селения, где был убит хорезмшах, а само селение сжечь. В селении нашли вещи хорезмшаха и оружие, которые были опознаны его эмирами. Останки султана были доставлены в Майафарикин. Ал-Малик ал-Музаффар спросил у дяди хорезмшаха Утур-хана, действительно ли убитый — Джалал ад-Дин, тот подтвердил и заплакал. Его погребли ночью близ Майафарикина и сравняли могилу, чтобы над телом хорезмшаха не надругались.

Когда ал-Малику ал-Ашрафу сообщили, казалось бы, радостную для него весть о гибели султана Джалал ад-Дина, он сказал: "Вы поздравляете меня с его смертью? Но вы будете пожирать последствия этого, ибо, клянусь Аллахом, его гибель означает вторжение монголов в земли ислама. Теперь нет подобного хорезмшаху, который был стеной между нами и Гогом и Магогом"¹⁵².

Ибн ал-Асир завершает свою огромную летопись печальным описанием вторжения монголов, которому подверглись страны и области Ближнего Востока. Предсказанное Ибн ал-Асиром новое вторжение монголов через 50 лет пережил его преемник Ибн Васил, который наблюдал картину падения Багдада в 1258 г. и его разгром и разрушение монголами. Он пишет:

"Несомненно, Аллах наказал Джалал ад-Дина за грехи и не дал ему отсрочки, а вырвал его с корнем. И все-таки гибель его была причиной уничтожения мусульман монголами. Ведь после смерти его отца Ала ад-Дина Мухаммада, после разрушения монголами стран и их расправ с населением Джалал ад-Дин бежал в Индию, а затем вернулся назад. Его дело укреплялось, его мощь росла, и он захватил Керман, Ирак Персидский, Азербайджан и Арран, и его сопровождало огромное войско. И если бы он вел порядочный образ жизни, был бы справедлив и не пролил бы столько крови, то он бился бы с монголами, так как его войско было преградой между нами и монголами. Но он вел порочный образ жизни, грешил, чинил несправедливости, враждовал с соседями, вел себя предательски и вызывал недовольство. Это привело к его гибели и гибели его войска. А

затем последовали нашествие монголов и их победа над странами ислама. Если Аллах пожелает чего-нибудь, то он подготавливает и причины"¹⁵³.

В таком же духе высказывается и Ибн ал-Асир: "Джалал ад-Дин был человеком дурного поведения и плохо управлял своим государством. Не было ни одного из соседних правителей, с которым бы он не враждовал, не посягал бы на его владения и не был бы для него нежелательным соседом. Поэтому все они покинули его и не протянули ему руку помощи"¹⁵⁴.

Однако не таким представляет нам хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны его личный секретарь Шихаб ад-Дин ан-Насави, который говорит о своем господине так: "Он был смуглым, небольшого роста, тюрком по речи, но говорил также и по-персидски. Что касается его храбрости, то это был лев среди львов и самый отважный среди всадников-смельчаков. Он был кротким, не сердился и не бранился. Он был серьезен, никогда не смеялся, а только улыбался и был немногословен. Он любил справедливость, однако время смуты, с которой он встретился, восторжествовало над ним, изменив его характер. Он любил облегчать жизнь подданных, но правил в период упадка и поэтому прибегал к насилию"¹⁵⁵. Джалал ад-Дин был стойким в сложных обстоятельствах и равнодушным к тяжелым испытаниям"¹⁵⁶.

После убийства хорезмшаха Джалал ад-Дина стали ходить слухи, что он не погиб и что убит был его оруженосец (*силахдар*). Ибн ал-Ибри (Бар Эбрей), например, сообщает: "Некоторые говорят, что убитый был не Джалал ад-Дин, а его *силахдар*, Джалал ад-Дин был в тот день безоружным и султанской одежды не надевал. Он был в одежде суфия и бродил по областям. Люди стали говорить, что хорезмшаха видели в такой-то стране и в таком-то городе, что в 652 году (1254 г.) группа купцов переправлялась через Джейхун и там стражи на переправе задержали неизвестного бедняка, следовавшего с купцами. Когда стражи стали выяснять, кто он, то оказалось, что это Джалал ад-Дин хорезмшах. Они задержали его, стали бить и допрашивать. Однако он не отступился от своих слов и погиб под пытками. Но, конечно, это был не хорезмшах, этому верить нельзя, и несомненно, это был помешанный"¹⁵⁷.

После гибели хорезмшаха Джалал ад-Дина в странах и областях Ближнего Востока осталось большое число его воинов — представителей различных тюркских племен (в том числе кыпчакских), в свое время бежавших от монголов. Наши источники обычно называют их хорезмийцами, и, по-видимому, это общее название уже в то время вытеснило племенные наименования. С ними были также катибы, факихи и другие лица иранского происхождения. Эта масса людей представляла собой внушительную военную силу, с которой не могли не считаться местные владетели. Конийские султаны и аййубидские принцы, которых на время примирила угроза со стороны хорезмшаха, вновь вернулись к своим старым распрямам и борьбе за территории и господствующее положение в регионе. В этой борьбе они использовали военные формирования хорезмийцев, кроме того, эти войска давали местным правителям возможность в какой-то мере обезопасить себя от монгольского вторжения. Поэтому, привлекая на службу хорезмийцев, как сельджукские султаны, так и аййубидские принцы выделяли им значительные надельные земли *икта'* только в тех местностях, откуда ожидалось вторжение монголов, т. е. пограничных областях своих владений.

После смерти Джалал ад-Дина его эмиры и предводители отрядов племен избрали своим главой эмира Хусам ад-Дина Кыр-хан Малика, хотя он, по словам историка, особой храбростью не отличался и был "нерадив в делах"¹⁵⁸.

В августе 1231 г. конийский султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I предложил Кыр-хан Малику и его сподвижникам эмирам Баракат-хану, Йилан-Бугу, Сару-хану Ханберди, Сайф ад-Дину Садик-хану, Атлас-хану, Насир ад-Дину Кушлу-хану и др. перейти со своими войсками к нему на службу. Эмиры дали султану клятву верности и получили в качестве *икта'* области Арзума и триста почетных одежд. Сам Кыр-хан получил в качестве *икта'* Арзинджан.

В это время вновь обострилась вражда между аййубидскими принцами, и конийский султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I решил использовать хорезмийцев для завоевания владений Аййубидов. В 1233 г. султан с помощью хорезмийцев отобрал у бывшего своего союзника ал-Малика ал-Ашрафа Хилат. После этого эмир Баракат-хан получил в качестве *икта'* Амасию и ее округ, Кушлу-хан — Ларенде, а Йаган-Тогди-хан — Нигде"¹⁵⁹.

Расширение Конийского султаната за счет земель Аййубидов заставило последних принять контрмеры. Старший в роде Аййубидов — владетель Египта ал-Малик ал-Камил возглавил союз своих родственников и приступил к захвату земель на юге Анатолии. Однако конийскому султану с помощью хорезмийских эмиров удалось перекрыть все горные перевалы на пути аййубидских войск, и последние были вынуждены отойти.

Эмир Кыр-хан Малик участвовал в осаде Харпуты и Амида в 632/1234 г., и его войска учинили в этих местах и других округах полный разгром. Однако цели, поставленные султаном Ала

ад-Дином Кей-Кубадом I, а именно захват и удержание Урфы, Сиверека, Ракки и других городов на юге Анатолии, находившихся ранее под контролем Аййубидов, осуществить не удалось, и всю вину в этой неудаче Кей-Кубад возложил на хорезмийских эмиров.

Разгневанный Кей-Кубад I решил совершить новый поход против Аййубидов. Он подготовил войска к выступлению, назначил наследником престола своего сына Изз ад-Дина Кылыдж-Арслана, а другого сына — Гийас ад-Дина Кей-Хосрова отправил наместником в Арзинджан (эмир Кыр-хан Малик вместо Арзинджана получил в качестве *икта'* Сивас). Однако 4 шаввала 634 г. х. (4 мая 1237 г.) султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I был отравлен, и престол Конийского султаната занял не Изз ад-Дин Кылыдж-Арслан, а Гийас ад-Дин Кей-Хосров¹⁶⁰.

Эмир Кыр-хан Малик поклялся новому султану в верности, хотя и был до этого в группе эмиров, стремившихся отдать престол Изз ад-Дину Кылыдж-Арслану. Но близкий к новому султану эмир Са'д ад-Дин Кепек обвинил Кыр-хан Малика в том, что тот якобы хотел уклониться от службы султану и увести свои войска в другие страны. Поскольку эмир Кыр-хан Малик знал все военные секреты султаната и его войск и мог использовать эти сведения в пользу врагов султана, Са'д ад-Дин считал, что если Кыр-хан Малик будет схвачен и заточен, то другие эмиры будут бояться султана и подчинятся ему.

Кыр-хан Малик был заточен в крепость Заманту, где он заболел и вскоре умер. Узнав об этом, другие хорезмийские эмиры, боясь, что их постигнет та же участь, оставили свои владения и надельные земли вместе с семьями и соплеменниками ушли из Анатолии. Однако, покинув земли Конийского султаната, хорезмийцы занялись по пути грабежами и поборами, отчего в стране начались волнения. Султан Гийас ад-Дин Кей-Хосров послал вдогонку хорезмийцам войска, которые должны были воспрепятствовать их уходу из страны, но хорезмийцы разбили султанские войска и захватили большие трофеи.

После этого хорезмийцы поступили на службу к владельцу ал-Джазире аййубиду ал-Малику ас-Салиху, который поселил их в округах Харрана, Урфы, Саруджа и Ракки¹⁶¹.

В течение десяти лет (1237 - 1246) хорезмийские военные силы играли важную роль в событиях, происходивших на Ближнем Востоке. Во главе всех хорезмийских формирований в этот период стоял эмир Мухаммад Баракат-хан ибн Даулат-Малик, резиденцией которого была крепость Харран. Аййубид ал-Малик ас-Салих даже породнился с Баракат-ханом, выдав за него свою родственницу¹⁶².

В мухарраме 635 г. х. (сентябрь 1237 г.) умер владелец Дамаска ал-Малик ал-Ашраф, а в раджабе того же года (март 1237 г.) скончался владелец Египта, старший в роде Аййубидов ал-Малик ал-Камил, и вражда между аййубидскими принцами достигла апогея. В этот период хорезмийцы сочли себя ущемленными со стороны ал-Малика ас-Салиха, выступили против него, разграбили его владения и хотели захватить его самого. Они завладели его казной и всеми сокровищами, которые разделили между собой, и стали полными хозяевами земель ал-Малика ас-Салиха. Ал-Малику удалось бежать от них в Синдjar, однако здесь ему пришлось выдержать осаду его личного врага, владельца Мосула Бадра ад-Дина Лу'лу. Ал-Малик ас-Салих запросил у него мира, но Бадр ад-Дин Лу'лу отверг его просьбу и пригрозил, что захватит его, посадит в железную клетку и отвезет в Багдад.

Тогда ал-Малик ас-Салих обратился за помощью к хорезмийцам, обещая более не притеснять их, богато одарить, и дал обязательство передать им во владение Синдjar, Харран и Руху. Хорезмийцы наголову разбили армию Бадра ад-Дина Лу'лу, захватили все его обозы и казну¹⁶³.

С помощью хорезмийцев ал-Малик ас-Салих отогнал от Амида войска Конийского султана, вызволив из осады своего сына Туран-шаха¹⁶⁴.

Таким образом, ал-Малик ас-Салих стал пользоваться военной помощью хорезмийцев, которые не давали ни одному из его противников совершать вылазки против его владений. Авторитет хорезмийцев неизмеримо возрос, и ал-Малик ас-Салих ради своего спокойствия и сохранения владений шел на всяческие уступки эмирам хорезмийцев.

Чувствуя за собой поддержку хорезмийцев, ал-Малик ас-Салих приступил к захвату владений, принадлежавших младшим представителям рода Аййубидов. В джумада II 636 г. х. (январь 1239 г.) ал-Малик ас-Салих захватил Дамаск, которым до этого времени владел правитель Египта ал-Малик ал-Адил. Хорезмийцы, помогая ал-Малику ас-Салиху захватывать новые владения, не ограничивались подношениями своего повелителя. Они сами решились на завоевания соседних земель. Договорившись с вассалом ал-Малика ас-Салиха, владельцем Хамы ал-Маликом ал-Музаффаром, хорезмийцы в том же, 1239 г. решили захватить Хомс, которым владел Асад ад-Дин Ширкух. Но последний уплатил хорезмийцам огромный выкуп, и хорезмийцы ушли от Хомса¹⁶⁵.

В рамадане 637 г. х. (апрель 1240 г.) ал-Малик ас-Салих выступил против своего брата — владельца Египта ал-Малика ал-Адила и в зу-л-ка'да того же года (июнь 1240 г.) захватил Каир,

арестовал брата и объявил себя правителем Египта. Оставшись в Сирии без покровителя, хорезмийцы стали совершать набеги на различные города и крепости. В 638/1240 г. они напали на крепости Джа'бар и Балис и захватили их, разграбили и перебили большую часть их обитателей¹⁶⁶. Жестокими рейдами хорезмийцев во владениях Аййубидов воспользовался владетель Мосула Бадр ад-Дин Лу'лу: в 638 г. х. он захватил аййубидскую крепость Синджар. Бадр ад-Дин владел ею до самой смерти (657/1259 г.)¹⁶⁷.

А хорезмийцы продолжали бесчинствовать в сирийских землях. В раби I 638 г. х. (октябрь 1240 г.) 12 тыс. хорезмийцев вместе с войсками Бадр ад-Дина Лу'лу напали на город Халеб. И хотя войска Халеба оказали упорное сопротивление нападающим, все же они были разбиты. Хорезмийцы захватили много пленных и богатые трофеи. Но сам Халеб они все же взять не смогли и только разорили его округу, грабя и убивая местных жителей. После этого хорезмийцы разгромили город Манбидж и перебили его население¹⁶⁸.

Вернувшись ненадолго в Харран, хорезмийцы через некоторое время снова переправились близ Ракки через Евфрат и захватили и разграбили города Джубул, Телл А'зас, Сурмин и Ма'арру. Население этих городов в страхе бежало от конницы хорезмийцев.

На помощь халебцам и жителям других городов Сирии выступили со своими войсками владетель Хомса ал-Малик ал-Мансур и наместник ал-Малика ас-Салиха в Дамаске ас-Салих Исма'ил. Эти войска начали преследовать хорезмийцев, которые ушли в Шайзар, а затем в сторону Хамы, Салмии и Русафы, намереваясь добраться до Ракки.

В конце ша'бана 638 г. х. (март 1241 г.) хорезмийцев настигли на переправе через Евфрат, где разгорелось жестокое сражение. Хорезмийцы выставили против аййубидов мощный заслон и сумели переправиться через реку. Однако 21 рамадана (9 апреля 1241 г.) аййубиды настигли хорезмийцев, которые не выдержали натиска и бежали. Аййубиды преследовали их до наступления ночи и взяли многих в плен. После этого аййубиды бросили свои войска на резиденцию хорезмийцев Харран и овладели им. Хорезмийцы же бежали в Ану. После этого у них отобрали принадлежавшие им города Нисибин, Дару, Ракку, Руху, Сарудж и Ра'с ал-Айн¹⁶⁹.

Хорезмийцы потерпели в этих сражениях на сирийской земле сокрушительные поражения, после чего они стали искать для жительства новые места. В 639/1241 г. с ними заключил союз владетель Майафарикина ал-Малик ал-Музаффар, который взял с них обязательство, что они будут защищать его владения в случае нападения кенийского султана Гийас ад-Дина Кей-Хосрова¹⁷⁰. В свою очередь, владетель Майафарикина обязался совершить с ними нападение на Амид. Но во время их совместного выступления на них напали аййубидские войска, отогнали их из округа Амида и сами вторглись во владения ал-Малика ал-Музаффара, совершили по ним рейд и вернулись в Халеб¹⁷¹.

В сафаре 640 г. х. (август 1242 г.) близ Хабура произошло жестокое сражение между хорезмийцами и аййубидами. Хорезмийцы и их союзник ал-Малик ал-Музаффар были разбиты наголову и бежали, бросив все обозы и шатры. Аййубиды захватили огромные трофеи и казну ал-Малика ал-Музаффара¹⁷².

Против хорезмийцев несколько раз выступал с войсками конийский султан, но затем он примирился с ними и обещал им надель *икта'*, но только на границах султаната. Однако хорезмийцы не приняли эти условия, и ушли на юг, в Сирию¹⁷³.

Здесь хорезмийцы стали вести кочевой образ жизни до тех пор, пока их в 642/1244 г. снова не пригласил на службу владетель Египта ал-Малик ас-Салих. Готовясь к отражению нападения на Египет владетеля Дамаска ас-Салиха Исма'ила и его союзников - владетеля Карака ал-Малика ан-Насира, владетеля Хомса ал-Малика ал-Мансура и крестоносцев, которым владетель Дамаска уступил за их помощь города Шакиф, Табарю, Аскалон и Иерусалим¹⁷⁴, ал-Малик ас-Салих договорился с хорезмийцами о совместном выступлении против своих противников¹⁷⁵.

И хорезмийцы под командованием эмиров Хусам ад-Дина Баракат-хана, Ханберди, Сарухана и Кушлу-хана, числом более 10 тыс. всадников переправились через Евфрат. Отсюда одна их группа направилась в долину Бекаа, а другая — к Дамаску, громя на своем пути населенные пункты и расправляясь с их жителями. Владетель Дамаска укрылся в цитадели, а хорезмийцы стремительно прошли через Палестину овладели городами Халил, Табарийа и Наблус и подвергли их разгрому. Наконец они достигли Иерусалима. 11 июля 1241 г. хорезмийцы захватили Иерусалим, перебили в нем всех христиан, извлекли из церквей мощи святых и сожгли как церкви, так и мощи. В цитадели Иерусалима укрылось шесть тысяч рыцарей-крестоносцев (госпитальеров и тамплиеров). При посредничестве владетеля Карака ал-Малика ан-Насира они выговорили себе возможность уйти из города. Но когда рыцари удалились от Иерусалима, хорезмийцы напали на них и перебили почти всех. До Яффы добралось только 300 рыцарей¹⁷⁶.

Из Иерусалима хорезмийцы двинулись к побережью Средиземного моря и после короткой осады захватили город Газзу. Отсюда они отправили в Каир посланца с сообщением о том, что прибыли в распоряжение ал-Малика ас-Салиха. Последний приказал им оставаться в Газзе и послал им большое число почетных одежд, лошадей и деньги¹⁷⁷.

Султан Египта ал-Малик ас-Салих снарядил огромную армию под командованием эмира Рукн ад-Дина Бейбарса и отправил ее в Газзу на соединение с хорезмийцами¹⁷⁸.

Сирийские Аййубиды поняли, какую опасность для их владений представляли объединенные египетско-хорезмийские войска, и стали готовиться к генеральному сражению. Для отражения врага сирийские Аййубиды пошли даже на военный союз с крестоносцами.

Противники встретились в сражении 17 октября 1244 г. у селения Харбийя, близ Газзы. На правом фланге войск сирийских Аййубидов стояли крестоносцы: 1500 конных рыцарей со своими кнехтами и 10 тыс. пехоты. Этими войсками командовали лорд Тира Филип Монфорский, граф Яффы Вальтер Бриеннский, архиепископ Тирский Петр. Левый фланг занимали войска владетеля Карака, а центр — войска владетеля Хамы. В наступление пошли египтяне и хорезмийцы. После ожесточенного сражения сначала были разгромлены войска Хамы, затем хорезмийцы окружили крестоносцев и очень скоро уничтожили почти всех их. В плен было взято 800 рыцарей, бежать смогли лишь одиночки. Всего же было убито более 30 тыс. воинов сирийских Аййубидов и крестоносцев. Хорезмийцы захватили множество трофеев и взяли в плен графа Вальтера Бриеннского и других видных рыцарей¹⁷⁹.

Как пишет историк, "это был великий день. В эпоху ислама такого дня не было, даже во времена Салах ад-Дина (Саладина)!"¹⁸⁰.

15 джумада I 642 г. х. (18 ноября 1244 г.) весть о победе над силами сирийских Аййубидов и крестоносцев достигла Каира, в котором по этому случаю был устроен большой праздник. По городу провели пленных крестоносцев и пронесли головы убитых¹⁸¹.

В итоге всех этих военных операций султан Египта овладел с помощью хорезмийцев Газзой, побережьем Палестины и Иерусалимом. Вслед за этим султан ал-Малик ас-Салих решил присоединить к своим владениям Сирию. Снарядив дополнительную экспедицию, он отправил ее в Палестину, где она присоединилась к войскам эмира Рукн ад-Дина Бейбарса и хорезмийцам. От Газзы объединенные силы двинулись на Дамаск и осадили его. Когда осада ужесточилась, владетель Дамаска запросил мира. Город был сдан египтянам 8 джумада I 643 г. х. (1 октября 1245 г.) с условием, что его владетель уйдет из него со всем своим имуществом и слугами в Баалбек.

Во время сдачи Дамаска произошло событие, которое явилось началом изменения политики египетских Аййубидов в отношении хорезмийцев. Им запретили входить в город в качестве победителей. Взамен этого хорезмийцам предлагались наделы *иктпа'* на побережье Средиземного моря. Однако хорезмийцы, которые сыграли основную роль в том, что Дамаск сдался почти без боя, рассчитывали получить в Сирии большие наделы на "кормление", в том числе и долю за участие во взятии Дамаска. Сочтя такое отношение Аййубидов за оскорбление своего достоинства, эмиры хорезмийцев решили выйти из подчинения египетскому султану¹⁸².

Хорезмийцы ушли из-под Дамаска и, уходя, разорили окрестности города. О своем решении порвать с султаном Египта они сообщили одному из крупнейших военачальников Египта, эмиру Рукн ад-Дину Бейбарсу, который находился с отборными войсками в Газзе. Бейбарс пользовался популярностью среди хорезмийцев, он был женат на хорезмийке, поддерживал ее соотечественников и в этом конфликте стал на их сторону. После этого хорезмийцы известили о своем решении владетеля Карака ал-Малика ан-Насира, который также одобрил их действия, так как и он в силу родственных связей (его жена была хорезмийкой)¹⁸³ симпатизировал им.

Хорезмийцы быстро овладели Иерусалимом и Наблусом, изгнав оттуда наместников султана Египта. Вслед за этим они обратились с письмом к находившемуся в Баалбеке бывшему владетелю Дамаска, и тот тоже поддержал хорезмийцев.

Таким образом, образовалась коалиция против султана Египта. Объединенные силы двинулись на Дамаск, в котором войск почти не было, но город был сильно укреплен и взять его оказалось делом непростым. Началась долгая осада, которая длилась три месяца¹⁸⁴.

В этой ситуации, однако, проявились родственные чувства аййубидских принцев. Султан Египта обратился за помощью к родственникам, и против хорезмийцев выступили владетели Халеба и Хомса. Хорезмийцы вынуждены были снять осаду с Дамаска и выступить навстречу противнику. В это же время союзник хорезмийцев эмир Рукн ад-Дин Бейбарс под предлогом неотложных дел был вызван в Каир. В Каире Бейбарс был схвачен, заточен в крепость и умерщвлен¹⁸⁵.

7 или 8 мухаррама 644 г. х. (25 или 26 мая 1246 г.) близ города Хомса произошло жестокое сражение между войском султана Египта, владетелей Халеба и Хомса и бедуинов, с одной стороны, и хорезмийцами и войсками их союзников — с другой. Первыми не выдержали натиска и бе-

жали союзники хорезмийцев, что и определило исход сражения. Хорезмийцы потерпели сокрушительное поражение. В этом бою был убит их главнокомандующий эмир Хусам ад-Дин Баракатхан. Его голову выставили затем на обозрение в Халебе. Все обозы хорезмийцев были захвачены аййубидами. Масса хорезмийцев попала в плен, а тех, которые рассеялись по областям Сирии, Ливана и Палестины, повсеместно жестоко преследовали. Часть хорезмийцев вместе с владельцем Карака направилась в Халеб. Владелец Халеба принял своего родича с почетом, а прибывших с ним хорезмийцев приказал арестовать. После этого аййубиды осадили Карак, где укрылись ал-Малик ан-Насир и часть хорезмийцев, но ал-Малик ан-Насир, спасая свою жизнь, выдал осаждавшим хорезмийцев.

Последние отряды хорезмийцев были разгромлены близ Карака 17 раби II 644 г. х. (1 сентября 1246 г.). После этого часть хорезмийцев осталась в Сирии, часть подалась в Египет, а часть, под командованием эмира Кушлу-хана, перешла на службу к монголам¹⁸⁶.

Этим сражением завершились в 1246 г. действия хорезмийских отрядов в странах Ближнего Востока. Оторванные от родины, воины последнего хорезмшаха и их сыновья, не имея других средств к существованию, служили различным феодальным владельцам и стали орудием в их междоусобной борьбе. Многие из них нашли в этой борьбе свою гибель. После 1246 г. в арабских исторических сочинениях хорезмийцы почти не упоминаются.

Последнее по времени сообщение о хорезмийцах приводит Рашид ад-Дин, везир Ильханов, в своем "Сборнике летописей": в джумада II 658 г. х. (июнь 1260 г.), когда Хулагу-хан находился в Сирии, он отправил монгольского гонца с 40 слугами в Египет с ультиматумом покориться Чингиз-хану, прислать дань, самому султану явиться в ставку Хулагу-хана и просить себе *шихну* или же готовиться к войне¹⁸⁷. В летописи говорится, что некоторые эмиры хорезмшаха Джалал ад-Дина после многих приключений попали в Египет. Их принял мамлюкский султан ал-Малик ал-Музаффар Сайф ад-Дин Кутуз (1259 - 1260), который "обласкал их, расспросил и подарил много добра". Когда прибыли гонцы Хулагу-хана, Кутуз призвал эмиров и стал с ними советоваться, как помочь делу. Эмир хорезмийцев Насир ад-Дин Мухаммед Каймури сказал: "Если мы пойдем к Хулагу под защиту, стыда и срама не будет, но, конечно, пить из чаши, заведомо зная, что в ней яд, и идти навстречу смерти — далеко от пути разума. Обязательства и обещания Хулагу не исполняются, потому что он после договора и обещания убил исмаилитского главу Хур-шаха, халифа ал-Муста'сима и других, и, если отправиться к нему, он, вероятно, поступит с нами так же".

Кутуз сказал: "Если мы не опередим монголов и не поднимемся их отразить, то вскоре Египет будет опустошен, как это случилось с другими странами. С этими людьми, которые покушаются на нашу страну, надо избрать одно из трех: либо примириться, либо воевать, либо покинуть родину". Тогда Насир ад-Дин Каймури сказал: "В примирении проку тоже нет, ибо на их обязательства положиться нельзя!". И султан Кутуз решился на войну с монголами¹⁸⁸.

Сражение египетских мамлюкских войск с монголами произошло 25 рамадана 658 г. х. (4 апреля 1260 г.) в местечке Айн-Джалут, в Палестине. Сражение это, как известно, закончилось сокрушительным поражением и бегством монгольских войск.

Что касается самого султана Кутуза, то ал-Макризи пишет: "Говорят, что его звали Махмуд ибн Мамдуд, что его мать была сестрой султана Джалал ад-Дина хорезмшаха, а отцом его был сын дяди по отцу султана Джалал ад-Дина. Кутуза взяли в плен татары, которые продали его в Дамаске, откуда он был перевезен в Каир"¹⁸⁹.

Остатки хорезмийцев осели в Египте, на севере Сирии и Ирака и на юго-западе Анатолии. На севере Ирака потомки хорезмийцев живут поныне в селениях Мосульского и Киркукского округов, называя себя туркменами. В Анатолии они носят название *хурзумлу* и живут в селениях, которые и сейчас называются *Хурзум*. Восемь таких селений находится в вилайете Маниса (Турция), на берегу Эгейского моря.

По сообщению Ибн Биби, после смерти хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны один из его эмиров по имени Сару-хан перешел на службу к конийскому султану Ала ад-Дину Кей-Кубаду¹⁹⁰. Этот Сару-хан, по предположению турецких исследователей¹⁹¹, является основателем династии Саруханидов, которая и владела вилайетом Маниса. Династия эта просуществовала до 815/1412 г.¹⁹².

В Восточной Анатолии хорезмийцы осели в округах Кутахия и Алашехира, и их потомки живут теперь в селениях *Хорзом аширеи Овачик*, *Хорзом Алаяка*, *Хорзом Саздере*, *Хорзом Кесерлер*, *Хорзом-и Энбелли*¹⁹³.

Кроме того, в вилайете Урфа существует три селения под названием Хорезм, в которых живут потомки хорезмийцев, бежавших из Сирии¹⁹⁴.

Так закончилась эпопея хорезмийцев, покинувших родину вместе с хорезмшахом Джалал ад-Дином Манкбурны и рассеявшихся по различным областям Ближнего Востока в результате монгольского нашествия.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе 1

- ¹ Гарчистан - горная область к востоку от Бадгиса, вдоль реки Верхний Мургаб. Все сведения об Ануш-Тегине даются по Ибн ал-Асиру, Джувейни, Рашид ад-Дину, Ибн Халдуну и Хафиз-и Абри.
- ² Рашид ад-Дин, т. 1, л. 311 а: ва хамчинин султан Мухаммад хоразм-шах джадд-и а'ла у Нуштакин Гарча-и буд хам аз нежад Огуз аз авлад Бек-дили буд; Хафиз-и Абри, л. 329б: салатин-и Хорезм ке джадд-и а'ла ишан Нуштегин Гарча буд аз нежад Огуз аз-авлад Векдили буданд. - Цит. по: Кафесоглу, 37 (эта важная деталь осталась не замеченной В. В. Бартольдом).
- ³ Казеини. Гузида, 480; Мирхонд, т. 4, 356.
- ⁴ Джувейни, т. 1, 278.
- ⁵ ал-Хусайни, 87.
- ⁶ Джувейни, т. 1, 278; Ибн Халдун, 190.
- ⁷ Ибн ал-Асир, т. 8, 184; Абу-л-Фида, т. 4, 124; Ибн Касир, т. 12, 154
- ⁸ ал-Хусайни, 87; Ибн ал-Асир, т. 8, 194.
- ⁹ Ибн ал-Асир, т. 8, 184; Ибн Халдун, 190.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Ибн ал-Асир, т. 8, 286 - 287; Ибн ал-Джаузи, т. 9, 205; Раванди, т.1, 164 - 165, 197
- ¹³ Диван'и Амир Му'иззи. Изд. Аббаса Икбала. Тегеран [б. г.], 295 - 298.
- ¹⁴ Джувейни, т. 1, 278; Джузджани, т. 1, 236.
- ¹⁵ Там же; см. также: Ауфи, т. 1, 35 - 38; Мирхонд, т. 4, 357.
- ¹⁶ Джузджани, т. 1, 236.
- ¹⁷ Ас-Сафад, т. 7, 195.
- ¹⁸ Ибн ал-Асир, т. 8, 336 - 337; ал-Бундари (ал-Исфахани), 154.
- ¹⁹ О нем см.: Бартольд, т. 1, 383 - 390.
- ²⁰ Джувейни, т. 1, 279; Ибн ал-Асир т. 9, 3) излагает историю этого покушения по-иному. Он пишет, что Санджар во время охоты сам схватил карлуков, которые должны были его убить по приказу самаркандского хана Арслана. Весьма возможно, что в это время Атсыз находился рядом с Санджаром и помог ему обезвредить заговор.
- ²¹ Ибн ал-Асир, т. 8, 336 - 337; ал-Хусайни, 87; ал-Бундари (ал-Исфахани), 159; Ибн ал-Асир. Атабеки, 44 - 45
- ²² Ибн ал-Джаузи, т. 10, 35.
- ²³ Ибн ал-Асир, т. 8, 349; Джувейни, т. 1, 279.
- ²⁴ Джувейни, т. 1, 279 - 280; Мирхонд, т. 4, 358.
- ²⁵ Ибн ал-Асир, т. 8, 364.
- ²⁶ Мангашлак - "мощная крепость в крайних пределах Хорезма. Расположена между Хорезмом, Саксином и областями русов, близ моря, в которое впадает Джейхун, а это Табаристанское (Каспийское) море" (Йакут, т. 8, 183 - 184). См. также: Бартольд, т. 3, 479 - 481.
- ²⁷ Ибн ал-Асир, т. 8, 364.
- ²⁸ Там же. Джувейни (т. 1, 280) говорит, что Атлык был взят в плен, доставлен к султану и тот приказал немедленно разрубить его пополам. См. также: Хондемир. Хабиб, 358.
- ²⁹ См. рукопись из собрания ЛО ИВАН С 816, л. 1436 - 1456: Фатх-и Хорезм бар даст-и султан-и а'зам шаханшах-и му'аззам Санджар ибн Малик-шах.
- ³⁰ Подробнее об этом послании султана Санджара см.: Кеймен. История, 318 - 327.
- ³¹ См. также: Сабити, 94 - 97.
- ³² Ибн ал-Асир, т. 8, 364.
- ³³ Там же, т. 9, 7; Ибн Халдун, 191; Джувейни, т. 1, 280; Казвини. Гузида, 481
- ³⁴ См.: Мар'аши, 236 - 237. Кабуд-Джама - округ в восточной части 202 Астрабада. Правители округа стали носить титул испахбад от имени хорезмшахов.
- ³⁵ Наршахи, 23.
- ³⁶ Рук. ЛО ИВАН С 816, л. 1246 - 1256; Сабити, 97 - 99.
- ³⁷ Ватват. Раса'ил, ч. 1, 13 и сл.
- ³⁸ Там же, 15.
- ³⁹ ал-Бундари (ал-Исфахани), 178; Ибн ал-Асир, т. 8, 361 - 362; Ибн ал-Джаузи, т. 10, 72; Сибт Ибн ал-Джаузи, 168 - 169
- ⁴⁰ О кара-хитах см.: Бартольд, т. 1, 386 - 437; Кеймен. История, 323 и сл.
- ⁴¹ Ибн ал-Асир, т. 9, 2; Ибн Халдун, 192.
- ⁴² Ибн ал-Асир, т. 9, 3.
- ⁴³ Там же; Наршахи, 24
- ⁴⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 3.

- ⁴⁵ О происхождении термина гюр-хан см.: Вартольд, т. 2, ч. 1, 50 и примеч. 9, 10; Джувейни, т. 1, 62 и примеч. 4.
- ⁴⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 3.
- ⁴⁷ Там же, 4; ал-Бундари (ал-Исфахани), 276 - 277.
- ⁴⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 4.
- ⁴⁹ См.: Виттфогель. история, 639. Ал-Хусайни (92) дает слишком большую цифру - 700 тыс. воинов, а у Санджара - 70 тыс. всадников; по Бар Эбрею (т. 2, 376), у гюр-хана было 300 тыс. воинов, а у Санджара 100 тыс.
- ⁵⁰ См.: Бар Эбрей, т. 2, 376; Ибн ал-Асир, т. 9, 4; ал-Хусайни, 92; ал-Бундари (ал-Исфахани), 276 - 278; Раванди, т. 1, 168 - 169; Ибн Халдун, 192. Катаван - "селение в пяти фарсах от Самарканда" (Йакут т. 7, 137). По В. В. Бартольду, Даргам - название потока. См.: Йакут, т. 4, 53; "Даргам - городок и округ в области Самарканда. Состоит из нескольких селений. Славится вином".
- ⁵¹ Например, Хамдаллах Казеини (Гузида, с. 459) пишет: "После этого похода мощь султана Санджара была подорвана и он утратил место, которое занимал в сердцах людей".
- ⁵² Ибн ал-Асир, т. 9, 4; Ибн Халдун, 192.
- ⁵³ ал-Хусайни, 93; ал-Бундари (ал-Исфахани), 256.
- ⁵⁴ Об Абу-л-Фадле ал-Кермани ум. в 1149 г.) см.: Брокельман, т. 1, 641.
- ⁵⁵ См.: Ибн ал-Асир, т. 9, 4; Ибн ал-Джаузи, т. 10, 95; ал-Байхаки. Татиммат, 153 - 154; Джувейни, т. 1, 280; Ибн Халдун, 192 - 193.
- ⁵⁶ Рук. ЛО ИВАН С 816, л. 1426 - 1436; Сабити, 100 - 101; Кёймен. История, 339 - 341; Кафесоглу, 55 - 56.
- ⁵⁷ Ибн ал-Асир, т. 9, 5.
- ⁵⁸ Там же; Бейхаки. тарих-и Бейхак, 277, 283; Ибн Халдун, 193.
- ⁵⁹ Джувейни, т. 1, 356.
- ⁶⁰ ал-Бундари (ал-Исфахани), 280 - 281.
- ⁶¹ См.: Джувейни, т. 1, 281. М. Кёймен (История, 343 и примеч. 1) пишет, что первую строку этого стихотворения можно принять как соответствующую ходу событий, но вторая полностью лжива, ибо до сражения у Катавана все выступления Атсыза заканчивались его поражением. См. также: Кафесоглу, 54 и сл.
- ⁶² О роде Бурхан и его представителях см.: Бартольд, т. 2, ч. 2, 515 - 518
- ⁶³ Низами Арузи, 50.
- ⁶⁴ Там же, 51. По Наршахи (23, вали Бухары звали Али-Тегин.
- ⁶⁵ ал-Хусайни, 93.
- ⁶⁶ Джувейни, т. 1, 282; Ибн ал-Асир, т. 9, 7.
- ⁶⁷ ал-Хусайни, 93; ал-Бундари (ал-Исфахани), 257.
- ⁶⁸ Джувейни, т. 1, 282; Казеини. Гузида, 480; Мирхонд, т. 4, 128.
- ⁶⁹ Раванди, т. 1, 170.
- ⁷⁰ Сабити, 104 - 106
- ⁷¹ Джувейни, т. 1, 282
- ⁷² См.: Йакут, т. 8, 462; Ал-Казвини Закарийа, 381.
- ⁷³ ал-Хусайни, 93
- ⁷⁴ Джувейни, т. 1, 282 - 283; см. также: Кёймен. История, 347 - 348.
- ⁷⁵ В. В. Бартольд говорит только о миссии Аху-Пуша, не упоминая о другой группе послов хорезмшаха.
- ⁷⁶ Джувейни, т. 1, 284
- ⁷⁷ Сабити, 102 - 103
- ⁷⁸ Джувейни, т. 1, 284
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Там же, 285. См. также: Бартольд, т. 1, 392.
- ⁸¹ Ибн ал-Асир, т. 9, 33.
- ⁸² Об этом см.; Босворт. Газневиды; там же источники по вопросу.
- ⁸³ См.; Джуджани, т. 1, 149, 357 - 358
- ⁸⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 33. Джуджани, т. 1, 358. Низами Арузи (101, 125) отмечает, что сражение это произошло у ворот (селения?) Аубе.
- ⁸⁵ Об этом говорится в победной грамоте Санджара, отправленной различным владыкам по случаю разгрома Гуридов. См.: Кёймен. История, 378 - 379.
- ⁸⁶ Согласно Джуджани (т. 1, 360 - 361), Санджар лично приказал передать Ала ад-Дину ал-Хусайну казнохранилища, коней, верблюдов, крупный и мелкий рогатый скот и т.д.
- ⁸⁷ Джуджани, т. 1, 361. Это заявление Санджара похоже скорее на завещание прозорливого владыки, иначе это поздняя купюра самого Джуджани.
- ⁸⁸ Об этом см.: Раванди, т. 1, 165, 168, 170; ал-Хусайни, 90, 92; Джуджани, т. 1, 276 - 277; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 82.
- ⁸⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 5.
- ⁹⁰ Ибн ал-Ибри, 243.
- ⁹¹ ал-Хусайни, 243.
- ⁹² ал-Бундари (ал-Исфахани), 276.
- ⁹³ См.: Бартольд, т. 1, 392 и сл.

- ⁹⁴ Бади, 80 - 82; 84 - 85
- ⁹⁵ Раванди, т. 1, 173
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Ибн ал Асир, т. 9, 37 - 38; Раванди, т. 1, 174 - 175; ал-Бундари (ал-Исфахани), 281 - 282.
- ⁹⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 38; Раванди, т. 1, 175; ал-Бундари (ал-Исфахани), 282 - 283
- ⁹⁹ Подробности разгрома Восточной Сельджукской империи см.: Ибн ал-Асир, т. 9, 38 - 40; Раванди, т. 1, 175 - 179, а также специальные работы М. Кёймена и В. В. Вартольда по восстанию огузов.
- ¹⁰⁰ Джувейни, т. 1, 286; Мирхонд, т. 4, 128.
- ¹⁰¹ Джувейни, т. 1, 286; см. также: Бартольд, т. 1 ("Туркестан в эпоху монгольского нашествия").
- ¹⁰² Джувейни, т. 1, 286.
- ¹⁰³ Бейхаки. Тарих-и Бейхак, 271.
- ¹⁰⁴ Ватват. Ара'ис, л. 25а - 25б
- ¹⁰⁵ Там же, л. 27а - 27б.
- ¹⁰⁶ Там же, л. 26б - 27а.
- ¹⁰⁷ Там же, л. 23б - 24а (бе хакан-и а'зам. Джалал ад-Дунйа ва-д-Дин Абу-л-Касим Махмуд ибн Мухаммад ибн Бугра-хан... дар тахнийат-и анки ура сипах и Хорасан бе падишахи нишанданд нувисад).
- ¹⁰⁸ Джувейни, т. 1, 286. Шахристана - городок в округе Насы (Йакут, т. 5, 315).
- ¹⁰⁹ См.: Ватват. Ара'ис, л. 25а - 25б: "Ва малики Нимруз Абу-л-Фадл Наср ибн Халаф ас-Саджази дар истид'а-и у бе му'аванат-и сул-тан-и а'зам...". Письмо приводится с некоторыми сокращениями.
- ¹¹⁰ На л. 25б - 26а Ара'ис ал-хаватир имеется другое письмо Атсыза владельцу Сиджистана, в котором хормездах еще раз напоминает о важности "величайшего джихада" и "величайшего похода", а также о том, что промедление в этом непростительно. См. также рук. ЛО ИВАН С 816, л. 50б - 52а.
- ¹¹¹ Ватват. Ара'ис, л. 26а.
- ¹¹² Там же, л. 20б - 21а.
- ¹¹³ Там же, л. 27б - 28а (письмо владельцу Гура Ала ад-Дину ал-Хусайну)
- ¹¹⁴ Бартольд, т. 1, 394. См. также: Кёймен. История, 464 - 465.
- ¹¹⁵ Ватват. Ара'ис, л. 28а - 29б; рук. ЛО ИВАН С 816, л. 55а - 57а; Кёймен. Восстание, 618 - 620
- ¹¹⁶ Ибн ал Асир, т. 9, 50; Джувейни, т. 1, 287.
- ¹¹⁷ Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 80.
- ¹¹⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 50; Ибн Халдун, 194..
- ¹¹⁹ См.: Бартольд, т. 1, 395.
- ¹²⁰ ал-Хусайни, 115.
- ¹²¹ Ватват. Раса'ил, ч. 1, 4, 14, 16, 18.
- ¹²² Там же, 5.
- ¹²³ Там же, 7.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Там же, 13.
- ¹²⁶ Там же, 14.
- ¹²⁷ Там же, 18.
- ¹²⁸ Там же, 18 - 19.
- ¹²⁹ Там же, 22 - 24.

К главе 2

- ¹ Джувейни, т. 1, 287; Казвини. Гузида, 490; Джузджани, т. 1, 239; Мирхонд, т. 4, 129
- ² Ибн ал-Асир, т. 9, 50; ал-Бундари (ал-Исфахани), 201.
- ³ Ватват. Ара'ис, л. 45б - 46а.
- ⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 50; Ибн Халдун, 194.
- ⁵ Джувейни, т. 1, 288.
- ⁶ См.: Бартольд, т. 1, 396.
- ⁷ Ибн ал-Джаузи, т. 10, 168.
- ⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 48 - 49; ал-Бундари (ас-Исфахани), 240 - 242.
- ⁹ Ватват. 'Умдат, л. 2а - 4а (первое письмо)
- ¹⁰ См.: Буниятов. Атабеки.
- ¹¹ Ватват. Ара'ис, л. 40а, б (бе султан-и а'ззам Рукн ад-Дунйа ва-д-Дин Арслан-шах нувисад).
- ¹² Ибн ал-Асир, т. 9, 56 - 57.
- ¹³ Там же, 56.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же, 74 - 75; Джувейни, т. 1, 289.
- ¹⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 40, 56, 57, 59, 78.
- ¹⁷ Там же, 82.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Джувейни, т. 1, 289.

-
- ²⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 59.
- ²¹ Там же, 90, 91.
- ²² Там же.
- ²³ Там же, 82.
- ²⁴ ал-Хусайни, 141.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же, 141 - 142.
- ²⁷ Бейхаки. Тарих-и Вейхак, 284.
- ²⁸ ал-Хусайни, 142.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же, 129.
- ³² Там же, 130 - 131; Раванди, т. 1, 280.
- ³³ Равандил, 1, 280.
- ³⁴ Там же, 282; ал-Хусайни, 132 - 134; Ибн ал-Асир, т. 9, 104; ал-Бун-дари (ал-Исфахани), 304; Абу-л-Фида, т. 3, 48
- ³⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 47; см.: Бартольд, т. 1, 396 и сл., т. 5, 547 - 548; Прицак. Караханиды, 53, 54.
- ³⁶ Джуджани, т. 1, 239.
- ³⁷ Джувейни, т. 1, 288 - 289.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Бартольд, т. 5, 547 - 548.
- ⁴⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 89. Мусульманское имя Кылыч-Тамгач-хана - Абу-л-Музаффар Мас'уд - Ему посвящено известное сочинение Мухаммеда аз-Захири ас-Самарканди Синдбад наме (см. рус. пер., 19) и стихи поэта Сузани.
- ⁴¹ Ибн ал-Асир, т. 9, 89.
- ⁴² Там же, 114; Джувейни, т. 1, 289; Ибн Халдун, 194; Ал-Калка-шанди. Ма'асир ал-инафа, т. 2, 55; ал-Ханбали, т.4, 226.
- ⁴³ Ватват. Раса'ил, ч. 1, 25 - 26
- ⁴⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 114; ан-Насави, 73 - 74; Джувейни, т. 1, 289; Раишд ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 96
- ⁴⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 114; Джувейни, т. 1, 290; Раишд ад-Дин, пер., т. 1; кн. 2, 96; Ибн Халдун, 194.
- ⁴⁷ Те же источники.
- ⁴⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 114; Джувейни, т. 1, 290; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 96
- ⁴⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 114; Джувейни, т. 1, 290 - 291; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 96; Ибн Халдун, 194.
- ⁵⁰ Джувейни, т. 1, 291
- ⁵¹ Там же; Ибн ал-Асир, т. 9, 115; Ибн Исфандийар, т. 2, 129; Ибн Халдун, 195.
- ⁵² Ибн ал-Асир, т. 9, 115; Джувейни, т. 1, 291; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 97; Ибн Халдун, 195. См.: Бартольд, т. 3, 124 - 125
- ⁵³ Ибн ал-Асир, т. 9, 115; Джувейни, т. 1, 291; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 97; Джуджани, т. 1, 245.
- ⁵⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 115.
- ⁵⁵ Там же Джувейни; т. 1, 292; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 97; Ибн Халдун, 195.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 115.
- ⁶⁰ Джувейни, т. 1, 293; Джуджани, т. 1, 181 - 182; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 98.
- ⁶¹ Ибн ал-Асир, т. 9, 115; Джувейни, т. 1, 293; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 98.
- ⁶² Те же источники.
- ⁶³ Согласно Ибн Исфандийару (т. 2, 147), хорезмшах Текиш направил свои войска на Нишапур по просьбе жителей города.
- ⁶⁴ Джувейни, т. 1, 294 - 295; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 98.
- ⁶⁵ Джувейни, т. 1, 295.
- ⁶⁶ Там же, 296.
- ⁶⁷ Там же, 297; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 99.
- ⁶⁸ Джувейни, т. 1, 297; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 99.
- ⁶⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 115; Джувейни, т. 1, 287; Джуджани, т. 1, 182; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 99.
- ⁷⁰ Джувейни, т. 1, 297; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 99.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Джувейни, т. 1, 298.
- ⁷³ Там же, 298 - 299; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 99.
- ⁷⁴ Джувейни, т. 1, 301.
- ⁷⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 116; Ибн Халдун, 197.
- ⁷⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 117; Ибн Халдун, 198.
- ⁷⁷ Джувейни, т. 1, 299.
- ⁷⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 117; Ибн Халдун, 199.

- ⁷⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 117, 230; Джувейни, т. 1, 300; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 100; Мирхонд, т. 4, 132; Ибн Халдун, 199.
- ⁸⁰ Джувейни, т. 1, 300.
- ⁸¹ Ибн ал-Асир, т. 9, 117, 229, 230; Джувейни, т. 1, 300-303; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 100; ал-Ханбали, т. 4, 297
- ⁸² Ибн ал-Асир, т. 9, 230; Джувейни, т. 1, 301; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 100; Ибн Халдун, 199.
- ⁸³ Ибн ал-Асир, т. 9, 114.
- ⁸⁴ Ал-Багдади, 12 - 18: Маншур-и айалат-и Дженд ки бар нам-и худа-ванд зада-и джихан хахан-и му'аззам... исдар уфтаде ист.
- ⁸⁵ Там же, 38 - 43.
- ⁸⁶ Там же, 148. У В. В. Бартольда (т. 1, 403, примеч. 4) это письмо датировано 577 г. х
- ⁸⁷ Ал-Багдади, 156 - 161.
- ⁸⁸ О племени Уран см.: Кеprüлю. Уран, 227 - 243. Здесь же источники и литература по вопросу.
- ⁸⁹ Ал-Багдади, 171 - 176. Кыран происходил из того же племени, что и мать Текиша.
- ⁹⁰ Йакут (т.5, 316): "Шахркенд - город в Туркестане, близ Дженда. Между ним и городом Хорезмом (Гурганджем) около десяти дней пути или чуть меньше".
- ⁹¹ Ал-Багдади, 153 - 156.
- ⁹² Там же, 189.
- ⁹³ Ибн ал-Асир, т. 9, 241 - 242.
- ⁹⁴ Ал-Багдади, 125 - 131: фатхнаме дар он вақт. ки лашкар бе джаниб-и Бухара рафт ва фатх-и шахр-и Бухара хасил гашт.
- ⁹⁵ Там же, 130.
- ⁹⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 242
- ⁹⁷ Ал-Багдади, 146 - 149 (первое письмо Гийас ад-Дину ал-Гури).
- ⁹⁸ Там же, 149 - 152 (второе письмо ему же; датировано зу-л-хиджжа 576 г. х. (апрель 1181 г.).
- ⁹⁹ Там же, 153 - 156 (третье письмо ему же).
- ¹⁰⁰ Там же, 156 - 161 (четвертое письмо ему же).
- ¹⁰¹ Там же, 161 - 165 (пятое письмо ему же).
- ¹⁰² Там же, 198 - 201 (шестое письмо ему же). В. В. Бартольд считает, что демонстративное обращение "сын" относится ко всем местным владельцам, в том числе и к Гийас ад-Дину ал-Гури. Однако в данном случае фарзанд относится только к Тоған-шаху, сыну Му'аййида Аи-Аба.
- ¹⁰³ Ибн Исфандийар, т. 2, 130, 136, 137; Мар'аши, 254 - 255; ан-Насави, 241.
- ¹⁰⁴ Ал-Багдади, 182 - 185.
- ¹⁰⁵ Ал-Насави, 95.
- ¹⁰⁶ ал-Хусайни, 148.
- ¹⁰⁷ Ал-Багдади, 165 - 168 (первое письмо атабеку Джахан-Пехлевану).
- ¹⁰⁸ Там же, 168 - 171 (второе письмо ему же).
- ¹⁰⁹ Там же, 171 - 176 (третье письмо ему же).
- ¹¹⁰ Там же, 176 - 182 (четвертое письмо ему же).
- ¹¹¹ Там же, 186 - 190 (письмо ширваншаху).
- ¹¹² ал-Хусайни, 155; ал-Бундари (ал-Исфахани), 302
- ¹¹³ Ибн ал-Асир, т. 9, 224, 230;
- ¹¹⁴ ал-Хусайни, 155 - 156. Раванди, т. 1, 354; Ибн ал-Асир, т. 9, 224, 230; Нишапури, 90; ал-Йазди, 173.
- ¹¹⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 230; Нишапури, 90; Джувейни, т. 1, 299 - 300.
- ¹¹⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 290, Раванди, т. 1, 336, 350; ал-Хусайни, 156 - 157.
- ¹¹⁷ Ибн ал-Асир, т. 9, 230; Джувейни, т. 1, 300; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 100
- ¹¹⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 130; Раванди, т. 1, 336, ал-Йазди, 174; Джувейни, т. 1, 302.
- ¹¹⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 230; Раванди, т. 1, 340 - 341; ал-Хусайни, 161.
- ¹²⁰ ал-Хусайни, 161 - 162.
- ¹²¹ Там же, 162 - 163.
- ¹²² Там же, 163. Мушкуйа - городок в округе Рея.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же, 163 - 164; Ибн ал-Асир, т. 9, 230; ал-Йазди, 176; Раванди, т. 1, 340 - 341; Нишапури, 91; Бар Эб-рей, т. 2, 467; Джувейни, т. 1, 302 - 303; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 101; Ибн Халдун, 201 - 202
- ¹²⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 231; Раванди, т. 1, 345; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 102
- ¹²⁶ Джувейни, т. 1, 304; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 102; Мирхонд, т. 4, 132.
- ¹²⁷ Ибн ал-Асир, т. 9, 203; Джувейни, т. 1, 303 - 304; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 102
- ¹²⁸ Ас-Суйути, 454 - 455.
- ¹²⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 232; Раванди, т. 1, 346; Джувейни, т. 1, 304
- ¹³⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 232; Раванди, т. 1, 347; Джувейни, т. 1, 304.
- ¹³¹ Раванди, т. 1, 346 - 347.
- ¹³² Ибн ал-Асир, т. 9, 232; Раванди, т. 1, 347 - 349; Ибн Исфандийар, т. 2, 160; Ибн Халдун, 202 - 203; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 137
- ¹³³ Раванди, т. 1, 350 - 351; Джувейни, т. 1, 307.

- ¹³⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 234.
¹³⁵ Раванди, т. 1, 357.
¹³⁶ Там же, 358 - 359; Джувейни, т. 1, 308,
¹³⁷ Ибн ал-Асир, т. 9, 234; Ибн ал-Фувапги, т. 4, ч. 1, 283 - 284; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 141.
¹³⁸ Раванди, т. 1, 353 - 354
¹³⁹ Там же, 354.
¹⁴⁰ Там же.
¹⁴¹ аз-Захаби. Ал-'Ибар, ч. 5, 278.
¹⁴² Раванди, т. 1, 365 - 366.
¹⁴³ Там же, 367 - 368.
¹⁴⁴ Там же.
¹⁴⁵ Там же, 368; Джувейни, т. 1, 312; Ибн Халдун, 205
¹⁴⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 248.
¹⁴⁷ Там же, 248; Джувейни, т.1, 312; Ибн Халдун, 205.
¹⁴⁸ Ибн ас-Са'и, 19, 24.
¹⁴⁹ Кермани. Ал-Музаф, 6 - 7.
¹⁵⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 248; Джувейни, т. 1, 313.
¹⁵¹ Ибн ал-Асир, т. 9, 248; Джувейни, т. 1, 313 - 314; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 138; Ибн Халдун, 205 - 206.
¹⁵² Ибн ал-Асир, т. 9, 250; аз-Захаби. Ал-'Ибар, ч. 5, 292; Джувейни, т. 1, 314 - 315; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 138; Ибн Халдун, 206
¹⁵³ Зажор Фарйаби. Диван. Мешхед, 1337 г. х., 294.
¹⁵⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 250; Ибн ас-Са'и, 34; Ибн ал-Фувати, т. 4, ч. 2, 1007.
¹⁵⁵ Сибт Ибн ал-Джаузи, 471; ас-Субки, 331 - 332.
¹⁵⁶ ал-Ханбали, т. 4, 324; Джузджани, т. 1, 241.
¹⁵⁷ Ан-Насави (с. 87) пишет, что "Теркен-хатун была из племени Баят, а это одно из ответвлений племени Йемек". По Джувейни (т. 2, 465), она происходила из племени Канглы. Джузджани (т. 1, 240 - 241) сообщает, что Теркен-хатун была дочерью кыпчакского хана Акрана (Кырана?).
¹⁵⁸ Джузджани, т. 1, 240 - 241.
¹⁵⁹ Ауфи, т. 1, 39 - 40.
¹⁶⁰ Сибт ибн ал-Джаузи, 471
¹⁶¹ Джувейни, т. 1, 315; Мирхонд, т. 4, 134.
¹⁶² Сибт ибн ал-Джаузи, 472.

К главе 3

- ¹ Ибн Исфандийар, т.2, 166 - 167.
² Раванди, т. 1, 369 - 370.
³ Ибн ал-Асир, т. 9, 265; Раванди, т. 1, 372; Ибн Исфандийар, т. 2, 169.
⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 250.
⁵ Там же, 250, 253; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 138; Ибн Халдун, 207.
⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 253; Джувейни, т. 1, 316; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 139; Ибн Халдун, 208.
⁷ Ибн ал-Асир, т. 9, 253; Ибн ал-Варди, т. 2, 168; Джувейни, т. 1, 316; Джузджани, т. 1, 252, 380 - 381; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 139; Ибн Халдун, 208 - 209
⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 256 - 257; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 139; Ибн Халдун, 202.
⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 258; Ибн ас-Са'и, 84; Джувейни, т. 1, 318 - 319; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 140.
¹⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 257; Джувейни, т. 1, 317.
¹¹ Ибн ал-Асир, т. 9, 257.
¹² Там же; Ибн Халдун, 211
¹³ Джувейни, т. 1, 317; Ибн ас-Са'и, 83 - 84.
¹⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 258, 259; Джувейни, т. 1, 319; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 140
¹⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 259; Джувейни, т. 1, 319 - 320.
¹⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 261; Джувейни, т. 1, 320 - 321; Ибн ас-Са'и, 121
¹⁷ Джувейни, т. 1, 321
¹⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 261.
¹⁹ Там же, 262.
²⁰ Джувейни, т. 1, 322; Мирхонд, т. 4, 136.
²¹ Джувейни, т. 1, 322.
²² Там же, 322 - 323; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 140.
²³ Ибн ал-Асир, т. 9, 262 - 263; Джувейни, т. 1, 323 - 324; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 140; Ибн Халдун, 215.
²⁴ Джувейни, т. 1, 325; Мирхонд, т. 4, 136, 215.
²⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 269; Джувейни, т. 1, 325; Ибн ас-Са'и, 153.

- ²⁶ Ибн ал-Асир, т.9, 272; Джувейни, т. 1, 326; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 155 (более подробно: 156 - 159).
- ²⁷ Джувейни, т. 1, 327.
- ²⁸ Там же, 328.
- ²⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 277 - 278; Джувейни, т. 1, 328 - 329; Ибн Халдун, 215 - 217
- ³⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 278; Джувейни, т. 1, 329.
- ³¹ Ибн ал-Асир, т. 9, 279; Джувейни, т. 1, 329 - 330; Ибн Халдун, 217 - 218.
- ³² Джувейни, т. 1, 331; Мирхонд. т. 4, 137.
- ³³ ан-Насави, 84.
- ³⁴ Джувейни, т. 1, 330 - 331.
- ³⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 279 - 280; Ибн Халдун, 218 - 219.
- ³⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 285; Ибн Халдун, 219 - 220.
- ³⁷ Ибн ал-Асир, т. 9, 286; Джувейни, т. 1, 332; Мирхонд, т. 4, 137.
- ³⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 286.
- ³⁹ Джувейни, т. 1, 332.
- ⁴⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 286.
- ⁴¹ Там же, 288; Ибн Исфандийар, т. 2, 172; Ибн Халдун, 220.
- ⁴² Ибн ал-Асир, ч. 9, 291; Джувейни, т. 1, 340.
- ⁴³ Ибн ал-Асир, т. 9, 292.
- ⁴⁴ Джувейни, т. 1, 333 - 334; Мирхонд, т. 4, 138.
- ⁴⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 292; Джувейни, т. 1, 334; Ибн Халдун, 223 - 224
- ⁴⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 292.
- ⁴⁷ Там же, 291; Джувейни, т. 1, 359; Ибн ас-Са'и, 237 - 238.
- ⁴⁸ См.: Бартольд, т. 2, ч. 2, 515 - 518.
- ⁴⁹ Низами Арузи, 50.
- ⁵⁰ Джувейни, т. 1, 341.
- ⁵¹ Там же; Мирхонд, т. 4, 137.
- ⁵² См.: ан-Насави, 65 - 66.
- ⁵³ Бухара была взята хорезмшахом в 604/1207 г. См.: Ибн ал-Асир, т. 9, 291; Наршахи, 23 - 24.
- ⁵⁴ Джувейни, т. 1, 343. В. В. Бартольд и другие авторы читают имя эмира Бургана, что неверно.
- ⁵⁵ Ауфи, т. 1, 51
- ⁵⁶ Джувейни, т. 1, 349, 351.
- ⁵⁷ Там же, 351.
- ⁵⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 293; Джувейни, т. 1, 351 - 352; Мирхонд, т. 4, 138
- ⁵⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 293.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Джувейни, т. 1, 352; Мирхонд, т. 4, 138.
- ⁶² Ибн ал-Асир, т. 9, 239; Ибн ас-Са'и, 237 - 239; Ибн Халдун, 220.
- ⁶³ Джувейни, т. 1, 336 - 340. Здесь эмир назван Кезли.
- ⁶⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 293; Джувейни, т. 1, 353.
- ⁶⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 293 - 294; Джувейни, т. 1, 335 - 336
- ⁶⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 294; Ибн ас-Са'и, 224 - 225.
- ⁶⁷ Джувейни, т. 1, 356; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 180.
- ⁶⁸ Джувейни, т. 1, 342.
- ⁶⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 294.
- ⁷⁰ ан-Насави, 66 - 68; Ибн ал-Асир, т. 9, 294; Джувейни, т. 1, 347 - 349; Ибн ас-Са'и, 241. Сведения ан-Насави и Джувейни о дате и причинах ссылки в Насу весьма различны, но в данном случае предпочтение следует отдать Джувейни, так как его сообщение подтверждают отгарские монеты 607 г. х., чеканенные от имени Мухаммеда б. Текиша (см.: Давидович. Бараб).
- ⁷¹ Джувейни, т. 1, 360.
- ⁷² ан-Насави, 65; Джувейни, т. 1, 344-349; Ауфи, т. 1, 73, 112, 201.
- ⁷³ ан-Насави, 70.
- ⁷⁴ Там же, 297.
- ⁷⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 294; Джувейни, т. 2, 394.
- ⁷⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 294; Ибн ас-Са'и, 241
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Джувейни, т. 2, 395 - 396. Другие данные см.: Ибн ал-Асир, т. 9, 295; Ибн асСа'и, 241; Ибн Халдун, 225 - 226.
- ⁸⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 295.
- ⁸¹ Джувейни, т. 2, 396.
- ⁸² Ибн ал-Асир, т. 9, 295 - 296; Джувейни, т. 1, 349 и сл.; Ибн Халдун, 226 - 228.
- ⁸³ Ибн ал-Асир, т. 9, 330; Ибн Арабшах, 236 - 237; Ибн Аби Хадид, 70.
- ⁸⁴ Раванди, т. 1, 372. См. также: Ибн Исфандийар, т. 2, 169; Абу-л-Фида, т. 3, 105
- ⁸⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 282.

- ⁸⁶ Джарбазкани, 5.
- ⁸⁷ Ибн ал-Асир, т. 9, 305, 306.
- ⁸⁸ Там же, 307, 309.
- ⁸⁹ Джувейни, т. 1, 340.
- ⁹⁰ Там же, 340 - 341.
- ⁹¹ Ибн ал-Асир, т. 9, 309; Джувейни, т. 2, 701 - 702; Ибн Исфандийар, т. 2, 175; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 193 - 194.
- ⁹² ан-Насави, 57; Ибн ал-Асир, т. 9, 309, 313; Джувейни, т. 2, 391; Ибн Халдун, 231.
- ⁹³ По Ибн ал-Асиру (т. 9, 308), Керман был присоединен к владениям хорезмшаха в 611/1214 г.
- ⁹⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 308; Ибн Халдун, 228 - 229; Рашид ад Дин, пер., т. 1, кн. 2, 196
- ⁹⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 308.
- ⁹⁶ Там же, 312; Джувейни, т. 2, 391; ан-Насави, 57; Ибн Халдун, 231.
- ⁹⁷ Ибн ал-Асир, т. 9, 313; ан-Насави, 57.
- ⁹⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 313; ан-Насави, 57; Джувейни, т. 2, 365; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 186; Ибн Халдун, 231.
- ⁹⁹ ан-Насави, 57.
- ¹⁰⁰ Там же, 57 - 58; Ибн Халдун 231.
- ¹⁰¹ ан-Насави, 58; Джувейли, т. 2, 366; Рашид ад Дин, пер., т. 1, кн. 2, 186.
- ¹⁰² ан-Насави, 58 и сл.; Ибн ал-Асир, т. 9, 313; Джувейни, т. 2, 366; Абу-л-Фида, т. 3, 118; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 186; Ибн Халдун, 231 - 232.
- ¹⁰³ ан-Насави, 45, 61; Ибн ал-Асир, т. 9, 313; Джувейни, т. 2, 366; Ибн Халдун, 231; Абу-л-Фида, т. 3, 118.
- ¹⁰⁴ Те же источники.
- ¹⁰⁵ ан-Насави, 46, 63; Ибн ал-Асир, т. 9, 313, 314; Джувейни, т. 2, 365 - 366; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 186; Ибн Халдун, 232.
- ¹⁰⁶ ан-Насави, 45; ас-Субки, 336.
- ¹⁰⁷ См.: аз-Захаби. Тарих ал-Ислам, рук. биб-ки Топкапу, № 3015, л. 131а, б.
- ¹⁰⁸ Ибн ас-Са'и, 139.
- ¹⁰⁹ Ибн ад-Дубайси, т. 2, л. 72а
- ¹¹⁰ ан-Насави, 102. По всей вероятности, это сын автора знаменитой Китаб ал-ансаб, выходец из известной мервской семьи ученых-шафиитов.
- ¹¹¹ Ибн ас-Са'и, 167 - 168.
- ¹¹² Там же, 262; Ибн ад-Дубайси, т. 2, л. 301а - 302б.
- ¹¹³ Ибн асСа'и, 262.
- ¹¹⁴ ан-Насави, 55.
- ¹¹⁵ Ал-Хамави Мухаммад, 272.
- ¹¹⁶ Ас-Субки, 330.
- ¹¹⁷ Ибн ал-Асир, т. 9, 204, 269.
- ¹¹⁸ Ас-Сафади, 96 - 97.
- ¹¹⁹ Джувейни, т. 2, 391 - 392; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 186.
- ¹²⁰ См.: ан-Насави, 55 - 56.
- ¹²¹ Там же, 56.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Там же, 57.
- ¹²⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 313; Джувейни, т. 2, 364 - 365; Ибн ал-Фуватпи, т. 4, ч. 2, 1085; Ибн Халдун, 232 - 233.
- ¹²⁵ Джувейни, т. 1, 353; т. 2, 391.
- ¹²⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 241.
- ¹²⁷ Сибт Ибн ал-Джаузи, 582 - 583; аз-Захаби. Ал-'Ибар. Т. 5, 48; Ибн Касир, т. 13, 76; Ас-Сафади, 377; Ибн Тагриберди, т. 6, 219 - 220
- ¹²⁸ ан-Насави, 64.
- ¹²⁹ Сибт Ибн ал-Джаузи, 582, 599.
- ¹³⁰ ан-Насави, 55.
- ¹³¹ Сибт Ибн ал-Джаузи, 583.
- ¹³² Мирхонд. т. 3, ч. 3, 74; Хондемир. Хабиб, 140.
- ¹³³ ан-Насави, 64.
- ¹³⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 313; Джувейни, т. 2, 366 - 367.
- ¹³⁵ ан-Насави, 64.
- ¹³⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 313; Джувейни, т. 2, 366 - 367; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 187; Ибн Халдун, 233
- ¹³⁷ ан-Насави, 65.
- ¹³⁸ См.: Ибн ал-Асир, т. 9, 313; Джувейни, т. 2, 392. Отказ выполнить распоряжение хорезмшаха об исключении имени халифа из хутбы в Самарканде, Герате и Хорезме В. В. Бартольд объясняет тем, что в этих местах было сильно влияние матери хорезмшаха Теркен-хатун, которая не одобряла эти действия своего сына.

К главе 4

- ¹ Джувейни, т. 2, 378; Мирхонд, т. 4, 170.
- ² Ал-Казвини Закарийа, 519.
- ³ Ватват. Раса'ил, ч. 1, 8.
- ⁴ Раванди, т. 2, 355.
- ⁵ Джувейни, т. 1, 322.
- ⁶ ан-Насави, 57
- ⁷ Там же, 61.
- ⁸ Ас-Субки, 330.
- ⁹ ан-Насави, 64.
- ¹⁰ Тарих-и Систан, 363.
- ¹¹ Ад-Дийарбакри, т. 2, 369.
- ¹² Джузджани, т. 1, 262.
- ¹³ ан-Насави, 55.
- ¹⁴ Ибн ал-'Ибри, 234; ас-Субки, 335; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 191; Ибн Халдун, 231.
- ¹⁵ Вар Зорей, т. 2, 496
- ¹⁶ Вардан, 175.
- ¹⁷ Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 243; Ибн ал-Имад ал-Ханбали (т. 5, 63) пишет: "Говорят, что у Джалал ад-Дина было 300 тысяч войск, но говорят также, что их было больше".
- ¹⁸ ас-Субки, 331.
- ¹⁹ Там же, 330.
- ²⁰ Ал-Казвини Закарийа, 514.
- ²¹ Ад-Дийарбакри, т. 2, 381; ал-Ханбали, т. 5, 73.
- ²² Раванди, т. 2, 355; Ибн ал-Асир, т. 9, 313; ан-Насави, 128, 153, 196, 239, 343.
- ²³ См. указ Гийас ад-Дина Пир-шаха в сборнике Рашид ад-Дина Ватвата (Раса'ил, ч. 2, л. 116 и сл.). См. также: Хорст, 39, 108, док. Ж 1)
- ²⁴ Хорст, 39
- ²⁵ ан-Насави, 227, 239.
- ²⁶ ас-Субки, Му'ид, 33.
- ²⁷ алХусайни, 131 - 132.
- ²⁸ Хорст, 119, док. И 9, И 14.
- ²⁹ ан-Насави, 146; Ибн ал-Асир, т. 9, 230.
- ³⁰ Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 102.
- ³¹ ан-Насави, 67, 71.
- ³² Там же, 54, 186.
- ³³ Там же, 92, 180.
- ³⁴ Там же, 269, 270 - 271.
- ³⁵ Ал-Ансари, 12.
- ³⁶ Хорст, 42, док. В 7.
- ³⁷ Ватват. Раса'ил, ч. 1, 11 - 12.
- ³⁸ ан-Насави, 156, 231.
- ³⁹ Там же, 63.
- ⁴⁰ Там же, 84.
- ⁴¹ Там же, 97 - 98.
- ⁴² Там же, 108.
- ⁴³ Там же, 115.
- ⁴⁴ Там же, 90.
- ⁴⁵ Там же, 59.
- ⁴⁶ Хорст, 159 - 161, док. Икс 1 - 5.
- ⁴⁷ О шихне см.: Ибн ал-Джаузи, т. 8, 317 - 319
- ⁴⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 91.
- ⁴⁹ Там же, 117.
- ⁵⁰ ан-Насави, 187, 188, 206, 270, 294.
- ⁵¹ Ибн ал-Асир, 1. 9, 282; Раванди, т. 2, 365.
- ⁵² Ватват. Раса'ил, ч. 1, 11; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 191.

К главе 5

- ¹ См.: Лэмбгон. Структура, 69 и сл.
- ² Там же, 67.
- ³ Ал-Вагдади, 78 и сл.
- ⁴ См.: Хорст, 105 - 106.

-
- ⁵ Там же, 103, 105.
- ⁶ Лэмбтон. Структура, 67; Хорст, 26 - 27
- ⁷ Хорст, 27 - 28.
- ⁸ Ибн ал-Асир, т. 8, 130; см. также: Бартольд, т. 1, 288.
- ⁹ ан-Насави, 76 - 77, 148 - 149.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Ибн ал-Фувати, т. 4, ч. 3, 269 - 270. Вероятно, этот везир погиб во время набега карлуков на Мавераннахр в 1155 г.
- ¹² Там же, 496 - 497.
- ¹³ ал-Вундари (ал-Исфакхани), 181.
- ¹⁴ Ал-Байхаки. Тагиммат, 146 - 147.
- ¹⁵ Ибн ал-Фувати, т. 4, ч. 4, 788; Ватват. Раса'ил. ч. 1, 62, 86.
- ¹⁶ ал-Ханбали, т. 4, 188.
- ¹⁷ "Ватват. Раса'ил, ч. 1, 45 - 46; ч. 2, 62, 86.
- ¹⁸ Ибн ал-Асир, т. 9, 248, 250; Хондемир (Вузара, 231, 240 - 241) называет этого везира Низам ал-Мулк Са'дад-Дин Мас'уд ибн Али ал-Абхари. По ас-Субки (309), везир этот был убит исмаилитами в джумада I 596 г. х. (февраль 1200 г.). См. также Джувейни, т. 1, 162
- ¹⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 251; ас-Субки, 309.
- ²⁰ Ал-Казвини Закарийа, 389.
- ²¹ См. о нем: Стори, ч. 1, 613 - 614.
- ²² ан-Насави. 73.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же, 76.
- ²⁵ Там же, 77.
- ²⁶ Ибн Аби Усайби'а, ч. 3, 26.
- ²⁷ ан-Насави, 77, 90.
- ²⁸ Там же; Хондемир. Вузара, 233.
- ²⁹ Ватват. Раса'ил, ч. 1, 77.
- ³⁰ ан-Насави, 67, 96.
- ³¹ Там же, 69.
- ³² Там же, 82.
- ³³ Там же, 146 - 147.
- ³⁴ Ал-Казвини Закарийа, 348, 389
- ³⁵ ан-Насави, 70, 71, 89; Джувейни, т. 2, 376, 377, 383, 474 - 475
- ³⁶ Джувейни, т. 1, 145, 172, 176, 337, 338; т. 2, 379 - 380.
- ³⁷ ан-Насави. 70, 131 - 132. По Джувейни (т. 2, 461—463) и Джуджани (т. 1, 285), везира звали Шамс ал-Мулк Шихаб ад-Дин ас-Сарахси
- ³⁸ ан-Насави, 70, 77, 153, 189, 190; Джувейни, т. 2, 469.
- ³⁹ Хорст, 124 - 125, док. К 1.
- ⁴⁰ ан-Насави, 148.
- ⁴¹ Там же, 284.
- ⁴² Подробности см.: ан-Насави, 280 и сл.
- ⁴³ ан-Насави, 177.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же, 195 - 196.
- ⁴⁶ Там же, 192 - 193.
- ⁴⁷ Там же, 194.
- ⁴⁸ Там же, 276.
- ⁴⁹ Там же, 277.
- ⁵⁰ Ал-Калкашанди. Субх, т. 5, 449 - 450.
- ⁵¹ ал-Хусайни, 162.
- ⁵² ан-Насави, 75.
- ⁵³ Там же, 184, 214.
- ⁵⁴ Там же, 283.
- ⁵⁵ Там же, 206.
- ⁵⁶ Там же, 233.
- ⁵⁷ Там же, 235.
- ⁵⁸ Ал-Калкашанди. Субх, т. 4, 20; т. 5, 457.
- ⁵⁹ ан-Насави, 129 - 130, 226 и сл.
- ⁶⁰ Там же, 226 - 227.
- ⁶¹ Там же, 227 - 228.
- ⁶² Там же, 228.
- ⁶³ Ал-Калкашанди. Субх, т. 5, 461.
- ⁶⁴ ан-Насави, 81; Джуджани, т. 1, 177.

- ⁶⁵ ан-Насави, 92.
⁶⁶ Там же, 113.
⁶⁷ Там же, 141, 184, 214.
⁶⁸ Ал-Калкашанди. Субх, т. 4, 22.
⁶⁹ ан-Насави, 247.
⁷⁰ Ал-Калкашанди. Субх, т. 4, 10 - 11; т. 5, 469.
⁷¹ ан-Насави, 67; Джувейни, т. 1, 278 - 279.
⁷² ан-Насави, 190, 247.
⁷³ Ал-Калкашанди. Субх, т. 4, 10; т. 5, 469.
⁷⁴ ан-Насави, 129.
⁷⁵ Там же, 146.
⁷⁶ Там же, 146 - 147.
⁷⁷ Ал-Калкашанди. Субх, т. 5, 460.
⁷⁸ ан-Насави, 219.
⁷⁹ Ал-Калкашанди. Субх, т. 5, 462.
⁸⁰ ан-Насави, с. 198 - 200.
⁸¹ *Ал-Калкашанди. Субх, т. 4, 11.*
⁸² ан-Насави, 92, 241.
⁸³ Ибн ал-Фувати, т. 5, 733.
⁸⁴ Ал-Калкашанди. Субх, т. 4, 8; т. 5, 463.
⁸⁵ ан-Насави, 115.

К главе 6

- ¹ Ал-Казвини Закарийа, 434/
² Йакут, т. 7, 191 - 192.
³ Ас-Сам'ани, л. 5166; "Мадина в Мерве внутренний город Мерва"; л. 548а: Мадина в Нишапуре - внутренний город Нишапура" и т. д.
⁴ Ал-Казвини Закарийа, 519; Йакут, т. 3, 79.
⁵ Йакут, т. 3, 80.
⁶ Ал-Казвини Закарийа, 519.
⁷ См., в частности: Бартольд, т. 3, 403 - 404.
⁸ ан-Насави, 137 - 138
⁹ Ал-Кураши (по индексу). 10 Ал-Казвини Закарийа, 520.
¹⁰ Ал-Казвини Закарийа, 520.
¹¹ Там же.
¹² ан-Насави, 137; Ал-Казвини Закарийа, 520; Йакут, т. 3, 475; Джувейни, т. 1, 126; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 215.
¹³ Ал-Казвини Закарийа, 520; Йакут, т. 3, 475/
¹⁴ Ал-Казвини Закарийа, 514.
¹⁵ Ватват. Раса'ил, ч. 1, 74 - 75.
¹⁶ ал-Ханбали, т. 3, 378.
¹⁷ Карпини П. и Рубрук Г., 46; Джувейни, т. 1, 127; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 216.
¹⁸ Джувейни, т. 1, 127; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 215.
¹⁹ Джузджани, т. 1, 281, т. 2, 1100; Бухари, т. 2, 177. См. также: Бартольд, т. 1, 504, примеч. 1.
²⁰ Ал-Казвини Закарийа, 521.
²¹ Джувейни, т. 1, 125; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 215
²² Йакут, т. 8, 223.
²³ Джувейни, т. 1, 125; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 215.
²⁴ Более подробно о должности мухтасиба см.: ал-Кураши (по индексу), а также Хорст, 95 - 96.
²⁵ ан-Насави, 138; Ибн ал-Фувати, т. 4, ч. 2, 1018, № 1507.
²⁶ Йакут, т. 6, 10.
²⁷ Там же, т. 7, 236
²⁸ Там же, т. 6, 289.
²⁹ Там же, т. 1, 177 - 178; Казвини. Гузида, 251.
³⁰ Йакут, т. 3, 503; Ал-Казвини Закарийа, 528 - 529.
³¹ Йакут, т. 4, 53
³² Там же, т. 5, 21.
³³ Там же, т. 6, 314.
³⁴ Там же, т. 7, 202.
³⁵ Там же, т. 8, 325.
³⁶ Там же, 462; Ал-Казвини Закарийа, 567.
³⁷ Йакут, т. 5, 28.

- ³⁸ Там же, 73.
- ³⁹ Там же, т. 8, 183 - 184.
- ⁴⁰ Там же, т. 3, 475.
- ⁴¹ Казвини. Гузида, 251.
- ⁴² Йакут, т. 3, 475.
- ⁴³ Ал-Казвини Закарийа, 520.
- ⁴⁴ Йакут, т. 3, 475.
- ⁴⁵ Там же, 475, 478 - 479.
- ⁴⁶ Там же, 425.
- ⁴⁷ Там же, т. 6, 289.
- ⁴⁸ Там же, т. 7, 378.
- ⁴⁹ Там же, т. 8, 320.
- ⁵⁰ Там же, т. 6, 370.
- ⁵¹ Там же, т. 2, 43.
- ⁵² Там же, т. 3, 476.
- ⁵³ Там же, т. 1, 257.
- ⁵⁴ Ал-Казвини Закарийа, 509; Йакут, т. 2, 81.
- ⁵⁵ Подробности см.: Бартольд, т. 3, 378 - 393 (там же и соответствующая литература по истории города). См. также: Наршахи, 35, 47 - 48.
- ⁵⁶ См.: ас-Сам'ани; Йакут (по индексу).
- ⁵⁷ Джувейни, т. 1, 77 - 78; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 187; Наршахи, 23 - 24.
- ⁵⁸ Йакут, т. 6, 66.
- ⁵⁹ Там же, т. 2, 339 - 340.
- ⁶⁰ Там же, т. 6, 353.
- ⁶¹ Там же, т. 7, 244.
- ⁶² Там же, 377.
- ⁶³ См.: ас-Сам'ани; Йакут (по индексу).
- ⁶⁴ Ал-Казвини Закарийа, 543 - 544.
- ⁶⁵ Йакут, т. 5, 121 - 123; Ал-Казвини Закарийа, 535; Казвини. Гузи да, 237
- ⁶⁶ Йакут, т. 5, 123; Ал-Казвини Закарийа, 535 - 536; Казвини. Гузи да, 237; Джувейни, т. 1, 121; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 208.
- ⁶⁷ Йакут, т. 2, 15.
- ⁶⁸ Там же, т. 7, 303.
- ⁶⁹ Там же, т. 5, 132.
- ⁷⁰ Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 207.
- ⁷¹ Йакут, т. 1, 254; т. 2, 15.
- ⁷² Там же, т. 2, 291.
- ⁷³ Там же, т. 3, 38.
- ⁷⁴ Там же, т. 4, 390.
- ⁷⁵ Там же, т. 5, 147.
- ⁷⁶ Там же, т. 6, 269.
- ⁷⁷ Там же, 358.
- ⁷⁸ Там же, 387.
- ⁷⁹ Там же, т. 7, 287.
- ⁸⁰ Там же, 318.
- ⁸¹ Там же, т. 8, 415.
- ⁸² Ал Казвини Закарийа, 536.
- ⁸³ Эберхард, 141 - 142. Значение некоторых стихов неясно.
- ⁸⁴ Йакут, т. 7, 250 - 251; Ал Казвини Закарийа, 554.
- ⁸⁵ Йакут, т. 5, 212 - 214; Ал-Казвини Закарийа, 538.
- ⁸⁶ Йакут, т. 6, 37; Ал-Казвини Закарийа, 544.
- ⁸⁷ Йакут, т. 3, 402 - 403.
- ⁸⁸ См. об этом: Джувейни, т. 1, 91 - 95; Рашид ад Дин, пер., т. 1, кн. 2, 201 - 203.
- ⁸⁹ Йакут, т. 2, 382 - 383.
- ⁹⁰ Там же, т. 1, 180.
- ⁹¹ Там же, 230 - 231.
- ⁹² Там же, 374.
- ⁹³ Там же, 374 - 375.
- ⁹⁴ Там же, т. 8, 273, 286 - 287.
- ⁹⁵ Там же, т. 3, 180.
- ⁹⁶ Там же, т. 2, 288.
- ⁹⁷ Ал-Казвини Закарийа, 465 - 466. См. ас-Сам'ани (л. 559а, 560а): Наса - би-фатх ан-Нун; хазихи-н-нисба ила Солдат би-Хурасан йукал лаха Наса ва-н-нисба ал машхура ила хазихи-л-балда ан-Насави ва-н-Наса'и ("Наса

- фатха над буквой нун. Эта нисба относится к известному городу в Хорасане, который именуется Наса, и нисба по этому городу ан-Насави и ан-Наса'и").

⁹⁸ См.: Джувейни, т. 1, 153.

К главе 7

¹ См. рук. ЛО ИВАН С 816, л. 1436. Тираз - кусок драгоценной ткани, по краям которого золотыми нитями вышиты имя и лакабы халифа или султана. В качестве почетной одежды тираз вручали эмирам и вассалам как дар владыки. Тираз (как и провозглашение хугбы и чеканка монет с именем владыки) является элементом, символизирующим власть. О тиразе см.: Громан. Тираз.

² См.: Вейхаки. Тарих-и Бейхак, 277, 283; Ибн ал-Асир, т. 9, 5.

³ ал-Хусайни, 142.

⁴ Кермани. Ал-Музаф, 43 и сл.; Кермани. Симт, 20; Мухаммад ибн Ибрахим, 219 - 221.

⁵ Ибн ал Асир, т. 9, 279.

⁶ Там же, 278.

⁷ Джувейни, т. 1, 332; Мирхонд, т. 4, 137.

⁸ Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 193.9 Джувейни, т. 1, 343, 359.

⁹ Джувейни, т. 1, 343, 359.

¹⁰ ан-Насави, 45, 61; Ибн ал-Асир, т. 9, 313.

¹¹ См.: Томас. Хроника, 90 - 91, № 71, 72, 74, 75.

¹² Марков. Инвентарный каталог, 299 - 300, № 32 - 45. Монеты Самарканда опубликованы во многих нумизматических изданиях, нет смысла приводить их большой список.

¹³ Френ, 146, № 11; Артук И., Артук Дж., 430, № 1308 - 1309.

¹⁴ Давидович. Бараб, 124 - 129.

¹⁵ Давидович. Нумизматические материалы, 105.

¹⁶ Марков. Инвентарный каталог, 297, № 4; Давидович. Термезский клад, 43 - 55; Давидович. Клады, 219 - 221 клад № 49).

¹⁷ Давидович. Клады, 219 - 224 (клад № 48), 225 - 227 (клад № 49).

¹⁸ Давидович. Клады, 231 - 232, № 2 (клад № 51).

¹⁹ Артук И., Артук Дж., 430, № 1307.

²⁰ Лэн-Пуль. Каталог, 184, № 611 - 616; Сурдель, 109, № 1038 - 1040

²¹ Вильсон, 437, № 1.

²² Марков. Инвентарный каталог, 301, № 55 - 56.

²³ Тизенгаузен. Восточные монеты Линевича, 294, № 6.

²⁴ См.: Томас.

²⁵ Артук И., Артук Дж., 431, № 1310.

²⁶ Сурдель, 107, № 710 - 711; Бивар, 377 - 378, № 3 - 5.

²⁷ Тизенгаузен. Новые нумизматические приобретения Линевича, 231, № 13.

²⁸ Тизенгаузен. Новое собрание восточных монет Комарова, 65, № 26; Марков. Инвентарный каталог, 300 - 301, № 53 - 54.

²⁹ Сурдель, 103, № 610, 104, № 641.

³⁰ Шульман, 10, № 132 - 133.

³¹ Тизенгаузен. Новое собрание восточных монет Комарова, 66 - 67, № 31; Марков. Инвентарный каталог, 301, № 57 - 59.

³² Тизенгаузен. Восточные монеты Линевича, 295, № 9; Шульман, 10, № 124; Сурдель, 107, № 704 - 709.

³³ Лэн-Пуль. Каталог, 186, № 601 - 602.

³⁴ Пахомов, 122 и сл.; Капанадзе, 68 - 73.

³⁵ Давидович. Из области денежного обращения, 93 - 99.

³⁶ Большаков. Средневековый город, 158.

³⁷ Давидович. Из области денежного обращения, 110 - 112.

³⁸ Литвинский. О некоторых моментах развития средневекового города, 63; Давидович. Из области денежного обращения, 115 - 117.

³⁹ Френ, 146, № 9; Марков. Инвентарный каталог, 297 - 298, 976, № 1 - 3, 19 - 21, 1-а; Ходжаниязов. Клад золотых монет XII в., 92 - 93. № 4, 5, 7; Лунин. К топографии, 188; и др.

⁴⁰ Ходжаниязов. Клад золотых монет XII в., 90 - 93.

⁴¹ Давидович, Попов. Клад медных монет Мухаммеда б. Текиша, 92 - 96.

⁴² Характеристика "караханидского варианта" денежного обращения дана на основе материалов и выводов работ Е. А. Давидович: Денежное обращение в Мавераннахре, 119 - 125; Золото в денежном хозяйстве, 55 - 69; Из области денежного обращения, 102 - 110; Канибадамский клад, 186 - 200; Клады, 190 - 192; О двух Караханидских каганатах, 75 - 76.

⁴³ Характеристика этого варианта дана на основании материалов и выводов из работ Е. А. Давидович: Золото в денежном хозяйстве, 59 - 62; Из области денежного обращения, 103 - 105.

⁴⁴ Эренкрейц, 262 - 265; 274 - 275.

⁴⁵ В специальной работе Т. Ходжаниязова ("Денежное обращение в государстве Великих Сельджуков") нет четких и ясных сведений о пробе сельджукских динаров. Упоминаются электровые динары, в которых 10% золота (34; источник не назван). Проба электровых динаров второй половины XI в. искажена (37: золото 4-й пробы, что невозможно, а серебро - серебра - 570. Т. Ходжаниязов сообщает (34 - 35), что у средневековых авторов упомянуты "два вида" сельджукских динаров (из "красного золота" и динары рукни - низкопробные электровые), но средневековые авторы не названы и ссылок нет.

⁴⁶ Ходжаниязов. Денежное обращение, 68, 75, 79, 80, 81, 83, 86 - 88.

⁴⁷ Там же, 80 - 81, 88.

⁴⁸ ан-Насави, 264; Давидович. Золото в денежном хозяйстве, 59 - 60.

⁴⁹ Тизенгаузен. Новое собрание восточных монет Комарова, 69 - 70, № 40 - 43, 45 - 46; Сурдель, с. 118 - 119, 121 - 125, 127, 128, 131 - 132, № 1282 - 1288, 1296, 1297, 1301 - 1369, 1374 - 1416, 1431 - 1449.

⁵⁰ Характеристика основана на материалах следующих двух статей: Давидович, Попов. Клад медных монет Мухаммеда б. Текеша, 97 - 99; Давидович. Мухаммед б. Текеш и последние Караханиды.

⁵¹ Давидович. Из области денежного обращения, 100, № 4 - 7; Давидович. Клады, 231 - 234, клад № 51.

⁵² Давидович. Из области денежного обращения, 99 - 101.

К главе 8

¹ Так его именует Джузджани (т. 1, 238).

² См.: Рыпка Я. Поэты, 560, 563.

³ Джузджани, т. 1, 238.

⁴ Ибн Исфандийар, пер., 62.

⁵ См.: Ватват. Раса'ил, ч. 1, 11.

⁶ См.: Исфакхани Джамал ад-Дин.

⁷ Исфакхани Камал ад-Дин; Самарканди, 148 - 154.

⁸ Самарканди, 109 - 114.

⁹ Там же, 121 - 126.

¹⁰ Там же, 136 - 138.

¹¹ Ибн ал-Фувати, т. 4, ч. 2, 1027.

¹² Там же, т. 4, ч. 3, 257 - 258, № 2246.

¹³ Там же, 269 - 270.

¹⁴ Там же, т. 5, 305.

¹⁵ Там же, 655.

¹⁶ Ал-Вайхаки. Татиммат, 166 - 167.

¹⁷ Там же, 153 - 154; см. также Ибн ал-Асир, т. 8, 4.

¹⁸ Ал-Вайхаки. Татиммат, 166 - 167.

¹⁹ Там же, 172 - 173; см. также: Низами Арузи, 106 - 107; Ватват Раса'ил, ч. 1, 66 - 67; Самарканди, 137.

²⁰ Йакут. Удаба', т. 1, 320 - 321.

²¹ Там же, т. 5, 274 - 275.

²² Там же, 410 - 411; см. также: Ибн ал-Асир, т. 9, 4; Ибн ал-Фувати, т. 5, 678.

²³ Йакут. Удаба', т. 5, 412.

²⁴ ас-Субки, 305.

²⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 52 - 53.

²⁶ Йакут. Удаба', т. 1, 150.

²⁷ См.: Стори, ч. 1, 198.

²⁸ Там же, 545; см. также: Халидов, 74.

²⁹ Джувейни, т. 1, 277.

³⁰ См.: Брокельман, SB 1, 849.

³¹ Ибн ал-Фувати, т. 5, 584.

³² Там же, 591.

³³ Там же.

³⁴ Там же, 608; Йакут. Удаба', т. 5, 411 - 412.

³⁵ Ибн ал-Фувати, т. 5, 681.

³⁶ Там же, 759.

³⁷ Там же, 781.

³⁸ Там же, 806.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, т. 4, ч. 1, 1087.

⁴¹ Там же, 1098.

⁴² Подробно об аз-Замахшари см.: Ибн Халликан, т. 3, 321 - 328; Ибн ал-Фувати, т. 4, ч. 2, 1116 - 1117; т. 4, ч. 3, 392 - 393.

- ⁴³ Ибн ал-Фувати, т. 4, ч. 3, 392 – 393.
- ⁴⁴ Ватват Раса'ил, ч. 1, 66.
- ⁴⁵ ан-Насави, 149 - 150.
- ⁴⁶ Там же, 197.
- ⁴⁷ Ибн ал-Асир, т. 9, 98.
- ⁴⁸ См.: Брокельман, т. 1, 491, №28; 1; SB 1, 895.
- ⁴⁹ См.: Мелиоранский, VIII, XVI, 16, 21; Кёпрюлю. Тюрк-филолог эпохи Хорезмшахов, 441 - 444.
- ⁵⁰ ан-Насави, 86.
- ⁵¹ Два списка этого сочинения хранятся в Стамбуле в библиотеке Топ-капу № 3565 (1191 г.) и № 3566 (1145 г.).
- ⁵² Ватват. Раса'ил, ч. 1, 66.
- ⁵³ Ал-Казвини Закарийа, 510.
- ⁵⁴ Наджи Ма'руф, т. 2, 63.
- ⁵⁵ ал-Ханбали, т. 4, 205 - 206; см. также: Наджи Ма'руф, т. 2, 61.
- ⁵⁶ Йакут. Удаба', т. 5, 238.
- ⁵⁷ Там же, 239.
- ⁵⁸ ан-Насави, 149.
- ⁵⁹ ал-Ханбали, т. 4, 178.
- ⁶⁰ Там же, т. 5, 64.
- ⁶¹ Ауфи, т. 2, 345.
- ⁶² Там же, т. 1, 142 - 144. Видимо, это лицо, идентичное Садр ад-Дину ал-Хусайни. У последнего также было сочинение под тем же названием. Нисба ал-Хусайни не исключает второй — ан-Нашапури.
- ⁶³ См.: Стори, ч. 1, 613 - 614.
- ⁶⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 302; Абу-л-Фида, т. 3, 113.
- ⁶⁵ Мухаммад ибн Наджиб Бакран. Джахан-наме. М., 1960.
- ⁶⁶ Хорст, 121, док. И 12.
- ⁶⁷ Там же, 164 - 165, док. Аа 3.
- ⁶⁸ Там же, 165, док. Аа 4.
- ⁶⁹ Там же, 145, док. У 5.
- ⁷⁰ Ал-Казвини Закарийа, 528; Джувейни, т. 1, 322.
- ⁷¹ ан-Насави, 93 - 94.
- ⁷² Ибн ал-Фувати, т. 4, ч. 4, 676.
- ⁷³ Хорст, 163, док. 3 2.
- ⁷⁴ Ватват. Раса'ил, ч. 1, 41 - 42.
- ⁷⁵ Там же, 42 - 43.
- ⁷⁶ ан-Насави, 241; Ибн ал-Фувати, т. 5, 733.

К главе 9

- ¹ ан-Насави, 87.
- ² Там же, 73.
- ³ Там же, 87.
- ⁴ Джувейни, т. 2, 466; Ибн Халдун, 235 - 236.
- ⁵ ан-Насави, 66 - 67, 83 - 84, 87; Джувейни, т. 2, 466.
- ⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 330.
- ⁷ ан-Насави, 69 - 70; Ибн Халдун, 233 - 234.
- ⁸ ан-Насави, 50 - 51.
- ⁹ Там же, 51; Ибн ал-Асир, т. 9, 295.
- ¹⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 295.
- ¹¹ ан-Насави, 51 - 52.
- ¹² Ибн ал-Асир, т. 9, 296.
- ¹³ Джувейни, т. 1, 65 - 66, 70 - 71.
- ¹⁴ Там же, 71 - 72; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 183.
- ¹⁵ Джувейни, т. 1, 66, 73; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 183.
- ¹⁶ Об этих рассуждениях см.: Джувейни, т. 1, 66 и сл.
- ¹⁷ См.: Джувейни, т. 1, 44 и сл.; Сокровенное сказание, § 235 - 239.
- ¹⁸ Владимирцов, 23.
- ¹⁹ Джувейни, т. 1, 66 и сл.; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 179, 183; Сокровенное сказание, § 236.
- ²⁰ Джузджани, т. 1, 270 - 271; т. 2, 963 - 964.
- ²¹ Там же, т. 2, 966.
- ²² Джувейни, т. 1, 78; Бар Эбрей, т. 2, 481; Ибн ал-Ибри, 229; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 187.
- ²³ Джузджани, т. 1, 272; т. 2, 966.

- ²⁴ Джувейни, т. 1, 77 - 78; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 187 - 188.
- ²⁵ Бар Эбрей, т. 2, 481 - 482; Ибн ал-Ибри, 229.
- ²⁶ ан-Насави, 77 - 78. Рашид ад-Дин (пер., т. 1, кн. 2, 188) приводит несколько иное содержание послания Чингиз-хана хорезмшаху: "Купцы той (вашей) стороны пришли к нам, и мы отправили их назад таким образом, как вы услышите. Кроме того, мы послали вместе с ними в те (ваши) страны несколько купцов привезти в нашу страну диковинки ваших краев и получить редкостные ткани из тамошних краев. Величие вашей семьи и благородство вашего рода ни для кого не тайна! Обширность вашего государства и всеподчиняющая сила ваших приказов ясны и знати, и черни в большей части земли. Для меня же вы — дорогой сын и лучший из мусульман! Теперь, когда пределы, близкие к нам, очищены от врагов и полностью завоеваны и покорены и с обеих сторон определены соседские права, разум и благородство требуют, чтобы с обеих сторон был проторен путь к взаимопониманию, чтобы мы взяли на себя обязательства помогать друг другу в беде и содержали бы в безопасности дороги, дабы купцы, от многократных посещений которыми [разных стран] зависит благосостояние мира, путешествовали бы без страха. Тогда, вследствие установившегося между нами согласия, исчезнут поводы для беспокойства и пресечется поддержка разлада и непокорности!". См. также: Ибн Халдун, 236 - 237; ас-Субки, 332.
- ²⁷ ан-Насави, 78 - 79; Ибн Халдун, 237.
- ²⁸ Джувейни, т. 1, 23, 78 - 79; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 188.
- ²⁹ Сокровенное сказание, § 254; см. также: Ибн ал-Ибри, 230; Бар Эбрей, т. 2, 482; Ибн ал-Асир, т. 9, 330 - 331; Ибн Халдун, 237.
- ³⁰ Джувейни, т. 2, 370.
- ³¹ Джузджани, т. 1, 267.
- ³² ан-Насави, 53 - 54; Джувейни, т. 2, 371 - 372; Рашид ад-Дин, пер., т. 2, кн. 2, 190 - 191.
- ³³ ас-Субки, 334.
- ³⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 332; ан-Насави, 54; Джувейни, т. 2, 372 - 373; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 190; Джузджани, т. 1, 269 - 270.
- ³⁵ ан-Насави, 54.
- ³⁶ ас-Субки, 332; Бар Эбрей, т. 2, 482; Ибн ал-Ибри, 230; Джувейни, т. 1, 79; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 188.
- ³⁷ ан-Насави, 79. Согласно Джувейни (т. 1, 79) и Рашид ад-Дину (пер., т. 1, кн. 2, 188 - 189), Гайир-хана оскорбило поведение одного из купцов (индуса), который презрительно отверг его приглашение. Затем он позарился на имущество купцов и, задержав их, сообщил обо всем хорезмшаху. Ала ад-Дин Мухаммед, презрев послание Чингиз-хана, приказал Гайир-хану казнить всех людей, прибывших с караваном, и конфисковать все товары. Об этом же говорит и Бар Эбрей (т. 2, 482) (Ибн ал-Ибри, 230). Несколько иначе у Ибн ал-Асира (т. 9, 331): когда Гайир-хан сообщил хорезмшаху о прибытии каравана и огромном количестве товаров, хорезмшах приказал ему перебить всех людей каравана, а их товары конфисковать. Товары были проданы купцам Бухары и Самарканда, а вырученные деньги хорезмшах присвоил. См. также: Джузджани, т. 1, 272, т. 2, 966 - 968; ас-Субки, 332; Ибн Халдун, 237.
- ³⁸ Сокровенное сказание, § 254; см. также: Лубсан Данзан, 224.
- ³⁹ ан-Насави, 79 - 80. Ас-Субки (332 - 333) излагает свой вариант послания Чингиз-хана: "Сообщи мне: то, что произошло, — случилось ли по твоему желанию? Если это случилось не по твоей воле, тогда мы требуем кровь убитых с твоего наместника в Отраре, которого надобно доставить к нам в самом жалком виде, униженным и обесчещенным. Но если это сделано по твоей воле, тогда ответственность несешь ты, ибо я не исповедую твою религию и не одобряю этих действий. Ты принадлежишь к религии ислама, а ведь купцы эти тоже были твоей религии! Тогда как же расценивать этот приказ, который ты отдал?". Об этом см. также: ас-Суиути, 469.
- ⁴⁰ ан-Насави, 80; ас-Субки, 333.
- ⁴¹ Там же; Ибн ал-Асир, т. 9, 331.
- ⁴² ас-Субки, 333.
- ⁴³ Бар Эбрей, т. 2, 482 - 483 (Ибн ал-Ибри, 230); Джувейни, т. 1, 80 - 81; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 189.
- ⁴⁴ Карпини П. и Рубрук Г., с. 80. Более подробно об этом см.: Гумилев, 291 и сл.
- ⁴⁵ Эберхард, 139 - 140.
- ⁴⁶ Ибн ал-Асир, т. 9, 331.
- ⁴⁷ Там же, 361.
- ⁴⁸ Ад-Макризи, т. 1, ч. 1, 218.
- ⁴⁹ Ибн Васил, рук., л. 84а. Данные Ибн Василя подтверждают. Абу-л-Фида (т. 3, 136), Сибт ибн ал-Джаузи (634), Мирхонд (т. 4, 24 - 25).
- ⁵⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 331; ас-Субки, 333; Ибн Тагриберди, т. 6, 248.
- ⁵¹ Ибн ал-Асир, т. 9, 331; Бар Эбрей, т. 2, 515.
- ⁵² Джувейни, т. 2, 376; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 192.
- ⁵³ ан-Насави, 80; см. также: Ибн ал-Асир, т. 9, 332.
- ⁵⁴ Джувейни, т. 2, 375; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 191.
- ⁵⁵ ан-Насави, 81.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ ас-Субки, 334.

- ⁵⁸ Бар Эбрей, т. 2, 496; Джувейни, т. 1, 82; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 191.
- ⁵⁹ Бар Эбрей, т. 2, 496; Джувейни, т. 1, 83; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 191.
- ⁶⁰ Подробнее об осаде Отрара см.: ан-Насави, 81; Джувейни, т. 1, 83 - 86; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 198 - 199; Бар Эбрей, т. 2, 496 - 497.
- ⁶¹ ан-Насави, 82.
- ⁶² Бартольд, т. 1, 473.
- ⁶³ ан-Насави, 82.
- ⁶⁴ О развалинах Сыгнака см.: Бартольд, т. 1, 238; Якубовский.
- ⁶⁵ Джувейни, т. 1, 86 - 87; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, 199.
- ⁶⁶ Локализацию этих городов см.: Бартольд, т. 1, 236.
- ⁶⁷ См.: Джувейни, т. 1, 87 - 88; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 200. Локализацию Ашнаса см.: Бартольд, т. 1, 236.
- ⁶⁸ ан-Насави, 80; Джувейни, т. 1, 88; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. i, 191, 200. Кутлуг-хан был дядей (по матери) сына хорезмшаха Узлаг-шаха.
- ⁶⁹ Джувейни, т. 1, 88 - 90; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 200.
- ⁷⁰ Джувейни, т. 1, 90 - 91; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 201.
- ⁷¹ Джувейни, т. 1, 91; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 201.
- ⁷² Ибн ал-Асир, т. 9, 333.
- ⁷³ Джувейни, т. 1, 91 - 94; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 201 - 202 О дальнейшей судьбе Дамир-Малика см.: Джувейни, т. 1, 94 - 95; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 202 - 203.
- ⁷⁴ Джувейни, т. 1, 98 - 100; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 204.
- ⁷⁵ Джувейни, т. 1, 100 - 102; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 204 - 205.
- ⁷⁶ Эту дату приводят современники событий Ибн ал-Асир (т. 9, 332) и Джузджани (т. 1, 274; т. 2, 976). По Джувейни (т. 1, 102), Ибн ал-Ибри (233=Бар Эбрей, т. 2, 505) и Рашид ад-Дин (пер., т. 1, кн. 2, 205), начало осады Бухары датируется мухаррамом 617 г. х. (март 1220 г.)
- ⁷⁷ ан-Насави, 81. Кроме названных ан-Насави лиц в Бухаре находились и другие эмиры хорезмшаха: брат хаджиба Барака — основателя династии Кутлугханов в Кермане, Хамид-Пур, который в 1210 г. после битвы с кара-хитаями перешел на сторону хорезмшаха, а также Севиндж-хан.
- Количество войск в Бухаре, по Ибн ал-Асиру (т. 9, 332), Ибн ал-Ибри (233=Эбрей, т. 2, 505) и ас-Субки (334), — 20 тыс. воинов; согласно Джузджани (т. 2, 978), — 12 тыс. Джувейни сообщает, что кроме гарнизона в Бухаре было 20 тыс. вспомогательных войск.
- ⁷⁸ ан-Насави, 88.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 332.
- ⁸¹ Там же, 333.
- ⁸² Подробнее о судьбе Бухары см.: ан-Насави, 88; Ибн ал-Асир, т. 9, 332 - 333; Бар Эбрей, т. 2, 505 - 506=Ябн ал-Ибри, 233 - 234; ас-Субки, 334 - 335; Джувейни, т. 1, 97 - 107; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 205 - 206.
- ⁸³ ан-Насави, 88 - 89.
- ⁸⁴ См.: Ибн ал-Асир, т. 9, 333; Бар Эбрей, т. 2, 512=Ибн ал-Ибри, 234; Джузджани, т. 2, 979 - 980; Джувейни, т. 1, 116 - 117; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 206. Ас-Субки (с. 335) отмечает, что в Самарканде было 50 тыс. местных хорезмийских воинов и 70 тыс. ополченцев.
- ⁸⁵ По Ибн ал-Асиру (т. 9, 333), монголы уничтожили 70 тыс., воинов, по Джузджани (т. 2, 979) - 50 тыс.
- ⁸⁶ Джувейни, т. 1, 118 - 119.
- ⁸⁷ Там же, 120 - 122. Рукн ад-Дин Карт был предком основателя династии Картов — владетелей Герата (1278 - 1389). Можно предположить, что Джувейни видел и читал этот ярлык. Тогда, согласно Джувейни, спастись от смерти и бежать удалось только Алп-Эрхану с тысячей воинов. См. также: Бар Эбрей, т. 2, 513.
- ⁸⁸ Ибн ал-Ибри, 235; Джувейни, т. 1, 120, 122; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 208.
- ⁸⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 333; Джузджани, т. 2, 980.
- ⁹⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 333.
- ⁹¹ ан-Насави, 73.
- ⁹² Там же, 90.
- ⁹³ Ибн ал-Асир, т. 9, 334; Джузджани, т. 1, 277; Джувейни, т. 2, 378; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 209 - 210.
- ⁹⁴ Джувейни, т. 1, 145; т. 2, 379.
- ⁹⁵ ан-Насави, 90. По Джувейни (т. 2, 380 - 381), хорезмшах находился в Нишапуре до четверга 7 раби I 617 г. х. (12 мая 1220 г.), предаваясь веселью и не обращая внимания на просьбы об укреплении города. См. также: Ибн ал-Асир, т. 9, 334.
- ⁹⁶ ан-Насави, 90 - 91. Когда монголы осадили Ардахн, вали крепости откупился от них этими сундуками.
- ⁹⁷ Подробности бегства хорезмшаха см.: Джувейни, т. 2, 381 - 385; Джузджани, т. 1, 276 - 277; ас-Субки, 336; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 210 - 213.
- ⁹⁸ ан-Насави, 91.
- ⁹⁹ Там же, 70, 100.
- ¹⁰⁰ Там же, 93.
- ¹⁰¹ Там же, 241 - 242.
- ¹⁰² Ибн ал-Асир, т. 9, 334; ас-Субки, 336; Ибн ал-Фувати, т. 4, ч. 2, 1079 - 1080.

- ¹⁰³ ан-Насави, 91; Сибт Ибн ал-Джаузи, 598; ас-Субки, 337.
- ¹⁰⁴ Столица хорезмшахов в арабских источниках именуется Джурджанийа. Местное население называло свой город Ургенч или Гургандж. Часто столица именовалась Хорезм.
- ¹⁰⁵ ан-Насави, 83.
- ¹⁰⁶ О них см.: ан-Насави, 65 - 66, 83 - 84; ас-Субки, 338.
- ¹⁰⁷ ан-Насави, 84.
- ¹⁰⁸ Там же, 85; Джувейни, т. 2, 467; ас-Субки, 335, 337.
- ¹⁰⁹ Ибн ал-Асир, т. 9, 335.
- ¹¹⁰ Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 226.
- ¹¹¹ ан-Насави, 85.
- ¹¹² Там же; Джувейни, т. 2, 468; Ибн Халдун, 240.
- ¹¹³ ан-Насави, 100.
- ¹¹⁴ Этого человека Джувейни (т. 1, 124) называет *сипахсаларом* Али Дуругини (см. также: *Бартольд*, т. 1, 500). Однако поведение Али Кух-и Даругана совсем не вяжется со званием *сипахсалара*. Кажется, здесь совпадение имен двух разных людей.
- ¹¹⁵ ан-Насави, 101.
- ¹¹⁶ Джувейни, т. 1, 124; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 215
- ¹¹⁷ Джувейни, т. 1, 124.
- ¹¹⁸ ан Насави, 102, 104.
- ¹¹⁹ Там же, 137.
- ¹²⁰ Джувейни, т. 1, 125.
- ¹²¹ Цифра, приведенная Джувейни (т. 1, 125) - 100 тысяч - неправдоподобна. Верно у Рашид ад-Дина (пер., т. 1, кн. 2, 215).
- ¹²² Джувейни, т. 1, 159; Бар Эбрей, т. 2, 513.
- ¹²³ Джувейни, т. 1, 125; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 215.
- ¹²⁴ Джувейни, т. 1, 127; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 216.
- ¹²⁵ ан-Насави, 137 - 138; Джувейни, т. 1, 125 - 126; *Рашид ад-Дин*, пер., т. 1, кн.2, 215; Ибн ал-'Ибри, 235.
- ¹²⁶ Так у Рашид ад-Дина (пер., т. 1, кн. 2, 216). По Ибн ал-Асиру (т. 9, 343) и Ибн Халдуну (252), осада города длилась пять месяцев. Ан-Насави сообщает (136), что осада Ургенча началась в зу-л-ка'да 617 г. х. (январь 1221 г.) и закончилась в сафаре 618 г. (апрель 1221 г.), т. е. оборона длилась четыре месяца. Такой же срок приведен и у Джузджани (т. 2, 1097).
- ¹²⁷ Сокровенное сказание, § 258; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 216.
- ¹²⁸ Джувейни, т. 1, 126.
- ¹²⁹ ан-Насави, 138.
- ¹³⁰ Рашид ад-Дин (пер., т. 1, кн. 2, 216) пишет, что "хорезмийцы перебили множество монгольских воинов, так что, говорят, холмы, которые сложили тогда из костей убитых, еще теперь (т. е. в конце XIII - начале XIV в.) стоят в окрестностях старого Хорезма".
- ¹³¹ Ибн ал 'Ибри (235) и Джувейни (т. 1, 127) пишут, что ремесленников было именно 100 тыс.
- ¹³² Так у Рашид ад-Дина (пер., т. 1, кн. 2, 217). См. также: ан-Насави, с. 138. Выходит, что число убитых составляло 120 тыс. человек.
- ¹³³ Джузджани, т. 2, 1100 - 1101.
- ¹³⁴ Джувейни, т. 1, 127 - 128. По сведениям Джузджани (т. 1, 281; т. 2, 1100), в Гургандже оставались невредимыми только два объекта: Кушк-и Ахджук ("Старый дворец") и гробница султана Текиша. См. примеч. 19 к гл. 6.
- ¹³⁵ Более подробно о штурме монголами Гурганджа см.: Ибн ал-Асир, т. 9, 341, 343; Йакут, т. 2, 383 - 384; Бар Эбрей, т. 2, 513; Джувейни, т. 1, 123 - 128; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 214 - 217.
- ¹³⁶ ан-Насави, 96 - 97.
- ¹³⁷ О Шихаб ад-Дине ал-Хиваки см.: ан-Насави, 93 - 97; Ал-Казвини Закарийа, 355 - 356; Джувейни, т. 1, 322.
- ¹³⁸ ан-Насави, 107. По Джувейни (т. 2, 402 - 403), Узлаг-шах и Ак-шах были взяты монголами в плен и казнены. Рашид ад-Дин (пер., т. 1, кв. 2, 214) отмечает, что монголы, не зная, что это царевичи, убили их вместе с людьми, которые были с ними.
- ¹³⁹ ан-Насави, 114 - 117; Джувейни, т. 2, 475 - 476; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 244 - 245.
- ¹⁴⁰ По Ибн ал-Асиру (т. 9, 342) и ас-Субки (339), монголы перебили в Мерве только за один день 700 тыс. (!) мужчин. Хафиз-и Аbru (Дорн 290, л. 160а) говорит, что в Мерве "убитых считали несколько дней и записано было 1300 тысяч (!) с чем-то помимо тех, которые в счет не попали".
- Подробности о действиях монголов в Мерве см.: Джувейни, т. 1, 153 - 168.
- ¹⁴¹ ан-Насави, 100, 138.
- ¹⁴² Там же, 89.

К главе 10

¹ ан-Насави, 102, 104.

² Там же, 105; Бар Эбрей, т. 2, 514.

³ ан-Насави, 108; см. также: Джувейни, т. 2, 403.

⁴ Амин ал-Мулк во время бегства хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда подчинился Чингиз-хану и получил от него ярлык. Джэбе и Сибетею было приказано не грабить владения Амин ал-Мулка (Герат и его округ). Однако Тогачар-нойав, нарушив этот запрет, приказал своим воинам разграбить владения Амин ал-Мулка. Последний оказал монголам упорное сопротивление и, боясь гнева Чингиз-хана, ушел к Газне и близ Кандара присоединился к Джалал ад-Дину. См.: Сокровенное сказание, § 257; Джузджани, т. 1, 287; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 220 - 221.

⁵ ан-Насави, 109.

⁶ Там же, 110; см. также: Ибн ал-Асир, т. 9, 343.

⁷ Общее количество войск у Джалал ад-Дина и его союзников в источниках колеблется от 150 тыс. воинов и выше. См.: ан-Насави, 124 - 125; Ибн ал-Асир, т. 9, 343; Бар Эбрей, т. 2, 514; Джузджани, т. 2, 1016; Вардан, 177; Гандзакеци, 122; Джувейни, т. 2, 404, 463; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 200.

⁸ ан-Насави, 125; Джузджани, т. 2, 1016; Вардан, 177; Гандзакеци, 122; Джувейни, т. 2, 405; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 221. Ибн ал-Асир (т. 9, 343) называет сражение у Валияна первой победой над монголами.

⁹ ан-Насави, 125.

¹⁰ Джузджани, т. 1, 288 - 289, т. 2, 1006, 1042; Бор Эбрей, т. 2, 514 Джувейни, т. 2, 406 - 407; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 221 - 222. Ибн ал-Асир (т. 9, 343 - 344) называет сражение у Парвана второй победой султана Джалал ад-Дина над монголами.

¹¹ ан-Насави, 125.

¹² Ибн ал-Асир, т. 9, 344; см. также: ан-Насави, 125 - 126; Джузджани, т. 2, 1031; Джувейни, т. 2, 407 - 408, 463; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 222.

¹³ См.: ан-Насави, 127. Об этой победе Джалал ад-Дина над авангардом монгольских войск другие источники не говорят. Джувейни (т. 2, 408 - 409) отмечает, что войска Чингиз-хана настигли арьергард Джалал ад-Дина, которым командовал Ур-хан, и разбили его.

¹⁴ Подробности сражения Джалал ад-Дина с монголами у берегов Синда см.: ан-Насави, 127 - 129; Ибн ал-Асир, т. 9, 344; Бар Эбрей, т. 2, 515 - 516; Ибн ал-Ибри, 236; Джузджани, т. 1, 292 - 293; Джувейни, т. 2, 408 и сл.; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 223 - 224, 257.

¹⁵ Бар Эбрей, т. 2, 515 - 516; Джувейни, т. 1, 141 - 142; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 224.

¹⁶ ан-Насави, 130.

¹⁷ Там же, 131; Джузджани, т. 2, 742 - 744; Джувейни, т. 1, 141 - 142; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 224.

¹⁸ ан-Насави, 132 - 133; Джувейни, т. 2, 415.

¹⁹ ан-Насави, 133 - 134; см. также: Джувейни, т. 2, 415; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 238.

²⁰ ан-Насави, 134; Джувейни, т. 2, 415 - 417; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 238.

²¹ ан-Насави, 135.

²² См.: Томас, Хроника, 90 - 91, № 71 - 75.

²³ ан-Насави, 135.

²⁴ Там же, 135 - 136.

²⁵ Мухаммед ибн Ибрахим, 222; Джувейни, т. 2, 417, 469, 476 - 478; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 238, 244, 246.

²⁶ ан-Насави, 139 - 140; Джувейни, т. 2, 478 - 479; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 239.

²⁷ ан-Насави, 140.

²⁸ Там же; Джувейни, т. 2, 418; Ибн Халдун, 262; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 239 - 240.

²⁹ ан-Насави, 141.

³⁰ ан-Насави, 141; Джувейни, т. 2, 419 - 420; Абу-л-Фида, т. 3, 134; Ибн Халдун, 262; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 240 - 241.

³¹ ан-Насави, 142 - 143.

³² Ибн ал-Асир, т. 9, 358.

³³ ан-Насави, 152 - 153; Ибн ал-Асир, т. 9, 358.

³⁴ Абу Шама. Зайл, 131.

³⁵ Там же, 142.

³⁶ Сибт Ибн ал-Джаузи, 669; ал-Йунини, т. 1, 140.

³⁷ Ибн ал-Асир, т. 9, 355.

³⁸ Об этой переписке см. предыдущие главы.

³⁹ Сибт Ибн ал-Джаузи, 634; Ибн Тагриберди, т. 6, 260 - 261.

⁴⁰ Абу Шама. Зайл. 163.

⁴¹ Сибт Ибн ал-Джаузи, 634; Ибн Тагриберди, т. 6, 260 - 261.

⁴² Подробности о действиях султана Джалал ад-Дина в Ираке см.: ан-Насави, 154; Ибн ал-Асир, т. 9, 356; ал-Хамави Мухаммад, л. 1496; Джувейни, т. 2, 421 - 423; Абу-л-Фида, т. 3, 134; Рашид ад-Дин, пер., т. 2, кн. 2, 241; Ибн Халдун, 264.

⁴³ ан-Насави, 154 - 155.

⁴⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 358; Абу-л-Фида, т. 3, 135; Иакут, т. 1, 202 - 203.

⁴⁵ ан-Насави, 155.

⁴⁶ Там же.

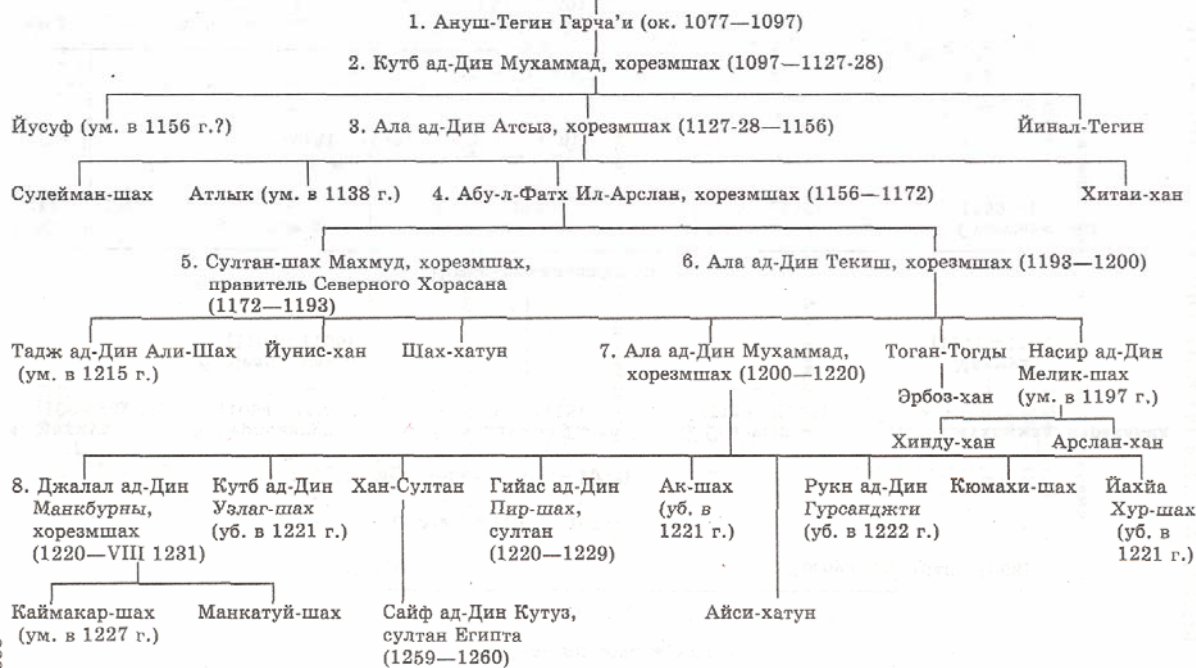

-
- ⁴⁷ Ибн Биби, 142.
- ⁴⁸ Там же, 142 - 146; см. также: Туран. Документы, 82 - 84.
- ⁴⁹ Подробности об этих переговорах см.: Ибн ал-Асир, т. 9, 358; ан-Насави, 166; Абу Шама. Зайл, 144.
- ⁵⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 358.
- ⁵¹ Ан-Насави, 155 - 156; Ибн ал-Асир, т. 9, 358.
- ⁵² Ан-Насави, 156; Джувейни, т. 2, 425.
- ⁵³ Ибн ал-Асир, т. 9, 358 - 359.
- ⁵⁴ Там же, 359; Джувейни, т. 2, 424 - 426; Абу-л-Фида, т. 3, 135; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 242; Ибн Халдун, 270.
- ⁵⁵ ан-Насави, 157.
- ⁵⁶ Джувейни, т. 2, 246.
- ⁵⁷ Ибн ал-Асир, т. 9, 359.
- ⁵⁸ ан-Насави, 157 - 158.
- ⁵⁹ Подробности о сражении у Гарни см.: ан-Насави, 157 - 159; Ибн ал-Асир, т. 9, 359; Картлис Цховреба, 169 - 171; Вардан, 175 - 176; Армянские источники, 24, 30, 70; Гандзакеци, 114 - 115; Орбелиан Степанос, 225 - 226; Джувейни, т. 2, 426 - 427; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 242 - 243. См. также: Баратов, 122 - 123; Джавахишвили, 47 - 48.
- ⁶⁰ ан-Насави, 159, 160.
- ⁶¹ Там же, 160.
- ⁶² Там же, 146 - 149.
- ⁶³ Там же, 160.
- ⁶⁴ Там же 161.
- ⁶⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 359 - 360.
- ⁶⁶ ан-Насави, 161 - 162.
- ⁶⁷ Там же, 164; Ибн ал-Асир, т. 9, 361; Джувейни, т. 2, 424; Абу-л-Фида, т. 3, 135; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 242.
- ⁶⁸ ан-Насави, 164.
- ⁶⁹ Там же, 163.
- ⁷⁰ Там же; Ибн ал-Асир, т. 9, 360.
- ⁷¹ Ибн ал-Асир, т. 9, 360.
- ⁷² ан-Насави, 164; ал-Хусайни, 167; Джувейни, т. 2, 425 - 426; Абу-л-Фида, т. 3, 135; ал-'У мари. Манийа ал-удаба', 210.
- ⁷³ ан-Насави, 294 и сл.
- ⁷⁴ Картлис Цховреба, 172 - 174; История Грузии, 502 - 503..
- ⁷⁵ Ибн ал-Асир, т. 9, 366.
- ⁷⁶ См.: Ибн ал-Асир, т. 9, 366 - 367; Джувейни, т. 2, 431 - 432; Картлис Цховреба, 174 - 177; Гандзакеци, 155; Вардан, 176.
- ⁷⁷ Картлис Цховреба, 177 - 178; см. также: Сабинин, 147 - 154.
- ⁷⁸ ан-Насави, 168.
- ⁷⁹ См.: Пахомов, 122 и сл.; Капанадзе, 68 - 73.
- ⁸⁰ Ибн ал-Асир, т. 9, 367.
- ⁸¹ ан-Насави, 168 - 170; Ибн ал-Асир, т. 9, 367 - 368; Джувейни, т. 2, 433; Ибн Халдун, 275.
- ⁸² Ибн ал-Асир, т. 9, 368.
- ⁸³ Там же, 369 - 370; Ибн Халдун, 276.
- ⁸⁴ ан-Насави, 171; Ибн ал-Асир, т. 9, 370; ал-Хамави Мухаммад, л. 1566 - 157а; Ибн ал-Адим, 199; Джувейни, т. 2, 435 - 436; Абу-л-Фида, т. 3, 136; Ибн Халдун, 276.
- ⁸⁵ ан-Насави, 172; Ибн ал-Асир, т. 9, 370 - 371.
- ⁸⁶ Подробности о сражении см.: ан-Насави, 181 - 186; Ибн ал-Асир, т. 9, 374, 376; Джувейни, т. 2, 436 - 438; Рашид ад-Дин, пер., т. 1, кн. 2, 243 - 244.
- ⁸⁷ ан-Насави, 185; Ибн ал-Асир, т. 9, 376.
- ⁸⁸ ан-Насави, 198.
- ⁸⁹ Там же, 199, 200.
- ⁹⁰ Там же, 200.
- ⁹¹ Там же, 202.
- ⁹² Ибн ал-Асир, т. 9, 374; Сибт Ибн ал-Джаузи, 420; ал-Хамави Мухаммад, л. 1676; Ибн ал-Адим, 202; Ибн Тагриберди, т. 6, 270.
- ⁹³ ан-Насави, 206 - 207.
- ⁹⁴ Там же, 210.
- ⁹⁵ Там же, 215.
- ⁹⁶ Там же, 216 - 217.
- ⁹⁷ Ал-Хамави Мухаммад, л. 1766 - 1796.
- ⁹⁸ ан-Насави, 216 - 217, 266 - 267.
- ⁹⁹ Там же, 220 - 221.
- ¹⁰⁰ Там же, 222 - 223.

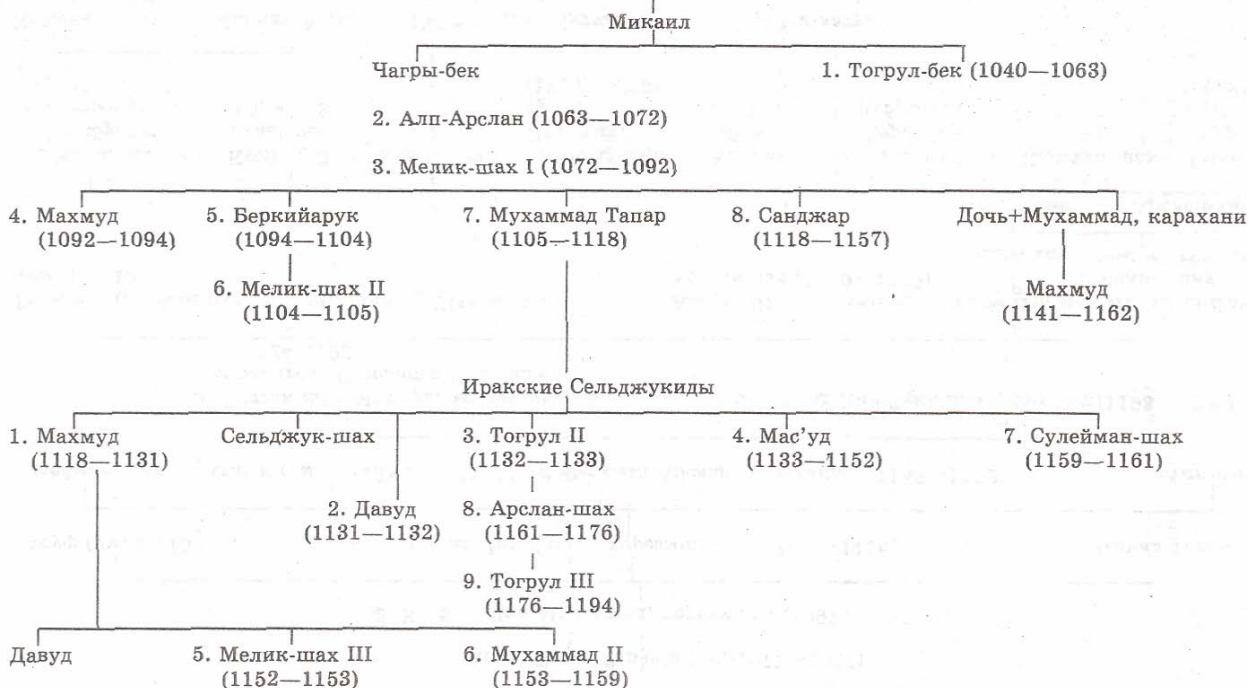
-
- ¹⁰¹ Там же, 223 - 224.
- ¹⁰² Там же, 224.
- ¹⁰³ Картлис Цховреба, 182 - 183; ан-Насави, 224 - 225.
- ¹⁰⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 378.
- ¹⁰⁵ ан-Насави, 189.
- ¹⁰⁶ Ал-Хамави Мухаммад, л. 171а, б; Ибн ал-Асир, т. 9, 375 - 376; Ибн Халдун, 281.
- ¹⁰⁷ Подробнее см.: ан-Насави, 186 - 191; Джувейни, т. 2, 467 - 468; Ибн Халдун, 282; Ибн ал-Фувати, т. 4, ч. 4, 1184 - 1185; Рашид ад-Дин, пер., т. 2, 31 - 32.
- ¹⁰⁸ ан-Насави, 216.
- ¹⁰⁹ Там же, 230.
- ¹¹⁰ Там же, 231; Ибн ал-Асир, т. 9, 379 - 380.
- ¹¹¹ ан-Насави, 240, 248; Ибн ал-Асир, т. 9, 380; Сибт Ибн ал-Джаузи, 659.
- ¹¹² ан-Насави, 240, 241.
- ¹¹³ Там же, 248.
- ¹¹⁴ Подробности осады Хилата см.: ан-Насави, 248 и сл.; Ибн ал-Асир, т. 9, 380 - 381; Ибн ал-Ибри, 245; Сибт Ибн ал-Джаузи, 660 - 662.
- ¹¹⁵ Джувейни, т. 2, 445 - 449. Фатх-наме приводится с сокращениями.
- ¹¹⁶ Гандзакеци, 116.
- ¹¹⁷ Ибн-Биби, 146 - 150.
- ¹¹⁸ ан-Насави, 232.
- ¹¹⁹ Там же, 232 - 233.
- ¹²⁰ Там же, 246.
- ¹²¹ Там же, 246 - 247.
- ¹²² Там же, 247.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же, 253 - 254.
- ¹²⁵ Там же, 251.
- ¹²⁶ Там же, 254.
- ¹²⁷ Ал-Хамави Мухаммад, л. 196б; см. также: Ибн Биби, 153 - 154.
- ¹²⁸ Подробности сражения у Йассы Чамана см.: ан-Насави, 256 - 257; Ибн ал-Асир, т. 9, 381; Ибн Биби, 154 - 159; Сибт Ибн ал-Джаузи, 662 - 664; Ибн Васил, рук., л. 266б - 267а; ал-Макризи, т. 1, ч. 1, 240; Ибн ал-Адим, 259; Абу-л-Фида, т. 3, 146 - 147; Ибн ал-Варди, т. 2, 220; Рашид ад-Дин, пер., т. 2, 29.
- ¹²⁹ анНасави, 251.
- ¹³⁰ Битлиси, 413.
- ¹³¹ ан-Насави, 258.
- ¹³² Там же, 259; Ибн ал-Асир, т. 9, 382.
- ¹³³ Ибн ал-Асир, т. 9, 383.
- ¹³⁴ ан-Насави, 263.
- ¹³⁵ Там же, 266.
- ¹³⁶ Рашид ад-Дин, пер., т. 2, 30; см. также: ан-Насави, т. 273 - 274; Ибн ал-Асир, т. 9, 384.
- ¹³⁷ ан-Насави, 275.
- ¹³⁸ Более подробно о деятельности везира Шараф ал-Мулка накануне гибели см.: ан-Насави, 274 - 276, 279, 280 - 283, 284; Ибн ал-Асир, т. 9, 384; Джувейни, т. 2, 454; Рашид ад-Дин, пер., т. 2, 30.
- ¹³⁹ ан-Насави, 273.
- ¹⁴⁰ Там же, 278, 285.
- ¹⁴¹ Там же, 286.
- ¹⁴² Там же, 287.
- ¹⁴³ Там же, 288.
- ¹⁴⁴ Там же, 288, 292.
- ¹⁴⁵ Там же, 292.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ Там же, 293.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Там же, 295.
- ¹⁵⁰ Там же, 295 - 296, 297.
- ¹⁵¹ Подробности о последних днях жизни хорезмшаха Джалал ад-Дина см.: Сибт Ибн ал-Джаузи, 666, 668 - 669; Гандзакеци, 117; Вардан, 176 - 177; Бар Эбрей, т. 2, 529 - 530 (Ибн ал-Ибри, 247); Джувейни, т. 2, 459 - 460; Абу-л-Фида, т. 3, 147 - 151; Рашид ад-Дин, пер., т. 2, 31; ал-'Умари. Манийа ал-удаба', 124 - 125; Ибн Тагриберди, т. 6, 276 - 277; ал-Ханбали, т. 5, 130 - 131.
- ¹⁵² ан-Насави, 296; Сибт Ибн ал-Джаузи, 669 - 670.
- ¹⁵³ Ибн Васил, рук., л. 265б - 266а.
- ¹⁵⁴ Ибн ал-Асир, т. 9, 383.
- ¹⁵⁵ ан-Насави, 296 - 297.
- ¹⁵⁶ Там же, 181.

- ¹⁵⁷ Ибн ал-'Ибри, 247; Джувейни. т. 2, 460; Рашид ад-Дин, пер., т. 2, 31.
- ¹⁵⁸ ан-Насави, 171 - 172.
- ¹⁵⁹ Ибн Виби, 170 - 174; ал-Макризи, т. 1, ч. 1, 247.
- ¹⁶⁰ Бар Эбрей, т. 2, 536 - 537; Сибт Ибн ал-Джаузи, 703; Абу-л-Фида, т. 3, 158; Ибн ал-Варди, т. 2, 236.
- ¹⁶¹ См.: Сибт Ибн ал-Джаузи, 699; Бар Эбрей, т. 2, 537; Ибн Биби, 188 - 189, 190 - 191; Ибн ал-Варди, т. 2, 237; Абу-л-Фида, т. 3, 159; Ибн Тагриберди, т. 6, 297; ал-Макризи, т. 1, ч. 1, 255.
- ¹⁶² Ибн Биби, 203. Автор "Жизнеописания султана Джалал ад-Дина Манкбурны" Шихаб ад-Дин ан-Насави был тогда везиром Баракат-хана.
- ¹⁶³ Сибт Ибн ал-Джаузи, 704; Ибн ал-Варди, т. 2, 239; Абу-л-Фида, т. 3, 162; Ибн Тагриберди, т. 6, 299 - 300; ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 269 - 271.
- ¹⁶⁴ Ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 271 - 272.
- ¹⁶⁵ Там же, 280; Ибн ал-Варди, т. 2, 240; Абу-л-Фида, т. 3, 163.
- ¹⁶⁶ Ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 302.
- ¹⁶⁷ Там же, 302 - 303, 421.
- ¹⁶⁸ Сибт Ибн ал-Джаузи, 735; Ибн ал-Варди, т. 2, 244; Абу-л-Фида, т. 3, 167; ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 303; Ибн ал-Адим, 255 - 258; Рашид ад-Дин, пер., т. 2, 125.
- ¹⁶⁹ Ибн ал-Варди, т. 2, 244 - 245; Абу-л-Фида, т. 3, 168; ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 303.
- ¹⁷⁰ Ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 309; Ибн ал-Адим, 261; Абу-л-Фида, т. 3, 168.
- ¹⁷¹ Ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 309 - 310; Абу-л-Фида, т. 3, 169; Ибн ал-Варди, т. 2, 246.
- ¹⁷² Сибт Ибн ал-Джаузи, 737 - 738; Ибн ал-Варди, т. 2, 247; Абу л-Фида, т. 3, 170 - 171; ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 311; Рашид ад-Дин, пер., т. 2, 126.
- ¹⁷³ Ибн ал-Адим, 261 - 262.
- ¹⁷⁴ Ибн Шаддад, 236.
- ¹⁷⁵ ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 315; Ибн Касир, т. 13, 164.
- ¹⁷⁶ См.: История крестовых походов, 661 - 692.
- ¹⁷⁷ Сибт Ибн ал-Джаузи, 745; ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 316; Ибн Тагриберди, т. 6, 323; Абу-л-Фида, т. 3, 172; Ибн ал-Варди, т. 2, 249.
- ¹⁷⁸ Ибн ал-Варди, т. 2, 249; Абу Шама. Зайл, 147; ал-Макризи, т. 1, ч.2, 316; Ибн Тагриберди, т. 6, 323.
- ¹⁷⁹ Сибт Ибн ал-Джаузи, 745 - 746; ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 317; Ибн ал-Варди, т. 2, 249; Абу-л-Фида, т. 3, 172 - 173; Ибн Тагриберди, т. 6, 323. См. также: История крестовых походов, 663 - 664.
- ¹⁸⁰ Сибт Ибн ал-Джаузи, 746. Салах ад-Дин Аййуби разгромил крестоносцев 4 июля 1187 г. близ селения Хаттин (между Насирией и Тивериадским озером).
- ¹⁸¹ Ибн ал-Варди, т. 2, 249; Абу-л-Фида, т. 3, 172; ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 317 - 318; Ибн Тагриберди, т. 6, 324.
- ¹⁸² Ибн ал-Варди, т. 2, 251; Абу-л-Фида, т. 3, 174; ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 322 - 323; Ибн Тагриберди, т. 6, 324.
- ¹⁸³ Абу-л-Фида, т. 3, 174; Ибн Тагриберди, т. 6, 324 - 325; ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 322; Абу-л-Фида, т. 3, 175.
- ¹⁸⁴ Абу Шама. Зайл, 175; Ибн Тагриберди, т. 6, 325; ал-Макризи, т. 1, ч.2, 322; Абу-л-Фида, т. 3, 175.
- ¹⁸⁵ ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 323.
- ¹⁸⁶ Сибт Ибн ал-Джаузи, 760 - 761, 764; Ибн ал-Варди, т. 2, 253 - 254; Абу-л-Фида, т. 3, 175 - 176; ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 323 - 325; Ибн Тагриберди, т. 6, 325 - 326.
- ¹⁸⁷ Текст ультиматума см.: ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 427 - 428.
- ¹⁸⁸ Рашид ад-Дин, пер., т. 3, 51 - 52.
- ¹⁸⁹ ал-Макризи, т. 1, ч. 2, 435; см. также: ал-Йунини (т. 1, 368, 369), где приведены слова Кутуза: "Я — Махмуд сын Мамдуда. Я тот, который разбил монголов и отомстил за своего дядю хорезмшаха". См. также: Текиндаг. Кутуз, 1057.
- ¹⁹⁰ Ибн Биби, 188.
- ¹⁹¹ Узунчаршылы. Бекства, 84 и сл.
- ¹⁹² Там же, 89.
- ¹⁹³ Там же, 39.
- ¹⁹⁴ Кёрплюю. Хорезмшахи, 293.

Генеалогия Хорезмшахов

Генеалогия Сельджукидов

ДИНАСТИЙНЫЕ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Халифы, правившие в изучаемое время

ал-Мустазхир	1094 - 1118
ал-Мустаршид	1118 - 1135
ар-Рашид	1135 - 1136
ал-Муктафи	1136 - 1160
ал-Мустанджид	1160 - 1170
ал-Мустади	1170 - 1180
ан-Насир	1180 - 1225
аз-Захир	1225 - 1226
ал-Мустансир	1226 - 1242
ал-Муста'сим	1242 - 1258

Атабеки Азербайджана

Шамс ад-Дин Илдениз	1136 - 1175
Джахан-Пехлеван	1175 - 1186
Кызыл-Арслан	1186 - 1191
Абу Бакр	1191 - 1210-11
Узбек	1210-11 - 1225
Хамуш	1225 - 1230

Мамлюки — правители Персидского Ирака

Изз ад-Дин Гекча	уб. в 1204 г.
Шамс ад-Дин Айтогмыш	уб. в 1213 г.
Насир ад-Дин Менгли	уб. в 1215 г.
Сайф ад-Дин Оглымыш	уб. в 1218 г.

Правители Мазандарана (Бавандиды)

Шахрийар ибн Карин	1073 - 1109
Карин ибн Шахрийар	1109 - 1117
Али ибн Шахрийар	1117 - 1139
(Рустам ибн Карин — претендент	1117 - 1121)
Шах-Гази Рустам ибн Али	1139 - 1163
Хасан ибн Рустам	1163 - 1171
Ардашир ибн Хасан	1171 - 1205
Шах-Гази Рустам ибн Ардашир	1205 - 1210

Гуриды

(Гур и Газна)

Сайф ад-Дин Мухаммад	1161 - 1163
Гийас ад-Дин Мухаммад	1163 - 1203
Шихаб ад-Дин Мухаммад	1203 - 1206
Гийас ад-Дин Махмуд	1206-1212
Баха ад-Дин Сам	1212 - 1213
Ала ад-Дин Атсыз	1213-1214
Дийа ад-Дин Мухаммад	1214 - 1215

(Бамйан и Тохаристан)

Шамс ад-Дин Мухаммед	1145 - 1163
Баха ад-Дин Сам	1163 - 1192
Джалал ад-Дин Али	1192 - 1206
Фахр ад-Дин Мас'уд	1206 - 1216

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб
НАА — Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. М.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
ППВ (ежегод.) — Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. М
СА — Советская археология. М.
ТВОРАО — Труды Восточного отделения Имп. Русского археологического общества. СПб.
ЭВ — Эпиграфика Востока. М. - Л
DI — Der Islam. Strassburg - Berlin, В.
DTCFD — Dil ve Tarih Cografiya Fakiiltesi Dergisi
IA — Islam ansiklopedisi. C. 1 — ... Istanbul, 1941 — ...
JASB — Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal. Calcutta.
JESHO — Journal of the Economic and Social History of Orient. Leiden.
TM — Turkiyat mecmuasi. Istanbul.
ТТКВ — Turk Tarih Kurumu. Belleten. Ankara.
WZKM — Wiener Zeitschrift fur die Kunde des Morgenlandes.

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ,
БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО
ВОСТОКА

ГАРС АН-НИ'МА АС-САБИ И КАМАЛ АД-ДИН ИБН ФУВАТИ ОБ ИСТОРИИ КАРАХАНИДОВ*

Средневековые письменные источники хранят в себе еще много не использованных историками интересных сведений по истории Караханидов. Иногда эти материалы лишь подтверждают сведения других, уже изученных в этом плане источников, однако иногда они раскрывают перед нами уникальные страницы, заставляют заново взглянуть на некоторые события.

Караханидами (особенно Западными) в разное время занимались В. В. Григорьев, В. В. Бартольд, Р. Фасмер, М. Ф. Кёпрулю, О. Прицак и др., а в настоящее время их история является предметом изучения Е. А. Давидович.

Знакомясь с кругом источников по интересующей меня истории Сельджуков, я встречаю в них материалы и по Караханидам. Не претендуя на роль исследователя истории Караханидов, полагаю, что эти материалы могут оказаться небесполезными для изучения запутанно, противоречиво освещенной в источниках политической истории Караханидов.

Сведения о Караханидах в сочинении

Гарса ан-Ни'мы Абу-л-Хасана Мухаммада ибн Хилала ибн ал-Мухассина ибн Аби Исхака Ибрахима ас-Саби "'Уйун ат-таварих" ("Источники историй")

Гарс ан-Ни'ма (ум. в феврале 1088 г.) является представителем знаменитой фамилии ас-Саби¹. Им написана небольшая по объему хроника, которая включает в себя события 448 - 479/1056 - 1086 гг. и является продолжением хроники его отца Хилала ас-Саби (970 - 1056), который закончил ее описанием событий 448 г. х.

"Уйун ат-таварих" Гарса ан-Ни'мы излагает весьма важные сведения, связанные с событиями времени правления первых трех сельджукских султанов — Тогрул-бека, Алп-Арслана и Малик-шаха. Сочинение Гарса ан-Ни'мы до нас не дошло. Автограф его был увезен из Багдада в Дамаск историком Сибтом ибн ал-Джаузи (1186 - 10.X.1257), который включил все сочинение Гарса ан-Ни'мы или его часть в свое сочинение "Мир'ат аз-заман" ("Зерцало времени"). После этого сочинение Гарса ан-Ни'мы исчезло, ибо ни один иракский или сирийский средневековый историк его никогда не видел².

Опубликованная турецким историком 'Али Севимом часть сочинения Сибта ибн ал-Джаузи начинается словами: "Именно с этого (448) года начинается свою "Историю" Абу-л-Хасан Мухаммад ибн Хилал ибн ал-Мухассин ибн Ибрахим ас-Саби, писатель, которого называют Гарс ан-Ни'ма"³. Далее многие абзацы своего труда Сибт ибн ал-Джаузи начинает словами: "Мухаммад ибн Хилал ас-Саби (или Ибн ас-Саби) сказал", цитируя затем место из его сочинения.

В конце изданного 'Али Севимом отрывка из "Мир'ат аз-заман" стоят следующие слова самого Сибта ибн ал-Джаузи: "Мухаммад ибн Хилал ибн ал-Мухассин ибн Ибрахим ас-Саби Абу-л-Хасан, имеющий лакаб Гарс ан-Ни'ма, автор истории, названной "'Уйун ат-таварих", сделал ее добавлением (зайалаху) к "Истории" своего отца Хилал ас-Саби, а его отец сделал добавление к "Истории" Сабита ибн Синана, Сабит же сделал добавление к "Истории" Ибн Джарира ат-Табари. "История" ат-Табари заканчивается описанием событий 302 или 303 года, "История" Сабита доведена до описания событий 360 года, "История" Хилала — до 448 года, а "История" Гарса ан-Ни'мы излагает события начиная с 448 года и кончая 479 годом"⁴.

Предлагаем перевод отрывков из сочинения Гарса ан-Ни'мы о Караханидах.

1. (с. 164) "Год 465 (17.IX.1072 — 5.IX.1073). Шамс ал-Мулк Тегин ибн Тамгач — владетель Самарканда, Бухары и Мавераннахра женился на сестре султана (Алп-Арслана). Говорят, что затем он убил ее, так как она подстрекала своего брата [к захвату] страны. Затем султан женился на сестре Шамс ал-Мулка (Хатун). Войска и Малик-шах переправились [через Джейхун] для сражения с Тегином (с. 165), но он (Тегин) одержал над ними победу и захватил добычу. В числе трофеев был таз (ташт), инкрустированный золотом. А когда войска и Малик-шах возвратились

* Статья была опубликована в журнале "Ближний и Средний Восток (М., 1981, 5 - 10).

назад и переправились через Джейхун в сторону Хорасана, Тегин сказал сестре султана: "Ты подстрекала их к переправе". Говорят, что он пнул ее ногой и она умерла. Об этом узнал Алп-Арслан и повел против него [войско]. Он вызвал его, и тот поклялся, что не делал этого (т.е. не убивал сестру султана). После этого Тегин выдал за него свою сестру [Джалалию]. Султан вошел к ней и овладел ею после своего победоносного возвращения из ар-Рума. И тогда среди приданого он заметил этот золотой таз, который был захвачен у Малик-шаха. Он подумал про себя: "Этот таз отправлен для того, чтобы посмеяться надо мной и напомнить о победе над моим сыном!". Затем он решил переправиться на его (Тегина) сторону и созвал огромное войско. Говорят, что он переправлялся в течение двадцати четырех дней. Это произошло в сафаре (17.X — 14.XI.1072). Его войска насильовали женщин, а его авангард разграбил окрестности Бухары. Авангард добрался до крепости, называемой Бирун, в которой [комендантом] был хорезмиец по имени Йусуф..." (далее следует известная сцена убийства Йусуфом Алп-Арслана).

2. (с. 167) "Говорит Ибн ас-Саби. Когда жители Бухары узнали о том, что он (султан) переправился (через Джейхун) и его передовые отряды опустошают окрестности, грабят имущество и насильуют женщин, они устремились в Самарканд. В Соборной мечети собрались праведники (салихун), подвижники (зуххад), улемы (улама) и проповедники (ву'аз) и множество народа, которые долгие дни постились и молились. Среди них были и такие, кто не разговлялся ночами и пребывал в молитвах ко всевышнему Господу, взывая к нему и жалуясь на султана и прося защиты от него. И вот что из этого вышло!" (Подразумевается, что благодаря этим молитвам Алп-Арслан и был убит).

3. (с. 172) "В это время (в раби' I 467/25.X — 23.XI.1074 г.) пришло сообщение, что Малик-шах переправился через Джейхун с целью отомстить за своего отца; что он осадил Термез и взял его и что кусок крепостной стены обрушился. Султан направил к городу саперов (наккабун), которые подожгли его, и войско ворвалось в город. Они разграбили его и перебили множество народу. Был взят в плен Буга-Тегин — брат Шамс ал-Мулка ибн Тамгач-хана — владельца Бухары и Самарканда.

Шамс ал-Мулк прибыл к султану с просьбой о перемирии. Султан удовлетворил его просьбу и заключил с ним мир, после чего султан возвратился в Мерв, намереваясь отправиться в Багдад. Шамс ал-Мулк же отправил для султана коней, одежду, пряности и подарки, и султан тоже отправил ему подарки взамен. Дешети об этом султан отправил в Багдад".

4. (с. 207) "В мухарраме 473 (22.VI — 21.VII. 1080 г.) пришло известие о смерти Шамс ал-Мулка Тегина ибн Тамгач-хана — владельца Самарканда и Мавераннахра. Он умер от колик (кавландж). Он завещал трон своему брату Хасану Ай-Тешну, его детям и потомкам, когда он займет его место. Хасан направился в Самарканд, где являл справедливость и совершал добрые дела. Он (Хасан) узнал, что Текиш, брат султана (Малик-шаха), уже переправился через Джейхун и находится на пути к Бухаре. Хасан выступил против него во главе восьми тысяч туркмен, и оба войска встретились у Джараварда, что между Бухарой и Термезом. Текиш был разбит, и Хасан захватил имущество его войска. После этого против него (Хасана) выступил Умар Тогрул-Тегин — один из ханов (мин ал-ханийа). Они встретились, и Хасан разгромил его и захватил все, что было в его войске. После этого он вступил в Самарканд. Он одержал победу в двух сражениях".

Приведенные отрывки требуют внимательного сопоставления с другими источниками. Отметим лишь следующее. Шамс ал-Мулк Тегин б. Тамгач — известный караханидский государь Шамс ал-Мулк Абу-л-Хасан Наср б. Ибрахим б. Наср б. 'Али (1068 - 1080). Правление Шамс ал-Мулка Насра рассмотрено В. В. Бартольдом на основании ряда письменных источников⁵, но он не упоминает титула "тегин". Монетная титулатура Насра включает разные элементы ("Малик ал-Машрик ва-с-Син", "Султан аш-Шарк ва-с-Син", "Малик ал-'адил" "Насир ал-Хакк ва-д-дин", "Шамс ал-мулк")⁶, среди которых — насколько мы можем судить — не было титула "тегин".

Отношение между сельджукскими султанами Алп-Арсланом и Малик-шахом и караханидом Шамс ал-Мулком Насром Гарс ан-Ни'ма изложил с большими подробностями, заслуживающими внимания. Имеются некоторые различия с данными, которые привел В. В. Бартольд на основании Ибн ал-Асира.

Четвертый отрывок нам неясен: Шамс ал-Мулк завещал трон своему брату Хасану Ай-Тегину. Известно, что после Шамс ал-Мулка короткое время действительно правил его брат, но этого брата — по другим источникам — звали Хизр⁷.

**Сведения о Караханидах в сочинении Камал ад-Дина
Абу-л-Фадла 'Абд ар-Раззака ибн Ахмада ибн Мухаммада,
известного под именем Ибн ал-Фувати ал-Багдади, "Талхис
маджма' ал-адаб фи му'джем ал-алкаб" ("Сокращенный
сборник сведений в "Словаре титулов")**

Камал ад-Дин ибн ал-Фувати родился 17 мухаррама 642/25.VI. 1244 г. В возрасте 14 лет он попал в плен к монголам, захватившим Багдад. Через год он бежал из плена и нашел убежище у Насир ад-Дина ат-Туси. Вскоре Ибн ал-Фувати становится его учеником и последователем, получает глубокие познания в философии и персидском языке.

Насир ад-Дин ат-Туси предложил Ибн ал-Фувати должность хранителя (хазина) библиотеки при основанной им Марагинской обсерватории, в которой было собрано 400 тыс. томов рукописей различных сочинений, свезенных сюда по приказу Хулагу-хана из разных стран.

Десять лет Ибн ал-Фувати был хранителем Марагинской библиотеки и за это время он прочел и ознакомился с огромным числом сочинений по разным отраслям науки. Он стал делать выписки, создавать своего рода справочники и составлять картотеки с именами ученых, литераторов, поэтов, владык, эмиров, строителей, богословов, деятелей культуры, искусства, купцов, мастеров различных ремесел и т. д. Во время пребывания в Мараге Ибн ал-Фувати встречал множество людей самого разного характера, профессий, занятий. Имя каждого человека, с которым Ибн ал-Фувати знакомился лично, или сведения о нем он заносил в карточки. Продолжая работать в библиотеке и после смерти Насир ад-Дина ат-Туси, Ибн ал-Фувати составил тысячу карточек (памяток) о тех, кто посещал обсерваторию в Мараге ("Тазкира ман касада ар-расадхана"). Знакомясь с посетителями обсерватории, он скоро узнал много новых людей, которые, в свою очередь, разносили по всему Востоку вести об Ибн ал-Фувати. В Мараге же Ибн ал-Фувати знакомится с автором "Гулистана" Са'ди, который побудил Ибн ал-Фувати совершить поездку по странам, входившим в состав государства Ильханов и посетить многочисленные памятные места.

Ибн ал-Фувати — автор огромного числа сочинений. Самой главное из них - 50-томное "Маджма' ал-адаб ал-мураттаб 'ала му'джем ал-асма'фи муджам ал-алкаб" ("Собрание сведений, составленных в алфавитном порядке имен в "Словаре титулов"). До нас дошла только часть этого огромного гряда, его сокращенный вариант — "Талхис маджма' ал-адаб фи му'джем ал-алкаб". Однако и это сокращение дошло до нас не в полном виде: из составленного в алфавитном порядке словаря персоналий пока что обнаружена лишь четвертая часть, включающая в себя имена (лакабы), начинающиеся с букв айн, гайн, фа и каф. Эта часть сочинения Ибн ал-Фувати издана покойным Мустафа Джавадом в Дамаске в 1962 - 1967 гг.

Умер Ибн ал-Фувати в возрасте 81 года 2 мухаррама 723/28.XI.1326 г.

В числе персоналий, зафиксированных в изданной части сочинения Ибн ал-Фувати, есть два представителя династии Караханидов.

№ 933⁸. "Имад ад-Даула Абу-л-Музаффар Ибрахим ибн Илек Наср, известный как Тафгач ат-Туркистани.

О нем в своей "Истории" упоминает Абу-л-Хасан Мухам-мад ибн 'Абд ал-Малик ибн (так!) ал-Хамадани. [Он говорит:] "Рассказал мне Абу-л-Маджд Мухаммад ибн 'Абд ал-Джил ал-Кашгари [следующее]. Его отец был известен как Ил-бек, Он был аскетом (захид). Ему принадлежали (кана бийадиhi) Фергана и Самарканд. Когда он умер, его место занял его сын Тафгач, который был набожным (мутадайн), никого не казнил и ни у кого не отбирал имущества, пока на это не было разрешения факихов. Ежегодно он направлял послов к (халифу) ал-Ка'иму би амри-ллаху и получил от халифа лакаб 'Имад ад-Даула ва Тадж ал-Милла, 'Изз ал-Умма, Кахф ал-муслимин, Малик аш-Шарк ва-с-Син Тафгач ибн Богра-хан, Сайф Амир ал-му'минин" ("Опора государства, Венец религии, Слава народа, Убежище правоверных, Владыка Востока и Китая Тафгач ибн Богра-хан, Меч Эмира верующих"). Его разбил паралич в 460 году (11.XI.1067 — 30.X.1068 гг.н. э.), и главой (династии) ('амид) стал Абу Бакр Шамс ал-Мулк. А умер 'Имад ад-Даула в месяце рамадан 470 года (18.111. — 16.IV.1078).

№ 1703⁹. "Айн ад-Даула Абу Наср Мухаммад ибн Наср Илек ибн Кудуз-хан ат-Турки, султан.

О нем в своей "Истории" упоминает ас-Саби. Он говорит: "В месяце раби' II 436 года (26.X. — 23.XI.1044) в столицу Халифата прибыл владетель (сахиб) эмир Мавераннахра и рас-

спросил о своих делах. Говорят, что он написал халифу ал-Ка'иму би амриллаху записку следующего содержания: "Во имя Аллаха милостивого, милосердного! В Высокий диван прибыл Мухаммад ибн 'Али по прозвищу Абу Бакр, сын сестры Насра ибн 'Ата, и сообщил, что по его службе ему положен лакаб 'Айн ад-Даула Мухаммада ан-Насра и он управляет Ходжендом, Усрушаной и частью Ферганы от имени своего брата Тафгач-хана Ибрахима ибн Насра". Говорят, что он ушел от своего дяди (по матери) Насра ибн 'Ата из-за толкования положения карматских да'и и что его дядя умер в Динаваре".

В двух этих пассажах речь идет о двух братьях — Ибрахиме и Мухаммаде, сыновьях Насра б. 'Али, отвоевавшего Мавераннахр у Саманидов. Историческая ценность и достоверность этих пассажей не одинакова, есть и явные ошибки.

Относительно Ибрахима б. Насра ошибочно сказано, будто он непосредственно после своего отца унаследовал его владения. После смерти Насра б. 'Али Мавераннахром и Ферганой правили разные караханидские государи. Политические успехи Ибрахима б. Насра начались значительно позже. Он активизировался в 430/1038-39 г. в приамударьинских областях: в Хутгалане, Вахше, затем Саганиане. В Саганиане же в 430 - 431 гг.х. начался чекан монет с его именем. Только после этого он продвинулся в Мавераннахр и постепенно овладел им¹⁰. Титулатура, названная нашим источником, очень полна, но не исчерпывающа. Сразу нужно отметить, что источник приводит поздние титулы Ибрахима б. Насра, его ранние титулы "Бури-тегин" и "ал-Малик ал-Му'аййад" и ранние лакабы — "Фахр ад-Даула" и "Му'аййид ал-'адл"¹¹ в перечне не фигурируют. Зато поздняя монетная титулатура¹² лишь незначительно отличается от приведенной Ибн ал-Фувати. Одинаковы "Имад ад-Даула", Тадж ал-Милла", "Изз ал-Умма", "Малик аш-Шарк ва-с-Син", "Тафгач-Богра-хан"¹³, близки "Сайф амир ал-му'минин"(на монетах "Сайф халифат Аллах") и "Кахф ал-муслимин" (на монетах "Ка'б ал-муслимин"). Нельзя не отметить, что Ибн ал-Фувати не упоминает титул "Му'аййид ал-'адл", которому в семье Насра б. 'Али придавали особое значение и который переходил от одного члена семьи к другому: сначала его носил сам Наср б. 'Али, затем его сын Мухаммад б. Наср, а не позднее 432 г. х. принял Ибрахим б. Наср¹⁴, который включал этот титул в монетные надписи все последующее время, так что этот титул вошел органически в состав его поздней окончательно оформившейся титулатуры. Любопытно, что аттестация Ибрахима б. Насра, данная ему Ибн ал-Фувати, совпадает со свидетельством других источников.

Значительно интереснее пассаж о его брате, Мухаммаде б. Насре, дающий возможность точнее определить как его владения, так и политическое положение вообще.

О. Прицак выдвинул концепцию об образовании двух (Восточного и Западного) самостоятельных караханидских каганатов с параллельной титулатурой: каганаты оформились в 433/1041 - 42 г., Мухаммад б. Наср - владетель Ферганы (столица Узгенд), стал главой (титул Арслан-хан) Западного каганата, его же брат Ибрахим б. Наср стал владетелем Мавераннахра (столица Самарканд) в составе этого Западного каганата; оба брата и фактически и формально были независимы от Восточного каганата. Н. А. Давидович показала, что эта концепция не опирается на факты. Два каганата образовались иными путями, причем Мухаммад б. Наср никогда не был главой Западного каганата, не носил титула "Арслан-хан" и не был даже самостоятельным владетелем всей Ферганы. Он был на разных отрезках времени лишь удельным владетелем Ходженда и части Ферганы, причем в качестве вассала других членов династии. В 30 - 40-х годах V в. х., в частности, он был вассалом Сулаймана б. Йусуфа (главы Восточного каганата) и Фергана вообще находилась в сфере влияния именно Восточного каганата. Главой же Западного каганата стал Ибрахим б. Наср с упомянутой выше пышной титулатурой, включавшей "Тафгач-Богра-хан (хакан)", который присоединил Фергану лишь в 50-е годы¹⁵.

Наш источник содержит дополнительное опровержение заключения О. Прицака о том, что Мухаммад б. Наср был независимым главой Западного караханидского каганата, и подтверждает вывод Е. А. Давидович о том, что он был всего лишь скромным вассальным удельным владетелем. Наш источник точно очерчивает его владения: Ходженд, часть Ферганы (как и по монетам), а также Усрушана. Правда, наш источник и монеты называют для этих лет разных сюзеренов Мухаммада б. Насра: монеты — Арслан-хана Сулаймана б. Йусуфа, наш источник — Тафгач-хана Ибрахима б. Насра. Думаю, что предпочтение должно быть отдано монетам как "официальному документу", что, впрочем, не зачеркивает и свидетельство письменного источника, который мог отразить реальные связи братьев (Ибрахима — главы Западного каганата и Мухаммада — скромного удельного владетеля в сфере номинальной власти Восточного каганата) и какую-то попытку Мухаммада освободиться от верховной власти Восточного каганата, опираясь на халифа.

В пользу этого предположения говорит и любопытное свидетельство нашего источника о том, что Мухаммад б. Наср в 436 г. х. просил у халифа лакаб "Айн ад-Даула" (хотя по монетным данным¹⁶ этим лакабом он владел уже в 411 г. х.), как соответствующий его положению правителя Ходженда, Усрушаны и части Ферганы именно от имени брата Ибрахима б. Насра. "Благословение" халифа, сформулированное таким образом, Мухаммад б. Наср, возможно, рассматривал как морально-политическое обоснование для политической переориентации. Необходимость последней диктовалась, очевидно, не столько родственными чувствами, сколько политической ситуацией: сам визит Мухаммада в Багдад и назначение его письма к халифу намекают на какие-то осложнения с восточными Караханидами.

Примечания

¹ Предисловие М. Ауада, 5 – 75.

² Предисловие Али Севима, 7 – 9.

³ Там же, 1 арабского текста.

⁴ Там же, 246 - 247 арабского текста. Сабит ибн Синан (ум. в 971 г.) — дядя Хилала ас-Саби; Мухаммад ибн Джарир ат-Табари (838 — 923) — автор многотомной "Истории пророков и царей"

⁵ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Сочинения. Т. 1. М., 1964, 377 - 378.

⁶ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет имп. Эрмитажа. СПб., 1896, 268 - 270.

⁷ В. В. Бартольд. Туркестан..., 378 - 379. Об Абу Шуджа' ал-Хизре (1080 - 1081?) см. статью О. Прицака в ЕИ.

⁸ Там же, т. 4, ч. 2, 650 - 651.

⁹ Там же, 1141.

¹⁰ Подробнее см.: Е. А. Давидович. Клад саганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник. — "ППВ. Ежегодник. 1968". М., 1970, 87 - 94.

¹¹ Там же, 89, 93 - 94.

¹² А. К. Марков. Инвентарный каталог..., 262 — 267.

¹³ В тексте написано: "Тафгач ибн Богра-хан" — "ибн" включено ошибочно.

¹⁴ Е. А. Давидович. Клад саганианских монет..., 93 - 94.

¹⁵ Е. А. Давидович. О двух караханидских каганатах. — НАА, 1968, № 1, 69 - 74, 76.

¹⁶ Там же, 70, табл. 1.

ОБ ОДНОМ ЧАГАТАЙСКОМ СОЧИНЕНИИ ПО ИСТОРИИ ХОРЕЗМА*

В Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР под шифром В 723 (581с) Узб. хранится анонимное чагатайское сочинение. Небольшое по объему, это недатированное сочинение было, очевидно, частью какого-то другого труда и составляло его 73б - 78а листы [1.С.156, № 88]. Названо это сочинение *Та'риф-и шахр-и Хваризм* ("Описание города Хорезма"). Авторы "Описания тюркских рукописей" Л. В. Дмитриева и С. Н. Муратов так передают его содержание: "Не встречающееся в каталогах сочинение. Содержит краткое описание г. Хорезма; его мечетей и минаретов; приводятся имена известных городских муэззинов, имамов; сообщается, сколько в городе медресе и сколько числится в них ученых и шейхов; указывается число кварталов и улиц, базаров и лавок, по каким товарам специализируются эти лавки и их владельцы, об абдалах ("святых заместителях" пророка Мухаммада, покровителях ремесленников и т. д.) в Хорезме и Хорезмской области". Необходимо сразу же отметить, что авторы "Описания" допустили невнимательность при передаче содержания сочинения. Приняв название (*Тариф и шахр-и Хваризм*) как определяющее его содержание, они решили, что речь идет о Хорезме как о городе. Это не так, ибо в сочинении рассказывается о государстве Хорезм, а точнее - о государстве хорезмшахов, прекратившем в 1221 г. свое существование под ударами орд Чингис-хана.

В нашем источнике все время присутствует оборот "было" (бар ирди), т.е. все было в прошлом. Автор сочинения, дата составления которого неизвестна, получил свою информацию из другого источника, который нам тоже неизвестен. В этом неизвестном труде, конечно, приводился перечень огромного, прямо скажем, чрезмерного количества различных учреждений, заведений, мечетей, медресе, базаров, бань, караван-сараяв, имен религиозных и иных деятелей, ремесленников и т. д. всего государства хорезмшахов в период расцвета, когда территория его тянулась от Кашгара на востоке до Кавказа на западе и от Мангышлака и Дженда на севере до Фарса и Мекрана — на юге.

Говоря об этом сочинении, неточно описывает его и Е. Э. Бертельс: "В Ленинградском институте восточных исследований есть написанная на восточно-тюркском [языке] рукопись, имеющая следующий заголовок: "Рассказ о мученической смерти шейха Наджм ад-Дина Кубра и разрушении города Хорезма" (*шейх Наджм ад-Дин Кубрани шехид кылып шахр-и Хваризмни хараб кылганынынг бейаны*). Это произведение — своего рода исторической роман, рассказывающий о последних днях Хорезма и его разрушении. Наджм ад-Дин Кубра в этом сочинении показан как защитник города от монголов" [2.С.164]. Как видно, Е. Э. Бертельс ограничился чтением только первых строк первого листа (73б) рукописи.

Ниже приводится транскрипция текста сочинения на кириллицу и перевод на русский язык. Пусть специалисты, знатоки чагатайского языка, не судят строго за неточности в моем переводе, ибо я преследовал цель донести до читателей известие о существовании этого источника. И, кроме того, — это мой первый перевод с чагатайского, знатоком которого я себя не считаю.

В заключение благодарю проф. Акрама Джафара за помощь.

(л. 73б) *Бисми-л-лаһи-р-рәһмани р-рәһим!*
Тә'риф-и шәһр-и Харәзм

Мүгәддәмләрдin вә мүтәгәддимләрдin мундаг рәвајәт кылулар ким, һәзрәт-и шејх Нәчм әд-нин Кубрани ким, шәһид кылып турулар ол мә'лун иди ол мәрдуд-и чәһәннәм, јә'ни Чинкиз, -әлејһи-ллә'нәнин, кадәми тиканда он ики мин мәсчид-и чаме' бар ирди. һәр мәсчидун бир буланд минарәси бар ирди, јарысын виран кылды, (л. 74а) јети минарә којды. һәр мәсчиддә ики јүз һафиз, бә'зи мәсчиддә јүз әлли һафиз, бә'зи јүз һафиз-и Гур'ан-хан бар. Тәғи төрт јүз мин јети јүз јетмиш јети мәсчид-и һәјј бар ирди, имам вә мү'әззинләри мү'әјјән вә мүвәззәф. Јенә он ики мин ханәкаһ бар ирди, һәр ханәкаһда бир шејх, кутбиликмә мәкамигә јетишкән бир мүршид вә мүктада-ји вахт бар ирдиләр. Тәғи һәр бирнинин мүридләрни он ики минин, бә'зисинин мин пеш јүз мүридләри бар ирди. Тәғи (л. 74б) төрт мин төрт јүз кырк төрт мәдрәсә бар ирди. һәр мәдрәсәдә төрт камил-и

* Статья была опубликована в журнале "Советская тюркология" (1989, № 2, 69 - 75).

мүкәммәл мүдәррис бар ирди. Тәғи мин җети жүз сәксән сәкиз үләма бар ирди. Тәғи үч мин җети жүз мәшәҗих-икүбар бар ирди. Тәғи абдаллар-и диванәләр бинәһәҗәт бар ирдиләр, һесабысyz ирдиләр. Тәғи үч мин он үч карван-сарај бар ирди; тәғи һәр сарајнын мин һүчрәси бар ирди; тәғи үч мин он үч хаммам бар иди. Төрт мин төрт жүз махалләси бар ирди. Тәғи мин җети жүз (л. 75а) базар бар ирди. Һәр түрлүк кумашдин, дибәдин һәр кимнин һәр түрлүк һачәти булса һачәтләри тапулур ирди. Тәғи төрт жүз мүнәччим-и камил бар ирди. Тәғи төрт мин төрт жүз дивбәнд-и гара'-им-хан бар ирди, һамиләртә хидмәт кылдурур ирди. Һәр нә десә марагдин кызлар вә чаванлардин күлдүрүр ирдиләр. Тәғи төрт жүз җетмиш кыз заһидләрдин чан татған бар ирди. Тәғи төрт мин төрт жүз дивбәнд-и гара'-им-хан бар ирди, һамиләртә хидмәт кылдурур ирди. Һәр нә десә марагдин кызлар вә чаванлардан күлдүрүр ирдиләр. Тәғи төрт жүз җетмиш кыз заһидләрдин чан татған бар ирди. Тәғи багисинин һесабынын Аллаһ билур. Тәғи мин үч жүз катиб (л. 75б) җә'ни каләм бирлән хәтт җазарлар ирди. Тәғи мин җетмиш докүз киров дүканы бар ирди. Тәғи мин төрт жүз сәһһаф бар ирди. Тәғи мин үч жүз аһәнкдар дүканы бар ирди. Тәғи мин пеш жүз мүзә дүканы бар ирди. Тәғи мин үч жүз кәфш дүканы бар ирди. Тәғи мин үч жүз дуз дүканы бар ирди. Тәғи мин ики жүз мискәр дүканы бар ирди. Тәғи мин үч жүз баккал дүканы бар ирди. Тәғи мин ики жүз базар, әтгар базары бар ирди. (л. 76а) Тәғи мин пеш жүз базар-и кәффани бар ирди. Тәғи мин токуз жүз бәззәз дүканы бар ирди. Тәғи ики мин алты жүз гәссаб дүканы бар ирди. Тәғи пеш мин пеш жүз нанваи дүканы бар ирди. Тәғи төрт жүз дүкан-и сиаһфуруш бар ирди. Һесабығы Аллаһ Тәала билур.

Бу нөв абадан вилајәтләрни он җети ил ичиндә Чинкиз, әлејһи-л-лә'нә бозди. Гәрәз, сәбәб бу кәламатлардин мәгсуд ол-турур ким, Харәзм мәчмә-җи өвлија турур. Җә'ни чешме-җи шүһәда турур. (л. 76б) Тәғи чәми вилајәтләрдин абаданлыг вагтында сораг ирди анун үчүн ким, Харәзм Гүббәт әл-Ислам нијјәт итурәир диләјир. Анун үчүн ким, һәр кимсә Харәзм шәһриндә ики рүк'әт намаз окуса өзкә дијарларуда җетмиш рүк'әт намаз окуған тапгај дејиб турурлар вә тәғи һәр кишини Харәзм шәһринин користаныда дәфн етсәләр, кор әзабы вә суал-и Мункар вә Нәкирни Аллаһ Тәала ол бәндәгә асан кылгај, иншаллаһ Тәала. (л. 77а) Вә тәғи Харәзмнин әксәр халкы бәни Исраил гөвмидин төрүр. Јәгуб нејгәмбәр-әлејһи-с-саламнин әслидин төрүр. Әсилләри бағи турур. Уркенчинин бир овуч туфраги хали ирмәмиш өвлијалар вә сәләһләр. Мүтәгиләр вә пакдәмәнләр бадәнләрнидин тур турурунун үчүн ким, адамлары саһиб чамал төрүр. Һәзрәт имам-и ә'зәм заманында үч жүз јикирми җети (л. 77б) түмән, Әфрасијаб заманында жүз җетмиш түмән ирди. Гәдим шәһәрләрдин турурду вә Аллаһу ә'ләм би-с-саваб!

Ханышбај Чирикчи хәләфиндин, Исфәндијар-ханын вактында, өткән дөвләтли кими иркән турур фәрзәндин бир оғлу, он ики кызлары бар ирди. Оғлу ады Курбан-бај, бир кызынын ады Адыш-бике, јенә бир кызынын ады (л. 78а) Ураз-Дөвләт. Курбан-бајнын оғлу РаһманбердиХафиз Чәли (?) Кули Хафиз. Адыш-бикени Улугберди Јасавул алгај. Јасавулдан ики оғул, бир кызы булган. Онун оғлу Танрыберди-хан мәзкурнын әјјамында шәһид булган идур.

Нәвиштәм мәшг дәр гәл'е-җи Шаһабәд,
Кәминә бәндә-и хаксар Нијаз Мәһәммәд ад.
Гәләм кәфта ки, мән шаһ-и чаһанәм,
Гәләм-кешра бе-дөвләт мирәсанәм.
Гәләм јондүм хаттим битәм рузикар,
Өзүм өлсәм хәттим галсун јадикар,
әл-фәгир әл-һәгир Нијаз Мәһәммәд-шејх
ибн Гази Иш-мәһәммәд ШЕЈХИН
дәр сәнә 116[0] вә Аллаһу ә'ләм би-с-саваб.

(л. 736) *Во имл Аллаха, милостивого, милосердчого!*

Описание города Хорезма

Предки и их потомки передают, что когда [в Хорезм] вступил проклятый и извергаемый адом Чингис [3], - да будет над ним проклятие [Господне], - и смертью мученика за веру пал святой шейх Наджм ад-Дин Кубра [4], [в государстве] было двенадцать тысяч соборных мечетей. Каждая мечеть имела один высокий минарет. Половину мечетей [монголы] разрушили (л. 74а) и оставили лишь семь минаретов. В каждой мечети было по двести знатоков Корана, в некоторых было по сто пятьдесят хафизов, а в иных — по сто хафизов—чтецов Корана. Кроме этого, [в Хорезмском крае] было четыреста тысяч (!) семьсот семьдесят семь действующих мечетей

(масджид-и хайй) с назначенными и получающими жалованье имамами и муэззинами. Имелось двенадцать тысяч дервишеских обителей, в каждой обители имелся один шейх, один муршид, обладавший высшим пределом познаний, сообразным времени. У каждого из них было двенадцать тысяч, а у некоторых — тысяча пятьсот мюридов. И еще (л. 74б) было четыре тысячи Четыреста сорок четыре медресе и в каждой медресе было по четыре высокообразованных мударриса. Имелись тысяча семьсот восемьдесят восемь богословов (улемов), три тысячи семьсот великих шейхов. Было бесчисленное количество бродячих святых абдалов.

Было [в стране] три тысячи тринадцать караван-сараев, и в каждом имелось по тысяче келий. Имелось также три тысячи тринадцать бань (*хаммам*). [Город] имел четыре тысячи четырехста кварталов. Было тысяча семьсот (л. 75а) базаров. Если кому-либо нужны были кумач или шелковая ткань, то он мог удовлетворить все свои нужды.

Было четырехста совершенных звездочетов (*мунаджжим-и камил*), четыре тысячи четырехста обслуживавших всех голосистых заклинателей-волшебников. Что бы они не говорили, все доставляло удовольствие девушкам и юношам.

Было еще четырехста семьдесят покорявших сердца девиц-отшельниц. А число остальных [лучше] знает Аллах!

Было [там] еще тысяча триста писцов, (л. 75б) то есть тех, кто писал письма каламом. Имелось тысяча семьдесят девять залоговых лавок (ломбардов). Было тысяча четырехста переплетчиков. Имелось тысяча триста кузниц, тысяча пятьсот сапожных лавок, тысяча триста обувных лавок, тысяча триста лавок по продаже соли, тысяча двести лавок медников, тысяча триста бакалейных лавок.

[В стране] имелось тысяча двести парфюмерных базаров, (л. 76а). Было тысяча пятьсот базаров красильщиков; еще было тысяча девятьсот мануфактурных лавок; две тысячи пятьсот лавок мясников; пять тысяч пятьсот пекарен; четырехста лавок красильщиков. [Общее же] число лавок знает всевышний Аллах!

Подобные благоустроенные, процветающие вилайеты Чингис [-хан], да будет над ним проклятие, разрушил в течение семнадцати лет [5]. Короче говоря, причина (цель) этого рассказа заключается в том, что Хорезм является (был? — З. Б.) местопребыванием святых угодников, то есть родником (источником) павших за веру мучеников, (л. 76б) И еще. Хорезм в период расцвета всех [других] вилайетов был известен как вожделенный купол ислама [6], потому что если кто-либо в городе Хорезме совершал два молитвенных коленопреклонения во время намаза, то они считались в других странах за семьдесят коленопреклонений. И если кого-нибудь похоронят на кладбище города Хорезма, то всевышний Аллах этому своему рабу облегчает загробные муки и допрос, учиняемый [ангелами смерти] Мункаром и Накиром, если позволит Аллах!

(л. 77а) И еще. Большинство жителей Хорезма являются потомками сынов Израиля [7] из колена пророка Иакова, да будет мир над ним! Род этот существует и поныне.

Горсть земли Ургенча — это недостижные совершенства святые угодники и праведники (?). Богобоязненные и чистые угодники замешаны на ней, и поэтому здесь рождаются красивые люди.

Триста двадцать семь туманов [денег] во время жизни величайшего господина имама [8] (л. 77б) равнялись ста семидесяти туманам в царствование Афрасийаба [9]. [Хорезм] является одним из древних городов. А правду лучше знает Аллах!

В правление Исфандийар-хана [10] жил очень богатый человек из рода Ханыш-бая Черикчи. У него родились один сын и двенадцать дочерей. Сына звали Курбан-бай, одну дочь звали Адыш-бике, а еще одну (л. 78а) — Ураз-Довлет. Сына Курбан-бая звали Рахманберди Хафиз Джами (Чали) Кули Хафиз. Адыш-бике взял в жены Улугберди Йасавул. От Йасавула у нее родились два сына и одна дочь. [Один] его сын пал мучеником за веру в дни [правления?] Танрыберди-хана [11].

Я был занят этим в крепости Шахабад,
Покорный раб [Аллаха], ничтожный Нийаз Мухаммад.
Калам говорит, что я владыка вселенной.
Я сделаю богатым владеющего этим каламом.
Я заточил калам, чтобы завершить дело.
Если умру я сам, то пусть мое письмо останется на память.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЕГИПЕТСКОГО МАМЛЮКСКОГО СУЛТАНА БАРКУКА*

Султан Египта, Сирии и Хиджаза ал-Малик аз-Захир Сайф ад-Дин Баркук ибн Анас ибн Абдаллах ал-Усмани ал-Йалбугави ал-Черкеси (1339 - 1399) является первым мамлюкским султаном из династии Бурджи, которая правила султанатом с 1382 по 1517 г. Баркук был родоначальником этой черкесской династии и сам имел *нисбу* "ал-Чаркаси" (Черкеси), хотя первым черкесом, правившим Египтом и Сирией, некоторые историки условно считают султана из династии Бахри-ал-Малика ал-Музаффара Рукн ад-Дина Байбарса II, который был султаном только один год (1309). Ибн Тагриберди дважды пишет о Байбарсе II следующее: "Он был двадцать первым владыкой из числа тюркских султанов и седьмым из тех, кого называют рабами. Он был первым из черкесов, если правда то, что он был родом из Черкесии и черкесом. Но если Байбарс был тюрком, то тогда Баркук — первый из владык-черкесов, и это будет более верным, и мы поддерживаем это мнение"¹.

Баркук занял султанский престол Египта, Сирии и Хиджаза 19 рамадана 784 г. х. (24.XI. 1382). Нового султана облачили в почетную черную халифскую одежду, дали ему *лакаб* "ал-Малик аз-Захир", ибо его коронование происходило в полдень (*аз захира*) и он сам появился в полдень (*зухур*). Когда он воссел на престол, все эмиры и чины государства в знак верности облобызали прах у его ног. Сообщения о восшествии Баркука на престол государства были разосланы через гонцов во все страны и во все области государства.

О происхождении султана Баркука историк Ибн Тагриберди (1411 - 1466) пишет следующее:

"Он выходец из страны Черкесов, и его род называется *Каса*. Он был похищен со своей родины и продан в Крыму. Там его купил купец Ходжа Усман ибн Мусафир (отсюда *нисба* Баркука "ал-Усмани". — *З. Б.*) и увез его в Египет. Здесь он в 764 году (1362) или немного раньше был куплен атабеком тогдашнего султана Египта Йалбугой ал-Умари (отсюда другая *нисба* Баркука "ал-Йалбугави". — *З. Б.*), который освободил Баркука от оков и включил его в число своих личных гвардейцев-мамлюков.

Баркук пребывал на службе у Йалбуги до тех пор, пока против него не восстали его гвардейцы и не убили его в 768 г. х. (1366). Только не ясно — был ли Баркук с теми, кто был на стороне у Йалбуги, или был его противником.

Когда Йалбуга был убит и его мамлюки разгромлены, то большая их часть была арестована. Вместе с ними на долгий срок был заточен также и Баркук. Затем он был освобожден и несколько лет нес службу при наместнике султана в Сирии - эмире Мундуже ал-Иусуфи. Но вскоре Баркук был востребован в Каир и стал служить стражем при детях султана ал-Малика ал-Ашрафа Ша'бана (правил с 1363 по 1376 г.). Так и служил бы он стражем, если бы не новое восстание бывших мамлюков Йалбуги против султана Ша'бана в 778 года (1376), когда султан был убит.

Затем Баркук перешел на службу к эмиру Айна-беку, который назначил его начальником султанского оркестра (*табул-хана*). Но на этой должности Баркук пробыл всего месяц, после чего он вместе со своими бывшими товарищами выступил против Айна-бека. Он становится сначала сотником, а потом тысяцким. Через некоторое время Баркук становится главным конюшим султана (*амир-ахур*) и пробыл на этой должности ровно год. После этого Баркук становится атабеком (главноначальствующим) войск Египта и пробыл на этой должности с 779 до 782 год (1377 - 1380). И уже через два года Баркук становится султаном.

Говорят, что его звали Алтунбуга, но хозяин его Йалбуга (после покупки) назвал купленного раба Баркуком. Казий Ала ад-Дин Абу-л-Хасан Али, известный по имени Ибн Хатыб, говорит: "По словам казия Вали ад-Дина, который передает со слов купца Бурхан ад-Дина, передающего слова купившего Баркука купца Ходжи Усмана ибн Мусафира, Баркука звали Судун". Однако оба эти утверждения ничего не значат, и даже если передатчики сказанного — люди, заслуживающие доверия, все равно они слабы в тюркском языке и в тюркских именах, и мы больше к ним обращаться не будем.

А самое верное вот что: купец Ходжа Усман ибн Мусафир не знал по-арабски, а другой купец — Бурхан ад-Дин не знал ни одного тюркского слова. Спрашивается — как же они могли

* Статья опубликована в Докладах АН АзССР (1985, № 12, 79 - 81).

говорить друг с другом? Бурхан ад-Дин мог понимать купца Ходжу Усмана только через жесты, и то не совсем точно, и здесь не о чем говорить!

Когда отец Баркука — Анас ибн Абдаллах со своими дочерьми, сестрами Баркука, приехал в 782 году (1380) из страны Черкесов в Каир², то во время представления сыном отца вельможам и эмирам сын целовал отцу руки, и счастливый отец называл сына Баркуком безо всяких заискиваний и возвеличивания. А ведь отец Баркука не знал ни одного слова по-тюркски! А когда отец и сын сидели рядом в шатре, то и тут отец, разговаривая с сыном по-черкесски, опять называл его Баркуком, причем многократно.

В бытность Баркука сотником и тысяцким отец звал его этим именем и не вставал, когда сын входил к нему. Некоторые черкесские эмиры советовали отцу называть Баркука эмиром, но тот отказывался выполнять такие советы, гневался и требовал, чтобы сын возвратился домой, в страну Черкасов. И если бы у Баркука было другое, а не это имя, то отец звал бы сына другим именем. Поэтому Баркук и есть его настоящее имя. Это самое большое доказательство тому, что Баркук его настоящее, изначальное имя!

Так же обстояло дело и с теми, кто делил с ним трапезу. Его старшая сестра кормила на родине Баркука своей грудью вместе со своим сыном. Она тоже не знала тюркского языка, и самой большой клятвой у нее были слова: "Клянусь головой Баркука!".

За столом вместе с Баркуком сидело много людей из числа его родных и близких, прибывших в Каир из страны Черкесов. Я сам (т. е. Ибн Тагриберди. — З. Б.) видел этих людей неоднократно. И все они называли Баркука Баркуком и никак иначе! А когда я стал спрашивать старших мамлюков Баркука о его имени, то они отвечали мне, что это имя черкесское и происхождение его таково: по-черкесски оно звучит как *Мали-чук*, что означает "овчар", ибо мали на их языке называют овец, а затем *чук*, и это превращалось в Баркук. В доказательство они привели в качестве примера ряд других имен — вроде Баязид – Баязид - Абаязид или Али-бай. Арабы легко переименовывают тюркские или персидские имена у себя на родине.

Отец Баркука Анас ибн Абдаллах ал-Усмани ал-Черкеси, ставший в Египте эмиром, умер во второй декаде месяца шаввала 783 года (18 — 27. XII. 1382), в возрасте приблизительно 80 лет. Жизнь его прошла в Черкессии. Он принял ислам от своего сына Баркука и умер через два года после прибытия в Египет мусульманином. За это короткое время жители Каира полюбили его за щедрость, раздачу милостыни, любовь к людям науки и заботу о бедных и военных. Он не любил копить денег, и если они у него появлялись, то он тут же раздавал их беднякам и нуждающимся. Никто никогда не видел, чтобы он отказал в чем-либо просящему. Отец Баркука умер до того, как Баркук стал султаном. Он был похоронен в гробнице эмира Йуниса, в самом начале сада за воротами Каира. А когда султан Баркук построил медресе своего имени (*ал-Баркукийя*), то прах эмира Анаса был перенесен туда и захоронен в отдельной гробнице³.

После смерти Баркука султанский престол занял его сын Фарадж ибн Баркук ибн Анас ибн Абдаллах, черкес по происхождению, египтянин по рождению. Он был второй черкесский султан Египта, Сирии и Хиджаза.

Примечания

¹ Ибн. Тагриберди. Ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва-л-Кахира. - Каир, 1963, т. VIII, 221, 232 – 233.

² Там же, т. XI, 203.

³ Там же, 218, 221 - 226.

СУФИЙСКИЙ ТАРИКАТ ГЮЛЬШАНИЙ*

Среди огромного количества средневековых суфийских тарикатов наибольшее число сторонников в Азербайджане и Ширване имел тарикат *Халватиййя* (Халветийя). Он является ответвлением тариката *Сухравардийя*, основанного суфиями Абу-н-Наджибом Абд ал-Каххаром ибн Абдаллахом ас-Сухраварди (1097 - 1168) и его племянником Абу Хафсом Шихаб ад-Дином Умаром ибн Абдаллахом ас-Сухраварди (1145 - 1234). Тарикат *Халватиййя* был основан седьмым (после двух Сухраварди, Абу Рашида Кутб ад-Дина ал-Абхари, Рукн ад-Дина Мухаммада ан-Наджаши, Шихаб ад-Дина ат-Табризи и Джамал ад-Дина ат-Табризи) шейхом *Сухравардийя* — Абу Абдаллахом Сирадж ад-Дином (или Захид ад-Дином) Умаром ибн Акмал ад-Дином Гилани Халвати (ум. в 1349 или 1397 г.)¹.

После шейха Абу Абдаллаха Гилани Халвати во главе тариката *Халватиййя* стояли Ахи Мухаммад, Пир Умар Халвати, Ахи Марам и Ахи Изз ад-Дин. Мюридом и муршидом последнего был Пир-зада шейх Садр ад-Дин Халвати, резиденцией которого была Шемаха². Мюридом и муршидом шейха Садр ад-Дина был Саййид Йахья ибн ас-Саййид Баха ад-Дин аш-Ширвани аш-Шамахи ал-Бакуви ал-Халвати. После того, как Саййид Йахья переселился в Баку, "к нему стали стекаться множество людей и число его последователей превысило десять тысяч человек. Он стал отправлять своих последователей в разные страны и он был первым [*халватиййя*], кто установил такой порядок. Рассказывают, что к концу своей жизни он не принимал пищи в течение шести месяцев и умер в городе Баку в 868 году (15.IX.1463 - 2.IX.1464)"³.

Ас-Саййид Йахья ал-Халвати имел последователей во многих странах и государствах⁴.

Следующим пиром тариката *Халватиййя* был муршид Сай-йида Йахьи - Пир Камал ад-Дин Мухаммад ибн шейх Гийас ад-Дин ибн шейх Гийас ад-Дин ибн шейх Камал ад-Дин аш-Шамахи. Во время захвата Баку шахом Исмаилом Сафави Камал ад-Дин Мухаммад, будучи притесняемым шиитами, уехал в Каир, где уединился в квартале Хан ал-Халил. Умер Камал ад-Дин Мухаммад 11 февраля 1521 г. в возрасте 113 лет⁵.

Вторым мюридом и муршидом Саййида Йахьи ал-Халвати был Деде Умар Раушани (ум. 1487), чье имя было прославлено во всем Азербайджане⁶. Деде Умар Раушани явился основателем дочернего от *Халватиййя* тариката *Раушанийя*, который в свою очередь разделился на два других тариката: *Демирташийя*, чьим основателем был мюрид Деде Умара Раушани Мухаммад Демирташ (ум. 1529) и *Гюльшанийя*, основанный другим его мюридом и муршидом Пиром Ибрахимом ибн Мухаммедом Гюльшани, умершим в 1534 г.⁷

Шейх Ибрахим Гюльшани возводил свою родословную не к пророку Мухаммеду, как это делали почти все основатели других тарикатов, а к легендарному Огузу. Составленная им родословная такова: Шейх Ибрахим ибн маулана шейх Мухаммад ибн маулана Хаджи Ибрахим ибн шейх Шихаб ад-Дин ибн Ай-Тогмыш ибн Гюн-Тогмыш ибн Кутлу-Тогмыш ибн Огуз⁸.

Ибрахим Гюльшани получил начальное образование под руководством своего дяди шейха Сеййида Али, который хотел отправить Ибрахима в Бухару для дальнейшей учебы у шейхов тариката *Накибандийя*. Во время остановки в Табризе смышленного не по годам Ибрахима заметил маулана Хасан — войсковой казий султана Узун Хасана Ак-Коюнлу (1424 - 1478). Вскоре Ибрахим был представлен султану Узун Хасану. Последний как раз в это время пожелал встретиться с мюридом пира тариката *Халватиййя* Саййида Йахьи аш-Ширвани — Деде Умаром Раушани, муршидом которого был также и брат султана Идрис.

Султан отправил приглашение Деде Умару Раушани с юным Ибрахимом, что уже свидетельствовало о его возрастающем авторитете⁹. Встретившись с Деде Умаром, Ибрахим сразу становится его мюридом, а затем и муршидом. Через некоторое время он разошелся с Деде Умаром в ряде суфийских концепций и, покинув Шемаху, перебрался в Ардабил. Здесь он как суннитский пир стал преследоваться шиитами из ардабильского тариката *Сафавийя*. Вместе со своим сыном Ахмадом Хайали Ибрахим Гюльшани уехал в Дийарбакр, а оттуда, через Руху и Иерусалим перебрался в Каир, где он очень быстро обрел большое число мюридов и сторонников, и ему стал покровительствовать мамлюкский султан ал-Малик ал-Ашраф Кансух Гури (1501 — 1516). Ибрахим Гюльшани основал в Каире завию, которая вскоре становится очень знаменитой.

* Статья опубликована в Известиях АН АзССР, серия истории, философии и права (1985, № 4, 40 - 48).

Шейх Ибрахим Гюльшани, или как он именовался в Каире *Кутб аз-заман* ("Полюс эпохи"), умер в Каире, в своей завие, 20 апреля 1534 г. Его место — шейха и пира тариката *Гюльшанийя* занял его сын шейх Ахмад Хайали (ум. 1569)¹⁰.

Ибрахим Гюльшани оставил после себя шесть сочинений: 1. *Ма'нави* — написан в размере рамал и состоит из 40 тысяч бейтов маснави на персидском языке; 2. *Диван* на арабском языке; 3. *Диван* на тюркском языке; 4. *Диван* на персидском языке; *Раз-нама*—суфийское маснави на тюркском языке и 6. *Канз ал-джавахир*¹¹.

Обширные и весьма ценные сведения как о самом Ибрахиме Гюльшани, так и структуре и деятельности основанного им тариката *Гюльшанийя*, подробно изложены в сочинении ближайшего соратника шейха Ахмада Хайали, его двойного зятя (женатого на двух его дочерях) Мухаммада ибн Фатхаллаха ибн Абу Талиба, известного по имени Мухьи Мисри Гюльшани (1528 - 1605), названном им *Манакиб Ибрахим Гюльшани* ("Достоинства Ибрахима Гюльшани")¹².

Будучи высокообразованным ученым, прекрасно знавшим тюркский, арабский и персидский языки и создавшим впервые в мире восточный язык эсперанто, Мухьи Гюльшани написал около 200 сочинений различного назначения и объема, из которых до нас дошли пока 44 названия¹³.

Краткое описание и характеристику всем этим дошедшим до нас сочинениям дал турецкий издатель *Манакиб Ибрахим Гюльшани* Тахсин Язычи¹⁴.

Однако об одном весьма интересном сочинении Мухьи Гюльшани — *Лугат ва-л-кава'ид* Балибилен ("Словарь и правила [языка] Балибилен")¹⁵ несколько слов надо сказать. Мухьи Гюльшани создал своего рода средний (смешанный) язык для тюрков, арабов и персов, дал этому эсперанто название *Балибилен* и снабдил его словарем и правилами.

Произведение это состоит из предисловия (*мукаддима*), восьми разделов (*сынф*), одного заключения (*хатима*) и десяти глав (*киتاب*). Отдельно дается самоучитель нового языка, который состоит из предисловия (*мукаддима*), четырех основ (*асл*), дополнения (*татиммат*) и правил чтения (*забт*).

В первом разделе приводятся различные характерные примеры (*амсила*); во втором — основные примеры (*амсилат ал-бина*); в третьем — морфология и синтаксис (*сарф ва нахв*); в четвертом — буквы (*хуруф*); в пятом — числа (*а'дад*); в шестом — масдары (*масадир*); в седьмом — словарь (*лугат*) и в восьмом — созданные самим автором термины (*истилахат*). Мухьи Гюльшани говорит, что этот новый язык он создал по просьбе и пожеланию одного из выдающихся ученых его времени эмира Челеби Эфенди (ум. 1638).

Мухьи Гюльшани в одном из своих трудов так говорит о созданном им языке:

Я создал один новый язык,
ибо нельзя человеку быть одноязычным.
Основой нового языка я сделал правила
тюркского, арабского и персидского языков.
Языку этому я дал название Балибилен
и была создана новая и единственная наука¹⁶.

Исходя из религиозного единства мусульман Мухьи Гюльшани пришел к выводу о создании языкового единства тюрков, арабов и персов и примерно за двести лет до создания эсперанто, создал первый в мире международный язык на основе этимологии (*иштикак*) тюркского языка¹⁷. Этому международному языку Мухьи Гюльшани и посвятил свое сочинение *Лугат ва-л-кава'ид* Балибилен. В 1966 г. турецкий исследователь Мидхат Сертоглу впервые познакомил научную общественность с этим трудом Мухьи Гюльшани¹⁸. Рукопись этого сочинения находится во владении мецената¹⁹.

Интересующее нас сочинение Мухьи Гюльшани *Манакиб Ибрахим Гюльшани* было создано автором по желанию его шейха Ахмада Хайали, который, вероятно, сам начал его писать, но почему-то не завершил начатого дела. Во всяком случае идея написания этого труда принадлежит Ахмаду Хайали, который приказал Мухьи начать составление труда с описания достоинств (*манакиб*) Деде Умара Раушани, Ибрахима Гюльшани и его последователей, а также основателей тариката *Накшбандийя*²⁰.

Первоначально сочинение это было названо автором *Калб-и китаб и асхаб-и тара'ик* ("Сердцевина книги об основателях тарикатов"). Мухьи начал писать книгу в 1569 г. — в год смерти своего шейха Ахмада Хайали и закончил ее через 36 лет, в 1604 г.²¹.

Хотя книга и посвящена создателю тариката *Гюльшанийя* и самому тарикату, содержание ее дает основание считать это сочинение исторической хроникой. Начав труд с представления достоинств и деятельности Ибрахима Гюльшани и его окружения в Табризе, а затем в Египте, Мухьи Гюльшани рассказывает об истории стран Ближнего Востока, приводя сведения об их социально-экономическом положении, говорит о знаменитых людях, ученых и поэтах, причем эти ценные сведения очень часто в других источниках и сочинениях аналогий не имеют. События, о которых рассказывает Мухьи Гюльшани, охватывают примерно 200-летний отрезок времени. Для нас особенно важно то, что в сочинении представлены уникальные сведения по политической обстановке в Азербайджане синхронного времени, его этническому составу в период правления султанов из династии Ак-Коюнлу. А поскольку повествование Мухьи Гюльшани идет вслед за Ибрахимом Гюльшани, который из Азербайджана через Сирию и Палестину перебрался в Египет, то данное обстоятельство нашло свое отражение и в том, что в сочинении много интереснейших сведений по истории Османов и мамлюкского Египта. Здесь представлен большой ряд государственных деятелей разных рангов, представителей науки и духовенства, а также приводятся сведения по административному устройству существовавших в то время государств.

Сочинение Мухьи Гюльшани *Манакиб Ибрахим Гюльшани* является новым и очень важным источником по истории и политической жизни Азербайджана времени правления последних султанов из династии Кара-Коюнлу, султанов из династии Ак-Коюнлу, двух первых сефевидских шахов и ширваншахов синхронно времени. Содержится масса сведений о таких городах Азербайджана, как Баку, Барда, Табриз, Маранд, Нахичевань, а также по областям Ширван, Карабаг и Муган.

Не вдаваясь в пространные характеристики личностей султанов Ак-Коюнлу, в данной публикации будут даны короткие справки о тех деятелях и событиях, в первую очередь азербайджанских, сведения о которых пока что не совсем полны или совсем неизвестны.

Кази Иса ибн Шукруллах Саведжи. Был мустауфием султана Узун Хасана. С материнской стороны происходил из знатного рода. Был воспитателем будущего султана Ак-Коюнлу Йа'куба, а затем стал его везиром. Для того чтобы отменить ряд введенных монголами налогов и податей, сохраняя при этом доходы государственной казны, Кази Иса взял под контроль государства собственность и имущество вакфов. Но эта его реформа нарушила отлаженную систему экономики и финансов государства. В 1440 г. Кази Иса был убит по приказу будущего султана (суфия) Халила²².

Джалал ад-Дин Али-бек (1435 - 1438), сын Фахр ад-Дина Кара-Юлука Усмана (1402 - 1435). Был назначен отцом наместником в Дийарбакре. Брат второго султана Ак-Коюнлу Нур ад-Дина Хамзы (1435 - 1444). Хотя Али-бек после смерти отца и занял его место, Хамза отстранил его от власти и он подался к османам в Эдирне, откуда отправился за помощью к мамлюкскому султану Египта ал-Малику ал-Ашрафу Сайф ад-Дину Барсбаю (1432 - 1438). Однако армия, шедшая на помощь Алибеку, в связи со смертью Барсбая возвратилась в Каир, и Али-бек вновь возвратился в Дийарбакр. Однако Хамза его оттуда выдворил²³.

Устранив Али-бека, Хамза занял трон эмирата Ак-Коюнлу. Отобрав у другого своего брата Йа'куб-бека Арзинджан, Хамза затем устранил всех своих возможных противников и овладел землями, которыми управлял его отец. После смерти Хамзы престол занял его сын Джихангир (1444 - 1469)²⁴.

Йадгар Мухаммад — один из тумуридских принцев. Служил в армии Джахан-шаха Кара-Коюнлу (1437 - 1467), а после его разгрома перешел на службу к султану Узун Хасану (1453 - 1478), который назначил его наместником в Хорасан. Когда Узун Хасан разгромил Тимурида Абу Са'ида Мирзу в 1468 г., то он передал его в руки Йадгар Мухаммада, который приказал его убить. В последнем сражении с тимуридом Абу-л-Гази Хусайном Байкара (ум. 1506) Йадгар Мухаммад был разбит, взят в плен и казнен (25.VIII 1470 г.)²⁵.

В правление Узун Хасана, когда в государстве была установлена прекрасная финансовая система²⁶, на основании неправильных и самочинных решений улемов и шейхов было разрушено много медресе, их вакфы были проданы, а вырученные деньги присвоены. Узун Хасан пытался пресечь этот произвол, но его попытки успеха не имели²⁷.

Жалоба проживавших в окрестностях Табриза туркменом на везира Кази Ису, не знавшего, как видно, тюркского языка, свидетельствует о том, что в XV в. в этом краю туркмены составляли большинство населения²⁸.

После завоевания Азербайджана и Ирана монголы очень спокойно относились к местным религии и верованиям, что способствовало бурному росту здесь шиизма. Во время правления

султанов Ак-Коюнлу шиизм стал распространяться и среди туркменов. Султаны Ак-Коюнлу не препятствовали пропагандистской деятельности шиитов, а это свидетельствует о том, что между султаном Йа'кубом (1478 - 1490), как и до этого его отцом, в первое время существовало тайное соглашение с основателями шиитского тариката Сафавийя. Только этим можно объяснить неограниченную деятельность при дворе султана Йа'куба двух шиитских мулхидов Ираки и Касима²⁹.

В сочинении встречается имя шейха Наджм ад-Дина Мас'уда, который был племянником Кази Исы (по сестре). Этот Наджм ад-Дин был другом Али Шира Нава'и, постоянно с ним переписывался и был даже эмиром его дивана. Наджм ад-Дин сыграл важную роль в реформаторской деятельности Кази Исы. Султан Йа'куб ставил его выше всех своих государственных деятелей. Со смертью султана шейх Наджм ад-Дин потерял свое влияние, уехал в Ширван, где через некоторое время был отравлен³⁰.

Имена упоминаемых в сочинении эмира Илийас-бека — бека и валия Дийарбакра и Шах Вали-бека, которого султан Йа'куб хотел назначить вместо первого, в других источниках не встречаются. Шах Вали бек был первым шиитом рафизитом, что также говорит о возрастающем влиянии шиитов на государственную службу в правление султанов Ак-Коюнлу³¹.

В сочинении сообщается, что крепость Ахиска была захвачена султаном Йа'кубом в 1482 г. во время похода на Грузию³².

Далее Мухьи Гюльшани проводит сообщение о *мазхабе Касими*, основателем которого считается видный азербайджанский поэт Касим-и Энвери (ум. 1437). Поэт родился в гор. Сараве, был учеником предка Сефевидов Садр ад-Дина Ардабили. Прожив в некоторых городах Азербайджана и Ирана, Энвери поселился в Герате. Здесь он был обвинен в соучастии в убийстве сына Тимура Шахруха и изгнан из Герата. Он подался в Самарканд, где нашел убежище у Улугбека, но затем уехал в Хорасан, где и умер³³.

Упоминается в сочинении имя шейха Имад ад-Дина Али — старшего брата Кази Исы, который был войсковым казием и главным везиром султана Йа'куба. Это он осуществлял финансовые реформы своего брата. В 1493 г. шейх Имад ад-Дин Али был повешен вниз головой, но выжил и умер после 1495 г³⁴.

Джалал ад-Дин Мухаммед ибн Ас'ад Казирони Даввани, о котором речь идет далее, родился в 1426 г. в селе Давван, близ Казируна. Долгие годы он был на службе у султанов Ак-Коюнлу и одно время был казием эялета Фарс. Даввани известен как серьезный комментатор философских и религиозных сочинений, написанных до него. Для султана Халила им написана рисала (записка) *Арз-нама*, в которой изложены важные сведения об административном устройстве государства Ак-Коюнлу.

Даввани был также широко известен в Турции и в Иране, и султан Байазид II (1481 - 1512) ежегодно посылал ему в виде вознаграждения 500 тысяч золотых монет. Умер Даввани в 1502 г.³⁵.

Коротко говорит Мухий Гюльшани об одном поэте времени правления султана Йа'куба (1478 - 1490) Байани, который посвятил султану хвалебные стихи. Название его произведений *Шутурхудар ва бар и Бахр-и тавил* в других источниках не встречается³⁶.

Не встречается в других источниках имя мауляны Абу-л-Гани ал-Мугани, азербайджанского ученого, постоянно сопровождавшего шейха Ибрахима Гюльшани, как и неизвестно название его сочинения *Тард ал-лусус ан хусус ал-Фусус*, которое он написал против концепций Ибн ал-Араби (ум. 1240), изложенных им в сочинении *Фусус ал-хикам*³⁷.

Не упоминается в источниках также имя другого постоянного собеседника шейха Ибрахима Гюльшани мауляны Ишмавила (Исма'ила?), а также название его сочинения *Радд ан-ну сус 'ани л Фусус*, тоже написанного против концепций Ибн ат-Араби³⁸.

В *Манакиб Ибрахима Гюльшани* рассказывается о выступлении шейха Хайдара Сафави. После убийства его отца шейха Джунайда ширваншахом султаном Халилом, мюриды шейха собрались вокруг шейха Хайдара, который вместе со своими сторонниками напал на черкесов-христиан и захватил богатые трофеи.

Видя, как усиливается шейх Хайдар, султан Йа'куб пригласил его в Табриз, где заставил дать клятву в том, что он в дальнейшем не будет совершать подобных вылазок. Однако мать Хайдара — тетка султана Йа'куба Хадиджа Бегюм — испросила у находившегося на зимовке султана разрешение снова напасть на черкесов. Султан дал разрешение на налет и одновременно просил ширваншаха Фаррух Йасара помочь Хайдару. Но Хайдар, ненавидевший ширваншахов за убийство отца, шейха Джунайда, внезапно напал на Фаррух Йасара. Однако ширваншах с

помощью войск султана Йа'куба разбил Хайдара. Отделив голову Хайдара от тела, ширваншах отправил ее в Табриз, где она была выставлена на обозрение³⁹.

Далее сообщается, что командующим войсками, отправленными против шейха Хандара, был атабек Сулейман-бек Бичен. После смерти султана Йа'куба он поддержал в борьбе за престол его сына Байсункура (правил в 1490 - 1492). Однако часть эмиров поддержала другого претендента на престол двоюродного брата Байсункура Рустама (правил в 1492 - 1497). Байсункур и Сулейман-бек были устранены, Сулейман бежал в Дийарбакр, но был там умерщвлен⁴⁰.

Внук Узун Хасана и племянник Йа'куба Рустам-хан занял престол 28 мая 1492 г. и сразу же вступил в борьбу с ширваншахом, которого он одолел с помощью мюридов шейха Хайдара. Однако и сам Рустам испугался, что эти мюриды могут свергнуть и его и приказал перебить всех этих мюридов во главе с их султаном Али. От смерти спасся только малолетний Исмаил. Сам Рустам был убит в 1497 г. своим двоюродным братом Геде Ахмадом⁴¹.

Несколько страниц уделяет Мухьи Гюльшани описанию разгула в Табризе. учиненного "разбойниками и грабителями (харамилер)". Это действительно имело место в Табризе накануне захвата его кызылбашами и описываемое подтверждается другими источниками. Полностью соответствует материалу других источников сообщение Мухьи Гюльшани о вступлении кызылбашей в Табриз со стороны Ширвана (с севера), разгроме ими Алванда Ак-Коюнлу (1498 — 1504), его бегстве в Дийарбакр, походе шаха Исма'ила на Арзинджан и его разгроме султаном Алвандом. Мухьи красочно описывает, как те, кто носил на голове подобие короны кызылбашей, побросали эти короны, едва услышав весть о разгроме Исма'ила султаном Алвандом.

В некоторых деталях сообщения Мухьи Гюльшани отличаются от сведений других авторов⁴².

Тринадцать страниц текста посвящает автор описанию разгула и мародерства кызылбашей в Табризе, свидетелем чего был сам шейх Ибрахим Гюльшани. Это представляет большой интерес для исследователей, изучающих межплеменные и социальные отношения в Азербайджане после XV в.⁴³.

Касим бек, о котором идет речь в этих же параграфах, является сыном султана Джихангира и был он владельцем Дийарбакра. В 1501 г., после бегства от Шаха Исма'ила, он был убит своим двоюродным братом⁴⁴.

Алкас-Мирза, о котором говорится далее, был младшим братом шаха Тахмасба I. Он выступил было против брата, но неудачно и бежал в Стамбул, откуда турецкий султан послал его с армией в поход на Иран. С частью этих войск Алкас-Мирза дошел до Кашана, где покинул османов и укрылся у курдов, которые, однако, сдали его шаху. Тахмасб приказал умертвить его в 1579 г.⁴⁵.

В сочинении Мухьи Гюльшани есть сообщение о маулане Фатхаллахе Ариффи Эфенди. Мать его была дочерью Ибрахима Гюльшани. Он был летописцем Алкас-Мирзы и вместе с ним бежал в Стамбул, где продолжал свою деятельность летописца. Он писал стихи на тюркском и персидском языках и был прекрасным каллиграфом. Султану Селиму I он посвятил свою *Шах-намэ*, которая хранится в библиотеке Анкарского университета⁴⁶.

В *Манакиб Ибрахим Гюльшани* есть также обширные сведения о видных государственных деятелях, поэтах, ученых и суфиях Османской Турции и мамлюкского Египта.

Как отмечает издатель сочинения Мухьи Гюльшани проф. Тахсин Язычи, язык большей части этого труда тюркский, на котором говорили в Азербайджане и в мамлюкском Египте и, по всей вероятности, эти части были написаны сыном Ибрахима Гюльшани Ахмадом Хайали, который родился и вырос в Азербайджане⁴⁷. Но исследование стиля и языковых особенностей Манакиб — дело лингвистов.

Второе приложенное к *Манакиб* сочинение, принадлежащее перу Шемлели-заде Ахмада Эфенди (ум. 1678) и именуемое *Шиве-и тарикат-и Гюльшанийя*, представляет собой сборник норм поведения (*адаб*) дервишей и абдалов — приверженцев тариката *Гюльшанийя*. С подобным сборником предписаний и уставных требований для других тарикатов мы пока что не встречались. В этом уставе регламентируется жизнь дервишей и абдалов в завие, предписывается их беспрекословное подчинение и поклонение шейху тариката, а также все обязанности мюридов.

В труде Шемлели-заде подробно расписывается внутренняя субординация членов тариката, описываются повседневная жизнь дервишей и абдалов, их трапезы, хранение денег и составление подробных отчетов по расходованию денежных средств и т. д.

Устав тариката *Гюльшанийя* был необходим для всех мусульман, отправлявшихся в Каир, так же, как и для тех, кто направлялся в Конию, где находится и действует поныне тарикат Маулави, основанный знаменитым мауланой Джалал ад-Дином ар-Руми (1207 - 1273).

Шемлели-заде Ахмад Эфенди выехал молодым из Бурсы в Каир, где решил совершенствоваться в науках. В Каире через ученика Мухьи Гюльшани Хасана Эфенди он вступил в тарикат *Гюльшанийя*. В завие он занимался черной работой, был привратником, а после познания устава тариката, возвратился в Бурсу, где начал проповедывать учение тариката *Гюльшанийя*.

Единственный список сочинения Шемлели-заде Ахмада Эфенди *Шиве-и тарикат-и Гюльшанийя* объемом в 27 листов хранится в Национальной библиотеке в Анкаре⁴⁸.

Остается добавить, что труд Мухьи Гюльшани *Манакиб Ибрахим Гюльшани* является ценнейшим источником, материал которого имеет первостепенное значение для истории Азербайджана времени существования государства Ак-Коюнлу, ширваншахов синхронного времени и Сефевидов периода правления шахов Исма'ила и Тахмасба I. А для философов несомненный интерес представит материал по существовавшим в Азербайджане и Ширване начиная с XIV в. тарикатам *Халватийя*, *Раушанийя* и *Гюльшанийя*. Для изучения же внутренней структуры тариката Гюльшанийя большую пользу принесет сочинение Шемлели-заде Ахмада Эфенди *Шиве-и тарикат-и Гюльшанийя*.

Нам остается только поблагодарить турецкого профессора Тахсина Язычи за его ценную публикацию двух важнейших для научной общественности средневековых сочинений.

Примечания

¹ M. Sadik Vicdani. Tomar-i turuk-i aliyeden Halvetiye silsilenamesi. — Istanbul, 1338 - 1341, 41 — 117

² См.: Буниятов Д. З., Искендеров Д. А. Биографии двух известных азербайджанских суфиев в сочинении Ибн ал-Имада ал-Ханбали. — ДАН АзССР, т. 35, № 3, 79.

³ Ибн ал-Имад ал-Ханбали. Шазарат аз-захаб фи ахбар ман захаб, т. IV, ч. 7, 308.

⁴ Там же, т. IV, ч. 8, 155.

⁵ Там же.

⁶ Kasim Kufrali. Gulseni Isl. Ana., с. IV, 835.

⁷ О тарикате Гюльшанийя см.: M. Sadik Vicdani, 48 - 54.

⁸ Mubyi-yi Gul Şeni Menakib-i Ibrahim-i Gulseni ve Semleli zade Ahmed Efendi. Sive-i tarikat-i gulşeniye — Ankara, 1982, 13.

⁹ Мухьи Гюльшани, 3.

¹⁰ См., Kasim Kufrali, 836.

¹¹ Там же.

¹² См. Али Хилми ад-Дагистани. Фихрист ал-кутуб ат-туркийя ал-мау-джуда фи-л-кутубханат ал-Хидивийя. — Каир, 1306 г. х., 336 (сочинение Ибрахима Гюльшани Тафсир сурат ал-Кадар, л. 147 б).

¹³ Там же, 235 - 238.

¹⁴ См. Мухьи Гюльшани. Предисловие Тахсина Язычи, XII - XXVI.

¹⁵ См. Али Хилми ад-Дагистани, 335 (сочинение Мухьи Гюльшани Лугат ва-л-кава'ид Балибилен, л. 216 б).

¹⁶ Там же, 336 (сочинение Ибрахима Гюльшани Кашф-шахр-и иман хуруф-и сирр-и устурлаб-и ихсан, л. 216 б).

¹⁷ См. Мухьи Гюльшани. Предисловие Тахсина Язычи, XVI.

¹⁸ Midbat Sertoglu. Ilk milletlerarasi dili bir furk icat etmişti. — Hayet tarih mecmuasi, Istanbul, 1966, № 1, 66 – 68.

¹⁹ См. Мухьи Гюльшани. Предисловие Тахсина Язычи, XIV - XVII.

²⁰ Мухьи Гюльшани, 2.

²¹ Там же, 477.

²² Там же, 204 - 205.

²³ Там же, 13 - 24.

²⁴ См. Абу Бакр Тихрани. Китаб-и Дайарбакрийя, изд. Н. Лугал - Ф. Сумера. — Анкара, 1963, 118 - 120, 128 - 134.

²⁵ Мухьи Гюльшани, 29 - 31; см. также: Абу Бакр Тихрани, 429. 513 - 514, 521, 524, 531.

²⁶ W. Hinz. Uzun Hasan ve Seyh Cunevd. Ankara, 1948, 88 ved.

²⁷ Мухьи Гюльшани, 51 - 55.

²⁸ Там же, 58.

²⁹ Там же, 68 - 69; см. также F. Korpulu. Anadoluda islamiyet, 74 - 77, 90, 124.

³⁰ Мухьи Гюльшани, 79 - 84.

-
- ³¹ См. Мухйи Гюльшани, 107 – 109.
- ³² Там же, 112 - 113.
- ³³ Там же, 119 - 120.
- ³⁴ Там же, 144 - 147.
- ³⁵ Там же, 41 - 44; см. также: M. Eroglu. Devvani. Isl. Ans., III, 565 - 566.
- ³⁶ Мухйи Гюльшани, 166, 168.
- ³⁷ Там же, 89, 180, 181; см. также: Азиз Даулатабади. Суханваран-и Азербайджан. — Табриз, 2535 г. шахский, 246.
- ³⁸ Мухйи Гюльшани, там же.
- ³⁹ Там же, 194 - 195. См. также В. Хинц, 68 - 76.
- ⁴⁰ Мухйи Гюльшани, 218 – 219.
- ⁴¹ Мухйи Гюльшани, 219, 223, 226 - 230, 241 - 246. См. также: В. Хинц, 80 - 85.
- ⁴² Мухйи Гюльшани, 246 - 254. Ср : Гаффари. Тарих-и Джихан-ара. — Тегеран, 1342 г.с. х., 256.
- ⁴³ Мухйи Гюльшани, 255 - 268.
- ⁴⁴ Там же, 266 - 267.
- ⁴⁵ Там же, 269.
- ⁴⁶ Там же, 413 - 417.
- ⁴⁷ Там же, Предисловие, VI.
- ⁴⁸ Там же, XIV - XVI.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО МАМЛЮКСКИХ СУЛТАНОВ ЕГИПТА НАД СУФИЙСКИМИ ОБИТЕЛЯМИ*

Среди распространенных на средневековом Востоке религиозных учреждений не последнее место занимали суфийские обители (ханака и завии), которые пользовались большим влиянием, почетом и уважением не только среди рядовых мусульман, но и среди чиновников, эмиров, султанов и других владык.

Первоначальное значение слова "ханака" (от перс.), "ханеках" или "ханегах" — "дом или место, где кушает владыка", в дальнейшем трансформировалось и стало обозначать "обитель, где жили и очищались для молитв суфии". В таком виде термин утвердился в мусульманском мире в начале XI в.

Первая ханака в Египте была основана в 1173 г. Аййубидом Салах ад-Дином (1169 - 1193). После завоевания Египта он конфисковал дворец одного из высших сановников Фатимидов — Байана Са'ида ас-Су'ада', попавший затем в руки везира Фатимидов Ибн ас-Салиха. Этот дворец Салах ад-Дин передал бедным суфиям, прибывшим вместе с ним в Египет из Сирии и других стран. Он завещал его суфиям в качестве вакфа и назначил из их среды шейха. Кроме того, Салах ад-Дин передал суфиям в виде вакфа сад ал-Хаббанийа, находившийся за пределами Каира, участки земли в самом Каире и округ Дахмара.

Шейх ханака стал именоваться шейхом шейхов (шейх аш-шуйух), а после 806/1403 - 04 г. все шейхи этой ханака стали носить это прозвище. Суфии ханака ас-Салихийа были известны своей образованностью, благочестием, и верующие постоянно искали их благословений. Шейхи шейхов ханака занимали в государстве египетских мамлюков должности везиров, эмиров, высших государственных чиновников и даже командовали вооруженными силами. Благословения и расположения суфиев этой ханака добивались знатные лица, а на пятничную молитву в ханака съезжались все сановники во главе с султаном¹.

Почти все из 22 ханака и 25 завий были возведены при мамлюкском султанине ал-Малике ан-Насире Мухаммаде ибн Кала'уне, который — с перерывами — трижды занимал престол: в 1294 - 1295, 1299 - 1309 и 1309 - 1340 гг. В его правление суфии стали пользоваться непререкаемым авторитетом в государстве, султан оказывал им наивысшее внимание в обеспечении финансами и продуктами, строительстве и наделении вакфами.

Ал-Макризи приводит подробный перечень того, чем обеспечивались суфии в египетских ханака.

Х а н а к а а с - С а л и х и й а

В ней обитало 300 суфиев. Каждому ежедневно выдавалось три лепешки (аргифа) хлеба весом 3 ратла², кусок мяса весом в 1/3 ратла с отваром (мирик-марака), ежемесячно каждый получал сладости и мыло и ежегодно — 40 дирхемов — стоимость одежды (кисва).

Х а н а к а Р у к н а д - Д и н а Б е й б а р с а

В ней обитало 400 суфиев. Ежедневно выдавались мясо, пища (ат-та'эм), три лепешки хлеба и сладости.

Х а н а к а Б е ш т а к

Ежедневно выдавались хлеб и пища (ал-хубз ва-т-та'ам).

Х а н а к а Э л ч и б у г а а л - М у з а ф ф а р и

Ежедневно выдавались хлеб и пища.

Х а н а к а Б е к - Т и м у р а

Ежедневно выдавались пища, хлеб, ежемесячно — деньги, сладости, масло и мыло.

Одной из крупных обителей была ханака Сирйакус, построенная по приказу султана ал-Малика ан-Насира Мухаммада в 1324 - 1325 гг. Ал-Макризи об этом сообщает так: "В этом (725/1325) году султан ал-Малик ан-Насир Мухаммад выехал в Сирйакус, и с ним было несколько инженеров. Он выделил местность площадью около 1 фарсаха (1 фарсах=6 - 7 км) в округе

* Статья опубликована в сборнике "Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма" (М., 1985, 64 - 68).

Сирйакус, севернее Каира, для строительства там ханака, в которой было бы сто келий (халават) для ста суфиев. Близ нее он приказал построить соборную мечеть, постоянный двор для приезжающих, баню и кухню. Султан постоянно следил за строительством до самого его завершения. Затем султан потребовал осуществления проекта строительства водохранилища за пределами Каира, отвод от которого доходил бы до Сирйакуса. Здесь была создана оросительная система и отведена земля под посевы. Была выделена площадь под садовые насаждения. 6 джумада II 725 года (21 мая 1325 г.) султан вместе с казнями, шейхами, эмирами и суфиями из других ханака прибыл в Сирйакус. Был дан большой пир. Султан наградил главного шейха ханака Маджд ад-Дина Абу Хамида Мусу ибн Ахмада ибн Махмуда ал-Аксара'и и всех сто суфиев почетной одеждой и роздал им 60 тысяч дирхемов"³.

Маджд ад-Дину ал-Аксара'и султан присвоил лакаб шейх аш-шуйух. С того времени так стали называть всех, кто руководил ханака.

Ал-Макризи далее сообщает: "Народ стал селиться вокруг этой ханака, и люди начали строить жилье, лавки, ПОСТОЯЛЫЕ дворы, и очень скоро место превратилось в большой городок с многочисленным населением. Кроме бани для самой ханака там было построено еще несколько бань. Султан освободил тамошнее население от всех налогов с различных продаваемых товаров из уважения к положению ханака. Каждую пятницу здесь открывается большая ярмарка, куда стекается народ из дальних местностей. Здесь продают лошадей, верблюдов, ослов, крупный и мелкий рогатый скот, кур, гусей, всевозможные продукты, одежду и тому подобное. Расходы в этой ханака — самые высокие в Египте. На каждого суфия ежедневно выделяется: баранины высшего качества, вкусно приготовленной на обед, — 1 ратл, хлеба белого — 4 ратла (на хлеб ежемесячно тратится 40 серебряных дирхемов), сладостей — 1 ратл, оливкового масла — 2 ратла, столько же мыла. Ежегодно выделяется денежная сумма на покупку одежды, причем выдаваемая сумма увеличивается в месяце рамадан, во время обоих праздников жертвоприношения, во время ша'бана и 'ашуры. Во время фруктового сезона на покупку фруктов выделяется определенная сумма денег. В ханака есть склады, в которых хранятся сахар, напитки и лекарства против болезней, ранений, глазные и для удаления волос. В каждый рамадан суфиям выдают по два кувшина для питьевой воды, никелируют их медные котлы, выдают по два бурдюка для воды для мытья рук, чтобы предохранять их от грязи, для бани, когда цирюльник массирует их тела и бреет головы. Султан не оставлял своим вниманием ханака и во время голода. Он продолжал тратить на них деньги из казны государства"⁴.

Египетские султаны передавали суфийским ханака в качестве вакфа весьма значительные объекты. Так, Рукн ад-Дин Бейбарс передал ханака своего имени несколько имений в Дамаске, Хаме и Гизе, часть морского побережья и жилые кварталы в Каире⁵. Много вакфов имели также ханака Тугая ан-Наджми⁶, ханака Умм Анук⁷, ханака Шейхо⁸.

При суфийских ханака существовали медресе, в которых учащимся ежедневно выдавали мясо, хлеб, сладости раз в месяц, масло, мыло⁹. В некоторых ханака имелись медресе для детей-сирот, которые ежедневно получали хлеб и другие продукты¹⁰.

Большим вниманием египетских султанов пользовались и суфии, обитавшие в завиях. Так, у Ибн Манзура при его завии обитали его многочисленные подчиненные и мюриды. В этих завиях (ал-Джамиза, Наср, ал-Халави, Таки ад-Дина, Куббат ан-Наср, Ибрахима ас-Са'иги, ал-Хумси) обитали в основном бедные суфии, и притом чаще всего неарабы (ал-аджам). Однако султаны удовлетворяли все нужды и бедных суфиев и передавали им в качестве вакфов даже целые населенные пункты¹¹.

В средневековом Азербайджане большим авторитетом у владык пользовалась знаменитая суфийская ханака шейха Хусайна ибн Али, известного под именем Пир-Хусайна Раванан (ум. ок. 1074). Развалины этой ханака находятся на берегу реки Пирсагат, в 16 км от станции Наваи, по дороге Шемаха — Сальян. Ханака Пир-Хусайна принадлежали крупные вакфы, состоявшие из движимого и недвижимого имущества и драгоценностей. Ханака пользовалась авторитетом среди мусульман не только Азербайджана, но и соседних стран и областей. Вокруг ханака жили последователи Пир-Хусайна — мюриды, дервиши и отшельники. Когда в 1318 г. золотоордынский хан Узбек (1312 - 1341) вторгся в Азербайджан, он лично совершил паломничество в ханака. Здесь ему пожаловались, что его войска разграбили имущество ханака и жилища суфиев, угнали 30 тыс. овец, 20 тыс. голов крупного рогатого скота и много вьючных животных. Было угнано в рабство население, жившее на вакфных землях ханака. Узбек приказал возратить награбленное и освободить пленников¹².

Из суфийских ханака, расположенных в Азербайджане, следует назвать также ханака в Нахичеване¹³ и ханака в Мараге¹⁴.

Существование ханака в Средней Азии (в Насе) зафиксировано у Закарийа ал-Казвини. Потомственный раис города Имад ад-Дин Хамза ан-Насави (ум. 1201) возвел за городской чертой огромный рабат, и не было "ни в одной стране сооружения подобного ему по величине и множеству благ. Имад ад-Дин задумал построить место для людей благонамеренных, но колебался что возвести — Мадраса или ханака. Решил построить большую ханака — обитель для факихов, суфиев, кадаритов, алавитов, проходящих караванов и их животных. Он определил для каждого находящегося здесь норму хлеба и продуктов питания. Он построил здесь бани и посадил сады. Он купил для обители мамлюков, чтобы они обслуживали кельи, посетителей, кухню и работали в садах. К каждому, кто останавливался здесь, прикреплялся мамлюк. Здесь имелись чтецы Корана и певцы. Здесь постоянно стояли на огне котлы с пищей. Если здесь останавливались большие караваны или многочисленные войска, то все они, как и их животные, обслуживались мамлюками. А если кто из жителей Насы хотел побывать здесь, то им предоставлялась возможность гулять по здешним садам, мыться в банях, обедать или ужинать, после чего они возвращались домой. Так продолжалось до самого вторжения монголов. Я спрашивал у некоторых факихов Хорасана об этой обители, и они говорили мне, что от нее остались только воспоминания"¹⁵ (Закарийа ал-Казвини ум. в 1283 г.).

Примечания

¹ Сведения о египетских ханака и завиях приводятся по сочинению Таки ад-Дина ал-Макризи (1364 - 1442) "Китаб ал-Мава 'из ва-л-и'тибар би-зикр ал-хитат ва-л-асар" ("Книга увещаний и назидания в рассказах о кварталах и памятниках"). См. ал-Макризи. Хитат. Ч. 4. Каир, 1326 (х.), 271 - 303.

И. Ю. Крачковский (Избранные сочинения. Т. 4, гл. 17, 459 - 480) сделал подробный обзор историографии мамлюкского периода, в том числе привел детальную характеристику творчества ал-Макризи как главного и основного автора сочинений, без которых невозможно вести какие-либо исследования по истории Египта эпохи мамлюков.

² В Египте этого времени употреблялись разные ратли для взвешивания различных товаров и продуктов: в 140 дирхемов (437,5), в 144 дирхема (450 г), "большой" ратл в 160 дирхемов (500 г.). Для взвешивания хлеба скорее всего употреблялся последний (см. В. Хинц. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970, 35).

³ ал-Макризи. Китаб ас-Сулук. Т. 2, ч. 1. Каир, 1941, 261 - 262. Ибн Тагриберди. Ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва-л-Кахира Т. 9. Каир, [б. г.], 79 - 84.

⁴ ал-Макризи. Хитат, 284 - 285.

⁵ Там же, 276.

⁶ Там же, 289 - 290.

⁷ Там же, 290.

⁸ Там же, 283.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, 299 - 303.

¹² См. [Вассаф]. Тарих-и Вассаф. Бомбей, 1269 (х.), 636, а также З. М. Бунятов. Государство атабеков Азербайджана (1136 - 1225). Баку, 1979, 146. Описание изразцов мавзолея Пир-Хусайна сделала в 1946 г. В. А. Крачковская.

¹³ Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. — "Ученые записки ИВ АН СССР". 1954, т. 9, 208; Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Талхис ал-асар ва аджа'иб ал-малик ал-каххар. Пер. с араб. З. М. Бунятова. М., 1970, 99.

¹⁴ Закарийа ал-Казвини. Асар ал-билад ва ахбар ал-'ибад. Бейрут, 1960, 562; Йакут ал-Хамави. Му'джам ал-булдан. Т. 8. Каир, 1906, 4 - 6.

¹⁵ Закарийа ал-Казвини. Асар ал-билад., 465 - 466.

СОЧИНЕНИЕ АЛ-МАКРИЗИ ПО МОНЕТНОМУ ДЕЛУ И ЦЕНООБРАЗОВАНИЮ*

Родоначальник египетской исторической школы о мамлюках Таки ад-Дин Абу-л-Аббас Ахмад ибн Али ибн Абд ал-Кадир ал-Хусайни ал-Макризи (1364 - 1442) известен специалистам-историкам своими знаменитыми трудами *Китаб ал-Мава' из ва-л-и'тибар би-зикр ал-хитат ва-л-асар* ("Книга увещаний и назидания в рассказах о кварталах и памятниках [Каира]") и *ас-Сулук ли-ма' рифат дувал ал-мулук* ("Пути для познания держав монархов")¹. Кроме этого, ал-Макризи является автором труда по истории Фатимидов (*Итти'аз ал хуна-фа' би-ахбар ал-а'имма ва-л-хулафа'*), по истории мусульманских правителей Абиссинии (*ал-Илмам би-ахбар ман би-ард ал-Хабаша мин мулук ал-ислам*), по истории Омейядов и Аббасидов (*ан-Нуза' ва-л-тахасум фи-ма баина Бани Умаййа ва Бани-л'Аббас*), по метрологии (*Раса'ил ал-макайил ва-л-мавазин аш-шар'ийа*) и др.²

Ал-Макризи является также автором еще одного ценного сочинения, известного только некоторым специалистам и любителям истории Египта. Это — *Игасат ал-умма би-каиф ал-гумма* ("Спасение народа через познание печальных событий")³. Этот труд посвящен истории голодных лет, постигших Египет со времени "Всемирного потопа" до мухаррама 808 г. х. включительно (июль 1405 г.), т.е. времени завершения Таки ад-Дином ал-Макризи его написания⁴.

Разбирая это сочинение, приходишь к выводу, что ал-Макризи является, по существу, первым историком, исследовавшим социально-экономическое положение Египта этого времени. Описывая голодные годы, ал-Макризи ищет и объясняет причины, приведшие к ним, и предлагает пути для преодоления трудностей, возникающих в связи с этим бедствием. В этом труде излагаются сведения о классах египетского общества его времени, объясняется процесс ценообразования и регистрируется колебание цен конкретно в голодные годы, которые ал-Макризи наблюдал лично с 796 г. х. (1394) по 808 г. х.⁵

Ал-Макризи осуждает имущие классы и правителей мамлюкского Египта за пренебрежение и безразличие к нуждам подданных, которые в период голода из-за отсутствия денег и резких скачков цен на продовольствие были лишены возможности вести борьбу за выживание, когда вслед за длительным голодом начинаются эпидемии. И весьма вероятно, что мысль о написании этого труда возникла у ал-Макризи после того, как в 806 г. х. (1403) от чумы умерла его единственная дочь.

Значение этого труда ал-Макризи еще и в том, что одна из его глав (о монетной системе) впоследствии переросла в самостоятельное сочинение под названием *Шузур ал-'укуд фи-зикр ан-нукуд* ("Жемчуга ожерелий в рассказах о монетном деле"), которое было издано немецким востоковедом О. Г. Тихсенем еще в конце XVIII в.⁶

Ниже следует перевод одной из глав *Игасат ал-умма* о денежном обращении и ценах на различные потребительские товары в Египте в период жизни самого ал-Макризи⁷.

ГЛАВА, РАССКАЗЫВАЮЩАЯ О НЕКОТОРЫХ ЦЕНАХ И ТЯГОТАХ ЭТОГО ВРЕМЕНИ

Знай, да осчастливит тебя Аллах счастьем бесконечным и да наделит тебя блаженством вечным, что собственно [*дирхем*] *фулус*⁸, на котором базируется денежное обращение египетского общества, используют [ныне] как [денежный] эквивалент всех товаров: разного рода пищевых продуктов, разного вида напитков и прочих товаров. Им взимают поземельную подать (*харадж ал-ардайн*), десятину на средства торговли (*'ушур амвал ат-тиджара*) и все султанские сборы (*'аммат маджаби ас-султан*), определяют стоимость [как] почетных, [так] и черных работ, поскольку в стране нет иных денег и средств [обращения] кроме [дирхемов] - фулусов. Между тем один кинтар⁹ этих дирхемов-фулусов весом в 100 египетских *ратлей*¹⁰ составляет наличными 600 дирхемов - [фулусов] причем один ратл, весящий 144 весовых дирхема¹¹, составляет 6 дирхемов - [фулусов], а один дирхем - [фулус], состоящий из двух *укий*¹², весит 24 весовых дирхема.

Это нововведение и эта беда, не имеющие ничего общего с общиной пророка [Мухаммада], ни основания, с точки зрения шариата, для их внедрения, ни аналогии, по своему

* Статья опубликована в сборнике "Прошлое Средней Азии: Археология, нумизматика, эпиграфика, этнография". Душанбе, 1987, 174 – 178.

новообразию, в действиях кого-либо из тех, кто канул в прошлое, ни признания в высказываниях кого-либо из людей, — [явились] лишь тем, с чего началось исчезновение радостей мирской жизни, закатом ее прелестей, потерей богатств, утратой их [былого] великолепия, превращением всего [множественного] в ничтожно малое, падением народа в крайнюю нужду, "чтобы Аллах решил дело, которое было свершено"¹³.

Что касается цен на товары, то [стоимость] одного *мискала*¹⁴ золота в столице Каире и ее окрестностях достигла 150 дирхемов-фулусов, а в гавани Александрии — 300 дирхемов-фулусов. Один торговый дирхем¹⁵ (*дирхам ал-му'амала*) стал равен 5 дирхемам-фулусам.

[Стоимость] одного ирдабба¹⁶ пшеницы поднялась до 450 дирхемов-фулусов, исключая [дополнительные] затраты: 10 дирхемов за посредничество¹⁷, 7 дирхемов за перевозку, 3 дирхема за просеивание, 30 дирхемов за помол. Итого — 50 дирхемов-фулусов. С одного *ирдабба* получалось всего 5 вайб¹⁸ чистой муки, шестая же часть выходила в отруби. Следовательно, один ирдабб только [чистой пшеницы] по подсчетам соответствовал 600 дирхемам-фулусам.

Стоимость же каждого *ирдабба* ячменя, а также бобов, исключая [дополнительные] затраты, составила более 300 дирхемов, ирдабба зеленого горошка — 800 дирхемов, гороха — 500 дирхемов, одной головы крупного рогатого скота — 100 мискалей золота, что соответствует 15 тысячам дирхемов-фулусов, одного ратла свежей говядины — 7 дирхемов-фулусов, одного ратла баранины — 15 дирхемов, одной связки кур — 100 дирхемов, то есть одна курица стоила 20 дирхемов-фулусов, одной связки гусей — 200 дирхемов, то есть один гусь стоил 50 дирхемов-фулусов, одной овцы — свыше 2 тысяч дирхемов-фулусов.

Верблюд продавался за 7 тысяч дирхемов-фулусов, один *кадах*¹⁹ тыквенных семечек — за 120 дирхемов-фулусов, один *кадах* риса — за 15 дирхемов-фулусов, один *ирдабб* морковных семян — за 500 дирхемов-фулусов, один *кадах* семян редиски — за 150 дирхемов-фулусов, один *кадах* семян репы — за 300 дирхемов-фулусов, один *кинтар* кунжутного масла, исключая дополнительные затраты — за 1200 дирхемов-фулусов, одна штука бахчевых в сезон — за 20 дирхемов-фулусов, один ратл винограда в сезон — за 4 дирхема-фулуса, один *кинтар* тыквы — за 100 дирхемов-фулусов, один *ратл* сахара — до 70 дирхемов-фулусов, один *кинтар* оливкового масла — за 550 дирхемов-фулусов, платье из небеленого льна — за 10 с лишним дирхемов, одно куриное яйцо — за полдирхема-фулуса, один лимон — за 3 дирхема-фулуса, один *ратл* нетрепаного льна — за 20 дирхемов-фулусов.

В Александрии и Тарудже стоимость одного *кадах* пшеницы достигла 40 дирхемов-фулусов, ячменя — 30 дирхемов, *ратла* хлеба — 10 дирхемов, *ратла* баранины — 60 дирхемов-фулусов, курицы средней величины — 50 с лишним дирхемов-фулусов, одного куриного яйца — 2 дирхемов-фулусов, *укиййи* растительного масла — 4 дирхемов-фулусов.

Один *кадах* семян портулака в Каире стоил 60—70 дирхемов-фулусов, один ратл груш — 50 с лишним дирхемов, *кинтар* манной ивы (*ширхуик*)²⁰ — 30 тысяч дирхемов-фулусов, *кинтар* манной верблюжьей колючки (*таранджубин*)²¹ — 15 тысяч дирхемов-фулусов, одна водяная лилия — один дирхем-фулус, один огурец — полтора дирхема. Один цыпленок продавался за 37 дирхемов-фулусов, а две стиранные *маллуты*²² из хлопка в Тарке продавались за 2240 дирхемов-фулусов. Остальные товары продавались в таком же соотношении.

Если рассматривать цены на товары с учетом содержания в них серебра и золота, то можно обнаружить, что подорожали они весьма незначительно, а если учесть, что эти обстоятельства доставили людям обилие фулусов, то дело представляется не таким уж отвратительным и не таким ужасным и преувеличенным. Однако от этого ухудшалось общее положение, дела провинций пришли в расстройство, а люди впали в нужду и лишения. Провинции оказались на грани разрухи и гибели, "но Аллах делает то, что пожелает"²³.

Примечания

¹ Академик И. Ю. Крачковский (Избр. соч., т. IV, гл. XVII, 459 - 480) сделал подробный обзор историографии мамлюкского периода, и в том числе привел детальную характеристику творчества ал-Макризи, как главного и основного автора сочинений, без которых невозможно вести какие-либо исследования по истории Египта эпохи мамлюков.

² Более подробно о трудах ал-Макризи см.: С. Brockelmann. GAL, II, 47; SB, 36 и сл.

³ Сочинение это было единственный раз издано Мухаммадом Мустафа Зийа Джамал ад-Дином Мухаммадом аш-Шайялем в Каире в 1940 г. Извлечения из этого труда ал-Макризи по нумизматике и метрологии. См.:

M. H. Sauvaire. *Materiax pour servir a e'Histoire de la Numismatique atdela Metrologie Musulmanes*, 2 volumes (extrait du Journal asiatique, Paris, 1872, 1885).

⁴ См.: Игасат ал-умма, 43, 86.

⁵ Там же, 3 - 4, 41 - 43.

⁶ Tychsen O. G. *Al-Makrizi Historia Monetae*. Rostok, 1797, 50.

⁷ Игасат ал-умма, 76 - 80.

⁸ Дирхем-фулус в позднесредневековом Египте представлял собой медную посеребренную монету. Как денежная единица, дирхем-фулус имел широкое обращение в мамлюкском Египте. Такая монета отличалась от классического дирхема, который, как правило, состоял из высокопробного серебра, неоднородностью своего состава. По своему составу дирхем-фулус — это смесь серебра и меди. Меди в нем содержалось обычно на одну треть веса монеты (см: Popper W. *Egypt and Syria under Circassian sultans*. University of California publication in Semitic philology, V. 15, 1955, 42). Соотношение серебра и меди в дирхеме-фулусе временами менялось в сторону преобладания в нем меди. В отдельные же периоды дирхем-фулус, состоя из одной меди, употреблялся в денежном обращении как просто медная монета.

⁹ Такой кинтар в средневековом Египте назывался кинтаром фулфули. Он употреблялся главным образом в Александрии. Один кинтар равнялся 100 египетским раглам по 144 весовых дирхема, что составляло 45 кг. См: Хинц В. *Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему*; Давидович Е. Л. *Материалы по метрологии средневековой Средней Азии*. М., 1970, 22 (далее — Хинц В., Давидович Е. Л.).

¹⁰ **Ратл** — весовая единица, которая в Египте времен ал-Макризи называлась **ратлом фулфули**. Им взвешивались преимущественно пряности и более мелкие товары. Такой ратл равнялся 12 укыййам по 12 весовых дирхемов, что равно 144 дирхемам или 450 г. См.: Хинц В., Давидович Е. Л., с. 35.

¹¹ Дирхем в Египте, как и в других странах Ближнего и Среднего Востока, выступал в качестве двух единиц измерения: как денежная единица и как мелкая единица веса товаров. Весовой дирхем соответствовал 3,12 г. См.: Хинц В., Давидович Е. Л., 13.

¹² **Укыййа** (унция) в Египте всегда была равна 12 весовым дирхемам, что составляло 37,5 г. См.: Хинц В., Давидович Е. Л., 40.

¹³ Коран, VIII, 42.

¹⁴ **Мискал** — единица измерения веса золота; мискал, из которого состоял классический золотой динар, равнялся 4,235 г. См.: Хинц В., Давидович Е. Л., 11.

¹⁵ Под выражением "торговый дирхем" здесь, надо полагать, имеется в виду дирхем из высокопробного серебра, сфера обращения которого в период серебряного кризиса на Востоке была весьма ограничена. Из текста видно, что вытесненный из внутреннего денежного обращения высокопробный серебряный дирхем во времена ал-Макризи использовался главным образом для выполнения внешнеторговых операций. Следовательно, внешняя торговля и классический серебряный дирхем, на которые, как видно, существовало монополия государства, находились под контролем египетских властей.

¹⁶ **Ирдабб**, как мера объема для зерна, определялся округленно в 90 л.; Один ирдабб был равен 6 вайбам и определялся в 69,6 кг пшеницы и соответственно в 56 кг ячменя. См.: Хинц В., Давидович Е. Л., 47.

¹⁷ Стоимость посреднических услуг у ал-Макризи в ал-Мава'из ва-л-и'тибар (т. 1, 88 - 89) в целом несколько занижена, чем приводится здесь. Ал-Макризи отмечает что султан ал-Малик ан-Насир Мухаммед отменил в 715 г. х. (1315 г.) то, что именовалось нисф ас-самсара ("половинный пай за посредничество"). Он пишет: "Был упразднен также и нисф ас-самсара. Объясняется это тем, что тот, кто занимался продажей чего-либо, платил посреднику за его услуги мзду сообразно тому, что было установлено издавна: два дирхема с каждых ста. Когда же вазиром стал Насир ад-Дин ибн аш-Шайхи, то для посредников за их услуги была установлена такса — один дирхем с каждый двух. И посредники стали действовать и прилагать усилия с тем, чтобы заполучить свою половинную долю и добиваться своей выгоды. Продавцы же, в конечном итоге, оказывались под штрафом. От такого дела люди терпели ущерб, бедствовали и не находили спасения, пока султан не отменил такое положение".

¹⁸ Вайба — преимущественно египетская мера объема. В XIV - XV вв. одна вайба равнялась 11,6 кг пшеницы, т. е. практически равнялась 15 л. См.: Хинц В., Давидович Е. Л., 15.

¹⁹ **Кадах** — египетская мера объема, имевшая две величины: малый кадах и большой кадах. Один малый кадах был равен 0,94 л, а один большой кадах — 1,88 л. См.: Хинц В., Давидович Е. Л., 48.

²⁰ **Ширхушк** — "сухое молоко", манна ивы. *Salix rosmarmifolia*. См.: Беруни. Избр. произв., т. IV. Ташкент, 1974, 777 - 778.

²¹ **Таранджубин** — манна верблюжьей колючки. См.: Беруни, 613.

²² **Маллута** — греческое слово, проникшее в арабский язык через коптский. Маллута — это джубба, которая надевалась поверх фараджийи, или же рубаха с широкими рукавами. Маллута была одеждой египетских мамлюков.

²³ Коран, II, 253.

РЕМЕСЛЕННИКИ — ВЫХОДЦЫ ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНА, ДРУГИХ ОБЛАСТЕЙ КАВКАЗА, РОССИИ И МОЛДАВИИ НА СЛУЖБЕ В ПРИДВОРНЫХ МАСТЕРСКИХ ОСМАНСКИХ СУЛТАНОВ*

Среди большого количества интереснейших официальных документов, хранящихся в архивах османских султанов, обращают на себя внимание реестры (дефтеры) ремесленников (ахл ал-хираф) различных профессий, служивших в придворных мастерских. Самый ранний из таких реестров датирован месяцем раби II 932 г. х. (январь 1526) и в нем, как и во всех других, фиксируется имя ремесленника, его специальность, местность, откуда он прибыл или был привезен, когда был приписан к султанскому двору и каково было его поденное жалованье.

Впервые в столицу османов ремесленники из Азербайджана начали прибывать или привозиться после разгрома султаном Мехмедом II Фатихом Узун Хасана Ак-Коюнлу у перевала Отлук-бели 11 августа 1473 г.

После разгрома шаха Исмаила у Чалдырана (23.VIII 1514) султан Селим I Явуз прибыл в Тебриз и вывез отсюда в Амасью всех шахских ремесленников: резчиков, художников, каллиграфов, позолотчиков, гончаров, оружейников, портных, сапожников и др.

Работа по каталогизации реестров ремесленников, хранящихся в архивах Стамбула, была начата проф. И. Х. Узунчаршылы. Им было обследовано более 30 таких реестров только в архиве Топкапы Сарайи. Самым содержательным и подробным оказался отмеченный выше реестр жалованья ремесленников 932 г. х., составленный на пятом году правления султана Сулеймана Кануни (1520 - 1566). К сожалению, смерть проф. И. Х. Узунчаршылы прервала его полезную работу. Незавершенной осталась также его задумка издать каталог фирманов османских султанов, хранящихся в стамбульских архивах. Сейчас Улькю Алтундагом — учеником проф. И. Х. Узунчаршылы — опубликована первая тетрадь каталога фирманов, хранящихся в Топкапы Сарайи.

В реестре жалованья 932 г. х. фиксируются имена примерно двух тысяч ремесленников различных специальностей, их учеников, их поденное жалованье, страна или область, откуда прибыли или были привезены, откуда происходят ремесленники и в правление какого султана они начали служить в придворных мастерских.

При дворе османских султанов существовали различные подразделения ремесленников. Когда возникала необходимость создания какого-либо нового подразделения, то оно создавалось, если даже этой специальностью владел только один человек. По некоторым видам ремесел специалистов было много, по некоторым — мало. Например, сапожников с учениками было 13 чел., а вот специалистов, шьющих перчатки для ношения на руке охотничьих птиц, было только трое — мастер и два ученика. В сапожниках потребность была большей, ибо Османская империя была государством военным.

Реестр жалованья ремесленников 932 г. х. был составлен главой султанских казначеев (хазинедарбаши) Давуд-Агой и катибом Хасаном Эфенди. Это говорит о том, что все придворные ремесленники находились в подчинении этих двух дворцовых чинов, и реестр был составлен в их канцелярии.

Ниже следует список ремесленников, проходящих по этому реестру (приводятся только имена специалистов, выходцев из стран, указанных в заголовке статьи), с указанием поденной оплаты труда.

Подразделение граверов (*джамаат и наккашан*)

Шах Кулу Рассам
22 акче

Привезен из Тебриза в Амасью. Ему было пожаловано владение. Жалованье выплачивается за счет хараджа с собственных владений султана в Стамбуле. Он был занесен в указанный реестр в начале мухаррама 927 г. (XII. 1520) согласно повелению султана Селима I.

Мелек Ахмед Табризи

Прибыл в правление султана Баязида II (1481 — 1512) и был опре-

---

* Статья была опубликована в Известиях АН АзССР, серия истории, философии и права (1987, п 1, 72 - 78).

24 акче	делен на службу при дворе. Привезены из Тебриза и определены на службу при дворе в Амосье. Жалованье выплачивается за счет хараджа владений хасс. Вписаны в означенный реестр в начале раби II 929 г. (11.1523) согласно повелению султана Сулеймана.
Хаджи-бей Табризи 10,5 акче	Привезены из Тебризы и определены на службу при дворе в Амосье. Жалованье выплачивается за счет хараджа владений хасс. Вписаны в означенный реестр в начале раби II 929 г. (II. 1523) согласно повелению султана Сулеймана.
Ходжа-бей Табризи 10,5 акче	
Мехмед ибн Мелек Ахмед 7,5 акче	Приписан к дворцовым мастерским в правление султана Баязида II.
Али, его брат 8 акче	Так же, как брат.
Мустафа Богдан (Молдавия) 6,5 акче	Сын мастера. Подарен султану Сулейману.
Фаррух Черкес 3 акче	Из числа подаренных гулямов. Приписан к султанским мастерским.
Йусуф Черкес, ученик 2,5 акче	Из числа гулямов, подаренных султану Селиму I.
Переплетчики (муджаллидан)	
Давуд Черкес 11,5 акче	Подарен султану Баязиду II.
Шапочники (кулах-дузан)	
Пийаде-и Аккирмани 14 акче	Захвачен и вывезен в 1484 г. из Аккермана султаном Баязидом II.
Али Рус 9 акче	Прибыл вместе с султаном Сулейманом I.
Ахмед Рус 10,5 акче	Приписан к мастерским в правление султана Селима I
Вели Черкес 3,5 акче	Куплен в правление султана Селима I.
Ювелиры (зергеран)	
Ходжа Марджан Тебризи 26 акче	Вывезен из Тебриза и поселен в Амосье.
Максуд Али Тебризи 20 акче	Все трое были привезены султаном Селимом I из Тебриза в Амосью.
Дервиш Мехмед Тебризи 12,5 акче	

Хошгелен Тебризи 10 акче	
Махмуд Рус 9 акче	Из числа купленных рабов.
Ахмед Гёзгю 8 акче	Вывезен султаном Селимом I из Грузии
Хызыр Аккирман 8 акче	Раб, вывезен султаном Баязидом II из Аккермана.
Хашим Тебризи 7 акче	Вывезен из Тебриза в Амасью.
Ядигар Тебризи 4 акче	Вывезен из Тебриза и в раби I 928 г. (4.II.1522) внесен в список султанских мастеровых.
Ахмед Черкес 4 акче	Раб доставлен в правление султана Селима I.
Баязид Рус 6 акче	Прибыл вместе с султаном Сулейманом I.
Касим Черкес ученик 4 акче	Прибыл вместе с султаном Селимом I.
Хусейн Черкес, ученик 4,5 акче	Бывший раб шаха Исмаила, вывезен из Тебриза.
Хайдар Рус, ученик 1 акче	Раб, привезен II зу-л-ка'да 930г. (11.IX.1524).

Проволочники (*симкешан*)

Мир Ахмед Тебризи 10 акче	Вывезен из Тебриза в Амасью. Получает жалованье с хараджа владений хасс, в Стамбуле с I раджаба 930 года (9.V.1524).
------------------------------	--

Золотошвей (*зардузан*)

Бюльбюль 8 акче	Привезен из Тебриза в Амасью. Получает жалованье из доходов хасс в Эдирне с 25 мухаррамр 926 г. (17.1.1520).
Бешарет Гюрджи 4,5 акче	Из числа рабов шаха Исмаила, привезен из Тебриза, получает жалованье из султанских владений хасс с 25 мухаррама 929 г. (15.XII.1522).
Хусрев Черкес 2 акче	Подаренный раб. Приписан 15 шаввала 925 г. (11.X.1519).

Шелкоткачи (*каззазан*)

Йусуф Рус 6,5 акче	Передан из Галата Сарая в правление султана Селима I.
-----------------------	---

Йусуф Рус
3,5 акче
Касим Рус
6 акче

Из рабов Диканоглу Ахмед-паши.

Прибыв вместе с султаном.

Меховщики или скорняки (*пустин дуз*)

Гулам Али Черкес
9,5 акче

Раб, подаренный султану Селиму I. За него султан подарил 3 тысячи акче.

Хасан Рус
18,5 акче

Прибыл вместе с султаном.

Исмаил Тебризи
28 акче

Привезен из Тебриза в Амасью

Ахмед Гюрджи
17 акче

Подарен султану Баязиду II.

Али-беи Тебризи
10,5 акче

Приписан к мастерским в джумада I 927 г. (IV.1521).

Мустафа Черкес
5 акче

Раб, купленный в правление султана Сулеймана I.

Карагёз Черкес
5 акче

То же.

Айас Черкес
6 акче

Из рабов шаха Исмаила. Приписан 28 раби I 926 г.

Хасан Черкес, ученик
1,5 акче

Подаренный раб. Приписан 17 зулка'да 926 г.

Инкрустаторы (*куфтегеран*)

Мехмед Джан Тебризи
16,5 акче

Привезен из Тебриза в Амасью. Получает жалованье из владений хасс в Эдирне. Приписан в начале зул-ка'да 926 г.

Максуд Черкес
2 акче

Раб, подаренный султану. Приписан 9 раджаба 931 г.

Резчики (*кундекаран*)

Насух Аккерман
15 акче

Вывезен из Аккермана при султани Баязиде II.

Мустафа Черкес
4 акче

Куплен в правление султана Селима I

Исмаил Черкес, ученик
2 акче

Подаренный раб, приписан 5 сафара 925 г.

Сабельщики (*шимширгеран*)

Халил ибн Шейх Хасан
Тебризи
14 акче

Привезен из Тебриза в Амасью. Получает довольствие из владений хасс в Эдирне. Приписан в начале сафара 927 г.

Мир Шейх Тебризи
12,5 акче

Приписан в джумада I 926 г.

Йусуф Рус
3,5 акче

Купленный раб, приписан в джумада II 927 г.

Распильщики (*сухангеран*)

Али Черкес
14,5 акче

Был рабом. После смерти хозяина приписан ко двору.

Хасан Рус
4 акче

Раб, купленный в правление султана Селима I.

Мастера ножен (*нийамгеран*)

Йусуф Черкес
2 акче

Раб, купленный в правление султана Селима I.

Касим Черкес
2,5 акче

То же.

Ахмед Черкес
1,5 акче

Подаренный раб, приписан 15 зул-ка'да 926 г.

Мастера по изготовлению щитов (*сипердузан*)

Тороз Гюрдж-и Гебр
12 акче

Вывезен из Грузии в правление султана Селима I.

Симон Гюрджи-и Гебр
7 акче

То же.

Соколятники (*боздоган*)

Мустафа Рус
2,5 акче

Купленный раб.

Мастера колчанов (*тиргеран*)

Касим Рус
13 акче

Прибыл вместе с султаном.

Бахрам Рус
6 акче

То же.

Искандер Черкес, ученик
2 акче

Подаренный раб. Приписан 5 сафара 925 г.

Фаррух Черкес, ученик
6 акче

Прибыл вместе с султаном.

Лучники (кемангеран)

Йусуф Рус
3 акче

Прибыл в правление султана Селима I.

Хусейн Рус, ученик
2 акче

То же.

Йусуф Рус, ученик
1 акче

Подарен султану.

Слесари (чилингиран)

Бахрам Рус
4,5 акче

Был рабом Орхан-бека в правление Сулеймана I

Махмуд Черкес
3 акче

Куплен в правление султана Селима I

Йусуф Рус, ученик
2 акче

Куплен. Приписан 3 джумада II 924 г.

Хасан Рус, ученик
2 акче

Раб, приобретенный в правление султана Селима I.

Хамза Рус, ученик Йусуфа
2 акче

Раб, купленный в правление султана Селима I.

Мастера кольчуг (казагандийан)

Хасан Рус
13 акче

Раб, проданный султану Баязиду II.

Неджмеддин Табризи
12 акче

Привезен из Тебриза в Амасью. Приписан в начале раджаба 929 г.

Мастера ружейных дел (туфенгчийан)

Гарде Рус, Гебр
25 акче

Приписан в правление султана Баязида II.

Гиркор, его брат, гебр
14 акче

То же.

Худадат Рус
5 акче

Куплен за деньги в правление султана Баязида II.

Фархад Рус
7 акче

То же.

Иван Рус, Гебр
5 акче

Приписан 27 джумада 930 г. по распоряжению.

Мастера по изготовлению клинков из дамасской стали (димешкигеран)

Ахмед Аккерман
8 акче

Вывезен из Аккермана в правление султана Баязида II.

Йусуф Рус
5,5 акче

Раб, купленный за деньги в правление султана Селима I.
Получает жалованье с хараджа с султанских владений хасс.
Приписан в начале шаввала 925 г.

Плотники (неджжаран)

Йусуф Гурджи
4 акче

Раб, купленный в правление султана Селима I.

Хасан Абаза
4 акче

То же.

Мастера по выделке ткани аба (аба-йибафан)

Мехмед Джан Тебризи
14 акче

Привезен из Тебриза в Амасью.
Приписан в начале мухаррама 927 г.

Мастера по выделке ткани кемха (кемха бафан)

Рустам Рус
7 акче

Из рабов. Приписан 17 раджаба 927г.

Искендер Рус
7 акче

Из рабов. Приписан 17 раджаба 927г.

Хусрев Рус
6 акче

То же.

Гулам Али Татар, ученик
3,5 акче

То же.

Фаррух Рус, ученик
2 акче

То же.

Йусуф Рус, ученик
2 акче

То же.

Касим Рус, ученик
2 акче

То же.

Джафар Черкес, ученик

То же.

1 акче

Мастера по изготовлению ковриков (каличе-бафан)

Хасан Черкес, ученик
3 акче

Раб, купленный в правление султана Селима I.

Хусейн Черкес, ученик
3,5 акче

То же.

Йусуф Черкес, ученик
3,5 акче

Передан из Галата Сарая. Приписан в начале ша'бана
926 г.

Прачки (джамешуйан)

Йусуф Рус
10,5 акче

Был рабом принца Коркуда.

Ахмед Черкес, ученик
4,5 акче

Раб, купленный в правление султана Селима I.

СОЧИНЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПЕРСОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ В НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ЕГИПТА*

Национальная библиотека Египта (*Дар ал-кутуб Мысрийя*) обладает огромным количеством рукописей сочинений азербайджанских авторов различных времен, написаны они или переписаны многими каллиграфами различными почерками и посвящены эти сочинения различным областям науки и искусства. В настоящей заметке речь пойдет только о рукописях на персидском языке, которые включены в каталоги *Дар ал-кутуб*. Каталоги эти на арабском языке и для пользования ими мы перевели необходимые тексты на русский язык**. Ниже приводится перечень рукописей сочинений азербайджанских авторов с нумерацией и кодификацией *Дар ал-кутуб*.

№ 29 (№ 30 *Тасаввуф фариси*) АХЛАК НАСИРИ Насир ад-Дина Мухаммада ибн Мухаммада ибн ал-Хусайна ат-Туси. Это дополнение к сочинению Абу Али ал-Хазина Ахмада ибн Мухаммада ибн Йа'куба, прозванного Мискавайхом (ум. в 1030 г. х.) "Тахара ал-а'рак фи тахсил ал-ахлак". Ат-Туси написал этот труд в крепости Ка'ин в Кухистане для Насир ад-Дина Абд ар-Рахима Мухташама — видного деятеля исмаилитов.

Копия переписана Насихом Ади 5 рамадана 734 г. х. (10.V.1334). Имеет 180 листов, по 17 строк, размер 16 X 23 см.

№ 45 (№ 1-М *Мантик фариси*) АСАС АЛ-ИКТИБАС Насир ад-Дина ат-Туси. Без даты переписки, 290 листов, по 25 строк, размер 17,5x11 см.

№ 49 (№ 38 *Маджами'турки Тал'ат*) АСРАР АТ-ТАМХИД. Избранное из книги "Зубдат ал-хака'ик фи кашф ад-да-ка'ик" Айн ал-Кузата ал-Хамадани Абдаллаха ибн Мухаммада ибн Али ибн ал-Хасана ал-Мийанаджи ас-Сухраварди (ум. в 1131 г. х.). Хрестоматия составлена шейхом Абдаллахом ал-Кашгари (ум. в 1721 г.).

№ 57 (№ 141-М *Адаб фариси*) ИСКЕНДЕР-НАМЕ (ШАРАФ-НАМЕ) Низам ад-Дина Илйаса ибн Йусуф ибн Му'аййид ал-Куми Абу Ахмада ал-Гянджави (ум. в 596 г.х.). Низами посвятил поэму великому атабеку Нусрат ад-Дину Абу Бакру ибн Мухаммад Джахан Пахлаван, правившему в 587 - 607 г. х. (1191 - 1211). Рукопись переписана Маджд ад-Дином Али ибн Хидр-шахом ибн Хасан-шах Бахрабади в джумада II 935 г. х. (10.II - 10.III.1529). Это — пятая книга Хамсы Низами, состоит из 336 листов, по 23 строки, размер 24x16 почерк — та'лик. № 58 (№ 141 - М *Адаб фариси*) Второй список Искендер-наме. Переписан почерком *та'лик* Зайн ал-Абидином аш-Ширази в мухарраме 1249 г. х. (21.V. - 19.VI.1833) по заказу Мирзы Саййида Али. Хамса состоит из 284 листов, по 25 строк, размер 25,5x15,5 см.

№ 59 (№ 4319 С) Третий список. Почерк — *та'лик*, без даты переписки, 76 листов, по 21 строке, размер 21,5x14 см.

№ 71 (№ 846 *Маджами'Тал'ат*) АШ'АР ФАРИСИЙЯ Шамс ад-Дина Мухаммада ибн Али ибн Малика, известного как Шамс Табризи (убит в 645 г. х.). Суфийские стихи, переписаны ал-хаджем Ахмадом ал-Анкарави в 1289 г. х. (1872). 235 листов, по 24 строки, размер 21,5x14 см.

№ 109 (№ 58 *Тасаввуф фариси*) АЛ-ИЛАХИЙЯ АЛ-ФАЗЛИЙЯ Мухаммада Фазлаллаха ат-Табризи, казнен в 804 г. х. (1401). Сочинение по мазхабу хуруфитов. Без даты переписки, 278 листов, по 21 строке, размер 16x10 см.

№ 124 (№ 2 *Ма'ариф ал-асрар фариси Тал'ат*) АНВАР АР-РУСУЛ Абд ал-Ганийи Хафиза аш-Ширвани. Переписан Сулейманом ибн Ахмадом в 1162 г. х. (1749), 143 листа, 23 строки, размер 21x13 см.

№ 143 (№ 1-М *Тасаввуф*) АУСАФ АЛ-АШРАФ Насир ад-Дина Абу Джа'фара Мухаммада ат-Туси. Написано для вазира Мухаммада ибн Са'ида Баха ад-Дина ал-Джувайни. Переписано Али ибн Фатхаллахом ал-Исфахани Сабири в 869 г. х. (1464). 30 листов, по 15 строк, размер 17,5x12 см.

№ 144 (№ 28 *Маджами'фариси*) Второй список сочинения, без даты переписки, в составе сборника (лл. 1 - 21), по 19 строк, размер 20x11 см.

* Статья опубликована в Известиях АН АзССР, серия истории, философии и права (1988, № 4, 11 - 17).

** Фихрис ал-махтугат ал фарисийя, ал-кисм ал-аввал (алиф-шин), Каир, 1966; ал-кисм ас-сани (сад-йа), Каир, 1967. Издание подготовил Насруллах Мубашир ат-Тарази. Каталог издан типографией Дар ал-кутуб.

№ 149 (№ 2 *Тасаввуф фариси*) БАХР АЛ-ХАКА'ИК ФИ КАШФ АД-ДАКА'ИК Ибрахима ибн Мухаммада ибн Ибрахим ибн Шихаб ад-Дин Айтогмыш ал-Амиди ал-Гулшани (ум. в 940 г. х.). Переписано в 975 г. х. (1567), 383 листа, по 19 строк, размер 14x7,5 см.

№ 196 (№ 2 *Луга фарисийя*) БАЙАН АЛ-КАФИЙЯ Абу-л-Фадла Хубайша ибн Ибрахима ибн Мухаммад ал-Кама-ли ат-Тифлиси (ум. в 629 г. х.). Арабско-персидский словарь рифм. Закончен в 629 г. х. (1231), 79 листов, по 9 строк.

№ 212 (№ 27 *Тарих фариси Тал'ат*) ТА'РИХ ДЖАХАН АРАЙ-И ШАХИНШАХИ Сочинение Кази Ахмада ал-Гаффари. Написано для Фатх Алишаха Каджара, без даты переписки, 174 листа, по 15 строк, размер 30x21 см.

№ 269 (М 6-М *Маджами фариси*) ТУХФАТ АЛ-ИРАКАЙН Афдал ад-Дина Ибрахима ибн Али, известного как Хаким Хакани (ум. в 582 г. х.). Поэма написана во время первого паломничества Хакани в Мекку в 551 г. х. (1156). Переписана прекрасным *та'ликом* Мухаммадом Али ибн Изз ад-Дином Ахмадом аш-Ширази в сафаре 1106 г. х. (1694). 140 листов, по 12 строк, размер листа 16,5x9 см.

№ 459 (№ 1 *Илм калам фариси*) ДЖАВИДАН-И КАБИР Фазлаллаха ибн Аби Мухаммада ат-Табризи ал-Хуруфи, умершего в 804 г. х. (1401) или в 796 г. х. (1393). Сочинение по хуруфитскому мазхабу, состоящее из шести начал (*мабхас*): о шести днях; о небесах, земле и о том, что между ними; об Адаме и Еве; о загробной жизни, возмездии и воскресении; о пророках и шарияте; о манифесте (*байан*).

Сочинение переписано обычным почерком Вахби Мусой ибн Махди Иса в конде джумада II 1198 г. х. (22.IV — 10.V.1784), состоит из 241 листа, по 21 строке, размером 22x15 см.

№ 460 (№ 2 *Илм калам фариси*) Второй список сочинения. Без даты переписки, 133 листа, размер 17,5x13 см, с разным количеством строк.

№ 461 (№ 4 *Илм калам фариси*) Третий список сочинения. Переписан Дервишем Иахиа ибн Иусуфом в 1240 г. х. (1824), 500 листов, по 21 строке, размер 24x15 см.

№ 462 (№ 1 *Ма'ариф*) Четвертый список сочинения. 427 листов, по 21 строке, размер 15x10 см.

№ 523 (№ 167-М *Адаб фариси*) ХОСРОВ И ШИРИН ал-Хакима Джамал ад-Дина Абу Мухаммада Илиаса ан-Низами ал-Гянджави, умершего в 596, 597 или 599 г. х. Низами закончил писать эту поэму в 576 г. х. и преподнес ее Шамс ад-Дину Мухаммаду (6 тысяч бейтов).

Почерк — *та'лик*, поэма переписана Маджд ад-Дином Али ибн Хидр-шахом Бахрабади в джумада II 935 г. х. (10. II. — 10. III. 1529). Вторая поэма из Хамсы, состоит из 336 листов, по 23 строки, размер 24x16 см.

№ 532 (№ 57 *Адаб фариси*) ХУЛАСА-И ХАМСА Низами Гянджави. Переписано сочинение в 901 г. х. (1495). В составе сборника (120 - 255).

№ 544 (№ 120 *Адаб фариси*) ХАМСА НИЗАМИ. Включает в себя Махзан ал-асрар, Хосров и Ширин, Лайли и Маджнун, Хафт Пайкар (Бахрам-наме) и Искендер-наме (Шараф-наме-и Искендери). Сочинение переписано почерком *та'лик*, дата переписки отсутствует. 350 листов, каждый лист разделен на четыре столбца, по 21 строке, размер листа 32,5x21 см.

№ 545 (М 137-М *Адаб фариси*) Другой список. Переписан прекрасным почерком Бади ал-Бавамата в начале шаввала 1042 г. х. (11.IV. — 9. V.1633). 305 листов, по 23 строки, размер 28x17 см.

№ 546 (№ 141-М *Адаб фариси*) Третий список. Переписан почерком *та'лик* Заин ал-Абидином аш-Ширази в мухарраме 1249 г. х. (21.V. - 19.VI.1833) для Мирзы Саййида Али. 284 листа, по 25 строк, размер 25,5x15,5 см.

№ 547 (№ 142-М *Адаб фариси*) Четвертый список. Переписан почерком *та'лик* в 983 или 987 г. х. (1575 или 1579). 300 листов, по 25 строк, размер 28x17 см.

№ 548 (№ 143-М *Адаб фариси*) Пятый список. Прекрасное оформление. Переписан Заин ал-Абидином ал-Хусаини ал-Машхади с 895 г. х. (1490) на имя шаха Абу-л-Касима. 210 листов, по 27 строк, размер 32x21 см.

№ 549 (№ 167-М *Адаб фариси*) Шестой список. Переписан почерком *та'лик* Маджд ад-Дином Али Хидр-шахом ибн Хасан-шах Бахрабади в джумада II 935 г. х. (10. II. — 10. III.1529). 336 листов, по 23 строки, размер 24 X 16 см.

№ 550 (№ 164-М *Адаб фариси*) ХАМСА НИЗАМИ (Избранное). Почерк — *та'лик*, без даты переписки. 223 листа, по 14 строк, размер 22,5x11,5.

№ 608 (№ 25-М *Адаб фариси*) ДЕХ-НАМЕ (МАНТИК АЛ-'УШШАК). Автор — Рукн ад-Дин Аухади ал-Мараги ал-Исфакхани, поэт VIII в. х. (XIV в.). Написана для Ваджих ад-Дина шаха

- Вусуфа — внука Насир ад-Дина ат-Туси в 859 г. х. (1455). В составе сборника (лл. 28 - 222), по 34 строки, размер 25x16,5 см. На полях рукописи *Диван* Хосрова Дихлави.
- № 609 (№ 156-М *Адаб фариси*) Второй список сочинения. Переписан Имад ад-Дином Хаббазом Абаркуйи 25 рамадана 843 г. х. (29.11.1440). В составе *Дивана* Салмана. размер листов 20,5x13 см.
- № 617 (№ 133 *Адаб фариси*) ДИВАН АМИДИ. Автор Маулана Арджаст Амиди — один из придворных поэтов шаха Исма'ила ас-Сафави. Он же — автор *Саки-наме*. Дата переписки неизвестна. 101 лист, по 16 строк, размер 18x11 см.
- № 627 (№ 5 *Адаб фариси*) ДИВАН АУХАДИ. Автор — Рукн ад-Дин Аухади ал-Мараги ал-Исфахани (ум. в 827 г. х.=1424). Почерк — *та'лик*, без даты переписки. Первая книга в составе сборника, имеющего 299 листов, размер 12,5x7 см. Вторая книга является запиской (рисала) этого же автора по суфизму (*Рисала хакикат ал-'аишк*).
- № 628 (№ 25-М *Адаб фариси*) Второй список сочинения. Переписан почерком та'лик Абдаллахом ибн Ша'баном в 895 г. х. (1455).
- № 645 (№ 153-М *Адаб фариси*) ДИВАН ДЖАЛАЛА ТАБИБА. Автор Джалал ад-Дин ат-Табиб. Переписан в 823 г. х. (1420).
- № 674 (№ 144 *Адаб фариси*) ДИВАН ХАКАНИ. Почерк — *та'лик*, переписан в ша'бане 1012 г. х. (январь 1601). 290 листов, по 17 строк, размер 25x15 см.
- № 675 (№ 85-М *Адаб фариси*) Второй список. Начало отсутствует, почерк — прекрасный *та'лик*. Переписан в середине джума I 858 г. х. (V 1454 322 листа, по 21 строке, размер 26x17 см.
- № 676 (№ 86-М *Адаб фариси*) Третий список. Почерк — *тали*, переписан в 1009 г. х. (1600). 335 листа, по 20 строк, размер 24x14 см.
- № 677 (I 153-М *Адаб фариси*) Четвертый список. Переписан в 823 г. х. (1420). В составе сборника.
- № 692 - 695 (№ 142, 145, 146, 162 *Адаб фариси*) ДИВАН ЗУ-Л-ФАККАРА. Автор — Кавам ад-Дин Хусаин ибн Садр ад-Дин Али, известные как Зу-л-Факкар аш-Ширвани. Копии со списков Британского Музея.
- № 727 (№ 72-М *Адаб фариси*) ДИВАН ШАМС АД-ДИНА АТ-ТАБРИЗИ. Автор — Мухаммад ибн Али ибн Маликдад, известный как Шамс ад-Дин ат-Табризи, прозванный Шамсом (ум. в 645 г. х.=1247). Почерк — прекрасный *та'лик*, Переписан Джураби в городе Маймана в джумада I 1036 г. х. (18.1. — 16.11.1627). 120 листов, по 17 строк, размер 30x17.
- № 728 (№ 91-М *Адаб фариси*) Второй список *Дивана*. Почерк — та'лик, переписан Мухаммадом ибн Али ибн Хибаталлахом ибн Ни'маталлах ар-Рамхурмузи для эмира Али в ша'бане 861 г. х. (24. YI. — 22. YII. 1457). 712 листов, по 25 строк, размер 26x18 см.
- № 729 (№ 1 *Адаб фариси*) третий список *Дивана*. Без даты переписки. 143 листа, по 21 строке, размер 19 X 13 см. Конец отсутствует.
- № 730 (№ 130-М *Адаб фариси*) Четвертый список *Дивана*. Почерк — *та'лик*, без даты переписки. В составе сборника, объемом в 175 листов.
- № 740 (№ 43 *Адаб фариси*) ДИВАН'СА'ИБА. Автор — Мухаммад Али Са'иб ат-Табризи (ум. в 1088 г. х.=1677). Почерк — насх, переписан в 1121 г. х. (1709), 280 листов, по 19 строк, размер 23x13,5 см.
- № 741 (№ 76 *Адаб фариси*) Второй список *Дивана*. Почерк — *та'лик*, переписан в 1121 г. х. (1709), по 15 строк, размер 23x14 см.
- № 742 (№ 79-М *Адаб фариси*) Третий список. Почерк — *шикаста*, переписан Нухом в джумада II 1088 г. х. (VIII 1677). 273 листа, количество строк разное, размер 31x20 см.
- № 743 (№ 140-М *Адаб фариси*) Четвертый список. Почерк — насх. 597 листов, по 29 строк, размер 21x14 см. В конце списка Саки-наме этого же автора (на тюркском языке).
- № 744 (№ 4487-С) Пятый список. Переписан почерком та'лик в 1099 г. х. (1687). 307 листов, 19 строк.
- № 745 (№ 32 *Адаб фариси*) Шестой список. Почерк — та'лик. без даты переписки. 475 листов, по 31 строке.
- № 746 (№ 17 *Адаб фариси Тал'ат*) Седьмой список. Состоит из касид и газелей поэта на персидском и тюркском языках. Без даты и газелей поэта на персидском и тюркском языках. Без даты переписки, по 21 строке, размер 21x13 см.
- № 747 (№ 49 *Адаб фариси*) Восьмой список. Без даты переписки. 234 листа, по 17 строк, размер 23x12 см.

- № 748 (№ 73 *Адаб фариси Тал'ат*). Девятый список. Без даты переписки. В составе сборника (лл. 11 - 355), по 21 строке, размер 22 X 13 см.
- № 749 (№ 88 *Адаб фариси Тал'ат*) Десятый список. Почерк — та'лик, без даты переписки. 243 листа, по 17 строк, размер 24x14 см.
- № 750 (№ 88 *Адаб фариси Тал'ат*) Одиннадцатый список. Переписан Мухаммадом ибн Али 13 раджаба 1091 г. х. (10.VIII 1680). 234 листа, по 17 строк, размер 24x14 см.
- № 751 (№ 118 *Адаб фариси Тал'ат*) Двенадцатый список. Начинается с касид. Почерк — прекрасный та'лик, без даты переписки. 348 листов, по 21 строке, размер 25x14,5 см.
- № 752 (№ 122 *Адаб фариси Тал'ат*) Тринадцатый список. Переписан Мухаммадом Базми в 1133 г.х. (1701). 200 листов, по 21 строке, размер 19x11 см.
- № 753 (№ 1 *Адаб фариси, Халил Ага*) Четырнадцатый список. Почерк — та'лик, переписан 2 сафара 1260 г. х. (22. 11. 1844). 234 листа, по 23 строки, размер 23 X 18 см.
- № 754 (№ 68 *Адаб турки*) Пятнадцатый список. Переписан Низамом Мухаммадом Амини аш-Шарифи 20 джумада II 1079 г. х. (25.XI.1668). 200 листов, по 14 строк, размер 21x12 см.
- № 783 (№ 106 *Адаб фариси Тал'ат*) ДИВАН ФУЗУЛИ (персидский). Автор — Мухаммад ибн Сулейман, тахаллус Фузули ал-Вагдади (ум. в 975 г. х.=1567). Без даты переписки. 91 лист, по 16 строк, размер 20 X 14 см. Недостает конца (буква йа).
- № 789 (№ 27-М *Адаб фариси*) ДИВАН КАСИМА АНВАРИ. Автор — Али ибн Насир ибн Харун ибн Аби-л-Касим ал-Хусайни ат-Табризи, известный как Касими, а также Саййид Сафи ад-Дин и Касим Анвар (ум. в 835 или 837 г. х.=1431 или 1433). Почерк — та'лик, без даты переписки. 193 листа, по 17 строк, размер 17x12,5 см.
- № 790 (№ 28-М *Адаб фариси*) Второй список Дивана. Почерк — та'лик, переписан Халидом ал-Аурамани ал-Курани ан-Накшбанди в мухарраме 1270 г. х. (X 1853). 160 листов, по 21 строке, размер 23x16 см.
- № 791 (№ 29-М *Адаб фариси*) Третий список. Переписан в начале зулхиджжа 867 г. х. (VIII 1463). 296 листов, по 12 строк, размер 21x14 см.
- № 792 (№ 30-М *Адаб фариси*) Четвертый список. Посредине первого листа круговая надпись: "Переписан для книгохранилища величайшего султана, владыки всех народов, тени Аллаха над обеими мирами, кахрамана вод и земель, помощника султаната, мира и религии Абу-л-Фатха султана Халила Бахадура, да увековечит Всевышний Аллах его владычество и султанат и да переполнит оба мира его доброты и милости" (речь идет о султани Халиле Ак-коюнлу, который правил в 1478 - 79 гг). Без даты переписки. 259 листов, по 15 строк, размер 20,5x13 см.
- № 793 (№ 31-М *Адаб фариси*) Полный список. Переписан почерком *та'лик* Махмудом Нишапури в 896 г. х. (1464). В составе сборника.
- № 794 (№ 20 *Адаб фариси*) Шестой список. Без даты переписки. В составе сборника.
- № 795 (№ 4 *Адаб фариси Тал'ат*) Седьмой список. переписан в 857 г. х. (1453). 222 листа, по 17 строк, размер 17x13 см.
- № 796 (№ 26 *Адаб фариси Тал'ат*) Восьмой список. Переписан хорошим почерком Иар Мухаммадом ал-Джами 21 раби I 964 г. х. (22.1.1557).
- № 797 (№ 90 *Адаб фариси*) Девятый список. Переписан ас-Саййидом Мухаммадом ибн ас-Саййид Ахмад ибн Гул-Ходжа в ша'банае 856 г. х. (17.YIII. - 14.IX.1452). 191 лист, по 16 строк, размер 15x11,5 см.
- № 809 (М 9 *Адаб фариси*) ДИВАН ГУЛШАНИ. Автор — Ибрахим ибн Мухаммад ибн Ибрахим ибн Шихаб ад-Дин Айтогмыш ал-Амиди ал-Гулшани (ум. в 940 г. х.=1533). Без даты переписки. 440 листов, по 17 строк.
- № 810 (№ 88-М *Адаб фариси*) Второй список. Почерк *та'лик*, без даты переписки. 537 листов, по 17 строк, размер 22x16 см.
- № 814 (№ 52-М *Адаб фариси*) ДИВАН МУСАХИБА (возможно это Молла Хассан ат-Табризи). Почерк *та'лик*, без даты переписки. 20 листов, по 21 строке, размер 24x14,5 см.
- № 818 (№ 24-М Маджами' турки) ДИВАН ГУЛШАНИ (*мукаата'ат ируба'иййат*) Ибрахима Гулшани. В составе сборника. Почерк — *та'лик*, без даты переписки.
- № 826 (№ 50 *Адаб фариси Тал'ат*) ДИВАН НАСИМИ. Автор — Саййид Умар Имад ад-Дин, убитый в Халебе в 820 г. х. (1417). Почерк — похожий на *шикаста*. Вторая книга в сборнике (лл. 89 - 180), по 13 строк, размер 16 X 11.
- № 839 (№ 153-М *Адаб фариси*) ДИВАН ХУМАМА ТАБРИЗИ (избранное). Автор — Хумам ад-Дин ибн Ала'и ат-Табризи (ум. в 713 г.х.=1313). Переписан в 823 г. х. (1420). В составе сборника.

№ 897 (№ 5 *Адаб фариси*) РИСАЛА-И ХАКИКАТ АЛШИШК (Му'нис ал-ушшак). Автор — Рукн ад-Дин Аухади ал-Мараги ал-Исфахани (ум. в 827 г.х.=1423). Почерк — *та'лик*, без даты переписки. Восьмая книга в сборнике. 297 листов, по 19 строк, размер 12,5x7 см, конец; отсутствует.

№ 898 (№ 9-М *Маджами'фариси*) Второй список Дивана. Без даты переписки. В составе сборника. 302 листа.

№ 936 (№ 448 5-С) РИСАЛА СИ ФАСЛ. Автор Насир ад-Дин Мухаммад ибн ал-Хусайн ат-Туси. Без даты переписки. В составе сборника, с переводом на арабский язык.

№ 1000 (№ 11-М *Тасаввуф фариси*) РИСАЛА ФИ ТАРДЖУМА ХАЛ ИБН ИСКАНДАР. Автор — Ибн Искандар (Биографил Заин ал-Абидина аш-Ширвани). Почерк — *та'лик*. В составе сборника, без даты переписки (лл. 102 - 108), по 11 строк, размер 23x12,5 см.

№ 1006 (№ 31-М *Адаб фариси*) РИСАЛА ФИ ТАСАВВУФ. Автор — Али ибн Насир ибн Харун ибн Абу-л-Касим ал-Хусайни ат-Табризи, известный как Касими, а также как Касим Анвар (ум. в 835 г. х.=1431). Почерк — *та'лик*, переписана Махмудом ан-Нисапуре. 255 листов, по 15 строк, размер 20x14,5 см.

№ 1197 (№ 1 *Хай'а фариси*) РИСАЛА-И МУ'АЙЙАНИЙН. Автор — Насир ад-Дин Мухаммад ат-Туси. Четыре макал. Астрономия. Почерк — *та'лик*, переписана Дарвишем Гайби ибн ал-Хаджем, известным как ал-Каландари, в рамадане 869 г. х. (27.IV. — 26.V.1465). 77 листов, по 15 строк, размер 18x13 см.

№ 1262 (№ 11-М *Тасаввуф фариси*) РИЙАЗ АС-СИЙАХА (избранное). Автор Зайн ал-Абидин ибн Искандар аш-Ширвани (ум. в 1194 г. х.=1780). Почерк — *ша'лик*, без даты переписки. В составе сборника (лл. 108 - 117).

№ 1275 (№ 6-М *Тасаввуф фариси*) ЗУБДАТ ал-ХАКА'ИК ФИ КАШФ АД-ДАКА'ИК. Автор — Абу-л-Фадл Абдаллах ибн Мухаммад ибн Али ибн ал-Хасан ал-Мийанаджи ас-Сухраварди, известного как Айн ал-Кузат (умер распятым в 525 г. х. или в 533 г. х.=1130 или 1138). Без даты переписки, 178 листов, по 13 строк, размер 15x10 см.

№ 1276 (№ 22 *Тасаввуф фариси Тал'ат*) Другой список сочинения. Переписан в сафаре 957 г. х. (19.11 — 19.11.1550). В составе сборника (лл. 1 - 82), по 23 строки, размер 21x12 см.

№ 1277 (№ 36 *Маджами' фариси Тал'ат*) Третий список. Без даты переписки. В составе сборника (лл. 1 - 138).

№ 1278 (М 39 *Тасаввуф фариси Тал'ат*) Четвертый список. Без даты переписки. 131 лист, по 17 строк, размер 19,5x12 см.

№ 1279 (№ 68 *Тасаввуф фариси Тал'ат*) Пятый список. Почерк — *наسخ*, переписан 18 джумада 1965 г. х. (7.III. 1558). 178 листов, по 15 строк, размер 15x10 см.

№ 1280 (№ 482 *Маджами' Тал'ат*) Шестой список. Почерк — *та'лик*, переписчик — Музаффар ибн Сулайман. Без даты переписки. В составе сборника (лл. 32 - 135).

№ 1298 (№ 1 *Микат фариси*) ЗИДЖ ИЛХАНИ. Автор — Абу-Джа'фар Насир ад-Дин Мухаммад ат-Туси. Это сочинение — итог астрономических наблюдений в обсерватории, построенной Хулагу-ханом в Мараге. Состоит из четырех макал. Почерк — *наسخ*, без даты переписки. 136 листов, по 21 строке, размер 24x16 см. Имеются таблицы.

№ 1624 (№ 5-М *Тарих фариси*) АЛАМ АРАЙ-И САФАВИ. Сочинение Фазлаллаха Искендера ибн Рузбихана ибн Фазлаллаха ал-Хунджи ал-Исфахани, имеющего лакаб АМИНИ и известного как ХОДЖА МОЛЛА.

История шаха Аббаса I и его предков. Сочинение включает в себя события от смерти шаха Аббаса I (1038 г. х.) до восшествия на престол его преемника шаха Сафи. Почерк рукописи — *та'лик*, переписка закончена 23 джумада II 1001 г. х. (27.11.1593) и вероятно это авторский экземпляр. 148 листов, по 29 строк, размер 30x17 см. Часть первая сочинения.

№ 1625 (№ 4-М *Тарих фариси*) ЧАСТЬ ВТОРАЯ сочинения Рузбихана. Переписано прекрасным *та'ликом*, даты переписки не имеет. 34 листа, по 25 строк, размер 28,5x17 см.

№ 1703 (№ 20 *Луга фарисийя*) КАНУН АЛ-АДАБ ФИ ЗАБТ КАЛИМАТ АЛ АРАБ. Автор — Абу-л-Фадл Камал ад-Дин Хубайш ибн Ибрахим ибн Мухаммад ат-Тифлиси (ум. в 629 г. х.). Весьма ценная книга. Без даты переписки, 104 листа.

№ 1704 (№ 4 *Луга фарисийя Тал'ат*). Второй список сочинения. Без даты переписки. 344 листа, по 21 строке, размер 25,5x18 см.

№ 1705 (№ 1 *Ма'аджим фариси Теймур*) Третий список сочинения. Переписан Ма'маном ибн Усманом в 956 г. х. (1549). 250 страниц, по 31 строке, размер 33x26 см.

№ 1720 (№ 82 *аз-Закийя*) КРИТИКА ДАР ИСЛАХ ХАТТ ИСЛАМИ. Автор — Мирза Фатхали Ахундзада. Написана в сентябре 1868 г. в городе Тифлисе в ответ на статью Али Суави Эфенди относительно реформы арабского алфавита. Напечатана в газете "ал-Мухбир" от 13 джумада I 1284 г. х. (12.IX. 1867). Прислана из Лондона. Ответу на персидском языке предшествует указанная статья на тюркском и ее перевод на персидский язык. Текст на 24 страницах, по 12 строк, размер 27,5x18 см.

№ 1736 (№ 34 *Маджами' фариси Тал'ат*) КАСИДА ФАРИСИЙЯ ТА'ИЙЯ. Автор — Фадл ад-Дин ибн Али ал-Хакани аш-Ширвани. Без даты переписки. В составе сборника (лл. 136 - 150), по 15 строк, размер 20,5x14,5 см.

№ 1764 (№ 703 *Маджами' Тал'ат*) ПИСЬМО (Китаб) КАРА-ЙУСУФА ИЛХАНИ (Кара-Коюнлу) СУЛТАНУ БАЙАЗИДУ I. Копия письма на персидском языке, отправленного Кара-Йусуфом Илхани султану Байазид-хану ал-Усмани с просьбой о помощи против Тамерлана и копия ответа. Почерк — *та'лик*, без даты. В составе сборника (лл. 151 - 155).

№ 1788 (№ 4713-С) КИТАБ АН НИХАЙЯ. Автор — Абу Джа'фар Мухаммад ат-Туси. Почерк — *та'лик*. Переписана 17 мухаррама 1009 г. х. (1.VIII.1600), по 15 строк, размер 28x17 см.

№ 1799 (№ 172-М *Адаб фариси*) КАЛИМАТ АУХАДИ КИРМАНИ. Автор — Рукн ад-Дин Аухади ал-Мараги (ум. в 827 г. х.=1424). Без даты переписки, почерк — *та'лик*, в составе сборника (лл. 5 - 16, по 17 строк, размер 25x17 см).

№ 1808 (№ 172-М *Адаб фариси*) КАЛИМАТ КАСИМ АНВАР. Автор — Али ибн Насир ибн Харун ибн Абу-л-Касим ал-Хусайни ат-Табризи, известный как Касими и Касим Анвар. Избранное из его стихов. Без даты переписки, в составе сборника (лл. 59 - 63), по 17 строк, размер 25x17 см.

№ 1870 (№ 96-М *Адаб фариси*) ГАРШАСП-НАМЕ Абу Насра Али ибн Ахмада ал-Асади ат-Туси (ум. в 465 г. х.=1072). Написана в размере *Шах-наме* Фирдоуси. 9 тысяч бейтов. Поэма закончена в 458 г. х. (1066) и посвящена Абу Дулафу — правителю Аррана и Нахичевана. Переписана почерком *та'лик* в 1037 г. х. (1627), 132 листа по 31 строчке, размер 23x12 см.

№ 1910 (№ 153-М *Адаб фариси*) ГУЛ ВА НАУРУЗ Джалала Табиба (Хаким Джалал Ширвани), поэта VIII в. х. (XIV). Написана в 734 г. х. (1333), переписана в 823 г. х. (1420). Третья книга на полях сборника персидских стихов. Размер 25x16,5 см.

№ 1978 (№ 167-М *Адаб фариси*) ЛАЙЛИ ВА МАДЖНУН Низами Гянджеви. Поэма написана в 584 г. х. (1188) по просьбе владельца Ширвана Абу Музаффара Ахситана ибн Минучихра. Состоит из 4500 бейтов. Переписана почерком *та'лик* Маджд ад-Дином Али ибн Хидр-шах ибн Хасан-шах Бахрабади в джумада II 935 г. х. (10.11 — 10.11.1529). Третья книга Хамсы, состоящей из 336 листов, по 13 строк, размер 24x16 см.

№ 1979 (№ 28 *Адаб фариси Тал'ат*) Другой список поэмы. Без даты переписки. 92 листа по 25 строк, размер 21,5x15 см.

№ 1980 (№ 51 *Адаб фариси Тал'ат*) Третий список поэмы. Почерк обычный, без даты переписки. Вторая книга в сборнике (лл. 60 - 197), по 17 строк, размер 16x12 см.

№ 2116 (№ 138-М *Адаб фариси*) МАХЗАН АЛ-АСРАР Низами Гянджави. Первое маснави в *Хамсе* Низами, написанное им в 575 г. х. (1179). Посвящена ФАХР ад-Дину Бахрам-шаху (ум. в 622 г.х.) — правителю Арзинджана. Состоит из 20 *макала* по суфизму и этике. 1200 бейтов, почерк — *та'лик*, без даты переписки, 81 лист, по 14 строк, размер 24x15 см.

№ 2117 (№ 167-М *Адаб фариси*) Второй список поэмы. Переписан почерком *та'лик* Маджд ад-Дином Бахрабади в джумада II 935 г. х. Первая книга в *Хамсе* Низами, в сборнике, состоящем из 336 листов, по 23 строки, размер 24x16 см.

№ 2118 (№ 51 *Адаб фариси Тал'ат*) Третий список поэмы. Неполный в начале и в конце. Без даты переписки, в составе сборника лл. (1 - 59), по 17 строк, размер 16x12 см.

№ 2134 (№ 4483-С) МИР'АТ АЛ-МУХАККИКИН Са'д ад-Дина Махмуда аш-Шабустари (ум. в 730 г. х.=1329). Переписан почерком *та'лик* Абд ас-Самадом в 1294 г. х. (1877). В составе сборника (лл. 62 - 73).

№ 2135 (№ 4 *Маджами' фариси Тал'ат*) Второй список сочинения. Переписан в 1127 г. х. (1715), 21-я книга в сборнике (лл. 227 - 248).

№ 2136 (№ 24 *Маджами' фа* - 16).

№ 2138 (№ 4 *Маджами' фариси Тал'ат*) МАРГУБ ал-КУЛУБ Шамс ад-Дина Мухаммада Али ибн Маликдад ат-Табризи, известного как Шамс Табризи. Список переписан Шах Заталлахом ал-Кадери в мухарраме 1223 г. (1808). 14-я книга в составе сборника (лл. 129 - 139).

№ 2251 (№ 34 *Маджами' фариси Тал'ат*) МИФТАХ АЛ-БАДА'И ФИ САНА'И АШ-ШИ'Р Вахида ат-Табризи, написавшего сочинение для своего племянника Сафи ад-Дина. Закончил писать в 820 г. х. (1417). переписано в 1154 г. х. (1741). Пятая книга в сборнике (лл. 110 - 128).

№ 2252 (№ 122-М *Адаб турки*) МИФТАХ АС-СА'АДА ФИ УМУР АС-СИЙАСА ВА-С-СИЙАДА. Перевод на тюркский язык пяти последних глав Ахлак Насири Насир ад-Дина Мухаммада ат-Туси. Перевод Мустафы Фида, жившего в XIII (XVIII) в. Почерк — *та'лик*, без даты переписки. 68 листов по 15 строк, размер 16,5x30 см.

№ 2386 (№ 18 *Адаб фариси*) МАХР ВА МУШТАРИ Мухаммада Ассара ат-Табризи, завершившего свой труд 10 шаввала 748 г. х. (14.1.1348). Состоит из 5121 бейта, переписан почерком *та'лик* Абд ал-Азимом в 1114 г. х. (1702). Объем — 139 листов, по 16 строк, размер 14,5x8 см.

№ 2387 (№ 168-М *Адаб фариси*) Второй список сочинения. Переписан 12 раби II 898 г. х. (1.11.1493), 178 листов, по 15 строк, размер 22x13 см.

№ 2388 (№ 169-М *Адаб фариси*) Третий список сочинения. Переписан почерком *та'лик* Мир Хусайном ал-Катибом 19 рамадана 898 г. х. (4.VII. 1493). 197 листов, по 14 строк, размер 21x12 см.

№ 2389 (№ 170-М *Адаб фариси*) Четвертый список сочинения. Переписан Хасаном аш-Шарифом аш-Ширази 16 рамадана 961 г. х. (15. VIII.1554). 217 листов, по 12 строк, размер 25,5x15,5 см.

№ 2475 (№ 12 *Маджами' фариси*) НУКУЛ ФИ МАСА'ИЛ ФИКХИЙЯ. Абд ал-Карима аш-Ширвани. Без даты переписки. В составе сборника (лл. 82 - 93), по 23 строки, размер 22,5x18 см.

№ 2501 (№ 168-М *Адаб фариси*) ХАФТ ПАЙКАР (Бахрам-наме) Низами Гянджеви. Поэма написана в 593 г. х. (1196) и преподнесена Ала ад-Дину Корпа ибн Арслану — одному из потомков Ак-Сункура. Содержит 4600 бейтов. Переписана почерком *та'лик* Маджд ад-Дином ибн Хидр-шахом Бахрабади в джумада II 935 г. х. (10.11 — 10.11.1529). Четвертая книга в *Хамсе* Низами. В составе сборника, имеющего 336 листов, по 23 строки, размер 24x16 см.

"СЕФАРЕТ-НАМЕ" ОСМАНСКИХ ПОСЛОВ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОСМАНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

ПОСОЛЬСКИЕ грамоты или "сефарет-наме" представляют собой важный разряд исторических документов, значимость которых, в данном случае для истории России, неоспорима. Большая часть этих документов (а возможно, и все они) до сих пор неизвестна советским исследователям российско-османских отношений, и поэтому они тем более заслуживают публикации.

Кроме "сефарет-наме", предлагаемых вниманию читателя в данной публикации, в книге Фаика Решита Уната собрано еще 30 посольских грамот, составленных в разное время (с 1655 по 1845 г.) послами Османской Турции в различных европейских странах, Марокко и Иране.

Сборник "сефарет-наме" был подготовлен к печати покойным проф. Фаиком Решат Унатом еще в 1941 г. и представлен Турецкому историческому обществу, которое отправило рукопись для набора в Стамбул. Однако ЗДЕСЬ отпечатали ТОЛЬКО 10 листов и иллюстрации, и в 1949 г. отпечатанный материал был возвращен в Анкару, где он пролежал до 1968 г., когда Общество передало его проф. Б. С. Байкалу для завершения работы над ним. После внесения дополнений, исправления и доработки как изданной, так и неизданной частей книги проф. Б. С. Байкал передал ее в типографию. Все эти 42 "сефарет-наме" публикуются в книге в сокращенном виде. Автор не преследовал цели издавать их целиком, ибо этот труд занял бы несколько томов. Цель издания заключается в том, чтобы публикуемые резюме послужили специалистам своего рода путеводителем в дальнейших более детальных исследованиях.

К книге приложен список османских послов, направленных в различные страны до создания постоянных миссий в 1835 г., список послов (17 чел.), направленных в Россию в разное время (с 1514 по 1829 г.) и список русских послов (69 чел.), прибывших в Стамбул за период с 1497 по 1798 г.

Ниже приводится сделанный мною сокращенный перевод с турецкого языка 10 российских, двух прусских, бухарской и иранской "сефарет-наме".

1. Российская "сефарет-наме" (1135 г.х.=1722 - 23 г.) Посол — Мехмед Ага Нишли

В 1720 г. Россия направила в Стамбул посла Алексея Ивановича Дескова, которому удалось заключить новый договор с Османской империей. По этому договору османское правительство взяло на себя обязательство препятствовать претензиям ПОЛЬСКОГО королевства и отменило подати, выплачивавшиеся до этого русскими крымским ханам. Однако взаимное недоверие оставалось, и османское правительство сочло необходимым заключить с Россией союз против Ирана. С целью выяснения позиции России в этом вопросе в Москву был направлен посол Мехмед Ага Нишли, который выехал из Стамбула в начале октября 1722 г. и исполнял свою посольскую миссию до 17 февраля 1723 г.

Особенностью этой "Сефарет-наме" является то, что она составлена в форме дневниковых записей посла.

Заслуживают внимания обстоятельства встречи и беседы Мехмеда Аги Нишли в пути с разбитым Петром Великим казачьим гетманом. Интересны сведения о внутреннем устройстве России того времени. Посол отмечал, что на всем пути "он не встречал ни одной крепости, которую надо было бы осаждать войсками, все эти крепости подобны фортам, возведенным под угрозой нападения крымских татар, и некоторые из них укреплены частоколом".

После доставки писем султана и великого везира в Москву Мехмед Ага вступает в переговоры с делегацией, возглавляемой премьер министром. В состав делегации входил также бывший посол России в Стамбуле (в 1702 - 1714 гг.) Петр Андреевич Толстой.

После рассмотрения спорных вопросов посол ставит на обсуждение вопрос о возможности заключения между сторонами соглашения или договора о вечной нерушимой дружбе. Обсуждение этих вопросов продолжалось при неоднократных беседах с премьер-министром, а также во время встреч с царем Петром. Царь спросил у посла: "Ответы касательно союза из уст главы

---

* Статья опубликована в сборнике "Ближний и Средний Восток" (Баку: Элм, 1986, 3 - 24).

вашего государства вы слышали собственными ушами?" — желал услышать от посла заверение, гарантирующее османо-российский союз, базирующийся на взаимных интересах. Автор "Сефарет-наме" отмечает, что он лично слышал эти слова "в тайных покоях владыки их государства — султана" и предлагает царю уточнить это через придворных чинов, ведающих государственными делами.

Перед отъездом из Москвы посол присутствовал на смотре созданного царем Петром потешного полка, который сопровождал царя в Петербург.

Эта не исследованная до сих пор "Сефарет-наме" Мехмед Аги Нишли является важным историческим документом, повествующим о предварительных переговорах и подготовке почвы для заключенного в 1724 г. договора между Османским государством и Россией. Кроме этого документ знакомит с общественной и культурной жизнью Москвы того времени.

- 1. Публикации:** Тарих Весикалары Дергиси (ТВД)/Сб. исторических документов, № 10-12 Издан Ф. Р. Унатом).
- 2. Рукописи:** Топкапы Сарайи, Реван № 1313; Стамбульск.ун-т, фонд Йылдыз, № 270 (л.78 - 126).
- 3. Издания:** ТВД, № 10, 284 - 285; Ф. Р. Унат, 62 - 65.

2. Российская "Сефарет-наме" (1153 - 1155 г. х.=1740 - 1742 гг.)

Посол — Мехмед Эмни-паша

В 1736 г., когда отправленный на ПОМОЩЬ турецким войскам в Ширване крымский хан Каплан Гирей следовал через Кабарду и Дагестан, Россия, считал это вмешательством в ее внутренние дела, объявила войну Османскому государству. Затем в войну вмешалась Австрия. Война завершилась подписанием в Белграде 18 сентября 1739 г. договоров Турции с Россией и Австрией.

Было решено, что стороны направят друг другу послов с целью восстановления нормальных взаимоотношений. В Россию был отправлен посол Мехмед Эмни-паша.

Мехмед Эмни-паша по возвращении из России написал "Сефарет-наме", которая представляет собой важный документ по истории османо-российских отношении периода 1740 - 1742 гг. А поскольку эта "Сефарет-наме" составлена человеком, лично участвовавшим в описанных событиях, ценность этого документа неоспорима, тем более, что все написанное им существует ЛИШЬ в одном экземпляре, и документ этот никогда не публиковался.

Посол выехал из Стамбула 28 апреля 1740 г. 28 октября 1740 г. Мехмед Эмни-паша и российский посол, направленный в Турцию, генерал Александр Румянцев съехались на берегу Днепра, затем разъехались и Мехмед Эмни-паша отправился в Москву. В пути посол узнал, что в связи с болезнью царицы Анны Ивановны на российский престол был возведен трехмесячный царь Иван Антонович. Через некоторое время пришло сообщение о смерти Анны Иоанновны, и Мехмед Эмни-паша послал в Стамбул гонца с вестью об этом.

По пути в Москву Мехмед Эмни-паша побывал в столице казачьего края Голикове (Голикове), где местный губернатор "следит за обучением солдат, которые направляются на защиту крепостей, возведенных против нападения татар".

Во время пребывания в Москве Мехмед Эмни-паша стал свидетелем восшествия на российский престол нового царя, которого надлежало поздравить от имени султана. Но так как соответствующего султанского послания он не имел, то его поездка в Петербург была отложена. Посол выехал из Москвы через 40 дней. По пути в Петербург он видел большое количество конных и пеших войск и казаков. Посол пытался выяснить, куда и для чего следуют эти войска, но получал ответы, далекие от дипломатической этики.

Когда посол прибыл в Зимнегорье, то ЗДЕСЬ к нему приставили переводчика-грека по имени Йоргаки, присланного премьер-министром графом Остерманом. От Йоргаки посол узнал, что войска двигаются на Швецию, а так как у посла все еще не было султанского послания на имя нового царя, то его стали подозревать в неблагоприятных делах.

Наконец, в середине мая 1741 г. послание от султана прибыло, и посол речным путем был отправлен в Петербург. После Новой Ладogi их судно плыло по каналу, построенному царем Петром, и посол подробно описывает систему канала и работу его шлюзов.

За час до прибытия в Петербург их встретил генерал Небилов (так!), который дал прием в честь царицы (регентши) Анны ЛЕОПОЛЬДОВНЫ. В середине июня 1741 г. посол МЕХМЕД Эмни-паша "под звуки барабанов и труб" въехал в Петербург. Посол сразу же был принят мужем регентши князем Антуаном Ульрихом.

На следующий ДЕНЬ делегации встретились для переговоров, и была достигнута договоренность о заключении "соглашения о мире, благоденствии и дружбе". Еще через ДЕНЬ посол был принят регентшей, которой он вручил послание султана.

В августе 1741 г. стороны подписали особую записку из четырех пунктов, которые снимали возражения, возникшие после подписания договора в Белграде*. Одновременно согласование ее текста последовало и в Стамбуле, где записку подписал посол Румянцев.

Будучи в Петербурге, Мехмед Эмни-паша присутствовал на войсковых учениях, осмотрел Петергоф и его парки. Он посетил Петропавловскую крепость и судоверфь, где наблюдал спуск кораблей на воду.

В это же время в Петербург прибыл посол Ирана, который доставил сюда 14 слонов. Наконец, посол выяснил назначение войск, следовавших в Петербург. Началась война со Швецией, шведы были разбиты, потеряли крепость Вильманstrand и многих пленных.

В конце ноября 1741 г. посол был приглашен во дворец на прощальную аудиенцию. Ему были вручены послания садразаму, и он стал ГОТОВИТЬСЯ к отъезду из Петербурга. Но в это время, 5 декабря 1741 в столице произошел переворот и российский престол заняла ДОЧЬ Петра Елизавета. Мехмед Эмни-паша подробно описывает внезапную перемену власти в Петербурге. Посол узнал, что царица Елизавета в первый же ДЕНЬ своего царствования заявила, что будет продолжать дружбу с Турцией, начатую ее отцом Петром Великим.

Получив от новой администрации новые грамоты и послания, Мехмед Эмни-паша 12 декабря 1741 г. покинул Петербург.

30 марта 1742 г. послы Мехмед Эмни-паша и Румянцев разъехались на переправе через Днепр, и 20 мая 1742 г. османский посол возвратился в Стамбул, пробыв в России один год и ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ.

Рукопись "Сефарет-наме" Мехмед Эмни-паша хранится в Стамбуле, в библиотеке Моллы Мурада, № 1435. Не публиковалась (См. *Ф. Р. Унат*, 73 - 82).

3. Российская "Сефарет-наме" (1168 г.х. — 1755 г.)

Посол — Дервиш Мехмед Эфенди

По случаю восшествия на престол султана Османа III, в Россию был отправлен посол Дервиш Мехмед Эфенди. Он был в России дважды: в 1755 и 1764 г.

Посол выехал из Стамбула 16 декабря 1754 г. До Бендер из-за неустоявшегося санного пути он добрался через 30 дней. Отсюда выехал 19 февраля 1755 г. и через ПОЛЬСКИЕ земли добрался до российских пределов в Васильковке. Затем, проехав Киев, Козлуджу, Нежин, Тулу, Москву и Новгород, 23 апреля 1755 г. достиг Петербурга. Посол был встречен почетным караулом и остановился в резиденции на берегу Невы, близ дворца премьер-министра. Через два дня он вручил премьеру и второму министру письма садразама Бахир Мустафа-паши. 4 мая 1755 г. Дервиш Мехмед Эфенди был принят императрицей Елизаветой, которой он вручил послание султана.

Описав процедуру приема, посол далее приводит интересные сведения о Петербурге, о бале-маскараде в Зимнем дворце, о личных покоях императрицы, о Петергофе и его садах, о судоверфи и российском флоте.

25 июня 1755 г. посол нанес императрице прощальный визит, во время которого ему вручили ее послание султану. 24 июля 1755 г. Дервиш Мехмед Эфенди покинул Петербург. Через 42 дня он прибыл в Киев, через 11 дней - в Бендеры, а еще через 20 дней прибыл в Стамбул.

* Копия этой записки хранится в архиве Стамбульского университета фонд Йылдыз № 270, лл. 272 - 275.

"Сефарет-наме" Дервиша Мехмед Эфенди завершается изложением различных аспектов дружественных в те времена отношений Турции с Россией. Посол подробно описывает дорогу из Москвы в Петербург и рассказывает, как его принимали на всех стоянках.

Отдельно эта "Сефарет-наме" не публиковалась. В сокращенном виде включена в сочинение Васифа (Тарих-и Васиф, Стамбул, 1246 г.х., т. 1, 40 - 43). В ОЧЕНЬ сокращенном виде включена в Тарих-и Гюльшен-и Маариф, т. II, 1495 - 1498. ЕСТЬ сокращенный французский перевод Ж. дю Море (Журнал Азиатик, т. VIII, февраль 1826, 118 - 125).

- Копии:**
1. Топкапы, фонд Эманет (хазинеси), № 1439;
  2. Библ. Фатиха, № 829;
  3. Сеййат Хаким Тарихи (Топкапы, № 233, лл. 150 - 163).

Публикация: статья Кани Иртема в газ. "Акшам" от 15 июня 1942 г.: "Дервиг Мехмед Эфенди в Петербурге". См. *Ф. Р. Унат*, 99 - 102.

4. Российская "Сефарет-наме" (1171 г.х. — 1757-58 г.)

Посол — Шехди Осман Эфенди

Наиболее содержательная "Сефарет-наме" времени правления Османа III была написана послом в России Шехди Османом Эфенди.

Посол выехал из Стамбула 12 декабря 1757 г. В Бендерах он завершил экипировку и, проехав через польские земли, добрался до Киева. В "Сефарет-наме" приводятся сведения о Киеве, о дороге, ведущей в столицу России. Из Киева посол направляется в Нежин и через Глухов, Москву, Новгород прибывает в Петербург. ЗДЕСЬ к послу прикрепили переводчика — грека Константина и сопровождающего — уже известного нам Иоргаки.

В Петербурге посол был принят премьером Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым, которому он вручил ПИСЬМО садразама. Затем посла должна была принять императрица, но так как посол нарушил установленный при дворе этикет, императрица не стала с ним беседовать. Посол был принят 10 июля 1758 г., и он вручил императрице послание султана. Во время приема посол слушал и смотрел специально доставленных из Франции "певиц и музыкантов, которые играли на удивительных инструментах, пели и плясали,". Затем с послом беседовал племянник императрицы и ее наследник — будущий дарь России Петр III. После этого посол был приглашен к премьеру, с которым он беседовал, гулял по парку...

В "Сефарет-наме" подробно рассказывается о Петергофе и его садах и дворцах, о мастерских в окрестностях Петербурга. Посла возили в Кронштадт, где ему показали судоверфь и крепость, а затем он осмотрел корабли Балтийского флота, каналы и шлюзы, а также типографию.

21 августа 1758 г. Шехди Осман Эфенди нанес императрице прощальный визит, во время которого ему вручили ПИСЬМО султану. Императрица дважды приглашала посла в театр.

3 сентября 1758 г. посол выехал из Петербурга, осмотрев по пути по совету Елизаветы ее дворец в Царском Селе.

Посол дает весьма обширные сведения о городской жизни, климате Петербурга, его окрестностях, об организации русской армии и военного обучения.

1 октября 1758 г. посол Шехди Осман Эфенди пересек государственную границу России и 21 декабря 1758 г. возвратился в Стамбул.

Публикации: *Ф. Р. Унат*. "Сефарет-наме" Шехди Османа Эфенди. ТВД, 1942, № 1 - 5.

- Рукописи:**
1. Топкапы, Хазине, № 1577.
  2. Париж, Нац. библ., 1040. См. *Ф. Р. Унат*, 107 - 112.

5. Прусская "Сефарет-наме" (1177 - 78 г.х. - 1763 - 64 гг.)

Посол — Ахмед Ресми Эфенди

Первый контакт Османской империи с Пруссией произошел в 1721 г., когда главный конюший короля Фридриха Вильгельма Юрговский был отправлен в Стамбул под предлогом покупки лошадей. Основы дипломатических и торговых взаимоотношений Пруссии с Османской Турцией были заложены в 1732 г. 22 марта 1761 г. Фридрих Великий заключил с османами договор о дружбе и торговле. Главной же целью Фридриха было подорвать влияние России на Турцию и заключить с турками военный договор против нее.

В этой связи Фридрих Великий направил султану Мустафе III пространное послание, в котором пытался заверить султана в значении этого договора, с помощью которого он хотел заставить османов нанести России удар с юга и тем самым избавиться от врагов, окруживших Пруссию в семилетней войне. Однако садразам Коджа Рагиб-паша под влиянием посла Франции отверг предложение Фридриха.

Но в это время умерла императрица Елизавета и престол России занял друг Фридриха царь Петр III. Россия вышла из войны, а с другими противниками Фридрих легко справился сам, и война завершилась в его пользу. Теперь ПОМОЩЬ Турции была уже не нужна, а сближение Пруссии с Россией заставило заволноваться самих османов.

В середине июля 1763 г. из Стамбула выехал посол Ахмед Ресми Эфенди, который прибыл в Берлин через ПЯТЬ месяцев. В "Сефарет-наме", кроме сообщения о чисто прусских делах, излагаются беседы посла с Фридрихом, темой которых была политическая обстановка в Европе того времени.

"Сефарет-наме" Ахмеда Ресми Эфенди издана в Стамбуле в 1303 г. х.; в Берлине в 1859 г. и ВНОВЬ в Стамбуле в 1903 г.

См. *Ф. Р. Унат*, 112 - 116.

6. "Сефарет-наме" Неджати (1185 - 89 г.х. – 1771 - 75 г.г.)

Сардар Ибрахим-паша, сопровождающий Неджати Эфенди

Данное произведение не совсем похоже на "сефарет-наме". Оно состоит из двух частей: "Эсарет-наме", которая начинается с 9 октября 1769 г., т. е. со дня объявления Османской Турцией войны России, повествует о сражениях, которые привели к потере османами Крыма, о пленении сардара османских войск везира Ибрахим-паши и его пребывании в России. Вторая часть "Хуласат ал-итибар" посвящена разбору и анализу причин поражения османов в Крыму.

Произведение это является хроникой событий, начиная с 1769 г. кончая заключением, после поражения османов, перемирия в Кайнардже. Ряд документов этого труда не имеет аналогии в других хрониках и поэтому он особенно важен для историографии.

В своем труде Неджати Эфенди отмечает, что к началу войны жители Крыма и Ногай перестали повиноваться Османскому государству. Когда от крымчан потребовали транспорт для перевозки боеприпасов снаряжения османских войск, крымские мирзы заявили: "Нам теперь нет нужды в османском войске, ибо земля наша и ее поселения в запустении". Именно после этого, отмечает автор, и начались затруднения османских войск в Крыму.

Народ Крыма отказался ПОДЧИНЯТЬСЯ османам, и при первом же наступлении русских войск татарская конница рассеялась, поставив османов в весьма тяжелое положение.

Часть крымских мурз направила генералу письмо, в котором, в частности, говорилось: "Все мы — и крымский хан, и другие государственные деятели Крыма, и мирзы — решили, что лучше служить такому доброжелательному государству, как Ваше, чем быть подданными османов". В связи с этим сардар Ибрахим-паша отдал своим войскам приказ — вести себя в Крыму как во враждебной стране, население которой стремится к независимости и враждебно настроено в отношении османов.

Неджати Эфенди разузнал у некоторых проосмански настроенных крымчаков, что Максуд Гирей-хан тайно договорился с русскими и согласился сдать им Крым.

К весне 1771 г. османские войска перестали получать из Турции оружие и боеприпасы. В течение суровой зимы войнам не было доставлено никакой провизии и денег, что повлекло неповиновение и отказы выступить на фронт. Злоупотребления отвечавших за снабжение войск османов в Крыму (дефтердар Эмин-бей и интендант Исмаил Ага) еще больше способствовали разложению войска, и оно стало неуправляемым.

Когда сардар Ибрахим-паша решил выступить против русских у Перекопа и двинулся на Оркале, то оказалось, что крымские ханы уже сдали крепость русским. После этого войска османов стали в беспорядке отступать к Керчи и грузиться на корабли. Генерал Долгорукий приказал хану Крыма Сахиб Гирею и его брату Шахин Гирею окружить войска Ибрахим-паши. Ханы обратились к паше со словами: "Ради кого и ради чего вы воюете? Если ради Крыма, то мы уже сдали крепости Крыма русским и примирились с ними. А какая ПОЛЬЗА от вас? Положение османской армии известно, и будет лучше, если вы повернете назад".

Войска османов были разбиты, и именно в это время автор "Сефарет-наме" Неджати Эфенди попал в плен к русским. Он находился 48 дней под стражей в Кафе, где и узнал о бесславном конце турецких войск в Крыму.

Все старания сардара Ибрахим-паши выправить положение оказались тщетными. Русские захватили Керчь и вместе с войсками Шахин Гирея довершили разгром Ибрахим-паши. Во время захвата Кафы Ибрахим-паша вместе со своими 12 штабными офицерами были пленены русскими.

По просьбе Ибрахим-паши генерал Долгорукий прислал к нему его секретаря Неджати Эфенди.

Приведя в своем труде подробные сведения по географии Крымского полуострова, о городе Кафе и другие материалы по демографии и экономике Крыма, Неджати Эфенди начинает детальный отчет о пребывании сардара и его самого в России.

По приглашению императрицы Екатерины сардар в сопровождении 51 офицера и слуг выехал из Крыма в Петербург. Они добирались до столицы ШЕСТЬ месяцев и ДЕВЯТЬ дней и прибыли в Петербург 12 января 1772 г.

Первоначально Екатерина II интересовалась состоянием сардара Ибрахим-паши, но потом она охладела к нему. Когда Никита Панин пригласил сардара на прием Екатерины, тот отказался идти во дворец, после чего он сам и его люди 90 дней пребывали под домашним арестом. Через Панина паша все же добился свидания с Екатериной и был приглашен во дворец. На приеме присутствовал и Шахин Гирей.

Неджати Эфенди так описывает встречу Ибрахим-паши с императрицей: "Мы прибыли во дворец, где находилась императрица. Там было 10 залов по 50 аршин в длину и 25 — в ширину. Императрица сидела на возвышении. Справа от нее стояли фельдмаршал и Шахин Гирей со своими мурзами, а слева — женщины в генеральских чинах. Перед ней до половины зала стояли СПЛЮШЬ генералы, послы и прочие офицеры. Между императрицей и ими танцевали девицы, дамы и кавалеры. В течение часа императрица не обращала внимания на Ибрахим-пашу, играя в карты с послами. Когда игра закончилась, она с улыбкой посмотрела на Ибрахим-пашу и, встав с трона, начала беседовать с Шахин Гиреем.

Поговорив с придворными, она подошла к Ибрахим-паше, спросила о его ЗДОРОВЬЕ и повела слегка укоризненную беседу. Затем она вернулась и снова стала играть в карты. После этого Панин разрешил Ибрахим-паше вернуться в свою резиденцию".

В труде Неджати Эфенди ЕСТЬ также интересная глава "Сообщение о комедии", где рассказывается о посещениях пашой театров, оперы и т. д.

Неджати Эфенди приводит сообщения о договоре между крымским ханом Сахиб Гиреем и Россией, о прибытии в Петербург делегации Крыма во главе с Калгаем Шахин Гиреем для подписания договора.

После заключения договора в Кайнардже 10 февраля 1775 г. Сардар Ибрахим-паша выехал на родину.

Труд Неджати Эфенди не издан.

Рукописи: 1. Стамбул, Библ. Сулейманийя, фонд Эсата Эфенди, № 2278.

2. Библ. Фатиха, № 831;

3. Библ. ун-та, № 3880.

Часть труда ("О комедии") опубликована Селим Нюзхат Герчек в газете "Акшем" от 3 апреля 1943 г.

См. *Ф. Р. Унат*, 116 - 128.

7. "Сефарет-наме" Абдулкерим-паши (1188 - 90 г.х. - 1775 - 76 г.)

Посол — Абдулкерим-паша

После заключения договора в Кайнардже стороны решили обменяться ратификационными грамотами, для чего Россия и Турция торжественно обменялись посольствами. Султан назначил своим послом беглярбека Румелии Абдулкерима Эфенди. "Сефарет-наме" Абдулкерим-паши была составлена специально назначенным хронистом Мехмед Эмином Нахифи Эфенди.

28 января 1775 г. посол получил от султана послание императрице России и 2 февраля выехал из Стамбула. 25 августа посол добрался до Киева и пробыл там до начала сентября. В "Сефарет-наме" дается довольно-таки подробное описание Киева.

17 октября 1775 г. посол достиг окраин Москвы. 21 октября Абдулкерим-паша в торжественной обстановке, при стечении множества жителей въехал в Москву.

На следующий после вручения письма садразама премьер-министру, посол торжественно передал императрице и ее сыну Павлу подарки, а также декларацию об утверждении текста договора.

Императрица Екатерина II и наследник Павел в это время находились в Москве, и турецкий посол ежедневно посещал балы и приемы.

Часть "Сефарет-наме" посвящена описанию театров и оперы, а одна глава — балу-маскараду во дворце. С помощью Потемкина посол осмотрел личные покои императрицы.

В середине зимы императрица к наследник собрались в Петербург, и посол нанес ей прощальный визит, во время которого ему вручили послание императрицы султану.

8 февраля 1776 г. Абдулкерим-паша покинул Москву.

В конце "Сефарет-наме" приводится описание Москвы, ее сиротских приютов, монетной системы и ассигнаций.

1 июля 1776 г. Абдулкерим-паша пересек границу и 17 августа возвратился в Стамбул.

"Сефарет-наме" Абдулкерим-паши издана в Стамбуле в 1316 г. х.

Рукописи: 1, 2) Стамбул, библиот. Сулейманийя, фонд Эсата Эфенди, № 2281/1,2;

3) Стамб. ун-т, фонд Йылдыз, № 270 (лл. 420 - 472);

4) Каир, Т.К. № 207. См. *Ф. Р. Унат*, 129 - 133.

8. Бухарская "Сефарет-наме" (1201 - 05 г.х. - 1787 - 91 гг.)

Посол — Алемдар Мехмед Ага

Договор Екатерины II с Австрией о разделе османских земель, ее ПОМОЩЬ Греции и другие проблемы заставили Турцию по настоянию садразама Кара Йсуф-паши объявить в 1878 г. войну России (хотя султан Абдулхамид I колебался с принятием этого решения). Австрия была союзницей России, и это заставило Турцию разделить свою армию на два фронта. Поэтому русские войска без особых трудностей стали продвигаться вглубь турецких ЗЕМЕЛЬ, громя по пути османские войска.

Государственные деятели Турции стали думать об отвлекающем ударе, который заставил бы Россию рассредоточить свои силы. Для этого турки стали плести интриги на Кавказе и в Дагестане и пытались втянуть в войну с Россией Бухарское ханство, послы которого время от времени посещали Стамбул. С этой целью в конце 1786 г. в Бухару с султанским ПИСЬМОМ был отправлен Алемдар Мехмед Ага.

Близ Вана посол пересек иракскую границу как купец. Когда иранцы стали ВЫЯСНЯТЬ его ЛИЧНОСТЬ, он открылся им, и далее уже не таясь, следовал до Бухары. ЗДЕСЬ он вручил ПИСЬМО султана хану Шахмураду из династии Мангытов, который ТОЛЬКО что сверг с престола Саййида Мухаммада Гази из династии Джаниян (?).

Еще в пути посол узнал, что бухарцы, торгующие с русскими, не захотят портить своих отношений с Россией. Шахмурад-хан вызвал к себе посла и, отвечал на ПИСЬМО султана, сказал: "Мы представляем собой полк молящихся дервишей, и у нас нет сил, оружия и боеприпасов, чтобы драться с Москвой. А потом, я должен думать о передаче ханства своему сыну".

Бухарский хан отправил в Стамбул своего посла Мухаммада Бадибека, который, заявил султану, что главным врагом бухарцев являются не русские, а иранцы, которые постоянно вторгаются в их земли.

Через несклько дней войска Шахмурада вторглись в иранские земли, которыми тогда владел афганец Тимур-шах. В ответ на протест Тимур-шаха, бухарский хан заявил, что они напали на них по совету османов. А когда стало очевидно, что Тимур-шах бросит на Бухару большие силы, Шахмурад-хан решил отправить к нему турецкого посла как посредника.

Когда Алемдар Мехмед Ага прибыл в Кабул, он объяснил ситуацию Тимур-шаху. Однако посредничество посла успеха не имело, и Тимур-шах бросил свои войска на Бухару. Об успехах Тимур-шаха посол узнал в Кандагаре. Через Персидский залив, Басру и Багдад посол 26 июля 1791 г. добрался до Стамбула, где вручил султану привезенные письма и свое донесение.

"Сефарет-наме" Алемдара Мехмед Аги не издавалась.

См. *Ф. Р. Унат*, 141 - 143.

9. Прусская "Сефарет-наме" (1205 - 06 г.х. – 1790 - 92 гг.)

Посол — Ахмед Азми Эфенди

Во время османо-русской и османо-австрийской войн 1787 г. османское правительство, стремясь ослабить позиции России, хотело заключить союз со Швецией, в результате этих усилий 11 июля 1789 г. был подписан Бойковский договор.

Договор гласил, что Пруссия и Англия заключают между собой союз против России, вслед за этим в войну с Россией вступает Швеция, которая через Финляндию станет угрожать Петербургу. Вскоре Турция заключает с Пруссией договор о войне и обороне.

Султан Селим III надеялся, что Пруссия начнет войну с Россией, и с этой целью он 11 ноября 1790 г. отправляет в Берлин посла Ахмеда Азми Эфенди. Посол находился в Берлине 11 месяцев, имел много встреч, в том числе и с королем Фридрихом Вильгельмом, но все его попытки втянуть Пруссию в войну с Россией не увенчались успехом. А после подписания мирного договора с Австрией в Жистово и Ясского договора послу в Берлине было уже нечего делать и он вернулся в Стамбул ни с чем.

Кроме массы интересных сведений о Пруссии, Мехмед Азми Эфенди в своей "Сефарат-наме" приходит к таким выводам:

1. необходимо полностью ИЗЖИТЬ взяточничество, которое является причиной притеснений и разрухи в Османской империи;

2. надо провести чистку в государственных учреждениях и организациях и поставить во главе их специалистов;

3. каждый чиновник должен получать зарплату согласно его рангу;

4. чиновники должны увольняться с должностей только при совершении преступлений;

5. не давать возможности не специалистам занимать руководящие должности;

6. необходимо ВОСПИТЫВАТЬ у подчиненных желание перенимать опыт старших;

7. необходимо полностью обеспечивать солдат за счет государства и постоянно держать армию полностью вооруженной и экипированной.

"Сефарет-наме" издана в Стамбуле в 1303 г. х.; опубликована в "Вақыт" 21.VII — 5.VIII. 1942 г.

Рукописи: 1. Стамбул, Топкапы, фонд Эманет, № 1438;

2. Библ. Ун-та, фонд Йылдыз, № 387;

3. Библ. Сулейманийя, фонд Эсата Эфенди, № 2279;

4. Библ. Фатиха, № 825;

5. ГДР, Галле, библ. Об-ва германских востоковедов.

См. *Ф. Р. Унат*, 149 - 154.

10. Российская "Сефарет-наме" (1207 - 08 г.х. – 1790 - 94 гг.)

Посол — Мустафа Расих-паша

Через пять месяцев после заключения Жистовского договора, 9 января 1792 г. был подписан Ясский договор, согласно статье 13 которого Россия и Турция обязались обменяться

чрезвычайными послами. Предусматривалось, что обмен послами будет произведен в одном пункте на границе, и оба государства будут ОТНОСИТЬСЯ к послам одинаково предупредительно и с уважением.

Османское правительство назначало послом в России беглярбека Румелии Мустафа Расих-пашу.

"Сефарет-наме" Мустафы Расих-паши отличается от других посольских дневников своим стилем и более интересным содержанием материала. Эта "Сефарет-наме", как и "Сефарет-наме" Абдулкерима-паши, была написана не послом, а хранителем посольства Сеййидом Абдулла Эфенди.

23 января 1793 г. посол вручил в присутствии садразама Мелек-паши подарки султана Селима III императрице Екатерине II (перечень и описание подарков приводятся). 28 января посол был торжественно принят султаном, получил от него личное послание императрице и выехал из Стамбула. Через Андрианополь, Шумен и Силистрию посол прибыл в Бендеры, где он был торжественно принят воеводой Богдана (Молдавии) Михаилом и воеводой Валахии Александром Константином. В Бендерах должен был произойти обмен послами. ЗДЕСЬ же к послу России М. И. Кутузову-Голенищеву были определены церемониймейстеры Исмаил-паша и Абдулла-бей.

По настоянию русской стороны обмен послами произошел 17 июня 1793 г. на пароме посреди Днестра напротив Дубоссар.

Саййид Абдулла Эфенди довольно подробно описывает путешествие посла до Петербурга: остановки, расстояния между ними, СКОЛЬКО длилась стоянка — все это дано в виде таблиц. ПОСОЛЬСТВО везде принималось на высшем уровне.

18 октября 1793 г. ПОСОЛЬСТВО достигло Петербурга, где оно было встречено почетным караулом.

В обязанности посла входило вручить послание султана и его подарки Екатерине II и потребовать на основании статьи В Ясского договора возврата турецких пленнных.

На второй ДЕНЬ посол посетил премьер-министра Остермана, вручил ему ПИСЬМО садразама, затем он был у министра иностранных дел Безбородко. 25 октября 1793 г. посол был приглашен к императрице, где ей, наследнику престола, премьер-министру, министру иностранных дел и генералу Платону Зубову были вручены подарки султана. Подарки были вручены также двум СЫНОВЬЯМ и пяти дочерям наследника престола и невестке императрицы.

В "Сефарет-наме" отмечаются трудности, с которыми встретился посол во время обсуждения проблемы возврата пленных турок.

В ЧЕСТЬ посла Екатерина II дважды устраивала приемы. 21 января 1794 г. посол получил ответ Екатерины II на послание султана, ПИСЬМО премьера садразама, и 8 февраля 1794 г. Мустафа Расих-паша покинул Петербург.

Сеййид Абдулла Эфенди рассказывает в "Сефарет-наме" о вооруженных силах России, о парадной и повседневной форме войск, о ЖИЛЬЕ, условиях жизни и культурном уровне жителей. Приводятся также сведения об административном делении России, ее населении, городах и монетной системе.

"Сефарет-наме" ОТДЕЛЬНО не публиковалась.

Рукописи: 1) Стамбул, Топкалы, фонд Эманет, № 138;

2, 3) Библ. Фатиха, № 830, Рашида Эфенди, № 630/5 (лл. 39 - 82);

4) Сулейманийя, фонд Эсата Эфенди, № 228/1;

5) Библ. Ун-та, фонд Йылдыз, № 76;

6) Вена, Нац. библ., № 115;

7) Париж, Нац. библ., № 1125;

8) Каир, Т.К. № 178.

Часть "Сефарет-наме" опубликована Хайретдином Недимом в Стамбуле в 1333 г. х. См. *Ф. Р. Унат*, 162 - 168.

11. Иранская "Сефарет-наме" (1807 г.)

Посол — Сеййид Мехмед Рефи Эфенди

В 1807 г. возвратившийся из Ирана посол Турции составил для правительства "Сефарет-наме".

В то время шах Ирана Фатх али-шах начал войну с Россией, был побежден и русские войска начали продвигаться на юг, что обеспокоило не ТОЛЬКО Иран, но и османское правительство. Воспользовавшись этим, Наполеон предложил Ирану и Турции заключить тройственный союз против России и просил султана направить посла в Иран, чтобы обсудить это предложение. Основной же целью Наполеона было подорвать престиж Англии на Востоке и ВЫТЯСНИТЬ ее отсюда.

После побед над Австрией и Пруссией Наполеон готовился к захватнической войне против России и поэтому он возлагал большие надежды на Иран и Турцию, которые находились в состоянии войны с Россией.

В этой связи к Наполеону были направлены послы Турции и Ирана, а в Иран был послан Сейид Мехмед Рефи Эфенди.

Во время тайных встреч с иранскими государственными деятелями посол Турции пришел к выводу, что Иран — это не тот партнер, на которого можно в чем-либо ПОЛОЖИТЬСЯ.

В том же году турецкий посол возвратился в Стамбул вместе с послом Ирана Ага Ибрахимом.

Однако в это же время Наполеон заключил с Россией мир, и оказалось, что его предложение о тройственном союзе с Турцией и Ираном было всего ЛИШЬ политической уловкой.

Посол Ирана оставался в Стамбуле два месяца, но, ничего не добившись, возвратился в конце 1807 г. в Иран.

Публикации: Журн. "Тарих-и Османи Энджумени Меджмуасы", № 43, 44 за 1333 г. х. Откуда был взят текст и кем он издан — неизвестно.

Рукописи: 1. Анкара, фонд Турецк. историч. об-ва, № 53;

2. Стамбул, библиот. Фатиха, фонд Али Эмири, № 823;

3. Стамбул, рукоп. Ун-та, М 1246.

ОТДЕЛЬНО не издавалась.

См. *Ф. Р. Унат*, с. 203 - 205.

АББАС-КУЛИ-АГА БАКИХАНОВ ГЮЛИСТАН-И ИРАМ

От редактора*

Выдающийся историк, филолог, поэт, философ и ученый-энциклопедист первой половины XIX в. Аббас-Кули-ага Бакиханов является основоположником азербайджанской научной историографии, а его труд *Гюлистан-и Ирам* — первым монографическим исследованием академического плана.

После присоединения Азербайджана к России появилась целая плеяда местных историков и хронистов, каждый из которых внес в отечественную историографию свой вклад; ценность этих произведений с течением времени многократно увеличивается. Назовем здесь Керим-агу Фатеха Шехиханова, автора "*Сокращенной истории Шекинского ханства*" (1829), Мирза Адыгезал-бека, создавшего в 1845 г. хронику Карабахского ханства ("*Карабаг-наме*"), Мирза Джамала, автором другой "*Карабаг-наме*" (1847), Искендер-бека Гаджинского, автора "*Жизнеописания Фатхали-хана Кубинского*" (первая половина XIX в.), Мирза Ахмеда Мирза Худаверди оглу, автора хроники Талышского ханства (1883), Шейха Ибрагима Насиха, автора "*Истории Гянджи*".

Отдавая должное виднейшим представителям азербайджанской науки и культуры М. Ф. Ахундову, Г. Б. Зардаби, М. Казем-Беку, М. А. Топчибашеву и ряду других, мы должны признать, что особое место в развитии науки в Азербайджане и вкладе в изучение Востока принадлежит Аббас-Кули-аге Бакиханову (1794 - 1846).

Высокообразованный для своего времени, одинаково хорошо владевший основными восточными языками, русским, французским и даже ПОЛЬСКИМ, А. К. Бакиханов являлся автором целого ряда нравоучительных, лингвистических, поэтических, философских, логических, астрономических и географических сочинений. Не будем здесь анализировать эти произведения А. К. Бакиханова, ибо все они досконально изучены профессором Э. М. Ахмедовым, ведущая РОЛЬ которого в изучении наследия А. К. Бакиханова неспорима.

Передо мной стояла задача подготовки к изданию полного текста исторического сочинения А. К. Бакиханова *Гюлистан-и Ирам*, написанного самим автором на русском языке, причем текст этот не является адекватным одноименному его сочинению на языке персидском.

Для написания своего труда А. К. Бакиханов использовал огромное количество материалов и сведений о Ширване и Дагестане, почерпнутых им из сочинений римских, греческих, византийских, армянских, грузинских, арабских, персидских и турецких средневековых авторов и трудов современных ему авторов, в том числе и синхронных европейских и русских авторов. Широко использованы автором и литературные памятники, памятники материальной культуры, топонимии, нумизматики и эпиграфики.

Знакомство с *Гюлистан-и Ирам* заставляет читателя обратить внимание на огромную эрудицию А. К. Бакиханова, его подвижнический труд, энциклопедические познания и аналитический ум.

По существу труд А. К. Бакиханова является первым для своего времени исследованием, в котором отражены все достижения исторической науки того периода. Творчество Бакиханова СЛОЖИЛОСЬ на стыке двух, даже трех культур — традиционной восточной, новой европейской и русской. Можно сказать, что А. К. Бакиханов был для азербайджанской историографии последним хронистом средневековья и первым историографом, историком нового времени, в творчестве которого органически переплетались традиции восточного классицизма и синхронной для него русской и европейской науки.

Заслуга А. К. Бакиханова особенно значительна в связи с тем, что он первым подарил своему народу его отечественную историю, ибо народ, знающий свои корни и СВОЮ историю, стоит выше, чем народ, пребывающий в неведении. И *Гюлистан-и Ирам* именно та первая книга, которая содействовала формированию национального самосознания азербайджанского народа.

Сочинение *Гюлистан-и Ирам* на персидском языке было закончено А. К. Бакихановым в 1841 г. В 1844 г. с помощью Василия Кузьмина, служившего, как и А. К. Бакиханов, пере-

---

* Книга Аббас-Кули-ага Вакиханова "*Гюлистан-и Ирам*" опубликована в 1981 г. (Баку: Элм, 304 с.). Редакция, комментарии, примечания и указатели З. М. Бунятова.

водчиком при канцелярии Главноуправляющего Грузией, перевел Гюлистан-и Ирам на русский язык. Можно предположить, что А. К. Бакиханов к этому времени имел достаточные познания в русском языке и самостоятельно изложил свои изыскания, а Василий Кузьмин помогал ему шлифовать переведенный текст. Кроме Кузьмина большую ПОМОЩЬ при подготовке русского текста *Гюлистан-и Ирам* (тогда *История восточной части Кавказа*) оказал А. К. Бакиханову сосланный из ПОЛЬШИ на Кавказ писатель Тадеуш Лада Заблоцкий. Вероятно, это тот список, являющийся автографом самого А. К. Бакиханова, который хранится в Институте рукописей АН Грузинской ССР (фонд РОС, № 370).

Первоначально русский текст сочинения именовался *Историей Дагестана*, о чем свидетельствует Фридрих Боденштедт, который в 1844 г. писал: "Ученый хан приехал в Тифлис только на НЕСКОЛЬКО недель, чтобы организовать русский перевод "Истории Дагестана", написанный им на персидском языке". Далее Ф. Боденштедт пишет, что сочинение это "вышло в печати три года тому назад (1846) и дает непроверенный, но богатый материал для ознакомления со странами Прикаспия.

В 1844 же году русский текст сочинения был представлен командиру Кавказского корпуса генералу Нейгарду, который отправил его в Петербург военному министру России А. И. Чернышеву. В рапорте от 25 августа 1844 г. на имя министра генерал писал: "Аббас-Кули-ага Бакиханов написал Историю восточной части Кавказа от древнейших времен до Гюлистанского мира, заключенного 12 октября 1813 года". Министр представил рукопись Николаю I и 8 марта 1845 г. было объявлено, что император повелел "автору дать подарок в 800 рублей серебром, а сочинение его рассмотреть в Академии наук". 17 марта 1845 г. в Тифлис были отправлены бриллиантовый перстень и 800 рублей для вручения А. К. Бакиханову.

8 марта 1845 г. военный министр А. И. Чернышев отправил рукопись сочинения А. К. Бакиханова министру народного просвещения С. С. Уварову, который переслал ее в Академию наук для рассмотрения и вынесения заключения "о достоинстве этого сочинения". 21 марта 1845 г. вице-президент АН Долгоруков предложил специалистам "рассмотреть сию рукопись".

В протоколе заседания историко-филологического отделения АН от 16 мая 1845 г. в частности говорится: "Академики М. Ф. Броссе и Б. Дорн сделали очень интересное сообщение об Истории восточной части Кавказа, написанной полковником Аббас-Кули-ага Бакихановым из Баку... Она содержит ОЧЕНЬ важные сведения о различных географических местностях и дает научный обзор истории Ширвана и Дагестана, начиная от самых древних времен до наших дней, так что его книга может служить ценным дополнением к истории и географии стран Кавказа; она заслуживает, несомненно, внимания и одобрения".

Однако когда был поставлен вопрос об издании, тот же А. И. Чернышев послал 4 июля 1845 г. рукопись А. К. Бакиханова вместе с отзывом Академии наук и просил М. С. Воронцова сообщить "считает ли он полезным напечатание "Истории" Бакиханова в политическом отношении и если печатание будет разрешено, то какая именно сумма необходима в пособии на это полковнику Аббас-Кули-ага Бакиханову". 26 декабря 1845 г. тот же Чернышев пришел к заключению: "Я со своей стороны полагал бы "Историю" Бакиханова не печатать на казенный счет. Представить ему печатать "на свои собственные счет".

Лишенный возможности издать свой труд полностью, так как денег для этого он не имел, А. К. Бакиханов стал публиковать в периодической печати отрывки из своего произведения. В 1846 г. в петербургской газете *"Русский инвалид"* была опубликована часть сочинения А. К. Бакиханова — *О походах Надир-шаха в Дагестан* за подписью Кудси. Эта же глава под названием *О походах Шах-Надира в Дагестан*. Из истории восточной части Кавказа. Сочинение *Кудси Аббас-кули Бакинского* была напечатана в газете Кавказа и в том же 1846 г. перепечатана в *Сборнике газеты Кавказ*.

В Кавказе же позднее появилась еще одна выдержка из сочинения А. К. Бакиханова *Происхождение племен, населяющих нынешние закавказские провинции. Из записок полковника Аббас-Кули Бакиханова*.

Кроме этих публикаций ЕСТЬ сведения (правда недостоверные) о наличии изданного русского перевода исторического труда А. К. Бакиханова. Так, под годом 1844 в каталоге Тифлисской публичной библиотеки помечено: "История восточной части Кавказа. Составленная на персидском языке и переведенная на русский полковником Аббас-Кули Бакихановым".

В. В. Бартольд пишет: "первоначальную рукопись русского перевода я видел в 1908 г. в Тифлисе в библиотеке Кавказского музея. Рукопись носит название "История восточной части

Кавказа, составленная полковником Аббас-Кули Бакихановым"; после слова "составленная" красными чернилами другой рукой прибавлено "на персидском языке и переведенная на русский". Красными чернилами изменена дата, посвящения монарху (вместо "26 февраля 1844 года" написано "9 мая", сделаны поправки в слогe перевода". В. В. Бартольд приводит также сведения о русском переводе *Гюлистан-и Ирам* А. Золотунина, сделанном в 1875 г. в Дагестане, который в 1879 г. был прислан в редакцию газеты "*Каспий*" и позднее найден среди книг бывшего ее редактора А. М. Топчибашева".

В 1925 г. Джейхун Гаджибейли на заседании Азиатского общества сделал сообщение о найденном в Париже русском переводе *Гюлистан-и Ирам*. В статье, опубликованной в *Журнал Азиатик*, Джейхун Гаджибейли пишет: "по счастливой случайности я обнаружил русский вариант Гюлистан-и Ирам у одного кавказского эмигранта в Париже. Этот труд был также известен под названием "Дербенд-наме". С русского варианта была снята копия на машинке и переплетена. Она состоит из 320 страниц небольшого формата. Этот русский перевод имеет заглавие "История Ширвана и Дагестана".

Итак, *История восточной части Кавказа* отдельной книгой не издавалась ни под этим названием, ни под заголовками *Дербенд-наме* или *История Ширвана и Дагестана*.

В 1923 г. в Баку Азгосиздатом была выпущена *История Азербайджана* на азербайджанском языке, в которую целиком безо всяких исправлений включен переведенный с русского оригинала материал *Гюлистан-и Ирам* (до присоединения Азербайджана к России).

В 1926 г. в Баку Обществом обследования и изучения Азербайджана (вып. 4) впервые был издан русский текст труда А. К. Бакиханова *Гюлистан Ирам*. В основу этого издания было положено два русских сочинения: список Общества обследования и изучения Азербайджана (158 листов или 375 страниц), в котором отсутствует заключительная часть — глава о писателях Ширвана, и список библиотеки Госплана ЗСФСР (277 листов или 553 страницы). Кроме того при издании были использованы четыре списка *Гюлистан-и Ирам* на персидском языке: список Мир-Али Аскера, сына Мир-Абдаллаха Кубинского (переписан в 1882 г.), второй список этого же переписчика (переписан в 1884 г.), список Али Аббаса Музниба и список Азербайджанского литературного общества.

Наконец, в 1951 г. был издан азербайджанский перевод *Гюлистан-и Ирам*, сделанный с русского текста 1844 г.

Настоящее издание *Гюлистан-и Ирам* осуществляется по автографу А. К. Бакиханова, хранящемуся в Институте рукописей АН Грузинской ССР. Рукопись эта имеет 340 страниц. Текст ее отредактирован (Василием Кузьминым или Тадеушем Лада Заблоцким?), однако при этом было снивелировано своеобразие авторского стиля. А. К. Бакиханов, излагал свое сочинение на русском языке, мыслил, конечно же, на азербайджанском языке, которыми он владел одинаково. Мысли свои он старался переводить на русский, придавая им восточный колорит и соблюдал классику русской речи. На мой взгляд, после редактирования была утрачена прелесть бакихановского стиля, манера изложения потеряла первоначальную красоту. Поэтому я счел необходимым восстановить первоначальный авторский текст и таким представить его читателю. Я приводил к современным требованиям ТОЛЬКО имена собственные, не комментируя рассуждения в области этимологии и топонимии. Не добавлял я также и артикли к арабским и персидским именам и названиям.

При составлении комментариев и примечаний (а их около 950) я шел вслед за А. К. Бакихановым и перепроверил (за некоторым исключением) все его ссылки на цитируемые им источники и литературу. Это было не просто, так как А. К. Бакиханов использовал огромное количество разноязычных древних и средневековых ПИСЬМЕННЫХ источников и был знаком с большинством синхронных исследований, в которых имелись материалы по исследуемому им региону. Для времени А. К. Бакиханова это являлось подвигом в науке, ибо ни один исследователь Востока до него такой эрудицией не обладал. Читатель при знакомстве с указателем использованных им источников и литературы сам убедится в колоссальной эрудиции А. К. Бакиханова. Феноменальное для первой половины XIX в. творчество!

Для периода истории Ширвана и Дагестана (да и сопредельных стран тоже!) до XVIII в. сведения А. К. Бакиханова могут показаться читателю несколько упрощенными, но нужно учесть, что они приводятся впервые и отличаются оригинальностью. А. К. Бакиханов поистине вдумчивый исследователь, озабоченный описанием истории родного края, с которой он хотел познакомить своих соотечественников — и не ТОЛЬКО их!

Что касается истории Ширвана и Дагестана XVIII — начала XIX вв., то здесь А. К. Бакиханов предстает перед нами как блестящий ее аналитик. ВЕДЬ наша современная

азербайджанская историография до сего времени не имеет монографических исследований по истории Азербайджана периодов правления Надир-шаха, Сефевидов после шаха Аббаса I, Зендов, времени существования азербайджанских ханств (за исключением работ Г. Б. Абдуллаева по Кубинскому ханству и С. Б. Ашурбейли по Бакинскому ханству). В связи с этим мне пришлось оставить без комментариев множество имен и событий, особенно в части, касающейся истории Шекинского, Карабахского, Гянджинского, Бакинского и Ленкоранского ханств. Проблемы и лакуны в истории Азербайджана XVII — начала XIX вв. настолько велики, что труд А. К. Бакиханова *Гюлистан-и Ирам* до сего времени остается первоисточником по этому большому временному отрезку. Это не делает, конечно, чести большому коллективу сотрудников Института истории АН Азербайджана, призванному решать задачи, которыми был занят еще А. К. Бакиханов. Для создания серьезных исследований по истории Азербайджана периода XVI — начала XIX вв. необходимо использовать весь комплекс источников на всех языках, иначе все ограничится ТОЛЬКО написанием политической и военной истории, что на данном этапе развития науки уже не является достижением.

Труд А. К. Бакиханова *Гюлистан-и Ирам*, уникальный для времени создания, не теряет своей значимости и в наше время, а эрудиция А. К. Бакиханова, его энциклопедический талант должны быть примером для подражания и для нынешнего поколения азербайджанских историков.

В заключение считаю своим долгом ОТМЕТИТЬ труды профессора Э. М. Ахмедова, так много сделавшего для издания наследия замечательного представителя азербайджанской науки Аббас-Кули Бакиханова. Э. М. Ахмедов был настоящим подвижником, и пусть это издание станет своего рода данью памяти его многолетней деятельности по пропаганде творчества А. К. Бакиханова.

Выражаю признательность проф. В. Г. Гаджиеву за ПОМОЩЬ при составлении комментариев.

СОЧИНЕНИЕ ТАКИ АД-ДИНА АХМАДА АЛ-МАКРИЗИ
ИГАСАТ АЛ-УММА БИ-КАШФ АЛ-ГУММА
КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ МАМЛЮКСКОГО ЕГИПТА*

Абу-л-'Аббас Таки ад-Дин Ахмад ибн Али ал-Макризи (1364 - 1442) является автором многих весьма важных сочинений по социально-экономической истории Египта (эпохи Фатимидов, Аййубидов и мамлюков), Аббиссинии и Южной Аравии. Родился он в Каире, в СЕМЬЕ ханефитского проповедника и воспитывался соответственно в этом же духе, но повзрослев, перешел к шафиитам и стал врагом ханефитов. В дальнейшем он стал шафиитским проповедником и был имамом в мечети ал-Хакима, а также преподавал хадисы в медресе ал-Му'аййа-дийя. В 811 г. х. (1408) ал-Макризи был назначен мутаваллием больниц Каланиисийя и Нур в Дамаске и одновременно мударрисом в двух медресе — ал-Ашрафийя и ал-Икбалийя. В Каире он возвратился через ДЕСЯТЬ лет и, отойдя от всех дел, занимался ТОЛЬКО сочинительством. В 834 г. х. (1430) ал-Макризи совершил хадж и в течение пяти лет жил в Мекке. После продолжительной болезни ал-Макризи умер 27 рамадана 845 г. х. (9 февраля 1442 г.).

Как пишет акад. И. Ю. Крачковский, "эпоха мамлюков была свидетельницей расцвета жанра энциклопедии, при ней же достиг апогея историко-топографический жанр (хитат), благодаря если не последнему, то самому крупному представителю его — ал-Макризи".

Среди сочинений ал-Макризи — известный историко-географический и топографический труд *Китаб ал-Мава'из ва-л-и'тибар фи зикр ал-хитат ва-л-асар* ("Книга поучений и назидания относительно кварталов и памятников [Каира]") или просто ал-Хитат, над которым ал-Макризи работал почти 20 лет.

Второе крупное сочинение ал-Макризи — *Китаб Итти'аз ал-хунафа' би-ахбар ал-а'имма ва-л-хулафа'* ("Книга Поучения верующих через сообщения об имамах и халифах") является важным источником по истории Фатимидов.

Третье сочинение — *Китаб ас-сулук ли-ма'рифат дувал ва-л-мулук* ("Книга путей к познанию правящих династий - посвящено истории Египта эпохи Аййубидов и мамлюков Периода с 1181 по 1440 гг.

И, наконец, четвертое крупное сочинение ал-Макризи — *Китаб Игасат ал-умма би-кашф ал-гумма* ("Книга об истощении народа по причине бедствий").

В нашей стране материалом сочинений ал-Макризи пользуется в своих исследованиях в основном Л. А. Семенова и С. Б. Певзнер.

Последнее сочинение ал-Макризи *Игасат ал-умма би-кашф ал-гумма* остается пока что малоизвестным для широкого круга исследователей, хотя по некоторым аспектам оно превосходит другие его труды. В этом сочинении приводится перечень голодных лет, случившихся в Египте с древнейших времен до 808 г. х. (1405), т. е. года, когда ал-Макризи писал этот труд.

Ал-Макризи первый египетский историк, подвергший анализу социально-экономическую историю Египта. Приводя перечень голодных лет, сопровождаемых эпидемиями холеры и чумы и резким повышением цен на продукты питания, ал-Макризи ищет причины голода, приводит своеобразный прейскурант цен на все виды продовольствия, говорит о страданиях народа, об обогащении ВЛАСТЬ имущих, спекулянтов, купцов и ростовщиков. В этой связи он посвящает целую главу (с. 72 - 75) классовому составу населения Египта, что само по себе является удивительным и неожиданным для историка средневековья. Ал-Макризи делит население страны на СЕМЬ категорий: первая — сановники (*ахл ад-даула*); вторая — преуспевающие купцы (*ахл ал-йасар мин ат-туджжар*) и богачи — обладатели роскоши (*улу ан-ни'ма мин зави ар-рифахийя*); третья — торговцы (*ал-ба'а*), купцы среднего достатка (*мута-васситу ал-хал мин ат-туджжар*), а также те, кто состоял на жалованьи (*асхаб ал-мава'иш*); четвертая — крестьяне (*ахл ал-филх*), т. е. земледельцы и пахари (*ахл аз-зира'ат ва-л-харс*) и жители деревень и сел (*суккан ал-кура ва-р-риф*); пятая — беднота (*ал-фукара'*), куда входили учителя (*ал-фукаха*) и учащиеся (*тулаб ал-илм*); шестая — ремесленники (*арбаб ас-сана'и*), наемники (*ал-иджра'*) и слуги (*асхаб ал-михан*) и

* Статья опубликована в Известиях АН АзССР, СЕРИЯ истории, философии и права (1988, № 1, 151 - 152).

седьмая — обездоленные (*зу ал-хадна*) и несчастные (*ал-мискина*), т. е. нищие (*ас-су'аал*), т. е. те, "которые выпрашивают подаяния и живут благодаря им" (см. *Игасат*, 72 - 73).

Большой раздел ал-Макризи посвятил взяточничеству и ростовщичеству в государстве (43 и сл.).

В предисловии к своему труду ал-Макризи говорит, что причиной, побудившей его написать этот труд, были страшные голодные годы, начиная с 796 (1394) и кончая 808 г. х. (1405), свидетелем которых был он сам (см. с. 3 - 4, 41 - 43). Автор пишет, что ни один из правителей и вельмож Египта не предпринимал никаких мер для спасения бедствующих людей (с. 4), ибо все власть имущие были озабочены ТОЛЬКО личной наживой.

Одной из причин, побудивших ал-Макризи сделать толковый анализ экономической жизни Египта в годы голода и эпидемии, была смерть его единственной дочери от чумы в 806 г. х. (1403). И он написал это сочинение "в одну из ночей месяца мухаррама 808 года (29.VI — 28.VII.1405) (см. с. 86), хотя материал для этого сочинения у него был собран и подготовлен до этого.

Самый большой раздел сочинения (47 - 71), т. е. почти половина его, посвящен ал-Макризи исследованию монетного дела, чекану, весу и составу монет, начиная с первых мусульманских монет и до времени его жизни. Этот раздел сочинения ал-Макризи впоследствии выделил в отдельный трактат под названием *Шузур ал-'укуд фи зикр ан-нукуд* ("Камни ожерелий в рассказе о деньгах"). Трактат этот в Европе был издан почти 200 лет назад.

АБУ-Л-КАСИМ ХАЛАФ ИБН АББАС АЗ-ЗАХРАВИ

ТРАКТАТ О ХИРУРГИИ И ИНСТРУМЕНТАХ

Предисловие*

Что не излечивает лекарство, излечивает нож; что не излечивает нож, излечивает ОГОНЬ; что не излечивает даже ОГОНЬ, то нужно считать неизлечимым.

Гиппократ

Вторая половина X в. является "золотым периодом" в истории Кордовского халифата. В правление халифов 'Абд ар-Рахмана III (912 - 961), Хакама II (961 - 967) и Хишама II (976 - 1009) наблюдается расцвет во всех известных к тому времени областях знаний, но, пожалуй, самое большое развитие в это время получила медицина. В этот период в Кордовском халифате практиковало много известных врачей разных специальностей. Среди них можно назвать Йуниса ибн Ахмада ал-Харрани и его двух сыновей — Ахмада и Умара, Йахйу ибн Исхака, Сулаймана Абу Бакра ибн Таджа, Ибн Умм ал-Банина, Са'ида ибн 'Абд Раббихи, Абу 'Абд ал-Малика ас-Сакафи, 'Абд ар-Рахмана ибн Исхака ибн Хайсама, Абу Давуда Сулаймана ибн Джулджула и др.¹. Однако особое место среди них занимает Абу-л-Касим Халаф ибн 'Аббас аз-Захрави (известный в средневековой Европе как Абулкасис или Албукасис), уроженец основанного халифом 'Абд ар-Рахманом III города аз-Захра', неподалеку от Кордовы².

ПОСКОЛЬКУ дата рождения аз-Захрави в источниках не упомянута, исследователи принимают предположение, что он родился или в год основания города аз-Захра — в 936 г., или немного позже³. Нет в источниках сведений и об отце аз-Захрави, но можно предположить, что он каким-то образом был связан с ближайшим окружением халифа и с государственной службой или же участвовал в строительстве аз-Захры. О принадлежности отца аз-Захрави к привилегированным кругам есть одно упоминание в Семнадцатом трактате его сочинения. Тюбингенский, два стамбульских и парижский списки Трактата имеют в титулатуре аз-Захрави дополнение в виде *ал-Ансари ал-мутатаббиб* ("Врач из [рода] сподвижников [пророка Мухаммада]"). В период арабского завоевания Испании и после него большое число эмигрантов и военных из среды жителей Медины, в том числе потомков сподвижников пророка Мухаммада (ансаров), переселилось в Андалусию. По всей вероятности, родители аз-Захрави перебрались в город аз-Захру в 936 г. или вскоре после этой даты и здесь родился и вырос Абу-л-Касим Халаф ибн 'Аббас⁴.

М. Касири и К. Брокельман считают, что аз-Захрави жил и практиковал в самой Кордове⁵, однако в ленинградском списке Второго трактата аз-Захрави, говоря о знакомом ему человеке, пишет: Он был у нас в аз-Захре" (*кана индана би-з-Захра*)⁶. Это говорит о том, что своим основным местопребыванием Абу-л-Касим считал аз-Захру. Учитывая, что аз-Захра являлась, по сути, продолжением Кордовы (историк XIV в. Ибн 'Изари ал-Марракуши называет аз-Захру в числе 28 обширных пригородов или кварталов Кордовы⁷), можно заключить, что аз-Захрави имел практику и в столице халифата, и непосредственно при дворе халифа.

В венском списке Первого трактата сочинения аз-Захрави есть пометка о том, что аз-Захрави постоянно пользовался книгами и рукописями медицинского фонда халифской библиотеки в аз-Захре⁸.

Сведениями о практической деятельности аз-Захрави как врача-хирурга мы почти не располагаем и имеем ЛИШЬ скудные данные о ней, почерпнутые из его трудов или отрывочных замечаний о нем в сочинениях других авторов. Некоторые исследователи считают аз-Захрави придворным врачом халифа 'Абд ар-Рахмана III⁹, другие говорят о нем как о придворном враче халифа Хакама II¹⁰, третьи отмечают, что он служил обоим халифам¹¹.

Самое раннее сообщение относительно аз-Захрави мы встречаем в передаче историка Ахмада ал-Маккари (1591 - 1636), который, цитируя современника аз-Захрави, ибн Хазма (994 - 1064), сообщает: "Мы (т. е. Ибн Хазм) достигли совершеннолетия при его жизни и видели его и утверждаем, что поистине никто не сочинил по медицине больше, чем он"¹². Кордовский историк

* Издание текста, перевод с арабского, предисловие, примечание и указатели З. И. Буниятова. М.: Наука, 1983, 317 с.

Халаф Ибн Башкувал (1101 - 1183), автор биографического сочинения "Дополнение к истории имамов Андалусии", дает об аз-Захрави такую справку: "Халаф ибн 'Аббас аз-Захрави, по прозвищу Абу-л-Касим. О нем упоминает ал-Хумайди, который говорит, что [аз-Захрави] был из числа людей достойных, набожных и ученых. Наукой, в которой он особенно преуспел, была медицина, в ней ему принадлежит известное большое сочинение, ОЧЕНЬ полезное, свободное от излишних подробностей. Он назвал его *Китаб ат-тасриф ли-ман 'аджаза 'ан ат-талиф*. Это сочинение упоминается и восхваляется Абу Мухаммадом Ибн Хазмом, который говорит: "Поистине во всей медицине нет другого сочинения по части теории и практики в естественном [лечении] и во вправлении, и мы подтверждаем это". Он (аз-Захрави) умер после 400 [года хиджры] в Андалусии. Он упоминается также Ибн Сумайком в числе его учителей"¹³.

Эту биографическую справку об аз-Захрави Ибн Башкувал полностью взял из сочинения Абу 'Абдаллаха ибн Мухаммада ал-Хумайди (ок. 1029 - 1095), который был приятелем Ибн Хазма¹⁴. В СВОЮ очередь, у Ибн Башкувала эту справку заимствовал Ахмад ибн Йахья ад-Дабби (ум. 1203)¹⁵.

Как видим, ал-Хумайди и вслед за ним Ибн Башкувал и ад-Дабби отмечают, что аз-Захрави умер после 400 г. х. (25.VI-II.1009 - 14. VIII.1010)¹⁶. Лев Африканский датирует смерть аз-Захрави 404 г. х. (13. VII.1013 — 1. VII.1014) — годом, когда город аз-Захра был разрушен берберами¹⁷. На основании этих данных можно заключить, что аз-Захрави умер не ранее 1010 и не позднее 1014 г.¹⁸.

Видный исследователь арабского средневековья (в том числе мусульманской Испании) английский исламовед У. Монтгомери Уотт в предисловии к русскому изданию своей книги "Влияние ислама на средневековую Европу" пишет: "В период с 1100 почти до 1350 г. европейцы в культурном и интеллектуальном отношении уступали арабам, но не переставали УЧИТЬСЯ у них, переводя арабские сочинения на латынь, особенно примечательно влияние арабов в области философии и медицины, но весьма возможно, что и само европейское научное мировоззрение больше в долгу у арабов, чем мы предполагаем". Далее У. М. Уотт пишет: "...европейцы еще не отдают себе отчета, чем они обязаны мусульманской культуре. Порой мы преуменьшаем размеры и роль мусульманского влияния в нашем культурном наследии, а порой и вовсе забываем о нем. Наши добрые отношения с арабами и другими мусульманскими народами требуют, чтобы мы до конца осознали, в какой мере являемся их должниками — было бы ложной гордостью скрывать или отрицать этот факт"¹⁹.

Если средневековые арабы-медики считаются учениками таких выдающихся ученых, как Гален, Гиппократ, Диоскорид, Эгинета и др., то влияние самих арабских специалистов на европейскую медицину совершенно неоспоримо. В XII - XIII вв. на латынь и другие европейские языки было переведено огромное число арабских медицинских сочинений, в том числе и труды ар-Рази (Разес), Ибн Сины (Авиценны) и Абу-л-Касима аз-Захрави. На примере сочинений аз-Захрави можно судить об огромном и непререкаемом авторитете арабской медицины в Европе.

Энциклопедический, 30-томный труд Абу-л-Касима аз-Захрави "Руководство для того [врача], кто не в состоянии составить [таковое]" известен по таким источникам, как "Книга аз-Захрави" (*Китаб аз-Захрави*)²⁰ или как "Большая книга аз-Захрави" (*Китаб аз-Захрави ал-кабир*)²¹.

В связи с этим возникают предположения, что аз-Захрави имеет и другие сочинения, и, кажется, об этом свидетельствуют следующие слова Ибн Аби Усайби'и (1203 - 1270): "Ему (аз-Захрави) принадлежат известные труды (*тасаниф машхура*) в области медицины, но лучшим из них является его большая книга (*китабуху кабир*), известная как "Книга аз-Захрави". [У Халафа] ибн 'Аббаса аз-Захрави среди [его] книг есть *Китаб ат-тасриф ли-ман 'аджаза 'ан ат-талиф*, и это самое большое его сочинение и самое известное. Это действительно совершенная по смыслу Книга (*ва хува Китаб тамм фи ма'-нахи*)"²².

Выражение Ибн Аби Усайби'и тасаниф машхура привело многих последующих авторов к мысли, что у аз-Захрави были и другие сочинения по медицине. ЯСНОСТЬ в этот вопрос вносят слова ал-Маккари, который о главном сочинении аз-Захрави говорит во множественном числе: "Книги *ат-Тасриф (кутуб ат-Тасриф)* Абу-л-Касима Халафа ибн 'Аббаса аз-Захрави"²³.

Как известно, *Китаб ат-тасриф*, написанная аз-Захрави, состоит из тридцати трактатов (макала), каждый из которых представляет самостоятельное сочинение²⁴. С. Хамарнех и Гл. Зоннедеккер на основе изучения многих списков сочинения аз-Захрави составили полный перечень всех тридцати трактатов, составляющих *Китаб ат-тасриф*²⁵. Приводим перечень этих трактатов.

Трактат первый. Содержит главы об основах [медицинских] познаний, темпераментах²⁶, режиме, содержании медикаментов, примеры из анатомии и тому подобное. Все это представляет Введение в Китаб ат-тасриф.

Трактат второй. Классификация болезней, их симптомы и рекомендации по лечению²⁷.

Трактат третий. О древних (пастообразных) медикаментах²⁸, которые бродят и увеличиваются в массе.

Трактат четвертый. О приготовлении "большого" и других териак²⁹ и лекарств, [используемых] при всех [случаях] отравления.

Трактат пятый. Классификация древних и современных сложных слабительных³⁰, их увеличение в массе и брожение.

Трактат шестой. Классификация слабительных ПИЛЮЛЬ, [изготавливаемых] из горьких медикаментов и используемых при различных болезнях.

Трактат СЕДЬМОЙ. Классификация рвотных средств, клизм, пессариев (*ал-фирзаджат*), ректальных и вагинальных суппозиториев и бужей.

Трактат ВОСЬМОЙ. О приятных на вкус слабительных, которые просты и обычно безопасны при употреблении.

Трактат девятый. О лекарственных сердечных дозах, мускусе и тому подобном.

Трактат десятый. Классификация мироболанов³¹ и слабительные орешки.

Трактат одиннадцатый. Классификация электуариев (*джуваришукат*), куминов и подобных им пастообразных медикаментозных препаратов.

Трактат двенадцатый. О медикаментах возбуждающих, ведущих к ожирению, [средствах] против тучности, галактозе и тому подобном.

Трактат тринадцатый. Об обычных и укусных сиропах (*гиканджабинат*) и лекарственных желе (*рубб*).

Трактат четырнадцатый. О сильных ароматизированных и простых отварах и настоях, которые действуют как слабительное и противоположно этому³².

Трактат пятнадцатый. О консервах (*мураббийат*), их пользе, способах изготовления и хранения.

Трактат шестнадцатый. О слабительных и неслабительных порошках.

Трактат семнадцатый. О слабительных и вяжущих таблетках.

Трактат восемнадцатый. О чихательных капельных препаратах, окуриваниях, лекарственных порошках [для заживления ран] и полосканиях.

Трактат девятнадцатый. О парфюмерии, косметике и приготовлении ал-гавали³³ и подобного этому.

Трактат двадцатый о глазных примочках, мазях и компрессах.

Трактат двадцать первый. О пастах для зубов, медикаментах для полости рта и горла и подобное этим.

Трактат двадцать второй. О лекарствах, используемых при грудных болях и особенно при кашле.

Трактат двадцать третий. О перевязках всех ран на теле, начиная с головы и до пят.

Трактат двадцать четвертый. Об изготовлении пальмовой и других мазей, по Галену и другим.

Трактат двадцать пятый. О масляных эссенциях (*адхан*), их применении и точный способ их получения³⁴.

Трактат двадцать шестой. О диете для больных и многое о пользе для здоровья, изложенное в соответствии с болезнями.

Трактат двадцать седьмой. О свойстве медикаментов и пищи, об их лечебных, усиливающих и специальных качествах.

Трактат двадцать ВОСЬМОЙ. Об усовершенствовании медикаментов и о сжигании минеральных камней и [о том], что из этого может быть использовано при лечении.

Трактат двадцать девятый. О названиях лекарств на различных языках: замена одного лекарства другим, СТОЙКОСТЬ (СТАБИЛЬНОСТЬ ЛЕКАРСТВ-ПРОСТЫХ И СЛОЖНЫХ, ТОЛКОВАНИЕ сложных названий, имеющихся в медицинских книгах; меры и веса.

Трактат тридцатый. Краткое изложение [сведений] по хирургии: прижигание, рассечение, прокальвание, восстановление и экстракция.

Сочинение Абу-л-Касима аз-Захрави стало известно в Европе после перевода во второй половине XII в. его Тридцатого трактата на латынь Джерардом Толедским. Этот Трактат сразу же

стал настольной книгой и руководством для хирургов средневековой Европы. Из тридцати трактатов аз-Захрави более всех других переводился и издавался его последний трактат³⁵. Однако первый научный перевод Тридцатого трактата на латынь с параллельным арабским текстом был осуществлен ТОЛЬКО в 1778 г. Джоном Шаннингом³⁶. В 1861 г. этот Трактат аз-Захрави был переведен на французский язык Люсьеном Леклерком³⁷. В 1908 г. в Лакнау было осуществлено первое литографическое издание Трактата на арабском языке.

Публикация Л. Леклерка является первым критическим изданием Тридцатого трактата аз-Захрави. Издатель сопоставил ряд арабских рукописей, а также латинскую, еврейскую и французскую версии Трактата, имеющиеся во многих библиотеках европейских городов³⁸.

В 1973 г. М. Спинк и Г. Льюис издали первый английский перевод Тридцатого трактата с параллельным арабским текстом, выверенным на основе семи его списков³⁹.

Почему же медицинский мир Европы в средние века и историки медицины в наше время оказывают такое предпочтение Тридцатому трактату аз-Захрави, хотя на латынь были переведены и остальные двадцать девять его трактатов? Это объясняется тем, что этот Трактат выдвигал совершенно новые, неизвестные европейским специалистам идеи снятия боли болью (прижигание), дробления и извлечения камней из мочевого пузыря, необходимости кровопусканий и рассечений. Впервые в истории хирургии в этом Трактате приводится описание прижигания птозиса, фистулы в анальном и преданальном регионе, вывихнутого бедренного сустава и ишиаса, впервые описаны операции по удалению опухоли на кровеносных сосудах (аневризмы), удалению кисты под языком, извлечению пиявок, попавших в горло, операция по поводу перемежающегося тромбоза, впервые говорится о применении кетгута при сшивании ран, об ампутации при гангрене, о деформации челюсти. Не менее важным является то, что аз-Захрави впервые предоставлял врачам-хирургам ВОЗМОЖНОСТЬ ознакомиться с описанием более чем 200 хирургических и иных инструментов и объяснял способ их изготовления. Им впервые дано описание инструмента, применяемого при операции тонзиллита, скрытого скальпеля и его применения при абсцессах, впервые описан троакар для парацентоза, а также ножницы, спринцовка, литотрит и вагинальный расширитель.

Абу-л-Касим аз-Захрави разделил Тридцатый трактат на три главы. Первая глава состоит из 56 разделов, в которых рассказывается о прижиганиях, применяемых примерно при 50 болезнях; во второй — 97 разделов, в которых подробно описываются операции при помощи инструментов; третья глава имеет 35 разделов, посвященных лечению переломов, смещений костей и вывихов.

Списки трактатов аз-Захрави разбросаны по многочисленным рукописным хранилищам разных стран⁴⁰. В Советском Союзе есть рукописи трех трактатов из тридцати: списки Второго и Третьего трактатов хранятся в фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, а Тридцатый трактат находится в Рукописном фонде АН Азерб.ССР (М-398). Этот список сочинения аз-Захрави не зарегистрирован ни в одном из существующих каталогов.

Судя по бумаге, почерку и орфографическим данным, бакинская рукопись представляет собой один из старейших списков Тридцатого трактата аз Захрави. Рукопись частично реставрирована, текст колофона и л. 16 - 86, 109а - 1106, 115а - 1166, 147а - 155б подлинника утрачены и восстановлены скорописью. Кто-то из прежних владельцев рукописи, не обладавший, как видно, глубокими познаниями в арабском языке, восстановил текст истлевших и подточенных червями листов. Если вначале он делал это старательно, то к концу его почерк превратился в ДОВОЛЬНО небрежную скоропись с сокращением многих мест оригинала.

В бакинском списке отсутствуют л. 37аб, утрачен также и конец рукописи (предположительно л. 156б - 157а). Все эти лакуны были восстановлены нами по стамбульскому списку Трактата, микрофильм которого был нам предоставлен в Стамбуле⁴¹

Наша датировка бакинского списка Тридцатого трактата аз-Захрави XII в. основана не только на орфографических признаках, присущих рукописям этого времени. Несмотря на отсутствие колофона, почерк нашего списка идентифицируется. Дело в том, что до нас дошел банкипурский список этого Трактата, переписанный и иллюстрированный переписчиком бакинского списка. Банкипурский список хранится в библиотеке Худабахша в Патне (Индия). Список датирован 7 мухаррама 584 г. х. (8.Ш.1188) и считается самым ранним датированным списком Трактата. Следовательно, и бакинский список относится к XII в.⁴²

Бумага бакинского списка изготовлена из хлопка восточного происхождения, литая, толстая, потерявшая лоск от времени. Края многих листов обломаны. Изображения большинства

рисунков инструментов четкие, сделаны черной тушью, хорошей сохранности. Формат 19,5 X 14,5 см, на странице по 19 строк, листов 156, почерк — крупный насх.

Перевод Тридцатого трактата Абу-л-Касима Халафа ибн 'Аббаса аз-Захрави на русский язык осуществлен впервые. При переводе мы пользовались кроме бакинского также стамбульским списком Трактата, отсюда же взяты и вторые, параллельные изображения инструментов для сопоставления их и восполнения имеющихся лакун (в настоящей публикации в рисунках приняты следующие обозначения: буква Б — бакинский список, Т — стамбульский список Музея дворца Топкапы. Часть рисунков приведена в уменьшении).

Недавно в Рукописном отделе Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в архиве Фирковичей, был обнаружен фрагмент Тридцатого трактата аз-Захрави. Фрагмент состоит всего из шести листов и включает в себя конец, 19-го, 20-22-й, конец 24-го, 25-34-й и начало 35-го разделов третьей главы Трактата. Судя по бумаге, почерку и орфографии (полнейшее отсутствие диакритики), фрагмент является частью более древнего, чем бакинский, списка Тридцатого трактата аз-Захрави⁴³.

Следует ОТМЕТИТЬ, что узкоспециальное и чрезвычайно лаконичное изложение материала Абу-л-Касимом аз-Захрави обусловлено деятельностью его как врача-практика, да и цель была четкая — составление "Руководства" для практикующих врачей. Весьма вероятно, что авторский текст (автограф) имел не ТОЛЬКО диакритику, но в специальных и трудных для понимания местах имел также и огласовки. Однако в дальнейшем переписчики излагали текст по своему разумению, сокращали его, как могли, и в конце концов текст обрел тот вид, который он имеет в публикуемом факсимиле — трудночитаемый, с полнейшим отсутствием диакритики, не говоря уже об огласовках над терминами и названиями. В связи с этим каждый раздел Трактата был перепроверен специалистами (стоматологами, урологами, офтальмологами, хирургами и др.)

В передаче терминологии аз-Захрави мы старались избегать латинских терминов, однако ИСПОЛЬЗОВАЛИ те из них, которые вошли в русский язык, вытеснял в повседневной практике соответствующие русские слова (например, лигатура, экстракция, фрактура, абсцесс и др.) Иногда использовалось и латинское слово, и адекватное ему русское (фрактура — перелом, фистула — свищ и т. п.).

***

Приношу благодарность своему коллеге, профессору-арабисту, доктору исторических наук В. М. Бейлису за постоянное сотрудничество и редактирование моих переводов. Благодарю члена-корреспондента АМН СССР, доктора медицинских наук, профессора Б. Д. Петрова за редакцию и выверку медицинской терминологии перевода и за редакторское слово. Благодарю также сотрудника Республиканского Рукописного фонда С. М. Мамеделиева за снятие для меня фотокопии с рукописей и микрофильмов, а также сотрудника Института географии АН Азерб. ССР В. Вандровского и сотрудника Института клинической медицины Г. Осипова, сделавших кальки рисунков, и М. С. Азизова за каллиграфическое исполнение арабского текста.

Примечания

¹ Подробности о них и о других врачах этой эпохи см.: Ибн Аби Усай-би'а. 'Уйун ал-анба' фи табакат ал-атибба'. Каир, 1299 г. х. (1882), 35 и сл. (далее — Ибн Аби Усайби'а).

² Йакут ал-Хамави пишет, что аз-Захра — "маленький город близ Кордовы, в Андалусии, заложенный 'Абд ар-Рахманом ан-Насиром, нынешним владыкой этой страны, в 325 году (19.X1.936 — 7.X1.937). 'Абд ар-Рахман делил налоговые поступления в его казну на три части и одну треть тратил на возведение аз-Захры и ее нужды. Расстояние между Кордовой и аз-Захроб равнялось шести милям и еще пяти шестым мили" (Йакут, IV, 420) (1 милн=4000 локтей=1/3 фарсаха — примерно 2 км).

³ S. Kh. Namarneh. G1. Sonnedecker. A. Pharmaceutical View of Abulcasis al-Zahrawi in Moorish Spain. Leiden, 1963, 14 (далее - S. Namarneh).

⁴ Там же, 15. Об ансапах см. C. Brockelmann. Geschichte der Islamischen Volker und Staaten. Munchen, 1939, 17.

- ⁵ M. Casiri. Biblioteca Arabico-Hispana Escorialensis. Vol. 2. Madrid, 1770, 136 - 137; S. Hamarneh, 15; C. Brockelmann, GAL, I, 276.
- ⁶ Рук. ЛО ИВАН СССР, Д 169, л. 230аб.
- ⁷ Ибн 'Изари ал-Марракуши. Ал-Байан ал-мугриб фи ахбар ал-Андалус ва-л-Магриб. Т. 2. Лейден, 1951, 232.
- ⁸ Wien 476 A, f. 2a; S. Hamarneh 16.
- ⁹ См., например: P. de Gayangos. The Yistory of the Mohammedan Dynasties in Spain. Vol. 2, L., 1843, 149.
- ¹⁰ См.: E. F. Gurlt. Geschichte der Chirurgie und ihrer Ausubung. Bd. I. D., 1898, 620 Aldo Mieli. La science arabe et son role dans l'evolution scientifique mondiale. Leiden, 1938, с. 182; Ph. Hitti. History of the Arabs. L., 1946, 576.
- ¹¹ См.: H. W. Djjani, Geschichte der Arabischen Medizin in Spanien. Hamburg, 1934, 27.
- ¹² Ахмад ал-Маккари. Нафх ат-тибб мин гусн ал-Андалус ар-ратиб. II. 1861. Лейден, 119 (далее — ал-Маккари).
- ¹³ Ибн Башкувал. Ас-силат фи та'рих а'имма ал-Андалус. I. Каир, 1955, 162.
- ¹⁴ См.: Ибн ал-Хумайди. Джазват ал-муктабис фи зикр вулат ал-Андалус. Каир, 1952, 195, № 421.
- ¹⁵ См.: ад-Дабби. Бугйат ал-мултамис фи та'рих риджал ал-Андалус. I. Мадрид, 1884 - 1885, 271 - 272.
- ¹⁶ Ту же дату приводит и Хаджжи Хаифа (Кашф аз-зунун. Анкара, 1941, 441). См. также: C. Brockelmann, GAL, I, 276. Однако в дальнейшем (SB, I, 425) К. Брокельман со ссылкой на Льва Африканского датирует смерть аз-Захрави 404 г. х.
- ¹⁷ См.: J. H. Hottinger. Bibliothecarius quadripartitus. Zurich, 1664, 256; R. Dozy. Histoire de Mus. d'Espagne. Vol. 3. Leiden, 1861, 308 - 311.
- ¹⁸ См. также: S. Hamarneh 22.
- ¹⁹ У. Монтгомери Уотт. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976, 17, 19.
- ²⁰ Рук. Парижской национальной библиотеки, Ар. 5772, л. 526; см.: S. Hamarneh, 34.
- ²¹ Венская рук. 476 A, л. 115а; см.: S. Hamarneh, 34.
- ²² Ибн Аби Усайби'а, 52.
- ²³ Ал-Маккари, II, 119.
- ²⁴ См.: S. Hamarneh, 34 - 36.
- ²⁵ См.: S. Hamarneh, 37 - 41, 131 - 132.
- ²⁶ **Ал-амзиджа** (ед. ч. - мизадж) — темперамент, нрав, характер, натура. Четыре жидкие среды человеческого тела: кровь, флегма, желтая желчь и черная желчь.
- ²⁷ См. рук. ЛО ИВАН СССР, Д 169. О ней см.: V. Rosen. Collection scientifiques de l'Institut des langues Orientales du Ministere des Affaires Etrangeres. I. Les Manuscrits Arabes de l'Institute des Langues Orientalis... SPb., 1877, 92 - 99; № 173; C. Brocclmann, GAL, I, 239, n. 26, 1; SB, I, 425.
- ²⁸ **Ма'джун** (мн. ч. — ма'аджин) — мягкая лекарственная масса, приятно пахнущая и замешенная на меду или засахаренном фруктовом сиропе. Съедается или растворяется во рту.
- ²⁹ Первоначально употреблялся как противоядие при укусах змеи или диких животных. В дальнейшем применялся как общее противоядие. Некоторые териакис содержали большое число элементов, включая мясо змеи.
- ³⁰ **Ийараджат** — вид медикаментов, в которых преобладают горькие элементы, такие, как алоэ, смягченные или видоизмененные при помощи ароматических веществ или специй.
- ³¹ **Атрифулат** (Беруни. Избранные произведений. Т. IV. Таш., 1973, № 1097 — халиладж) — составной медикамент или лекарственная кашка, в состав которой входит мироболан.
- ³² **Наханих** — лекарство или комбинация лекарств, изготовленных кипячением, а затем для эффективности и приятности на вкус ароматизированных цветами и специями.
- ³³ **Ал-гавали** — в высшей степени пряный фармацевтический препарат, содержащий мускус, амбру и т. п.
- ³⁴ **Духи** (мн. ч. - адхан) — эссенции, которые получают из определенных субстанций посредством фармацевтических процессов. Такими субстанциями являются оливки, пшеница, кунжут, льняное семя и часто яйца. Для терапии в адхан примешивались роза, фиалка, жасмин, лилии, гвоздика, кардамон, укроп, тимьян и нарды. Подробнее об этом Трактате см.: S. Hamarneh, 77 - 126.
- ³⁵ S. Hamarneh 25 - 30.
- ³⁶ J. Shanning. Albucasis de Chirurgia. Arabice et latine. Vol. 1 - 2. Ox., 1778.
- ³⁷ [L. Leclerc.] La Chirurgie d'Albucasis. Trad. L. Leclerc. P., 1861.
- ³⁸ S. Hamarneh, 31.
- ³⁹ M. S. Spink, G. L. Lewis. Albicasis on Surgery and Instruments. L., 1973.
- ⁴⁰ Описание рукописей и списков сочинения аз-Захрави см.: S. Hamarneh, XI - XII, 130 - 133.
- ⁴¹ О стамбульской рукописи см.: F. E. Karatay. Torkari Sarayi Muzesi Kutubhanesi, Araca yazmalar ratalogu. C. III. Istanbul, 1966, 811 - 812, № 7225, Ahmet, III, 1990.
- ⁴² См.: Салах ад-Дин ал-Мунаджид. Ал-Китаб ал-'араби ал-махтут ила-л-карн ал-'ашир ал-хиджри. Каир, 1960, рис. 97, 98. Рукопись библиотеки Худабахша 2146, Банкипур 17. См. также: A. M. Azimu'd Din, Catalogue of the Arabic and Persian Manuscripts in the Oriental Public Library at Bankipore. Vol. IV. Calcutta, 1910, 28 - 36. Идентичность почерка (и рисунков) может быть легко установлена при сличении иллюстрации этих каталогов с нашим списком.

---

⁴³ Рук. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Фирк. Араб. 178. Приношу благодарность доктору филологических наук В. В. Лебедеву, обнаружившему данный фрагмент и приславшему мне его фотокопию.